ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 5-6
МАЙ—ИЮНЬ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1932

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая.—Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством (1) 1

Максимов А.—Об отражении классовой борьбы в современном естествознании. 16

Коштоянц Х. — Физиология и теория развития 54

Дарвин Ч. — Основы происхождения видов. (Первоначальный набросок теории, впервые выходящий на русском языке, с предисловием проф. А. Д. Некрасова) 89

Луппол И. — Мировоззрение Гете 117

Ангаров И. — К вопросу о меновой концепции социал-фашизма 148

Арисьян Л. — Каутский и теория факторов 172

Дынник М. — Неогегельянское обоснование фашизма Р. Кронером 199

Дониях Б. — Аграрный кризис в Индии 220

Быховский Б. — Принципы философии Гендрика де-Руа 236

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Шмидт К. — Теоретические маневры теоретика «левого» социал-фашизма . . . 276

Вендровский В. — По биологическим страницам журнала «Sozialistische Monatshefte» 294

Черноцов П.—За большевистскую партийность в теории пролетарского атеизма (По вопросу работ проф. Фаворского) 301

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

МАЙ—ИЮНЬ № 5—6 1932 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством (1), **Максимов А.** — Об отражении классовой борьбы в современном естествознании (16). **Коштоянц Х.** — Физиология и теория развития (54). **Дарвин Ч.** — Основы происхождения видов (89). **Луппол И.** — Мировоззрение Гете (117). **Ангаров И.** — К вопросу о меновой концепции социал-фашизма (148). **Арисьян Л.** — Каутский и теория факторов (172). **Дынник Мих.** — Неогегельянское обоснование фашизма Р. Кронером (199). **Дониях Б.** — Аграрный кризис в Индии (220). **Быховский Б.** — Принципы философии Гендрика Де-руа (236). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. **Шмидт К.** — Теоретические маневры теоретика «левого» социал-фашизма (276). **Вендровский В.** — По биологическим страницам журнала «Socialistische Monatshefte» (294). **Черцов П.** — За большевистскую партийность в теории пролетарского атеизма. (По поводу работ проф. Фаворского) (301).

Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством

I

Основоположники научного коммунизма Маркс — Энгельс открыли законы материалистической диалектики в итоге огромной научно - исследовательской работы, проделанной над изучением, усвоением и переработкой всего положительного знания, накопленного человечеством. Ими было изучено все предшествующее историческое развитие: история человеческого общества и его экономического развития, история природы, история развития животного мира, история наук, искусства. Ими была проделана большая работа по изучению, критике и преодолению существовавших философских систем. Они подвергли жесточайшей и уничтожающей критике вульгарно-механический материализм, философские системы Канта, Гегеля и их эпигонов. Они подвергли критическому пересмотру различные утопические и мелкобуржуазные теории социализма. Некоторые результаты всей этой работы ими были изложены в «Немецкой идеологии», которая до сих пор полностью еще не увидела света и, надо полагать, в ближайшее время будет издана Институтом Маркса — Энгельса — Ленина.

Мировоззрение пролетариата — диалектический материализм — является результатом всего предшествующего развития наук и итогом исключительно большой критической и политической работы Маркса—Энгельса.

В работе по развитию, углублению и применению своего учения Маркс—Энгельс постоянно исходили из предварительной работы по изучению конкретного материала различных областей общественной жизни и явлений природы. Каждый шаг вперед в их теоретическом развитии был основан на всестороннем и глубоком изучении законов развития действительного мира. Гениальное произведение Маркса «Капитал», в котором он дал исчерпывающую критику капитализма, открыл и об'яснил законы развития капитализма, обосновал историческую роль пролетариата, указал его путь и задачи в осуществлении его конечной цели — уничтожение капиталистического общества и построение коммунизма — эта работа Маркса является продуктом 25-летнего неустанного труда. Маркс изучил не только все предшествующие экономические теории, но и всю действительную и с т о р и ю развития экономики, техники, науки, он изучил большой конкретный материал из развития капитализма всех стран и отдельных отраслей производства, даже и отдельных предприятий, изучил историю и опыт революционной борьбы трудящихся и особенно опыт борьбы рабочего класса.

Работая над теоретическим исследованием капиталистических производственных отношений в той форме, какую они приняли в результате долгого исторического развития во второй половине XIX столетия, Маркс подвергает резкой критике предшествующую буржуазную политическую экономию, пользуясь методом диалектического материализма, подвергает основательному теоретическому и критическому разбору Прудона и других экономистов, собирает колоссальный фактический материал по вопросам истории капитализма, по вопросу о капиталистических формах хозяйства, о капиталистической эксплоатации, излагает гениальные свои выводы еще в ранних своих работах «О наемном труде и капитале», «О свободе торговли» и т. д. Только в результате такой гигантской работы Маркс смог дать такую неувядаемую работу, как «Капитал».

Энгельс, прежде чем написать свою книгу «Анти-Дюринг», являющуюся одним из лучших произведений по философии марксизма, проделал точно так же исключительную работу по изучению истории естествознания, существовавших в его время теорий в области естествознания, изучил конкретное применение в практике промышленности законов естествознания. Во всех случаях основоположники марксизма открытые законы считали действительными и правильными лишь постольку, поскольку они были основаны на изучении большого конкретного фактического материала, проверены опытом, подтверждены практикой. Именно такое понимание диалектического материализма имел в виду Энгельс, когда он неоднократно повторял, что наша теория — не догма, а руководство к действию. Маркс и Энгельс постоянно издевались и подвергали уничтожающей критике тех, кто, вместо того, чтобы использовать материалистическую диалектику как руководящую нить теоретического исследования, как руководство к действию, занимался пустым теоретизированием, подменяя подобной спекуляцией действительный научный анализ конкретной действительности.

Маркс в «Нищете философии» разоблачает Прудона в том, что он гегелевскую диалектику не перерабатывает, а просто старается подогнать известные ему явления общественной жизни под категории гегелевской диалектики. Энгельс в «Анти-Дюринге» разоблачает Евгения Дюринга и других ему подобных за игру бессодержательными категориями, оперирование этими категориями как самостоятельными сущностями. Энгельс разоблачает «мировую схематику» г-на Дюринга, его «открытия окончательных истин в «последней инстанции», его тощие и бессодержательные, пошлые экскурсы во все области науки без достаточного изучения этих областей знания, фактов сюда относящихся, без изучения истории развития этих наук. Столь же решительной критике со стороны Маркса и Энгельса был подвергнут Лассаль, который вместо серьезного изучения и преодоления гегелевской диалектики ограничился лишь переложением ее на свой, даже более туманный, чем у Гегеля, язык.

Энгельс неоднократно указывал, что изучение теории марксизма не только не освобождает от необходимости серьезного изучения конкретной действительности, фактических данных, а наоборот, именно предполагает это изучение, и что без такого изучения марксизм перестает быть действительно революционным оружием в руках пролетариата. Всю силу и мощь своей теории Маркс — Энгельс видели в том, что она неразрывно связана со всем развитием науки и с практикой рабочего движения.

Вот почему с такой страстью и энергией боролись Маркс и Энгельс против всякого рода вульгаризаторства, против поверхностной, никчемной болтовни о категориях диалектики без изучения конкретных отношений действительности.

На их историческом пути пришлось неоднократно встретиться с подобного рода явлениями. Прежде всего им пришлось преодолеть еще до революции 1848 года широко распространенную в Германии философскую спекуляцию, бесплодную гегельянщину — после разложения гегелевской школы. Борьба со всякого рода мелкобуржуазными теориями, с Прудоном, с Лассалем, с Дюрингом, с Ланге и другими теоретиками недоучками, путанниками и вульгаризаторами, возникавшая в разные периоды их деятельности, наполнена между прочим и борьбой по той линии, о которой мы здесь говорим. Энгельсу даже и в 90-х годах приходится вести борьбу с подобного рода упрощенчеством.

В нашей действительности мы имеем, особенно за последний период времени, появление и развитие всякого рода упрощенческих попыток, вульгаризаторского извращения материалистической диалектики. Эти вульгаризаторские попытки коренятся несомненно в непреодоленной еще до конца деборинщине, в гегельянщине меньшевиствующего идеализма, в бесплодной и схоластической игре «категориями диалектики»» без изучения действительности, без знания фактов, без исследования закономерностей развития. Эти современные вульгаризаторы играют наруку как механистам, так и меньшевиствующему идеализму, дискредитируя позиции диалектического материализма.

Приведем здесь некоторые высказывания Маркса и Энгельса из характеризованной выше борьбы, высказывания, которые прямо и непосредственно бьют наших современных горе-диалектиков.

Вот как характеризовал в свое время Маркс Лассаля в своем письме к Энгельсу:

«Тут что ни слово, то промах, и притом преподносимый с удивительной претенциозностью. По одному этому замечанию я вижу, что в своем втором большом труде парень намерен преподнести политическую экономию по-гегелевски. Но тут он к величайшему огорчению увидит, что одно дело путем критики довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — приложить абстрактную, готовую логическую систему к намекам такой же системы» [1]).

Вот что писал в 1870 г. Маркс Кугельману относительно Ланге:

«Таким образом, чтобы анализировать борьбу за существование, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «Struggle for life», а эту фразу под мальтусовскую фразу о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежды и лености мысли» [2]).

К числу таких же презрительных замечаний по адресу вульгаризаторства относятся и следующие высказывания Маркса и Энгельса:

«Вообще для многих более молодых писателей в Германии слово материалистический служит пустым звуком, который применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание науки есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегельянства» [3]).

В «Анти-Дюринге» о законе отрицания отрицания Энгельс, опровергая Дюринга, писал:

«Итак, если Маркс называет этот процесс отрицанием отрицания (т. е. процесс движения капиталистического способа производства), он вовсе не думает доказать этим историческую необходимость процесса. Напротив, после того, как он исторически доказал, что этот процесс частью уже совершился и частью еще должен совершиться, — только после этого он характеризует его как процесс, совершающийся согласно известному диалектическому закону» [4]).

Наконец приведем еще одно место из «Нищеты философии» Маркса. Он писал:

«...в нашем мире вещи представляют собой лишь узоры, для которых логические категории служат лишь канвой. Этим-то и отличается философ от христианина. Вопреки логике, христианин знает лишь одно воплощение

---

[1]) Маркс о Лассале, письмо от 1 февраля 1858 г.
[2]) Маркс о Ланге, письмо от 27 июня 1870 г.
[3]) Энгельс — Конраду Шмидту, 5 авг. 1890 г.
[4]) Энгельс, Анти-Дюринг, отд. изд. 1928 г., стр. 122.

Logosà («Слова»); у философа нет конца этим воплощениям. Все существующее, все живущее на земле или в воде может быть сведено с помощью абстракции к логической категории; удивительно ли, что весь реальный мир может таким образом потонуть в море абстракций и логических категорий» [1]).

Со свойственной Марксу глубиной мысли ставит он в цитированном выше письме к Лассалю важнейший вопрос относительно переделки науки на базе диалектического материализма. Задача по его мнению заключается в том, чтобы при помощи критики довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически. Диалектически переработать науку — это значит, по Марксу, настолько овладеть материалом ее, чтобы стихийная диалектика, необходимо в ней имеющаяся, стала сознательной; это значит критически пересмотреть данные достижения науки, всю историю ее развития, проверить ее на опыте рабочего движения. Это значит наконец настолько обработать основные категории данной науки, чтобы в их диалектике развития была выражена, отражена диалектика развития об'ективного мира. Вся работа, проведенная Марксом по подготовке «Капитала», свидетельствует именно о такой работе. «Капитал» — история и логика капитализма. Политическая экономия марксизма — подлинная наука, доведенная Марксом до высшего своего уровня.

Следующее важнейшее указание, которое необходимо помнить каждому изучающему марксизм, — это мысль Энгельса о том, что марксистский метод не рычаг конструкции или «реконструкции», если говорить современными терминами, а только введение к изучению самой жизни. Именно исходя из такого понимания метода материалистической диалектики, смогли дать Маркс и Энгельс свои гениальные работы по философии марксизма, по вопросам диалектики природы, по историческим и экономическим проблемам.

Продолжая традиции Маркса—Энгельса в духе творческого марксизма, своим примером и своей теоретической деятельностью Ленин на протяжении всей истории партии вел борьбу с вульгаризаторством марксистской теории, борьбу за глубокое научное изучение марксистами экономических, политических отношений новой эпохи, борьбу за подлинное проникновение в живую диалектику живой жизни, борьбу против приклеивания диалектических ярлыков к событиям, процессам, явлениям без достаточного их анализа. Как зло высмеивает Ленин в своей работе «Что такое друзья народа» Михайловского за его «понимание» диалектической триады! С какой политической, партийной страстью борется он против меньшевиков, против Троцкого, против Плеханова за их опошление диалектики в годы революции 1905—1907 гг.! Какой классовой ненавистью дышат ленинские строки против ренегата и «проститутки» Каутского, превращавшего марксизм в пошлятину и софистику с целью оправдания империалистической бойни! Как резко бичует Ленин Розу Люксембург, вульгарно извращающую марксизм

[1]) Маркс, Нищета философии. т. V, стр. 361—362.

по национальному вопросу! Как глубоко растолковывает Ленин Киевскому (Пятакову) его непонимание и вульгаризацию диалектики Маркса в применении к вопросу о характере империалистической войны и национальной.

Ленин борется против «коммунистических начетчиков и хвастунов», которые приносят вред нашему делу, потому что считают достаточным поверхностно усвоить коммунистические лозунги, достаточным нахвататься того, что излагается в коммунистических книгах и учебниках без умения эти знания претворять в жизнь. Ленин ведет жестокую драку против «коммунистического» зазнайства, против комчванства, — против тех, которые думают, что можно решать крупнейшие исторические и теоретические задачи по методу «нам все нипочем», «шапками закидаем».

В своем известном выступлении на III с'езде комсомола с исключительной ясностью и простотой подчеркивает Ленин задачу действительного овладения всем знанием, накопленным человечеством. Обращаясь к с'езду комсомола, он говорил: «Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистами, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из человеческих знаний, является марксизм» [1]).

Эти строки Ленина имеют самое непосредственное отношение к наблюдающемуся вульгаризаторству материалистической диалектики, ибо несомненно, что одним из источников его является то, что многие наши естественники, литераторы, глубоко зараженные духом деборинщины, считали достаточным для себя усвоение коммунистических лозунгов, усвоение диалектических формул для перестройки науки без глубочайшего изучения самой науки. Красной нитью проходит по работам Ленина мысль о том, что марксизм не вырос в стороне от столбовой дороги науки, а что, наоборот, он является высшим научным обобщением, а вместе с тем критической переработкой всего наиболее ценного, что было дано всей научной мыслью за период до Маркса.

Ленин подчеркивает, что «Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука» [2]) (разрядка наша).

Однако и здесь, как бы предвидя механистическое, правооппортунистическое понимание этих положений, сводящихся к некритическому отно-

[1]) Ленин, т. XXV изд. 3-е, стр. 386—387.
[2]) Там же.

шению к буржуазной науке, к буржуазным специалистам, к оппортунистической постановке задачи усвоения буржуазной науки такой, какой она есть, Ленин не забывает подчеркивать ту линию, какую вел Маркс, какую вел, ведет и должен вести марксизм в науке. Эта линия заключается в том, что марксизм не просто усваивает буржуазную науку «как она есть». Марксизм критически относится к ней, перерабатывает ее, отсекает ее реакционные черты или стороны. «Все то, что было создано человеческим обществом, — пишет Ленин про Маркса, — *он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания*. Все то, что человеческой мыслью было создано, он переработал, подверг критике, *проверив на рабочем движении*, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли» [1]) (разрядка наша).

II

Под руководством нашей партии на теоретическом фронте за последние два года проведена большая борьба за чистоту марксистско-ленинской теории, против всякого рода оппортунистических, меньшевистских, троцкистских, меньшевиствующих теорий, протаскивавших под флагом верности ленинизму, под знаменем марксизма чуждые марксизму идеи. Искусная маскировка враждебного идейного товара, тщательное прикрывание его ссылками на Маркса, Энгельса, Ленина, все более и более тонкая фальсификация тех или других сторон нашего мощного теоретического оружия, наконец контрабандное протаскивание контрреволюционных троцкистских идей — таковы формы классовой борьбы на идеологическом фронте в настоящее время. Верная традициям Ленина партия под руководством т. Сталина нанесла им жесточайшие удары, разоблачила рубинщину, рязановщину, меньшевиствующий идеализм, троцкистскую контрабанду Слуцких — Альтеров и т. д.

Однако борьба на идеологическом фронте отнюдь не прекращается теперь, как это проповедуют правые оппортунисты. Враждебные марксизму течения — в условиях, когда классовая борьба диктатуры пролетариата против разбитых, но еще не уничтоженных полностью в нашей стране врагов ее продолжается, — крайне живучи; разоблаченные на том или другом участке теоретической работы, они пытаются закрепиться на другом месте, пытаются выступить под каким-нибудь новым знаменем, пытаются так или иначе извратить или дискредитировать марксистско-ленинское учение.

За последний период времени мы имеем известный рост вульгаризаторства как на философском фронте, так и особенно на фронте естествознания.

В процессе всей борьбы на философском фронте с деборинщиной, с механицизмом приходилось не раз сигнализировать об опасности упрощенчества, которое прорывалось то по одному, то по другому вопросу. Если

[1]) Ленин, т. XXV изд. 3-е, стр. 386—387.

брать область философии марксизма, то здесь опасность упрощенчества особенно ярко проявилась по следующим вопросам: а) об отношении теории и практики, б) об отношении философии и политики, в) о понимании существа меньшевиствующего идеализма и его теоретических истоков, г) и наконец по вопросу об оценке исторической роли и места Плеханова в развитии диалектического материализма.

Из того обстоятельства, что в процессе борьбы с деборинским отрывом теории от практики необходимо было со всей остротой подчеркивать роль и значение практики как критерия истины, как исходного пункта в познании и как примата, что необходимо было подчеркивать роль и значение революционной практики в деле изменения мира,—всякого рода вульгаризаторы и упрощенцы делали совершенно механистические выводы о соотношении теории и практики. Руководящая роль и значение революционной теории для них пропадали. Из необходимости вести решительную борьбу с отрывом теории от практики всякого рода вульгаризаторы и упрощенцы делали и делают такие выводы, которые приводят их к плоскому эмпиризму, к позитивизму, к ревизии марксистско-ленинской точки зрения по вопросу о теории и практике с другого конца, к реставрации вульгарно-механистических концепций. Борьба с такого рода попытками опошления марксизма, борьба с такого рода отступлениями от марксистско-ленинской теории особенно остро стоит перед нами на данном этапе, когда серьезная, глубокая теоретическая продукция является важнейшей нашей задачей.

Из того обстоятельства, что в процессе борьбы с меньшевиствующим идеализмом необходимо было с особой остротой бороться против деборинско-каревско-стэновского отрыва философии от политической борьбы, против превращения нашей философии в какую-то сверх- и надполитическую область, в «связку методологических ключей», только и дающую по мнению деборинцев «нашим политикам» возможность вести правильную линию (причем меньшевиствующие идеалисты сами себя и выставляли в качестве хранителей этих «ключей»), наши упрощенцы и вульгаризаторы начали отождествлять непосредственно философию и политику, не видя здесь никаких переходных звеньев. Из какой-нибудь философской ошибки автоматически выводился ими непосредственно политический уклон и наоборот. Вот этакого рода вульгаризаторские упрощения приводят к прямому механическому, непосредственному переносу политических лозунгов и задач в область науки без учета своеобразия данной области, данного конкретного материала. Отсюда же и та волна опошления революционных лозунгов и партийных решений, которая прокатилась по ряду наших естественно-научных журналов, о которых мы дальше еще скажем. Сюда же относятся и вульгаризаторские попытки ликвидации философских основ марксизма под видом непосредственного отождествления ленинского этапа в развитии философии марксизма с ленинской теорией пролетарской революции.

В своей резолюции по вопросу о положении на философском фронте, принятой почти два года назад, 14 октября 1930 года, бюро

ячейки Института красной профессуры философии и естествознания подчеркивало эту опасность упрощенчества. В резолюции было сказано: «Нужно повести борьбу с опасностью сузить базу материалистической диалектики, сведя ее только к задачам изучения текущего момента. Такого рода ползучему эмпиризму надо дать решительный отпор, так как он ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Однако не менее решительный отпор должен быть дан тем, кто подобно «философскому руководству» разговорами «о всей совокупности человеческого знания» пытается отделаться от актуальных проблем переходного периода, от конкретных вопросов и практики социалистического строительства» [1]).

Из того обстоятельства, что в противовес всем установкам деборинщины необходимо было со всей остротой поставить задачу действительного освоения и разработки ленинского философского наследства, задачу разоблачения и критики ошибок Плеханова, его отступлений от диалектического материализма, вульгаризаторы и упрощенцы стали третировать Плеханова как «дохлую собаку», предлагали все его философские работы выбросить в помойную яму истории.

Выше цитированная резолюция отмечала и эту опасность. В ней сказано, что необходимо вести борьбу с попытками «огульного метафизического отрицания исторических заслуг Плеханова» — его философских работ, высоко оцененных Лениным, с недооценкой положительного содержания многих его философских работ на том основании, что он якобы «буржуазный демократ». С таким неисторическим, софистическим, глубоко вредным подходом необходимо вести решительную борьбу» [2]).

В своей резолюции «Об итогах философской дискуссии», опубликованной в «Правде» 26 января 1931 г., бюро ячейки ИКП философии и естествознания принимает специальный пункт, направленный против упрощенческого подхода к вопросу о понимании меньшевиствующего идеализма. В этой резолюции сказано: «Наряду с этим собрание ячейки ИКП философии и естествознания считает необходимым указать на опасность упрощенческого понимания меньшевиствующего идеализма. Такие представления пытаются свести всю суть меньшевиствующего идеализма только и исключительно к меньшевистскому прошлому Деборина и этим по существу ограничиться в своей критической работе, не понимают социальных корней, которые имеет идеалистическая ревизия марксизма-ленинизма в условиях диктатуры пролетариата. Об'ективно такие представления направлены против поставленной выше задачи разворошить все написанное Дебориным и его соратниками по философии».

Именно потому, что в процессе всей философской дискуссии и борьбы с деборинщиной одновременно давался решительный отпор всякого рода вульгаризаторским попыткам, именно поэтому мы имели такое быстрое разоблачение деборинщины, именно поэтому борьба с деборинщиной была проведена

[1]) Сборник «За поворот на философском фронте», стр. 212.
[2]) Там же.

на достаточно высоком теоретическом уровне на базе подлинной науки диалектического материализма.

Переходя к проявлениям упрощенчества на фронте естествознания, необходимо напомнить некоторым нашим естественникам то, что ими было позабыто, а именно—пункт из резолюции от октября 1930 г. по вопросу о задачах на фронте естествознания.

В резолюции по этому вопросу сказано: «Необходимо повести борьбу с получившим широкое распространение среди естественников явлением: формальным признанием диалектики механическим склеиванием «диалектических формул» и конкретного материала естествознания. Этому глубоко вредному явлению, дискредитирующему позиции диалектического материализма в области естествознания, необходимо противопоставить такую работу, когда диалектика становится действительным орудием и методом научного познания».

Вот эта борьба в достаточной мере не была проведена. Вот почему так своевременно и остро поставил эту задачу теперь т. Стецкий в своей статье в «Правде».

В печати приводилось уже немало примеров такого рода вульгаризаторских попыток, проникших на страницы ряда наших технических и естественно-научных журналов. Несомненно, что нет ни одной области естествознания, медицины, начиная с физики и кончая венерологией, стоматологией, в которой не протаскивались бы буржуазные, идеалистические теории. Надо сказать, что в целом ряде областей медицины до настоящего времени имеют например широкое хождение у нас реакционные расовые теории происхождения тех или иных заболеваний, совершенно идеалистические, виталистические концепции по вопросу о природе болезней. Ясно, что эти «теории» не могут не оказывать своего влияния на проблемы, связанные с дальнейшим развитием этих областей медицины, с практической постановкой лечебного дела и т. д. Практика социалистического здравоохранения подчас упирается в необходимость решительного разоблачения подобного рода псевдонауки. Широко известно например наличие и господство в течение длительного времени на фронте охраны труда буржуазных, меньшевистских теорий. Задача научных работников в каждой из этих областей естествознания, медицины, начиная с химии и кончая хирургией и стоматологией,— вести повседневную борьбу с идеализмом, с буржуазными теориями, проникающими к нам, вести эту борьбу к о н к р е т н о на почве фактического материала данной науки, противопоставляя всем этим теориям наши действительные научные достижения.

Несомненно, что перед нами стоит задача переработки всей науки на базе диалектического материализма. Однако глубоко ошибаются те, кто думает путем лихого наездничества, путем резолюций, путем диалектических заклинаний добиться какого-нибудь результата. Только действуя в духе разобранных выше примеров и указаний Маркса, Энгельса, Ленина, можно добиться положительных итогов.

Вместо того чтобы действовать в этом направлении, всякого рода вульгаризаторы и упрощенцы занялись поверхностной политической трескот-

ней, непосредственным переносом в любую отрасль науки и ее теоретических проблем политических, партийных лозунгов, делая тем самым по существу сознательно или бессознательно чрезвычайно вредную по отношению к марксистской теории работу.

Приведем здесь только парочку примеров, чтобы проиллюстрировать развиваемые нами соображения.

В передовице № 2—3 журнала за 1932 г. «Советская стоматология» пишут: «Бдительность к содержанию нашей работы, разоблачения троцкистской контрабанды (это в зубоврачебном-то деле! — *Ред.),* гнилого либерализма, к которым призывает т. Сталин в своем письме, до сих пор не осуществляется в достаточной мере в научной работе вообще и в нашей стоматологической работе в частности. Партия требует ясного и целеустремленного подхода к теоретической работе, выявления идеологических контрабандистов, троцкистов, правых и «левых» оппортунистов и всякого рода либеральных примиренцев».

И дальше: «Надо сознаться, что наш журнал на протяжении ряда лет его существования нередко был повинен в гнилом либерализме» (в чем, где? — *Ред.).* Далее автор передовицы патетически восклицает: «Ножом хирурга вскрыть буржуазные и мелкобуржуазные влияния на нашем теоретическом фронте», «в естествознании и в медицине так же, как и на других участках теоретического фронта, стоит со всей остротой задача борьбы с механицизмом как главной опасностью на данном этапе, решительной борьбы с меньшевиствующим идеализмом». Автор этой передовицы может и всерьез думает по простоте душевной, что он действительно борется с троцкистской контрабандой, с механистами и меньшевиствующими идеалистами на фронте стоматологии. А в действительности, сам того не замечая, занимается опошлением великих лозунгов большевистской партии, механически переносит их на свой теоретический участок, без тени попыток выявления действительных недостатков, которых там наверное много, без анализа действительных задач, которые стоят на данном участке работы. Вместо толковой работы по существу — политическая трескотня, никому не нужная, вредная.

Задачу пропаганды диалектического материализма среди медиков ставит перед собой и такой почтенный орган, как журнал «Новый хирургический архив». В четвертой книге XXV тома помещена статья доктора Рыбак. Статья называется «За чистоту марксистско-ленинского учения в хирургии». Уже самое название статьи заставляет читателя насторожиться.

Автор очевидно поставил своей задачей борьбу с буржуазными идеалистическими идеями в медицине и в частности в хирургии, но эта задача выполняется из рук вон плохо.

Вот Рыбак хочет решить проблему соотношения клиники и профилактики. Он пишет: «Причем они совершенно изолированно рассматривают клинику и профилактическую работу, не понимая, что их надо брать в единстве, а не изолированно» (разрядка наша. — *Ред.).* А в примечании пишет, что «мы всюду, когда пишем о единстве противоположностей, имеем в виду не примирение, а борьбу их», таким образом очевидно в дан-

ном случае он имеет в виду борьбу, и притом абсолютную, клиники с профилактикой.

Таких вопиющих примеров опошления марксистского учения, партийных лозунгов, борьбы, проведенной партией на философском фронте, можно приводить очень много. По подобного рода явлениям надо открыть беспощадный огонь, ставя по-серьезному в духе Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина пропаганду диалектического материализма среди естествоиспытателей, ставя в духе разобранных выше высказываний задачу проникновения диалектики в естествознание.

III

За последний период времени мы имеем известное усиление активности со стороны антиматериалистических сил среди кадров наших естествоиспытателей. Все чаще и чаще то здесь, то там проскальзывают антиматериалистические выступления, статьи, высказывания. Стоит тщательно просмотреть издания Академии наук, чтобы увидеть, что с этой стороны там дело обстоит весьма неблагополучно. Стоит в качестве яркого примера указать на статью академика Вернадского в № 4 «Известий Академии наук» за 1932 г.

Так например далее в научно-популярном журнале Академии наук «Природа» № 5—9 за 1931 г. некий Белов посвящает две статьи новейшим теориям в области физики и следующим образом заключает свое изложение: «Все окружающее нас претерпевает уменьшение шкалы. В результате мир должен исчезнуть. Конец этого земного времени очевидно есть и конец коллапс материи, а вместе с тем и конец всем затруднениям, которые вносятся в космос наличием этой материи».

Итак, мы видим, что в 1931 г. советский журнал счел возможным воспроизвести известные соображения насчет материи епископа Беркли, уничтожение которой, по его мнению, должно было внести ясность и покончить навсегда с безбожием.

Необходимо отметить, что подобного рода идеи получают распространение в некоторой части нашей вузовской молодежи. «Учение» о конечности вселенной во времени, всякого рода теории индетерминизма, реакционнейшие выводы из второго закона термодинамики подчас свободно гуляют по нашим вузам.

Стоит внимательно просмотреть статьи в журнале «Сорена», чтобы увидеть, что и здесь мы имеем подчас протаскивание идеалистических, махистских идей. Так например известный физик Френкель в своей статье в журнале «Сорена» № 3 — 4 за 1932 г. доказывает идеалистическую концепцию индетерминизма при помощи квантовой механики.

Однако, пожалуй, наиболее откровенное выступление против философии диалектического материализма, в защиту «грубого эмпиризма», а по существу в защиту поповщины, выступление крайне характерное для «здравого смысла» и буржуазных предрассудков ряда естественников — это выступление бакинского профессора Кузнецова на дискуссии о втором начале термодинамики, бравировавшего к тому же своей «смелостью» [1]).

[1]) См. сборник Аз. краснознаменного нефтяного ин-та им. Азизбекова.

Некоторые места из данного выступления настолько характерны, что их надо воспроизвести. Вот что говорил профессор Кузнецов: «Начну с философии. Пусть мне простят специалисты по философии. К сожалению, как грубый эмпирист, грубый естествоиспытатель я отношусь к философии несколько неодобрительно» [1]). Далее Кузнецов об'ясняет причины своего такого отношения к философии, обнаруживая при этом изумительное невежество, которым он к тому же готов еще весьма кичиться. Он пишет: «Если посмотреть на успехи философии, то я скажу вот что. Был некогда Гераклит. Этот Гераклит сказал: «Все в мире подчинено одному принципу: все течет, все движется, все изменяется». Философия в своем высшем развитии до диалектического материализма придерживается этого принципа. Она только уточнила и дополнила его. Скажите, через несколько тысяч лет велики ли успехи философии? Мне кажется, не особенно. Вопросы о сущности вещей, сущности жизни, цели жизни и т. д. до сих пор остаются нерешенными. Мне думается, что философы сделали немногое. Правда, они могут сказать: «диалектический материализм — высший этап в развитии философии — сейчас двигает шестой частью земного шара». Это правда, это действительно так. Но тем не менее философы не могут сказать, что они двинулись «дальше того же Демокрита или Гераклита» [2]).

«Разделавшись» таким образом с философией и к тому же «показавши», как глупа и никчемна философия, «двигающая шестой частью земного шара», наш почтенный профессор дальше распоясывается, начиная протаскивать агностицизм и давно погребенную Лениным махистскую «теорию» об исчезновении материи. Вот что по этому поводу он пишет: «Если вся материя превращается в энергию, то позволено будет спросить, разве отсюда следует, что существует бог, что права религия? Да ни в коем случае. Разве мы знаем, что такое энергия? Мы не знаем, что такое материя, не знаем, что такое энергия, но мы говорим: были атомы материи, есть атомы энергии. Раз атомы энергии есть, разве можно говорить о каком-либо исчезновении. Всегда есть нечто нам теперь неизвестное. Всегда будет нечто, всегда было нечто и нечего говорить о том, что когда-то ничего не было. Все было извечно, все будет извечно, независимо от того, есть материя или нет материи, превратилась ли она в энергию или не превратилась» [3]).

Нам вряд ли необходимо опровергать эту галиматью, которую высказывает профессор Кузнецов относительно материи и энергии, об исчезновении материи и превращении ее в энергию, о непознаваемости мира и т. д. В своем «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин давно уже опроверг подобные писания Пирсона, Оствальда, естественников, а также наших махистов.

К сожалению, высказывания Кузнецова далеко не единичны и отражают настроения и воззрения ряда научных работников, даже таких, которые принимают активное участие в социалистическом строительстве. Выска-

---

[1]) См. сборник Аз. краснознаменного нефтяного ин-та им. Азизбекова, стр. 33.
[2]) Там же, стр. 34.
[3]) Там же, стр. 38.

зывания профессора Кузнецова показывают, как глубоко сидят предрассудки буржуазной науки в головах естествоиспытателей. Они показывают, какую огромную работу по перевоспитанию нам надо вести, какую борьбу и на данном этапе необходимо вести в защиту диалектического материализма.

Деборинское извращение диалектического материализма в духе абстрактной схоластики, в духе гегелевского идеалистического методологизирования, вульгаризаторские попытки и упражнения некоторых наших естественников только дискредитируют позиции диалектического материализма. Тем с большей силой и настойчивостью необходимо нам пропагандировать, популяризировать мысли Маркса, Энгельса, Ленина по вопросу о соотношении марксизма и естествознания.

Именно высказывания Энгельса по вопросу о философии и естествознании как бы предвидят выступления современных Кузнецовых и дают им блестящую характеристику и отповедь. Энгельс писал:

«Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков, самых скверных философских систем» («Диалектика природы», отд. изд., стр. 25).

Именно в духе работ Маркса, Энгельса подчеркивал неоднократно Ленин, что без солидного философского обоснования на базе диалектического материализма никакие науки и никакие новейшие открытия сами по себе не смогут выдержать борьбы против реставрации буржуазных, идеалистических теорий. Ленин неоднократно указывал, что нам необходимо критически относиться ко всему тому, что дают ученые и специалисты буржуазии в вопросах философии. Способные давать крайне ценные работы и исследования в отдельных областях по отдельным вопросам, эти «ученые приказчики» капитализма начинают сейчас же протаскивать идеалистический, поповский хлам, раз дело заходит об общих вопросах мировоззрения.

В своем выступлении на первой конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. т. Сталин со всей остротой поставил перед работниками промышленности задачу конкретного руководства хозяйством в настоящий период на основе действительного овладения техникой и наукой. Тов. Сталин указывал: «Говорят, что трудно овладеть техни-

кой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Но осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать. И мы это сделаем, если захотим этого по-настоящему!»

Задача конкретного руководства, задача действительного овладения большевиками техникой и наукой — важнейшая задача современного периода на всех участках социалистического строительства, в том числе и на участке нашей научной работы. Овладение конкретным знанием, овладение фактическим материалом, историей развития науки—это то, без чего невозможна плодотворная научная работа. Нечего греха таить—мы имеем очень часто и в техникумах и в вузах такую «учебу», которая сводится к зазубриванию лозунгов, формул, основных установок, которая не дополняется изучением, знанием фактических данных и материалов. Подчас можно встретить вузовцев, которые знают хорошо например основные тенденции развития, скажем, революции 1905 г., но которые абсолютно не знают фактического хода событий в 1905 г. Наши учебники страдают отсутствием фактического материала. Внимание к изучению фактического материала, внимание к изучению конкретного содержания—вот что является важнейшей составной частью лозунга конкретного руководства и овладения наукой и техникой.

Нет и не может быть серьезной научно-исследовательской работы в какой бы то ни было области без действительного, детального, скрупулезного изучения конкретных фактов действительности.

Особенно остро стоит эта проблема перед нашими кадрами на фронте философии и естествознания. Борьба с вульгаризаторством — важнейшее условие этой работы.

Наряду с самой решительной борьбой с характеризованным выше вульгаризаторством мы должны нанести беспощадные удары по всяким попыткам реставрации идеализма, по всяким способам протаскивания идеалистической реакции. Борьба за диалектический материализм в естествознании, как думают механисты, не снята,—наоборот, она поднимается на новую, высшую ступень!

Об отражении классовой борьбы в современном естествознании *)

А. Максимов

Введение

Отражение классовой борьбы в современном теоретическом естествознании происходит прежде всего в форме философской борьбы двух основных лагерей—материализма и идеализма. Анализируя борьбу этих двух основных философских течений, мы должны показать, как в борьбе идеализма и материализма проявляется борьба классов современного общества.

Ленин подчеркивал это положение, когда говорил: «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатански новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм» [1]).

Деление естествоиспытателей на философские лагери конечно не исключает того, что естествоиспытатели выступают как члены определенных политических партий, не исключает того, что у них имеются определенные политические убеждения. В области же теоретических вопросов естествознания, в области решения ими определенных теоретических проблем классовая борьба выражается именно в виде борьбы основных философских течений — материализма и идеализма.

На данном этапе общественного развития до конца последовательный, т. е. диалектический, материализм есть идеология пролетариата. Идеализм же, поповщина являются орудием в руках контрреволюционной буржуазии и остатков феодальных классов. На данном этапе (а далее речь будет главным образом о современном периоде) мы имеем дело с чрезвычайным обострением всех антагонизмов капиталистического общества. Эти антагонизмы обостряются до невиданных размеров по сравнению со всеми предыдущими этапами развития капитализма и нашли свое отражение и в области борьбы идеологий.

В этом отношении мы наблюдаем нечто новое, чего не было раньше, чего не было еще например в тот период, когда Ленин разбирал вопросы философской борьбы в «Материализме и эмпириокритицизме». Тогда для таких крупнейших, величайших людей, как Ленин, уже ясна была и была им блестяще вскрыта глубокая связь между философской, политической и современной экономической борьбой. Но эта связь не была так ярко ощутима, как сейчас. Сейчас происходит буквально генеральная размежовка на всех фронтах, уточнение всех позиций, какие мы имеем, в том числе и в области теоретического естествознания.

---

*) Лекция автора для московского партактива 11 июня 1932 г.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. X, изд. 1-е, стр. 303.

Чтобы показать насколько на данном этапе это смыкание философской и политической борьбы происходит действительно четко, мы приведем один пример. Недавно появилась книга одного очень ясно выраженного фашиста, графа Куденгове-Калерги. Эта книжечка называется «Прочь от материализма» [1]). Она призывает к решительному уходу от материализма. Культуре капиталистических стран, пишет автор, угрожает опасность. Эта опасность исходит от материализма. Анализируя формы борьбы за культуру, Куденгове приходит к выводу, что все эти формы борьбы сводятся к борьбе двух лагерей—материализма и идеализма. «Истинная борьбы за культуру,— пишет он, — есть борьба между идеализмом и материализмом» (стр. 19).

Особенное внимание Куденгове уделяет анализу современного соотношения сил материализма и идеализма. Материализм, пошатнувшийся было с начала XX века, по его мнению, в капиталистических странах, получил теперь поддержку на востоке. «Материализм, духовное могущество которого после краткого триумфа было в упадке, получило, — пишет он, — сильного союзника на границе Европы—Советскую Россию» (стр. 18).

И Куденгове предлагает об'единить все силы буржуазии на борьбу с материализмом и призывает отказаться от всего материалистического, что было вызвано к жизни развитием капитализма. Это материалистическое содержание наш автор видит в развитии борьбы с религией, в упадке последней в капиталистических странах, в демократизме, в господстве масс, в материалистических выводах из естествознания и т. д.

Самое неприемлемое для Куденгове в материализме—это то, что материализм опирается на массы, что он демократичен. Характерным для материализма наш автор считает лозунг Бентама: «Наивозможно большее счастье наивозможно большего числа людей». «Сила внушения этого требования,— добавляет он, — порою столь сильна, что она охватывает и тех, кто по сути дела не признает никакой морали» (стр. 40).

Куденгове не останавливается перед тем, чтобы всячески очернить материализм и материалистов и изобразить последних (старый прием!) озверелыми животными. «Материалист,—пишет он,—не верит ни в какие догмы, ни в какой долг, ни в какие обязанности, ни в какую земную или небесную справедливость. Если все же он и поступает нравственно, то это непоследовательность. Последовательный материалист—имморалист. У него нет никакого побуждения поступать нравственно. У него закон о наказаниях заступает место нравственного закона. Там же, где он не может иначе обойтись, он ставит границы свободе своих действий. Последовательный материалист преследует лишь цель сделаться богатым и счастливым. Ему совершенно все равно, достигнет ли он этой цели нравственным или безнравственным путем. Но многие материалисты также знают, что общество нежизнеспособно без этики. Поэтому они не отказываются от того, чтобы проповедывать мораль, не признавая ее сами».

Как видим, Куденгове старается изобразить материалистов примерно как самых примитивных, ограниченных животных, которые только тем занимаются, чтобы наслаждаться жизнью или ради этого наслаждения лицемерно поступать. Здесь Куденгове хочет приписать материалистам и коммунистам те черты озверения, которые характеризуют современного капиталиста. Но это — старая попытка опорочить материализм, когда стараются изобразить его именно как погоню исключительно за жизненными благами, как безграничную жажду накопления богатства.

---

[1]) Coudenhove-Kalergi. Los vom Materialismus! Paneurpa Verlang. Wien—Leipzig, 1931, S. 235.

Цель, которую преследует Куденгове, ясна и заключается в том, чтобы изобразить пролетариат виновником всех тех чудовищных злодеяний, нищеты, одичания и т. д., которые несет с собою капитализм, и подготовить читателей к тем выводам, которые он делает. Эти выводы граф Куденгове особенно выпятил в своей книге «Сталин и К°», где он призывает к крестовому походу против СССР. Но и в рассматриваемой нами книге «Прочь от материализма!» уже сделаны все соответствующие выводы.

«Советский союз ближайшие годы слишком занят строительством своего государства,—пишет Куденгове,—чтобы мог осмелиться на военное нападение на Европу. Но вследствие той глубокой ненависти, в которой воспитываются его молодые поколения в отношении к западным странам, никто не может знать, что произойдет после этого периода. Этот промежуток времени европейский идеализм не может пропустить, не использовав его для основательного выяснения его позиции к европейскому материализму».

Но весь разговор об идеализме, о пацифизме и т. п. у Куденгове служит в конце концов лишь для того, чтобы призывать все европейские и даже американские страны к союзу и вооружению против Страны советов. Этому и посвящена его брошюра «Сталин и К°».

Эта брошюра показывает истинное лицо Куденгове. Он одновременно выступает как пацифист, как автор Пан-Европы. Это показывает, что за пацифистской физиономией кроется самый оголтелый фашист и милитарист.

Таким образом Куденгове ясно понимает, что материализм есть знамя трудящихся масс, и борьбу против материализма он сочетает с борьбой политической. Мы видим, что сейчас связь между философской и политической борьбой достигла такой четкости и ясности, какой не наблюдалось ранее Результатом этого явилось то, что мы имеем отчетливые полюсы размежовки. Наши успехи в экономической области, в смысле создания кадров, в смысле завоевания науки, роста материализма — все это является центром притяжения всего живого, что только имеется среди ученых, не говоря уже о том, что пролетариат СССР является ударной бригадой мирового пролетариата и пользуется сочувствием и поддержкой трудящихся всех стран. СССР притягивает все живое, что имеется в капиталистическом обществе.

Другой полюс об'единяет вокруг себя все, что вооружается сейчас для борьбы с пролетариатом, все, что выступает сейчас в форме самой открытой, самой оголтелой реакции. В этих именно условиях мы имеем дело с той философской борьбой, которая происходит на фронте естествознания.

Нельзя не подчеркнуть, что Советский союз делается все более и более предметом внимания заграничных ученых. Еще недавно — лет 10 — 8, даже 5 лет назад—нас еще не знали. В СССР приезжали, чтобы посмотреть диковинную страну. Теперь положение резко изменилось. Теперь у заграничных ученых имеется уже много сведений о том, что делается у нас. Они конечно знают нас еще недостаточно, но все же той изолированности, какая была раньше, уже нет. То, что происходит у нас, внутри СССР,—наша борьба за науку, за материализм, за пятилетний план — все это не сходит со страниц не только общеполитической, но и научной прессы.

Сейчас за границей сделалось почти невозможным написать сколько-нибудь общую статью по естествознанию, чтобы не коснуться вопроса о СССР, о большевизме. Редко встретишь такой заграничный журнал, где бы не шла речь о большевизме, о СССР, где бы не упоминалось о пятилетке и т. д. Мы имеем многочисленные отклики и о той философской борьбе, которая происходила и происходит у нас, и не только в общефилософской литературе, но и в естественно-научной литературе. Я иллюстрирую это следующим

примером. В Праге есть известный профессор физик Филипп Франк. Он и сейчас много работает по физике. Этот Филипп Франк выпустил в 1932 г большую книгу: «Принцип причинности и его границы». Книга содержит более 300 страниц и в ней мы находим целый ряд глав и параграфов, которые очень подробно разбирают то, что происходит у нас.

В I главе § 8 он разбирает вопрос борьбы в Советском союзе против старой идеалистической философии. В IV главе он пытается подробно разобрать вопрос об отношениях диалектического материализма и витализма. В главе IX он разбирает философские позиции Пуанкаре, Канта и Ленина. В своей книге Филипп Франк касается и постановления ЦК о журнале «Под знаменем марксизма» и выявляет свою позицию. Он считает, что это постановление—в пользу механистов, что оно якобы «ограничивает антимеханические тенденции деборинской школы». Это конечно неправильная трактовка, но любопытна та расстановка сил, которая наблюдается сейчас за границей, в частности в лице Франка. Он считает, что механический материализм более научен, чем диалектический. Последний же, по Франку, метафизичен. Таким образом механисты получают известную поддержку и похвалу со стороны махистов.

Очень любопытно в книге Франка и то, что он хотел бы быть нашим другом, другом СССР, и поэтому он обижается на то, что мы относим его с его махизмом к враждебному лагерю.

Все сказанное показывает, что мы сейчас не живем за китайской стеной, наоборот, за нами следят; за границей теперь изучают самым тщательным образом все, что делается в СССР. Каждое наше постановление, резолюция получает тот или иной отклик. Любопытно отметить еще и то, что рецензия, посвященная Франку, и рецензия на учебник химии Смита, помещенные в «Под знаменем марксизма», тотчас получили свой отклик в книге Франка.

Между этими двумя полюсами — пролетариатом, коммунистическим полюсом, и диктатурой буржуазии — сейчас происходит движение. Мы имеем большие передвижки среди мелкой буржуазии. Имеется большое движение и среди естествоиспытателей. Это движение масс мелкой буржуазии, интеллигенции — очень важный момент. К нему мы и перейдем. Но прежде чем заняться этим, нужно сказать о наших задачах в отношении мелкой буржуазии.

Наши задачи по отношению к этому движению, происходящему в различных философских и политических лагерях заключаются в том, чтобы содействовать об'единению вокруг пролетариата всего живого. Этого мы можем достигнуть лишь при условии, если мы будем, исходя из основных положений, из программы Коминтерна, из программ компартий, из всего, что дали основоположники марксизма, строить правильную политику и тактику по отношению к этому движению естествоиспытателей, применительно к данному моменту.

Чем вызывается то большое движение, какое сейчас наблюдается? Но, что в основе лежит экономическая и политическая борьба. Экономическая и политическая борьба, происходящая в эпоху империализма и достигшая теперь особой остроты, является причиной того движения, которое мы имеем и на фронте естествознания. В конечном счете философская борьба есть отражение борьбы классовой; философская борьба определяется экономической и политической. Это справедливо, когда мы берем класс в целом, в общем, но если брать отдельных естествоиспытателей, то здесь нужно еще больше конкретности в анализе. Мы не можем исходить только из общих, абстрактных положений.

Мы должны быть конкретными и разбирать каждый отдельный случай. Чтобы проиллюстрировать это, приведем пару примеров из среды современных немецких естествоиспытателей.

Известный крупный физик Ленар, которому сейчас исполнилось 70 лет, — материалист. Он решительно и неоднократно боролся против идеалистических высказываний Эйнштейна. С этой точки зрения мы должны были бы сказать, что Ленар, борясь за материализм, близок к нам. В то же время однако Ленар — ярый националист, притом настолько оголтелый националист, что не может простить, что Эйнштейну была дана нобелевская премия. Как это так: Эйнштейн—еврей по происхождению, и вдруг ему дается нобелевская премия! Он не считается с тем, что Эйнштейн — крупный ученый. Националистическая ориентация Ленара мутит его голову, и это из года в год. В последнее время мы имеем выступления Ленара в самом ярко фашистском стиле.

Как видим, от философской позиции до политической — очень большая дистанция, из одной нельзя механически умозаключить о другой. С другой стороны, если взять Франка, о котором уже говорилось выше, то он махист-идеалист в своей основной философской позиции. Но он выступает против религии. Он, как говорят, председатель Общества друзей Советского союза в Праге. Мы не можем этого игнорировать, как бы критически мы ни относились ко всем, кто называет себя друзьями СССР, тем не менее налицо факт, что Франк пытается выступить под левой фразой, что он несомненно левее в политическом отношении чем Ленар, и этот факт должен быть нами учтен.

То же самое можно было сказать о Дрише, биологе, яром виталисте, человеке, оправдывающем всякую мистику. В области политической, по сведениям, которые у нас имеются, он все же принадлежит к левобуржуазному течению.

Таким образом нельзя подходить абстрактно, с общей оценкой, с общей формулой к естествоиспытателям. Нужно конкретно анализировать позицию каждого из них и каждого течения в отдельности.

Глава I. Кризис современного естествознания

После всех этих предварительных замечаний перейдем к анализу отражения классовой борьбы на фронте естествознания. Основной момент, который играет решающую роль в распадении массы естествоиспытателей на философские лагери, — это кризис естествознания в эпоху империализма. Если не говорить об экономической и политической борьбе, от непосредственного участия в которой буржуазные естествоиспытатели зачастую стоят в стороне, оправдывая это тем, что наука якобы ничего общего с политикой не имеет, наиболее близким для них является то, что происходит в области естествознания.

В чем суть кризиса естествознания, который мы сейчас имеем? Суть этого кризиса заключается в ломке старых представлений, которая происходит в результате новейших открытий, и в скатывании части естествоиспытателей к идеализму, в неспособности правильно решать общие проблемы естествознания, которые выдвигаются этими новейшими открытиями.

Таким образом мы в естествознании имеем противоречивость, антагонистичность. С одной стороны, революция в естествознании, целый ряд новейших открытий, и с другой стороны, отсутствие необходимого для этих революционных открытий мировоззрения, распространение реакционных взглядов. Если говорить об общих корнях этого кризиса в естествознании, то нужно сказать, что они заключаются в том загнивании

капитализма, какой мы имеем в эпоху империализма, но здесь мы встаем перед принципиальной проблемой: отрицает ли это загнивание рост? У нас сейчас имеются тенденции рассматривать развитие естествознания, выдвигая только одну сторону, когда видят загнивание, но не видят роста. Поэтому является чрезвычайно важным привести место из «Вопросов ленинизма» Сталина, где он, касаясь общей характеристики империализма, отвечает на этот вопрос. Он говорит: «Неверно, что капитализм не может развиваться, что теория загнивания капитализма, выставленная Лениным в своем «Империализме», исключает будто бы развитие капитализма. Ленин вполне доказал в своей брошюре об «Империализме», что рост капитализма не отменяет, а предполагает и подготовляет факт прогрессивного загнивания капитализма» («Вопросы ленинизма», изд. 1926 г., стр. 211).

Такое положение своеобразно отражается и в естествознании. Мы имеем за последние 30—40 лет ряд важнейших открытий в области естествознания. Эти открытия отражают идеологическую борьбу классов современного капиталистического общества, вместе с тем также и рост производительных сил. Необходимо также подчеркнуть и то, что мы не можем при рассмотрении кризиса естествознания ограничиваться только тем, что имеется на сегодняшний день, потому что сегодняшний день отражает в известной форме и весь предыдущий этап. Если с этой точки зрения подойти к вопросу о кризисе в области физики, то мы не можем сказать, что он сводится только к загниванию науки в результате распространения идеализма, но мы действительно имеем ряд крупнейших исторического значения открытий, которые перевертывают все старое мировоззрение естествоиспытателей и укрепляют материализм.

Рассмотрим сначала те новейшие открытия, которые вызвали ломку старых воззрений.

Начнем с проблемы пространства и времени. В то время, когда устанавливались основные взгляды современного естествознания, во времена Ньютона, представляли себе пространство как нечто существующее вне вещей, вне материи. Как стены, которые вмещают нас вместе со всеми прочими предметами, но вне нас, так и пространство Ньютона вне материи, и в этом вместилище происходит движение материи. По отношению к нему мы изучали все, что происходит в мире материи; все перемены относили и изучали на фоне этого неизменного пространства и времени. Эта точка зрения была исторически обусловлена в том смысле, что имели дело с такими процессами, главным образом с механикой, где можно было с известной долей правоты считать пространство и время неизменными и независимыми от процессов движения материальных тел. Особенно наглядно ньютонова точка зрения выражалась в современной ему астрономии. Астрономы имели дело с мировым пространством, в котором двигались планеты. Движение планет относили, как казалось тогда, к пространству и времени, совершенно независимым и внешним движению этих планет.

Здесь нет возможности развить, как эта точка зрения выражается физически в смысле теоретических расчетов, в смысле построения экспериментов. Скажем лишь, что эта точка зрения в корне отброшена современной физикой.

Для современной физики нет нематериального вместилища в форме пространства и времени. Наоборот, теория относительности Эйнштейна показала, что пространство и время определяются материей, суть формы существования материи и неотделимы от материи. Метрические отношения пространства и времени определяются расположением материи. У Ньютона пространство и время были абсолютными сущностями, разорванными между

собой. С точки же зрения теории относительности пространство и время едины. Теория относительности показала, что эти две формы суть формы одной и той же материи и находятся между собой в самой теснейшей внутренней связи.

В этом смысле произошла коренная ломка взглядов на пространство и время. Эта ломка станет особенно наглядной, если сказать, что с точки зрения ньютоновой физики и механики считалось, что мы можем иметь такие масштабы времени и пространства, которые не зависят от того, что происходит в мире. Считалось, что есть такая пространственная и временная мерка, которую мы можем представить себе как неизменную и раз навсегда данную. С точки зрения теории относительности, нет такой мерки, нет такого масштаба, нет таких часов, которые неизменны. Наоборот, их ход, длина масштаба зависят от того конкретного движения, какое совершается в данной системе: солнечной системе, звездной и т. д.

Таким образом произошла коренная ломка старых взглядов.

Если взять другую область вопросов — свет, излучение вообще, то опять-таки мы имеем здесь такую ломку, которая привела к прямо противоположным существовавшим ранее взглядам.

Во времена Ньютона (эта точка зрения была представлена противником взглядов Ньютона на природу света — Гюйгенсом) была установлена волновая теория света, которая об'ясняла явление света таким образом: имеется некоторая среда, в которой происходит волновое движение. Волновое движение этой материи — эфира — и есть то, что мы называем светом. Здесь для нас важно подчеркнуть, что самое явление света рассматривалось с точки зрения непрерывности, с точки зрения того, что мы имеем дело с некоторой средой, которая распространяется во все стороны так же, как непрерывная среда.

Электромагнитная теория света, созданная Фарадэем, Максвеллом и Герцем, дав иное об'яснение природе колебательных явлений в эфире при распространении света, именно доказав не механическую, а электромагнитную природу этих колебаний, по существу дела мало изменила в смысле признания наличия светоносного эфира и непрерывности процессов, происходящих в нем.

В этих взглядах мы получили брешь лишь с появлением теории квант Планка. Эту теорию развивал дальше Эйнштейн в 1905 г. Еще более бурно она развивается в последующие годы. Физики пришли к убеждению, что свет не есть просто волнообразное движение, которое происходит в эфире непрерывно, а есть распространение световой энергии определенными квантами, определенными порциями.

Таким образом, вместо прежнего принципа непрерывности при трактовке явлений излучения пришли к взгляду, что световая энергия распространяется порциями, дискретно. Вместо старой теории, которая имела дело с непрерывным волнообразным процессом, физика пришла к мнению, что свет нужно трактовать с точки зрения атомистических представлений. Эта новая точка зрения, подтвердившаяся всеми последующими открытиями в физике — квантовая теория света, — не вытеснила однако волнообразной теории света, а существовала параллельно с ней. И только последнее время происходит слияние этих двух точек зрения в одну единую теорию.

Третьей группой вопросов, к которой мы перейдем, является проблема строения вещества. Вещество, материю, тела во времена Ньютона рассматривали как нечто инертное, что приводится в движение извне, внешними силами. Таким образом движение отрывали от материи.

В последние десятилетия и этому взгляду на материю нанесен сокрушительный удар.

Прежде всего в этом отношении нужно сказать об открытии радиоактивности. Явление радиоактивности показало, что мы в лице химических элементов имеем дело не с чем-то пассивным, а мы имеем дело с чем-то таким, что способно к самоизменению, саморазвитию. Оказалось, что вещество все время само меняется, развивается. Необходимо при этом отметить, что вплоть до сегодняшнего дня мы не овладели, за исключением отдельных небольших попыток, этим процессом. Открытие радиоактивности потрясло старые взгляды и в другом отношении. Оно показало, что мы имеем дело со сложнейшим строением вещества.

Если ранее полагали, что в основе материи лежат однородные, далее неделимые, простые частицы, то теперь пришли к прямо противоположному выводу. Вот что пишет по этому поводу известный французский физик — Перрэн.

«По классическому представлению, мы можем разложить всякий предмет на столь мелкие части, что они будут практически однородными. Другими словами, считается, что по мере постепенного сжатия контура, различия в свойствах материи внутри этого контура делаются все менее и менее резкими» [1]).

Так смотрели ранее. Теперь же, пишет Перрэн далее, «кусочек материи, который, как мы рассчитывали сначала, мог бы оказаться однородным, на самом деле оказывается «бесконечно губчатого» строения, и для нас не остается никакой надежды отыскать в конце концов «однородный» или по крайней мере такой кусочек вещества, свойства которого изменялись бы от точки к точке в правильной последовательности» (там же).

Если отвлечься от того, что Перрэн, критикуя старые взгляды, сам скатывается в противоположную крайность (отрицание существования закономерной последовательности при переходе от одной части материи к другой), то смысл ломки старых взглядов им выражен правильно: вместо однородных и простых элементов материи современное естествознание признает бесконечную сложность того, что раньше считалось «атомом» — неделимым, простым. Если до открытия радиоактивности атом считался неразложимым и простым, то явление радиоактивности показало, что атомы более сложных веществ разлагаются, образуя атомы более простых элементов, испуская при этом поток электронов и излучая лучи определенной, очень короткой длины волны. Эти открытия вместе с электронной теорией в учении об электричестве в 1913 г. позволили построить теорию строения атома, теорию Бора. Она поставила в связь явления, о которых только что сказано (явление радиоактивности, явление сложного строения атомов и элементов), с явлениями излучения. За предыдущий период развития физикой был накоплен колоссальный материал о спектрах, которые получаются при свечении газов, при свечении раскаленных тел и т. д. Эти спектры, состоящие у газов из целого ряда линий, были в дальнейшем изучены и был установлен целый ряд эмпирических закономерностей. Эти закономерности однако не получали своего об'яснения до тех пор, пока в 1913 г. Бор не дал теорию строения атома, которая показала, что сложное строение спектров и закономерности, связывающие отдельные линии этих спектров, об'ясняются сложным строением атома. Бор дал математическую теорию, которая вывела ранее найденные

[1]) Перрэн, Атомы, Гиз, 1924, стр. 12.

эмпирические закономерности из определенных теоретических представлений о строении атома.

Таким образом Бор об'яснил, с одной стороны, строение атомов и, с другой стороны, сущность строения спектра. Но это удалось сделать с полной ясностью и математической отчетливостью только для самых простых случаев. В отношении же других явлений эта теория в своем дальнейшем развитии встретилась с затруднениями и привела к дальнейшим открытиям, о которых будет сказано несколько дальше.

Ломка старых взглядов коснулась и ряда других основных понятий физики и механики. Если взять например понятие о массе, основное понятие, с которого начинается механика и физика, то здесь мы имеем дело опять-таки с ломкой старых взглядов.

С точки зрения Ньютона масса есть неизменная величина, независимая от скорости. Новейшее развитие физики показало, что масса не только не есть нечто неизменное, но что она как раз зависит от скорости, что она по отношению к электрону сводится к электромагнитной массе. Оказалось таким образом, что масса обычных тел не только не неизменна, но более того, что сама энергия, то-есть то, что считалось «чистым» движением, чем-то невесовым, также обладает массой. Квант энергии также обладает массой, как и атом, как и электрон.

Таким образом было установлено, что материя и энергия не есть нечто оторванное друг от друга, — было установлено их единство. Это в корне меняет те взгляды, которые сохранялись до конца XIX века в физике.

Еще более радикальное изменение претерпела физика за последние 10 лет, вернее за последние 7—8 лет. То, что происходило за эти годы, чрезвычайно знаменательно и никогда не выступало с такой остротой, так характерно, как сейчас.

Выше было сказано, что теория квант сосуществовала с волновой теорией света. Та и другая в области своих явлений оказывалась правильной. Но одна не годилась для об'яснения одних явлений, другая не годилась для об'яснения других явлений, и каждая из них об'ясняла свою группу явлений.

Так как развитие теории строения атома Бора привело к целому ряду трудностей, так как не удалось об'яснить до конца целый ряд явлений и дать об'яснение строения более сложных атомов, чем атомов водорода, то некоторым ученым, как например де-Бройлю, пришла важная мысль о том, в чем суть этих трудностей и как их решить. Он опубликовал целый ряд работ, сейчас эти работы им об'единены и систематически изложены в большой книге «Введение в волновую механику» [1]). Он следующим образом поясняет исходный пункт своей теории: «Исходным пунктом волновой механики было установить связь между мыслью о корпускуле и мыслью о периодичности и таким образом соединить нераздельно понятие о движении корпускулы с понятием распространения волны» (стр. 34).

Теория Бора, об'ясняя строение спектров, исходя из строения атома, представляла себе это строение как некоторую уменьшенную копию солнечной системы. В центре атома имелось ядро, и вокруг него кружились по определенным орбитам электроны, причем допускалось для сложных атомов, что имеется целый ряд слоев этих электронов.

Здесь в этих взглядах было еще много старого, что возникло еще на основе той механики, которая имела место в начале нового времени, и еще не было устранено противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, мы имеем дело с отдельными телами, а с другой стороны, — с непрерывной средой, окружающей эти тела.

---

[1]) Louis de Broglie, Einführung in die Wellenmechanik, 1929 г.

Де-Бройль поставил вопрос таким образом: если ранее было установлено, что свет не только волновой процесс, но и процесс, состоящий из отдельных корпускул, то не является ли материя чем-то таким, что, состоя из отдельных корпускул, в основе является некоторым волновым процессом. Мысли де-Бройля были подхвачены немецким ученым Шрёдингером, который пришел к такому понятию, что мы имеем материю, в которой происходит бесконечно сложный волнообразный процесс. Эти волны материи в отдельных случаях складываются и происходят гребни волн, которые и представляются нам в виде электронов, атомов и т. д.

Этот гребень волн двигается, и этому движению соответствует движение отдельной частицы. Но этот гребень складывается из многих волн, а эти волны существуют сами по себе и тоже распространяются в пространстве. Они и ложатся в основу структуры материи. Таким образом было установлено, что можно представить себе материю как нечто, имеющее в своей основе волновые процессы и, исходя из этого, оказалось возможным об'яснить сущность того, что происходит в атоме. Была дана математическая теория, которая не только об'ясняла те явления, которые были необ'яснимы раньше, но и разрешила целый ряд новых вопросов.

Самое важное здесь заключалось в том, что эта теория была не только математически построена, но и получила блестящее подтверждение на опыте. Пытались поставить вопрос экспериментально. Если обычная материя не есть просто нечто, состоящее из отдельных неизменных частиц, а нечто в основе своей волнообразное, то не справедливо ли и по отношению к электрону то же самое, что справедливо и по отношению к свету? Свет обнаруживает явление дифракции. Не может ли и материя обнаружить такое же явление дифракции? Действительно, целым рядом экспериментов было доказано, что имеет место и дифракция электрона. Пучок электронов, проходя через тонкую металлическую пластинку рассеивается, при этом происходит интерференция, и мы на фотографической пластинке получаем явление колец, т. е. явление аналогичное с интерференцией света. Но при этом было доказано, что это не просто интерференция световых волн, а интерференция электронных волн. Таким образом от старого представления о материи, как состоящей из отдельных частиц, современная физика дошла до очень сложного представления о материи, в основе которой лежат волнообразные процессы. В лице этих теорий получился некоторый синтез старых корпускулярных представлений и представлений о волновом движении.

Вот краткая характеристика тех открытий, которые потрясли физику за последние 30—40 лет. Мы имеем при этом такой рост теоретических представлений, который не наблюдался никогда в течение такого короткого времени. Если взять 2 года, прошедшие после установления волновой теории материи, то мы имеем не менее 400 работ, посвященных волновой теории материи. И эти 400 работ появились только за 2 года после возникновения этой теории! Это такие темпы, которых не было никогда раньше. Все это говорит о том, что мы имеем дело совсем не с застоем, но с большим ростом. И этот рост привел к полной ломке, к полной перестройке старых представлений.

Итак, в чем заключается эта полная ломка старых представлений? Изменились старые взгляды о пространстве, времени, движении, веществе, массе, элементе и т. д. Больше того, — создалась новая картина мира, отличная от той, которую мы имели во времена Ньютона и Декарта. Новое мы имеем не только по линии механики и физики, но и по линии теорий строения вселенной. Здесь мы имеем также чрезвычайно много нового, такого, что в корне меняет старые взгляды.

Из изложенного краткого обзора сути новейших физических открытий ясно также и то, что эти открытия являются дальнейшим укреплением как материалистического устоя естествознания, так и доказательством верности материалистической диалектики, знаменуя собой дальнейший шаг вперед в познании действительности и в овладении происходящими в ней процессами.

Теперь постараемся установить то, вокруг каких теоретических проблем сосредотачивались все эти открытия, вокруг чего шла и идет борьба среди современных физиков. Уже из предшествующего краткого обзора видно, что физики прежде всего столкнулись в вопросе о строении материи с проблемой прерывности и непрерывности. Свет, — с одной стороны, процесс непрерывный, с другой стороны, было доказано, что свет есть распространение квантов энергии. Другим выражением этой большой проблемы, которая привела и проводит к чрезвычайно большим последствиям, является проблема динамической и статистической закономерности.

Суть этой проблемы следующая. Пусть мы имеем движение отдельного тела, скажем биллиардного шара. Этот шар ударяет в другой шар; получается передача движения. Мы совершенно ясно видим, что один шар передал движение другому шару. Простая, ясная причина зависимости. Казалось бы, что за этим не кроется ничего непонятного. Это простое представление изменилось однако с развитием атомистической теории. В действительности простой, круглый биллиардный шар состоит из множества атомов и результат удара одного шара в другой — это не только непосредственное воздействие одного шара на другой шар, но за этим явлением кроется очень сложная картина взаимодействия атомов одного шара с множеством атомов другого. В дальнейшем и многие другие законы физики стали рассматривать как законы, за которыми кроются молекулярные и атомные явления.

Так, когда мы сжимаем газ, то мы имеем такое явление, которое чрезвычайно просто выражается законом Бойля-Мариотта. Однако за этим простым законом кроются гораздо более сложные отношения.

Если взять этот последний пример с законом Бойля-Мариотта, то кинетическая теория материи показала, что простые отношения, выражаемые этим законом, являются результатом бесчисленного множества столкновений атомов или молекул между собой и со стенкой сосуда, содержащего газ. Эта теория показала также, что для конечного результата не существенно, как каждая отдельная молекула столкнулась с другой молекулой или стенкой сосуда (с какой скоростью, под каким углом и пр.). Поэтому кинетическая теория материи берет в основу своих теоретических расчетов лишь средние, вероятные распределения скоростей, углов, столкновений и пр. Каждое отдельное столкновение молекулы по своему характеру с точки зрения кинетической теории несущественно и поэтому подсчитывается лишь средний результат, определяемый с точки зрения теории вероятности. Результат же вычислений таков, что мы получаем в конце концов тот же закон Бойля-Мариотта, но полученный уже не эмпирически, а на основе определенных теоретических расчетов.

Таким образом, с точки зрения кинетической теории материи за простыми отношениями, выражаемыми законом Бойля - Мариотта, кроется множество отдельных, случайных движений отдельных молекул. Простая, как говорят однозначная, зависимость (определенному давлению соответствует определенный об'ем газа), динамическая закономерность, скрывает за собой весьма сложные, в основе своей случайные отношения, определяемые лишь статистически, как некоторые средние.

Кинетическая теория материи, рассматривая каждое отдельное столкновение молекул или атомов как случайное, все же полагала, что и эти отдельные столкновения могли бы быть изучены с точки зрения классической механики, отрицающей об'ективность случайного, если бы мы располагали более совершенными средствами иследования. Поэтому применение статистических методов исследования рассматривали лишь как практическую необходимость ввиду практической, а не принципиальной невозможности проследить в конечной форме каждое отдельное столкновение молекул или атомов. В тесной связи с этим представлением стояло и механическое понимание случайности и понятие необходимости в ее метафизической трактовке.

Таким образом кинетическая теория материи в основе своих теоретических посылок имела допущение сведения статистической закономерности к динамической.

В силу тех же указанных практических соображений пришли к необходимости отличать закономерности статистические от динамических. Можно было бы думать, что статистические закономерности относятся к коллективам, а динамические — к единичному явлению. Однако физики открыли в дальнейшем, что нет ни одного физического явления, в основе которого нельзя было бы видеть вероятностных отношений и для трактовки которого нельзя было бы применить статистический метод. Таким образом оказалось, что нет ни одного процесса, который нельзя было бы не трактовать с точки зрения статистической.

Эта проблема динамического и статистического является одной из коренных проблем современной физики и эта проблема связывается с основной проблемой материалистического мировоззрения. Если кинетическая теория в ее классическом выражении допускала возможность познания каждого отдельного столкновения, в чем заключалась ее сильная сторона, затемненная метафизической трактовкой проблемы, то теперь в квантовой механике ставится под сомнение вопрос о возможности изучения того, как движется отдельный электрон. По отношению ко всем группам явлений распространилась такая точка зрения, что в основе всех физических явлений лежат исключительно статистические явления, что только с точки зрения теории вероятности, с точки зрения среднего, массового подсчета отдельных движений мы можем определить то, что происходит в материи. С точки же зрения определения того, как движется отдельный электрон, мы бессильны. Этот вопрос мы разрешить не можем, так как движение отдельного электрона совершенно случайно, т. е. ничем не обусловлено.

Этот вывод в связи с современными физическими теориями, вывод агностического и скептического характера, получил свое теоретическое выражение в лице одного из продуктов современной квантовой механики. В этом отношении очень большую роль сыграл и играет один из основоположников волновой теории — Гейзенберг. Он в основу своих исчислений положил так называемый принцип неопределенности. Согласно этому принципу мы не можем до конца с полной точностью определить поведение движения отдельных частиц или отдельных моментов движения. Если мы хотим определить скорость и положение электрона, то мы можем определить только скорость или только положение, но не обе величины сразу. Если мы например определим положение электрона, тогда не будет вполне точно определена скорость. Это положение он клал в основу всех своих теоретических расчетов. Невозможность полного познания скорости, положения электрона и т. д. возведена им в принцип, теоретически выраженный в принципе неопределенности.

Таким образом создалась возможность утверждать, что по отношению к самым глубочайшим основам явлений, которые происходят в материи, мы не можем продвигаться до конца. Там есть нечто непознаваемое, и раз

мы не можем проследить и изучить движение отдельной частицы, то мы не можем применить там принцип причинности.

Действительно, нет ни одной современной физической книги, касающейся общих вопросов, где не стоял бы вопрос о причинности. Подавляющее большинство крупнейших физиков ставит вопрос таким образом, что мы не можем, пользуясь старым представлением причинности, разрешать современные проблемы в области физики. Так например известный физик П. Иордан пишет в статье «Причинность и статистика в современной физике» [1]): «Причинность не есть априорная необходимость мышления», «определение причинности должно прогрессивно изменяться в связи с успехами наших воззрений, познаний и экспериментальных средств», «для целей биологии принцип причинности и проблема причинности должны быть формулированы существенно иным и значительно более сложным образом, нежели для физики». И Иордан и прочие физики были бы правы, если бы они только так ставили вопрос. Старое представление о причинности, которое создалось во времена Декарта и Ньютона, когда имели дело с явлениями движения простых машин, биллиардных шаров, планет и т. д., это представление о причинности действительно оказывается недостаточным при рассмотрении новых областей явлений. Представление о конечных простых элементах материи, из которых построены все тела, представление об инертности материи в смысле Ньютона — все это вело к такому представлению о процессах природы, согласно которому достаточно знать некоторое конечное число начальных условий движения какой-либо системы, чтобы знать движение этой системы для всего прошлого и всего будущего. Действительно, казалось, что астрономия подтверждает такое представление всеми теми блестящими открытиями и предсказаниями о движении планет, о затмениях и пр., которые на известном этапе развития были триумфом механического материализма. На основе этих представлений сложилось и механическое и метафизическое представление о причинности, исключающей понятие случайности, как чего-то об'ективного. Но нельзя согласиться с тем выводом, который делают современные ученые, в том числе П. Иордан, из недостаточности старого представления о причинности, именно, что принцип детерминизма, обусловленности явлений опровергнут. Ряд современных физиков полагает, что имеются такие явления, которые не обусловлены ничем, что они совершенно произвольны, случайны, и отсюда делает все идеалистические выводы. В этом отношении важно привести высказывания крупнейших ученых.

Возьмем прежде всего творца теории строения атома Бора. Он так характеризует те трудности философского порядка, которые стали пред физиками в связи с указанными выше проблемами: «Желая проследить пространственно-временное распространение световых действий, мы обречены, согласно квантовому постулату, на статистическое рассмотрение. С другой стороны, настаивая на требовании причинности в отдельном световом процессе, характеризуемом квантом действия, мы вынуждены отказаться от пространственно-временных отношений» [2]). Бор, как видим, приходит к выводу: или пожертвовать причинностью, или пространственновременным пониманием явлений природы.

Бор, отказываясь от классических представлений о пространстве, времени и причинности, не видит того, что в этих старых представлениях наряду с элементами метафизики было и здоровое, материалистическое ядро. Это здоровое ядро заключалось в возможности познания природы до конца, т. е.

[1]) П. Иордан, Причинность и статистика в современной физике, «Успехи физ. наук», т. VIII. 1927 г.

[2]) Н. Бор, Квантовый постулат и новое развитие атомистики, «Успехи физ. наук», т. VII. вып. 3-й, стр. 309.

в признании постижения абсолютной истины, в отрицании агностицизма и скептицизма, в убеждении в об'ективности пространства и времени. Не зная диалектического материализма, отрицая старые представления целиком, без глубокого философского анализа старых представлений, Бор впадет в другую метафизическую крайность и скатывается к идеализму. К идеализму ведет его и другой вывод, к которому он приходит: «По классическим теориям, — пишет он в той же работе, — каждое последующее наблюдение позволяет предвидеть дальнейшее течение явлений с все большей достоверностью, так как при каждом новом наблюдении приобретается все более точное знание начального состояния системы. По теории квантов однако при каждом новом наблюдении привходит совершенно новый, не поддающийся контролю элемент, вследствие взаимодействия с измерительным средством при каждом наблюдении...» [1]). Отсюда недалеко до вывода, что в отличие от классических теорий новейшие теории отрицают возможность познания абсолютной истины. К этому выводу склоняется и Бор, несмотря на то, что задачей своего выступления он ставил «примирение взглядов, резко расходящихся в данной области» (т. е. в области физики) [2]).

Бор один из тех, кто хотел бы видеть в физике мир и тишину и готов итти на компромисс. Для нас однако интереснее в его взглядах не эта его непоследовательность, а те тенденции, которые можно у него уловить. Куда клонится развитие Бора в философском отношении? Цитируемую статью он кончает рассмотрением «затруднений образования человеческих понятий, основанных на разделении суб'екта и об'екта». Смысл этой заключительной фразы в том, что Бор считает неправильным старый, по его мнению, способ образования понятий, когда понятиям приписывают об'ективное значение, когда допускают принципиально возможным исключить момент суб'ективного в нашем познании.

Брошенная лишь как намек в цитированной статье фраза о суб'екте и об'екте развивается Бором далее в других его статьях. В статье «Квант действия и описание природы» [3]) он уже делает значительные шаги в сторону развертывания суб'ективно-идеалистической точки зрения. Наконец в статье «Атомная теория и принципы описания природы» [4]) он приходит к следующему выводу: «Отказ от наглядности и причинности, к которому мы принуждены при описании атомных явлений, мог бы быть воспринят как разочарование в надеждах, которые составляли исходный пункт атомных представлений. Тем не менее мы должны с точки зрения современного состояния атомной теории этот самый отказ приветствовать, как значительный шаг вперед в нашем познании»... И далее: «В то время как теория относительности нам напоминает о суб'ективном, существенно от точки зрения наблюдателя зависимом характере всех физических явлений, обнаруженная квантовой теорией связь атомных явлений и их наблюдений, применяя наш способ выражения, принуждает нас к подобной же предосторожности, как при физиологических проблемах, где мы постоянно встречаемся с трудностью отграничения об'ективного содержания».

Если в прежних статьях Бор выдвигал только проблему об'екта и суб'екта и пошатнулся в сторону ошибочного утверждения зависимости всего об'ективного от суб'ективного, то в последней из цитируемых статей к проблеме об'екта-суб'екта присоединилась проблема причинности и свободы воли.

---

[1]) Н. Бор, Квантовый постулат и новое развитие атомистики, «Успехи физич. наук», т. VII, вып. 3-й стр. 319.

[2]) Там же, стр. 306.

[3]) N. Bohr, Wirkungsquantum und Naturbeschreibung, «Naturwissenschahften, 1929, Heft 26, S. 483.

[4]) N. Bohr, Die Atomtheorie und die Prinzipien der Naturbeschreibung, «Naturwissenschaften, 1930, Heft 4, S. 77.

Куда при этом клонит Бор, достаточно можно пояснить на следующей цитате: «Мы здесь (в новой физике. — *А. М.*) так далеки от причинного описания, что должны приписать атому в стационарном состоянии в общем свободный выбор между различными возможностями перехода к другим стационарным состояниям» (стр. 75). Итак, и у атома свободная воля! — Вот до чего договорился физик Бор!

Такой же шаткой, но с определенным уклоном в сторону суб'ективного идеализма, позиции придерживаются и оба основателя волновой теории материи де-Бройль и Шрёдингер, причем у Шрёдингера шатание в сторону суб'ективного идеализма выражено более сильно.

Не останавливаясь на характеристике философских воззрений де-Бройля, отметим одно характерное замечание в его «Введении в волновую механику». Подчеркивая, что опыт подтвердил необходимость в физике одновременного применения как корпускулярных, так и волновых воззрений, он в то же время отмечает неопределенность того, как может быть физически истолкован этот экспериментально доказанный факт единства волны и корпускулы. Де-Бройль приводит четыре решения, которые были даны по этому вопросу. Весьма характерно, как он определяет два из этих решений. Согласно одному решению (самого де-Бройля) волны суть «действительный процесс некоторой области пространства» и корпускулы — «материальная точка в некотором месте этой области» (стр. 6). Согласно другому решению (Гайзенберг, Бор) «волна вообще не есть какой-либо физический процесс, который разыгрывается в некоторой области, но скорее является только символическим изображением того, что мы знаем о частичке. Эксперимент или наблюдение никогда не может (согласно этой точке зрения. — *А. М.*) точно сказать: частичка имеет это положение в пространстве и такую-то по величине скорость в этом направлении» (стр. 7).

Из этих цитат мы можем убедиться, что вокруг факта о единстве корпускулы и волны разыгрывается борьба материалистических и идеалистических воззрений. Однако, как отмечает де-Бройль, именно гайзенберговская точка зрения имеет за собой большинство руководящих физиков. Поэтому и сам де-Бройль, не имея мужества итти материалистическим путем, поддается давлению идеалистически настроенных физиков.

Позицию Шрёдингера можно характеризовать следующей цитатой из его статьи «Что такое закон природы» [1]): «Откуда проистекает общераспространенная вера, — спрашивает он, — в абсолютную, причинную детерминированность молекулярных процессов и убеждение в невозможности противоположного. Просто-напросто из приобретенной в течение тысячелетий привычки мыслить причинно, которая позволяет нам представлять недетерминированные события, как абсолютную, первичную случайность, как совершенный нонсенс, как логически бессмысленное. Откуда однако проистекает эта привычка мышления? — Из столетних и тысячелетних наблюдений как раз тех естественных закономерностей, о которых мы сегодня с достоверностью знаем, что они во всяком случае не непосредственно причинно-обусловленные, но суть непосредственно статистические закономерности. Но вместе с этим отнята у той привычки мышления рациональная почва. Для практики, правда, мы будем ее без сомнений сохранять, так как она обеспечивает правильный успех. Но считать себя этим принужденными постулировать существование позади наблюдаемых, статистических абсолютно каузальных законов было бы очевидно ведущим к ошибкам заколдованным кругом. Однако не только ничто не принуждает нас к этому допущению, но мы должны себе ясно пред-

[1]) E. Schrödinger, Was ist ein Naturgesetz., «Naturwissenshaften», 1929, Heft 1, S. 11.

ставлять, что такая двойственность законов природы является прямо невероятной».

Как видим, и Шредингер — против тысячелетиями вырабатывавшегося материалистического мировоззрения, подтверждающегося практикой, против причинности, за «акаузальное понимание происходящего в мире». Однако, как и по отношению к де-Бройлю, Бору и многим другим махиствующим физикам, так и по отношению к Шрёдингеру, можно было бы показать, что в специальных своих физических работах он не может не стоять на материалистической точке зрения. Так, он пытался материалистически, хотя и не без упрощенчества, об'яснить отношение волн к корпускулам, когда рассматривал корпускулы как «пакет волн», как, так сказать, гребень волн материи.

Наиболее принципиальным в своих махистских воззрениях и поэтому наиболее видным представителем махиствующих физиков является Гайзенберг, основатель другого течения в новейшей квантовой механике. Ему принадлежит попытка наиболее последовательно провести махизм в физическом исследовании. Для этого он использовал не только свой «принцип неопределенности», но и развернул определенную философскую аргументацию. О чем идет речь в философии Гайзенберга и какова его философская программа, можно видеть из следующего.

Трудности и пути разрешения их в квантовой механике Гайзенберг видит в следующем: «хотя формализм квантовой механики не допускает никакой пространственно-временной причинной связи физических феноменов, и напротив того, развертывается в многомерных математических пространствах, все же некритически применяли для описания фактов понятия, перенятые из нашего наглядного пространственно-временного мира, и тем самым естественно запутывались в противоречиях. С другой стороны, казалось безнадежным попытаться найти язык, т. е. мир понятий, который был бы адэкватен этим изображенным математическим связям; ибо все наше мышление нераздельно связано с наглядным пространственно-временным представлением; мы всегда описываем результат наших экспериментов словами, которые взяты из этого наглядного пространственно-временного мира. Единственно возможное разрешение этих трудностей заключалось следовательно в том, чтобы, хотя и сохраняя существовавшие до сих пор наглядные представления, все же ограничить, насколько это необходимо, область их применения» [1]).

Как и в каком направлении сам Гайзенберг «ограничил» наши обычные пространственно-временные представления, можно видеть из следующих двух отрывков из его работы «Квантовая механика» [2]). «В силу... непосредственной экспериментальной очевидности атомистических представлений естественно было приписать основным частицам материи, т. е. в конечном счете положительному и отрицательному электронам, одинаковую степень реальности, как и предметам окружающего нас обихода. Эти частицы стали представлять себе в виде чрезвычайно малых телец определенной (и всегда одной и той же) массы и заряда с неизвестным пока внутренним строением. Эти тельца движутся по некоторым подлежащим дальнейшему изучению законам в пространстве и времени, в известном непрерывном пространственно-временном мире, соответствующем нашему воззрению. С течением времени такое представление оказалось неверным, чему не приходится удивляться, если учесть принципиальную невозможность наглядности у названного прерывного элемента. Электроны или атомы не обладают той сте-

[1]) Heisenberg, Die Entwicklung der Quantentheorie 1918—1928. «Die Naturwissenschaften», 1929, Heft 26, S. 494.

[2]) Гайзенберг, Квантовая механика, «Успехи физ. наук», 1926, т. VI, вып. 6-й, стр. 425.

пенью непосредственной реальности, как предметы ежедневного опыта. Исследование типа физической реальности, соответствующей атомам и электронам, и есть предмет атомной физики и вместе с тем квантовой механики».

Итак, из приведенной цитаты ясно, что решение трудностей квантовой механики Гайзенберг видит в ограничении реальности атомов и электронов, т. е. в отказе от материализма в пользу идеализма. При этом Гайзенберг не скупится на изображение в самых черных красках наших обычных пространственно-временных представлений, утверждая, что эти представления исключительно связаны с понятием непрерывности и т. п., что совершенно неверно.

В соответствии с изображенной выше общей программой Гайзенберг формулирует и собственно физическую задачу. «Если вообще корпускулярное представление должно быть сохранено, — пишет он далее, — то избежать затруднения можно только отказавшись приписывать электрону, или атому определенную точку в пространстве, как функцию времени. Для оправдания этого нужно предположить, что такая точка не может быть непосредственно наблюдаема. Такой отказ означает первое решающее ограничение при рассмотрении вопроса о реальности корпускул. Вместо отброшенного понятия «места электрона» квантовая механика пытается ввести совокупность физически хорошо определенных величин, которые в классической теории математически эквивалентны месту электрона» [1]).

На примере Гайзенберга можно наглядно убедиться, как приходят современные физики в идеалистическое болото, если они в вопросах теории познания становятся на позиции махизма. Несмотря на всю претенциозность своих утверждений, Гайзенберг однако далеко не глубок, как и все современные эпигоны суб'ективного идеализма, и ничему не научился из предшествующей истории атомистики. Ему очень и очень следовало бы, когда он говорит об ограничении реальности электронов, вспомнить историю с В. Оствальдом, отказывавшем в реальности атому и молекулам. Последнему под давлением фактов и успехов атомистики пришлось признать свою ошибку и неправоту махизма в отрицании реальности атомов. Гайзенберг, вместо того чтобы сказать, что современные средства исследования и те методы, которые применяют при этом физики, недостаточны, чтобы при их посредстве определять и место и скорость электронов с безусловной достоверностью, вместо этого он это временное (как ранее с атомами) затруднение возводит в принцип и утверждает принципиальную непознаваемость пространственно-временных и причинных отошений в атоме.

Гайзенберг, как и другие физики, за исключением профессионалов-махистов Ф. Франка и еще более Райхенбаха, Шлика и т. д., переходящих уже из физиков в профессионалов-философов, не имеет развитой философской концепции. Свои философские взгляды он развивает на почве квантовой механики и за этими пределами не отваживается на философствование. Поэтому у него нельзя найти развернутых взглядов по ряду вопросов, которые непосредственно вытекают из его же собственных рассуждений. Так, судя по всему, он не отказывается признавать, что обычные тела находятся в пространстве и во времени. По отношению же к атомам и особенно к электронам, из которых эти тела состоят, он «ограничивает» приложимость понятий пространства и времени, и вообще приписывает меньшую реальность электронам, чем обычным телам. Получается вопиющая непоследовательность, и несомненно, что если Гайзенберг продумает свою позицию до конца, то он и обычным телам «откажет» в реальности. Но тогда будет непонятно, зачем он занимается с таким усердием исследованием нереальных вещей. В противном же случае ему придется рано или поздно признать, а это несо-

[1]) Гайзенберг, Квантовая механика, «Успехи физ. наук».

мненно случится если не с самим Гайзенбергом, то с современными физиками, что вся махистская философия есть не что иное, как продукт таких общественных отношений, когда талантливый физик принужден проповедывать бесталанную и безусловно вредную для естествознания философию.

Таковы философские взгляды значительной части руководящих физиков в связи с вопросами строения материи. Эта часть физиков склоняется к тому, чтобы отказаться от старого, метафизического представления о причинности. Критикуя это метафизическое понятие причинности они, не зная диалектического материализма, не только не дают положительного решения проблемы в философском отношении, но впадают в другую метафизическую крайность — в отрицание причинности вообще и скатываются тем самым в идеализм, т. е. выступают, хотят они того или не хотят, против науки.

Другой группой вопросов, где происходит скатывание в идеализм современных физиков, являются вопросы, выдвинутые теорией относительности. Не останавливаясь подробнее на характеристике взглядов различных физиков по этому вопросу, мы охарактеризуем лишь философскую позицию самого творца теории относительности А. Эйнштейна.

С Эйнштейном в теории относительности получается то же примерно, что и с Гайзенбергом в квантовой механике: он отдельный, подчиненный момент возводит во всеобщий принцип. У Эйнштейна таким принципом является принцип относительности. Как философский принцип — принцип относительности приводит и не может не приводить к отрицанию об'ективности движения, и если у Эйнштейна в его физических работах отрицание движения не проведено последовательно и до конца, то это происходит, как и у всех физиков-идеалистов, в результате противоречивости и непоследовательности их воззрений при трактовке собственно физических проблем. Эта непоследовательность и противоречивость и обуславливают то, что теория относительности, несмотря на общий идеалистический подход к решению проблем со стороны Эйнштейна, содержит в себе рациональное зерно весьма большого значения и приводит Эйнштейна временами к отдельным материалистическим положениям.

Где корни идеалистических шатаний Эйнштейна, он показывает сам. В статье в журнале «Физикалише цайтшрифт» № 7 за 1916 г. Эйнштейн по поводу смерти Маха писал: «...о себе самом я по крайней мере знаю, что на меня оказали особенное прямое или косвенное влияние Юм и Мах» [1]).

То, что Эйнштейн в общефилософских вопросах стоит на позиции махизма, можно иллюстрировать на отрывке из его лекций в престонском университете [2]). Там он пишет: «Пользуясь языком, различные люди получают некоторую возможность сравнивать свои переживания. При этом оказывается, что некоторые переживания отдельных людей находятся в соответствии, тогда как для других переживаний это соответствие установить невозможно. С переживаниями первого рода, оказывающимися в известном смысле внеличными, мысленно связывается нечто вне нас существующее — реальность. Эту-то реальность, следовательно передающую ее совокупность наших переживаний, и изучают науки о природе и простейшая из них — физика. Относительно неизменному комплексу переживаний этого рода соответствует понятие физического тела, в частности твердого тела... Понятия и системы понятий ценны для нас лишь постольку, поскольку они облегчают нам обозрение комплексов наших переживаний, другого оправдания они не имеют».

---

[1]) A. Einstein, Ernst Mach, «Physikalische Zeitschrift», 1916, № 7, S. 102.

[2]) А. Эйнштейн, Основы теории относительности. Кн-ство «Сеятель», 1923, стр. 8.

Как видим, и по форме и по содержанию здесь типичная махистская философия: первичное — не реальность, не тела, а наши переживания; понятия — лишь удобные способы для обозрения комплексов наших переживаний и т. д. Естественно, что при такой философской позиции, Эйнштейн не только не вскрыл материалистических моментов в его собственном учении о пространстве, времени, тяготении и т. д., но услужил идеализму по этим вопросам. Теория относительности с ее махистскими философскими рассуждениями служила и служит для суб'ективно-идеалистических выводов о пространстве, времени, материи.

То, чего до конца не договорил в философском отношении сам Эйнштейн, договаривают его более последовательные коллеги по махизму. Так, проф. физики пражского университета Ф. Франк в статье о «характере современных физических теорий» прямо призывает к изгнанию из обихода естествоиспытателей «таинственной троицы» — пространства, времени и материи [1]).

Однако насколько трудна, более того, безнадежна попытка махистов изгнать материализм из естествознания, показывает бесплодность всех их потуг сколько-нибудь последовательно провести их точку зрения при трактовке физических проблем. И Гайзенберг, как мы цитировали выше, и Бор [2]), и Ф. Франк в только что отмеченной статье признают, что весь человеческий язык построен на признании существования об'ективного, независимого от нас мира действительности, отражаемого нашим сознанием. И сами эти физики не придумали и не придумают другого языка, где о предметах внешнего мира ничего бы не говорилось, где все — физические приборы и исследуемые процессы — были бы лишь «комплексами переживаний». Придерживаясь и сами материалистического языка, на котором говорит все человечество, эти физики готовы однако приветствовать всякую попытку превратить физические книги в нечто скорее бредовое, чем научное.

В последнем отношении характерна «похвала», которую выразил Ф. Франк в упомянутой выше статье, опубликованной в итальянском журнале «Scientia», нашему советскому ленинградскому физику Я. Френкелю. Последний в учебнике по электричеству, напечатанном на немецком языке, из соображений махистского порядка не только ничего не говорит об эфире как материальном «носителе» электромагнитных процессов, но не удостаивает внимания и соответствующие теории. Ф. Франк по этому поводу пишет: «Проф. Френкель из Ленинграда, пожалуй, первый, кто в своем учебнике по электричеству исключил не только теорию эфира, но даже совершенно последовательно способ выражения, который применяет слово эфир».

Из приведенного выше ясно, что значительная часть руководящих физиков скатилась при трактовке проблем современной физики в идеализм. Но можно ли то же сказать о всей массе физиков и можно ли сказать, что пропаганда идеализма в физике не встречает сопротивления? Сказать этого ни в коем случае нельзя. Большинство рядовых физиков несомненно остается, и не может не оставаться, в области своей специальности стихийными материалистами. В основном материалистический, как и ранее, дух современной физики, лишь более скрытый, завуалированный, сказывается при всякой дискуссии по общим вопросам физики, и этого не могут не признавать махисты и вообще идеалисты-физики. Можно было бы привести много отрывков из различных печатных документов, из которых следует, что махисты-физики все время встречают хотя и глухое, но неизменное сопротивление массы

---

[1]) Ph. Frank, Der Charater der heutigen physikalischen Theorien, «Scientia», XXV, 1931, H. III, стр. 192—193.

[2]) N. Bohr, Wirkungsquantum und Naturbeschreibung, S. 485.

физиков. Махистам не удается переломить настроения большинства физиков в пользу идеализма. Но зато им удается, опираясь на общественную идеологию капиталистических стран, заставить насколько можно замолчать и не выступать материалистически настроенных естествоиспытателей.

За материализм сейчас в капиталистических странах осмеливаются, и притом весьма непоследовательно, без называния чорта чортом, т. е. при словесной отмежовке от материализма, выступать лишь старые естествоиспытатели типа Планка, Ленара, Лоренца (пока последний был жив) и пр. Но эта «защита» сплошь и рядом дает прямо противоположный результат по той простой причине, что указанные физики при своей «защите» лишь обороняются, а не наступают на идеализм, более того — делают последнему ряд уступок. В отношении же материализма такие материалисты-естествоиспытатели, как Планк, придерживаются устарелых форм материализма и не способны по существу решить философские проблемы, выдвинутые современной физикой.

Поэтому материалисты типа Планка не в состоянии поддержать и защитить материалистические позиции естествознания и не способны возглавить тот протест, который имеется против идеализма среди массы естествоиспытателей и которого никто не может отрицать. Как пример попытки возвить тот протест, который имеется против идеализма среди массы естествоиспытателями, можно было бы привести речь Планка, произнесенную им при избрании в члены прусской академии наук Шрёдингера. В этой речи, опубликованной и на русском языке в журнале «Под знаменем марксизма» № 1 за 1930 г., можно найти пару правильных аргументов, как например указание на то, что специальные работы Шрёдингера находятся в противоречии с его махистским отрицанием причинности и на то, что отрицание причинности явлений ведет к более глубоким, чем чисто физические, последствиям.

Однако материалистическая аргументация у Планка не развернута, не заострена, более того — она притуплена уступками идеализму. Так, в той же речи он соглашается с Шрёдингером в том, что вопрос о закономерности в естествознании не есть вопрос об отношении нашего мышления к бытию, об отражении мышлением бытия, а вопрос целесообразности, удобства в пределах суб'ективного понимания нами закономерностей природы. Получается скатывание на позиции махизма, с которым Планк хочет воевать в других вопросах. Получается непоследовательность, и вся аргументация ослабляется.

В действительности же дело с Планком обстоит гораздо хуже. Возражая махистам по некоторым пунктам, он в целом защищает самую махровую форму идеализма — религию. Он защищает религию в речи «Закон причинности и свобода воли» [1]), в пользу религии он выступает например в рождественском номере газеты «Берлинер тагеблатт» от 25 декабря 1930 г., наконец он договаривается до прямо идеалистических формулировок по основному вопросу философии в газете «Нью-Йорк таймс» от 8 февраля 1931 г., где он прямо заявляет: «Я рассматриваю сознание, как основу. Материя есть производное от сознания».

Если ко всему сказанному о философской позиции Планка добавить, что политически он представляет собой даже в буржуазном понимании реакционную фигуру, то мы поймем, почему материализм Планка не решает основных вопросов естествознания, почему он не возглавляет антиидеалистических тенденций в естествознании и почему не ведет за собой молодежи.

Теперь подытожим то, что изложено выше в отношении кризиса физики. Мы видим, что причины кризиса кроются в основном, с одной стороны,

[1]) M. Planck, Kausalgesetz und Willensfreiheit, 1923.

в бурном росте открытий и исследований, в корне меняющих старые метафизические взгляды и толкающих естествоиспытателей к признанию диалектического характера процессов природы (единство прерывности и непрерывности, корпускулы и волны, случайности и необходимости и т. д.), с другой стороны, мы имеем отсутствие у буржуазных естествоиспытателей соответствующего современному состоянию естествознания материалистического мировоззрения, более того, наличие упадочного мировоззрения, отказ от материалистического мировоззрения, скатывание части естествоиспытателей в идеализм.

Идеализм в естествознании не есть нечто привнесенное только со стороны. Самый характер построения современной физики, та своеобразная методология, которая господствует в ней, дают повод протаскивать идеализм. Это наглядно видно на том, каким образом создалась и развивается современная волновая теория материи. Основоположники волновой теории, когда создавали ее, исходили из математической точки зрения. Они говорили примерно таким образом. Имеются старые законы механики, которые имеют дело с отдельными телами, имеется оптика, которая имеет дело с распространением лучей. Доказано, что между геометрической оптикой и основными законами классической механики имеется сходство. То, что луч идет по кратчайшему пути — это же выражает в механике целый ряд законов. Если математически преобразовать законы геометрической оптики, то они оказываются тождественны законам классической механики.

Если принять во внимание, что это лучеобразное распространение света в основе своей имеет еще волнообразное движение, то законы механики можно математически связать с законами волновой оптики. Этим математическим путем пошли основоположники волновой теории материи и пришли к некоторым математическим уравнениям, в которых имеется целый ряд величин, причем каков смысл этих величин, — этого зачастую не могут сказать сами основоположники. Это можно проиллюстрировать на величине. В уравнении, которое получил Шрёдингер, есть величина. Относительно этой величины известно лишь одно, — что она выражает некоторый колебательный процесс, нечто периодически изменяющееся. Но что это такое физически, в этом сами основоположники этой теории расходятся. Одни говорят, что величина есть плотность электрического заряда. Другие говорят, что это есть вероятность нахождения частицы на данном месте и т. д. Об'яснение этой разноголосицы заключается в том, что физики подошли к разрешению проблем формально - математически, не исходили из материалистического понимания величин, а из формально - математической трактовки их. Таким образом они получили математическим путем целый ряд выводов, с которыми сами не могут справиться. Еще больше математического формализма в теории Гайзенберга.

Этот математический формализм — также одна из причин, которая приводит физиков к идеалистическим выводам. Здесь виновата не математика, а та ограниченная точка зрения, которую применяют современные естествоиспытатели, что и приводит к скатыванию в идеализм. Таким образом скатывание в идеализм в результате незнания диалектического материализма и неумения дать материалистическое толкование новейшим понятиям в физике—вот что также характеризует современный кризис в физике.

Вот тот сложный путь, каким выводы из новейших открытий делаются предметом ожесточенной борьбы. Эта борьба по философским вопросам современного естествознания отражает борьбу классов современного общества. Однако, как мы видели и как увидим еще дальше, это отражение не прямое, не непосредственное, а опосредованное тысячей различных привходящих об-

стоятельств, всем тем своеобразием отношений, какие имеются и отражаются в области физики и естествознания вообще.

Проникновение и распространение идеализма среди естествоиспытателей есть результат враждебной материализму и естествознанию идеологии. В процессе философской борьбы естествоиспытатели распадаются на определенные лагери. Однако приверженность того или иного естествоиспытателя к определенному лагерю и отношение к другим лагерям далеко не определяются только тем, как решаются им те или иные философские вопросы, выдвинутые современным естествознанием. На данном этапе общественного развития философская борьба более чем когда-либо тесно сплетена с общеполитической и экономической борьбой и в конечном счете подчинена последней.

Поэтому, анализируя одну только философскую позицию данного естествоиспытателя, мы многого не поймем, если не возьмем всей его позиции в целом. Более того, как бы ни были далеки от непосредственной политической борьбы многие из естествоиспытателей, как бы они ни были наивны в этом отношении, все же именно их классовая принадлежность и политическая ориентация являются решающим моментом в той размежовке, которая сейчас более чем когда-либо отчетливо и резко происходит в массе естествоиспытателей.

В дальнейшем мы попытаемся характеризовать главнейшие течения — материалистические и идеалистические — среди современных естествоиспытателей, отмечая и политическую ориентацию определенной группы их.

Глава II. Характеристика различных течений среди современных естествоиспытателей

Начнем с лагеря материализма. Сейчас за границей, если не говорить о стихийных материалистах, имеются материалисты такого типа, как Планк, Ленар, о которых выше уже было упомянуто. Сюда же принадлежит и такой материалист, как физик Густав Ми. В свое время был издан курс электричества Густава Ми и на русском языке.

Как эти материалисты, старые физики, старые естествоиспытатели решают вопрос? Какова их позиция в целом, а не только в области отдельных физических проблем? Нужно сказать прямо: нет больших противоречий, чем у этих материалистов. Несомненно, что они наиболее тесно связаны с буржуазией, с финансовыми кругами, и они хорошо видят, что сейчас капиталистическое хозяйство и буржуазная культура разваливаются. Это настолько ощутимо, что этого нельзя не видеть. И вот в этот момент для них очень характерен крен в сторону религии. Если 10—20 лет назад Планк выступал с речами против Маха, защищая материализм, то сейчас материализм Планка — уже вырождающийся материализм. Все такого рода материалисты, исходя из общеполитической обстановки, готовы отказаться от материализма лишь бы сохранить господствующее положение буржуазии, лишь бы сохранить то, что разваливается. Все они особенное внимание обращают сейчас на закрепление религии и оправдание ее. Это конечно отказ от материализма, это самое резкое противоречие по отношению к материалистической позиции по линии естественно-научных проблем.

Если взять опять того же Планка, то он за последние годы сделал целый ряд высказываний, которые характеризуют его крен в правую сторону. Мы уже сказали, что по поводу рождественских праздников в 1931 г. он в одной из известных газет («Berliner Tageblatt») помещает статью под названием «Наука и вера». В этой статье он прямо говорит, что наука без веры жить не может. Для того, чтобы экспериментировать, нужно верить,

что у тебя что-то получится. Без веры нельзя построить никакой теории, и религия для естествоиспытателей это стержень мировоззрения. Вместо старой хоть и непоследовательной, но более или менее решительной борьбы против идеализма мы видим здесь прямо противоположное — проповедь религии, призыв к признанию религии.

То же, что и у Планка, но в еще более наивной форме, мы находим у Густава Ми. Он в 1932 г. выпустил брошюру под названием «Естествознание и теология» [1]). В первой части брошюры он пишет, что естествознание последовательно и до конца познает мир, что для естествознания не может быть речи о чем-то непознаваемом. Он дает материалистическое определение естествознания: «мы можем охарактеризовать естествознание его целью, — пишет он, — которая заключается в том, чтобы достигнуть совершенно об'ективного изображения реального, независимого от наблюдающего суб'екта, существующего мира». В соответствии с этим материалистическим определением Ми говорит, что естествознание, если его взять само по себе, чуждо всяких мистических выводов, может существовать без религии, и у естествоиспытателей всегда имеется стремление освободиться от религии, противопоставить последней естествознание.

В брошюре Ми имеются хорошие аргументы в пользу материализма. Так, по поводу света и чувства зрения, еще со времен Иоганна Мюллера служивших коньком для идеалистических наездников, он приводит достаточно доказательств об'ективного существования света и об'ективности методов исследования его (оптические приборы, фотографическая пластинка и т. п.). И тем не менее вся брошюра Ми посвящена тому, чтобы утверждать, что естествознание не может существовать без религии. Уже самое начало брошюры, где говорится, что наш индивидуальный дух есть лишь часть мирового духа, характерно в этом отношении.

Где корень такой кричащей непоследовательности? Это поясняет сам Ми, когда он дает оценку того, к чему пришел капитализм в результате его развития. «Собственно говоря было нормальным, как это было в прежние времена, — пишет он, — что люди, которые чувствовали в себе призвание быть вождями духовной жизни своего времени, посвящали себя теологии. Но последние сто или сто пятьдесят лет ситуация изменилась. Наш западноевропейский мир постепенно все более забывал значение теологии для его духовной жизни. Видели как раз особенно ценный шаг вперед в том, что духовная культура, куда нужно отнести нравственность и искусство всякого рода, стремилась освободиться от церкви и завоевать самостоятельное существование. Сегодня видят с ужасающей ясностью, что получилось из этого: каждый благоразумный человек знает в полной мере спутанность и неустойчивость нравственных понятий и разброд в искусстве в настоящее время».

Итак, Ми заставляет шарахаться в сторону религии тот печальный результат, к которому пришло на данной последней стадии своего развития капиталистическое общество. Стараясь спасти это общество, он не как профессор физики, а как самый разнастоящий поп, вещает «горе культурному сообществу, если в нем общая религиозность не дозрела до сознательной ясности»...

Таким образом в лице Ми, Планка, Ленара и т. д. мы имеем такую форму материализма в естествознании, которая является вырождающейся. Отсюда понятно почему они не могут решать те проблемы в физике, которые перед ними встают и почему они не ведут за собою молодежь. Это — одна группа материалистов.

---

[1]) G. Mie, Naturwissenschaft und Theologie, Leipzig, 1932, S. 39.

Но имеется и другая группа естествоиспытателей, которая выступает не за, а против религии. Эти естествоиспытатели — атеисты. Но это тоже течение буржуазное.

Если о первой группе нельзя сказать, как о чем-то организованном, о чем-то едином, а лишь как о некотором течении, то здесь мы имеем дело с известной организацией. В Германии есть естественно-научный союз монистов, основанный Геккелем. Геккель был крупнейшим естествоиспытателем и стоял на атеистической точке зрения. Свой материализм он не хотел называть материализмом, а называл монизмом. Этот союз монистов существует и по сию пору и имеет даже свой печатный орган. В течение 16 лет этот орган носил название «Монистического ежемесячника». На 17-м году он переменил название, стал называться «Голос разума» [1]). В чем дело? Почему эта организация, которая об'единяет довольно много естествоиспытателей и является выражением взглядов определенной прослойки среди естествоиспытателей, стала вдруг говорить о разуме на 17-м году существования их журнала. Почему в 1932 г. потребовалось поднять голос разума? Они отвечают на этот вопрос ясно и определенно. Буржуазный строй стал неразумен, нужно поднять голос на защиту разума, нужно бороться за разумное устройство жизни, за научное мировоззрение. Всему этому сейчас угрожает опасность. Они тоже, как и Ми, исходят из того положения, что капиталистическому обществу угрожает опасность, но их позиция другая. Но прежде чем охарактеризовать их позицию в целом, скажем пару слов об их философской позиции.

Члены союза монистов — атеисты. Быть, как увидим далее, атеистом в условиях теперешней Германии трудно. Нужно много мужества и смелости, чтобы итти против течения, против гинденбурговско-гитлеровской общественности, против властей. Монисты пытаются разоблачать религию и религиозное движение в Германии, и в их журнальчике можно найти интересные данные. В одной из статеек указывается например, что в результате союза государства с церковью, налог в пользу церкви достиг 5 марок на душу населения, что вместе с другими поборами церкви означает весьма ощутительное ограбление трудящихся Германии. Там же много данных о том, как законодательство защищает церковь, превращает школы из светских в церковные и т. п. Между прочим отмечается, что марксово положение «религия—опиум для народа», безнаказанно раздававшееся даже во времена Вильгельма, теперь наказуется тюрьмой как богохульство.

Для нас интересно отметить, что «Голос разума» борется с поповщиной и по линии науки. Так в № 1 за 1932 г. довольно остроумно высмеивается автор появившейся в 1931 г. брошюры, защищающей витализм, бременский профессор Шауинслянд. В № 4 за нынешний год помещена статья против поповской проповеди известного английского ученого Джинса, книги которого известны и на немецком языке.

Не останавливаясь более подробно на характеристике философской позиции монистов, мы можем сказать, что они не просто абстрактно защищают материализм, называя его монизмом, но борются за материализм по линии антирелигиозной, по линии борьбы с витализмом, с идеалистическими высказываниями современных естествоиспытателей. Монистами в целях антирелигиозных издаются листовки и брошюры, читаются лекции и т. д.

Самым важным с точки зрения переживаемого сейчас момента в отношении союза монистов является однако не столько их позиция на данный момент, как то, куда они двигаются и двинутся в ближайшее время. В этом

[1]) «Die Stimme der Vernunft» Monatshefte für wissenschaftliche Weltanschauung und Lebensgestaltung, herausgegeb en vom deutschen Monistenbund, 17 Jahrgang, 1932.

отношении интересны те уроки, которые дает современная политическая жизнь монистам.

Монисты — непоследовательные материалисты. Они рассматривают свой монизм как нечто якобы более высокое, чем материализм: материализм плюс рационализм. На деле же их монизм не что иное, как попытка возрождения на данном этапе некоторых традиций французских просветителей XVIII века и немецких просветителей XIX века. Поэтому их материализм является скорее реставрированным материализмом и похож на настоящий материализм, как ископаемое животное на современных животных. Однако современное положение Германии таково, что перетряхивает все окаменелости и заставляет притти в движение то, что еще вчера дремало в мещанской дремоте. Движение заметно и у монистов.

Если судить по статьям некоторых из руководителей союза монистов, то этот союз очень близок по позиции к социал-демократии. Руководство союза — за Лигу наций, за мирное решение социальных вопросов, против диктатуры пролетариата, за Веймарскую конституцию. Борясь против религии в лице католической церкви, некоторые из монистов уже мягче смотрят на лютеранских попов.

Однако основное в линии монистов — это их атеизм, хотя бы и в духе просветителей. Вот это обстоятельство и создает противоречия в пределах самого союза, противоречия между официальной политикой союза и действительно атеистическим движением об'единяемых союзом масс.

На данном этапе развития Германии выступать против церкви — это значит выступать против государственности. Этого нельзя не понять, и тот, кто не захочет этого понимать, будет получать жестокие уроки. Это сейчас и происходит с союзом монистов.

Очень характерны два документа: в № 2 журнала «Голос разума» опубликовано воззвание четырех союзов свободомыслящих Германии, в том числе и союза монистов. В этом воззвании говорится о тех преследованиях, которым подвергаются эти союзы в гинденбурговской Германии. Мы, пишут они, стоим на почве Веймарской конституции, мы соблюдаем все законы Германской республики и выполняем все распоряжения полицейских властей; не было доказано ни одного случая каких-либо наших противогосударственных выступлений. И что же? Наши листовки конфискуются, передачи по радио запрещаются, в наших помещениях производятся обыски. «Все средства, — пишут они, — государственного аппарата применяются для того, чтобы распространить презрительное отношение к нашему мировоззрению и воспрепятствовать его распространению».

Однако монисты не могут понять в чем суть их злоключений, не понимают того, что сегодняшние их преследования суть лишь следствие развития той самой Веймарской конституции, за которую они готовы далее бороться. Но жизнь их учит, и об этом говорит второй документ.

Еще в № 5 (май 1932 г.) в передовой статье «Голос разума», посвященной выборам райхспрезидента, один автор, скрывающийся за псевдонимом, пояснял, почему он голосовал за Гинденбурга. За Гитлера он не голосовал потому, что победа его означает гражданскую войну внутри, и просто войну во-вне Германии. За Тельмана он не голосовал потому, что это означает диктатуру, которую автор не может признать разумной, хотя абстрактно и не против диктатуры.

И вот не позже чем в следующем номере (№ 6) журнала появляется на первой странице воззвание п р о т и в Гинденбурга — «Воззвание ко всем нашим членам и друзьям». «Чрезвычайное положение, которое распускает коммунистические организации безбожников и грозит другим подобным же организациям также роспуском, — пишется в этом воззвании, — обозначает сле-

довательно шаг назад к той ступени культурного развития, когда господствовало преследование веры — подавление духовной свободы. Но мы не хотим, чтобы человечество шло назад. Наоборот, мы употребим всю нашу силу для борьбы за дальнейшее развитие человеческого рода в направлении к свободному самоопределению под руководством разума».

Из всего, что приведено выше, следует, что движение монистов находится на перепутьи. Если монисты хотят сохранить Веймарскую конституцию, они должны будут испытать и ее плоды и отказаться от своей атеистической борьбы, или, борясь за атеизм, они должны будут пойти за знаменем, которое несет в своих руках коммунистическая партия Германии У них другого выхода нет, и с полной ясностью для них встает вопрос «или-или». Или они должны в полной мере испробовать на своих спинах дух Веймарской конституции или они должны последовательно, до конца защищать материалистическую точку зрения, быть до конца атеистами, бороться с церковью, с религией Но тогда они должны итти вместе с теми, кто идет во главе широчайших масс трудящихся против церкви, против религии.

Поэтому мы несомненно будем иметь среди этой группы материалистов-естественников расслоение [1]).

Это вторая группа материалистов, борющихся на фронте естествознания. Кроме этих групп имеются еще последовательные материалисты-коммунисты естественники, которых в капиталистических странах еще пока мало и влияние которых еще недостаточно, и стихийные материалисты — рядовые естествоиспытатели.

Последние уже потому не могут быть точно определены и изучены, что они неорганизованы, что они стихийны. Но они — основная масса рядовых естествоиспытателей и из них рекрутируют себе приверженцев различные определенные философские, борющиеся между собой, школы естествоиспытателей. Для нас здесь важно поставить в отношении этой группы естествоиспытателей лишь один вопрос: почему они, будучи стихийными материалистами, не примыкают к лагерю материалистов, скажем монистов или коммунистов?

Причина этого заключается в их классовой природе и в тех общественных условиях, в которых они находятся. По природе своей подавляющее большинство естествоиспытателей буржуазны и мелкобуржуазны. Поэтому ожидать того, что они в основной массе решатся открыто и сознательно пойти именно в области философии за коммунистами до установления диктатуры пролетариата, не приходится. Это не значит конечно, что не нужно сделать в отношении этих естествоиспытателей всего, чтобы сделать им понятным диалектический материализм, его задачи в области естествознания и т. д., чтобы привлечь их на сторону пролетариата. Однако классовая природа отталкивает этих естествоиспытателей от диалектического материализма.

Но почему, спрашивается, они не идут за таким буржуазным материалистическим течением, как монистическое. Чтобы итти и за этим движением, нужно, как мы уже выше видели, обладать немалым мужеством и не побояться пойти против общественного мнения, против власть имущих, против зачастую своего ближайшего естественно-научного начальства. Этого мужества у многих рядовых естествоиспытателей нет, как нет у них опыта

[1]) Уже во время печатания настоящей статьи был получен № 7 журнала «Голос разума», который подтверждает наш прогноз. Редактор журнала «Голос разума» проф. Шмидт отвечает на протесты, которые получила редакция в ответ на статью о выборах райхспрезидента, напечатанную в майском номере. Из протестов видно, что читатели «Голоса разума» резко распадаются на два крыла: правое и левое, и с этих позиций критикуют редакцию «Голоса разума».

борьбы за материализм в естествознании, как нет у них организованности.

О том, как давит общественное мнение на физиков и заставляет их молчать о своей позиции, в свое время хорошо и откровенно сказал физик-махист Ф. Франк. В одной из своих статей 1928 г. [1]) он писал: «Как добросовестные специалисты в области физики они считают за свой долг не мешать философам в их области и принимают преподающиеся в наших университетах идеалистические системы, как доказанные факты, с которыми нужно остерегаться «попадать в конфликт». Вот эти «факты», которых нужно «остерегаться» и принимать «как доказанные», и затыкают рот рядовым естествоиспытателям!

Но раз дело обстоит так, то мы с достаточным основанием должны ожидать, что и под идеалистической формой могут скрываться весьма разнородные элементы из числа естествоиспытателей. Это действительно так и есть.

Самым мощным по влиянию, по организованности, но самым пестрым по составу является махистское течение среди естествоиспытателей. Выше мы видели, что часть крупнейших естествоиспытателей высказывает в связи с основными проблемами естествознания махистские взгляды. Махистское течение среди естествоиспытателей располагает сейчас и философскими кадрами, специализировавшимися на проблемах естествознания и являющимися по своей квалификации естествоиспытателями. Этим философам-физикам удается подчинять своему влиянию философскую подготовку студентов-физиков и родственных специальностей в ряде немецких университетов и технических вузов. Так, такими махистами, специализировавшимися на проблемах естествознания и читающими курсы философии естествознания, являются: в Берлине проф. Райхенбах, в Вене — Морис Шлик, в Праге — известный нам физик проф. Ф. Франк, в Мюнхене — проф. Г. Динглер, в высшей технической школе в Берлине—Дубислав, и т. д.

Часть махистского течения, к которому близко примыкает, сливаясь с ним, неокантианизм, организована в особую группу, имеющую свой орган — журнал «Эркенntнис» («Познание»). Имеется ряд махистских обществ, как например общество имени Э. Маха в Вене, Общество научной (ранее — эмпирической) философии в Берлине, которые являются организациями махистов. Кроме Берлина и вообще Германии, кроме Вены и Праги, махисты имеют свои группы в Польше и некоторых смежных странах. В Англии, Америке и других странах также имеются махистские течения. Наиболее видные представители махистского течения выступают со своими докладами в различных странах и, пользуясь определенной известностью, получают для докладов приглашения от различных университетов и обществ (Шлик в 1932 г. — в Америку, Райхенбах — в Амстердам, Лейден и Утрехт и т. д.).

Какова расстановка сил в этом махистском лагере? Между крайними крыльями махистского течения имеется очень большое различие и в самом течении большие противоречия. С одной стороны мы имеем таких махистов, которые в ряде вопросов подкрашиваются под материализм и служит выразителями настроений стыдливо прикрытых агностической фразой материалистов, не имеющих смелости открыто выступать под флагом материализма. Среди этих представителей махизма мы имеем атеистов, как ни покажется это на первый взгляд парадоксальным. На другом крыле махистов мы имеем таких представителей этого течения, которые целиком сливаются с поповщиной, проповедуют религию и являются заклятыми врагами материализма.

Иллюстрируем это на паре примеров.

[1]) Ф. Франк, О наглядности физических теорий, «Die Naturwissenschaften», 1928, H. 8, S. 125.

К числу «левых» махистов принадлежит берлинский проф. Райхенбах. Кроме прочих его многочисленных работ, посвященных главным образом проблемам физики, им в 1931 г. выпущена брошюра «Цели и пути современной натурфилософии», воспроизводящая его доклады в технической школе в Ганновере и естественно-научных обществах Гамбурга и Бремена. В этой брошюре Райхенбах выступает против апроризма вообще и кантовского в особенности, против телеологии и витализма и персонально против Дриша, против конвенционализма. Вот что можно читать по вопросу о пространстве и времени в этой брошюре: «Пространство и время не являются, как думала старая философия, формами упорядочивания, которые вносит познающий суб'ект в реальность, но они суть свойства порядка самой действительности и взяты познающим человеком из действительности» [1]).

Как видим из этой цитаты, Райхенбах дает такую формулировку по вопросу пространства и времени, которая по существу является материалистической, и только опытный читатель может из всего содержания брошюры увидеть, что он имеет дело с махистом. Для многих же рядовых естествоиспытателей такие высказывания, как приведенное выше, служат рупором для их стихийно-материалистических настроений. Поэтому для известной части естествоиспытателей махизм в его наиболее замаскированном и противоречивом виде служит для прикрытия их материалистических убеждений. Под махистской оболочкой мы можем иногда ожидать открыть «стыдливо прикрытых материалистов».

Очень интересным в позиции Райхенбаха является указание на п у т и, какими можно притти к разрешению вопросов философии естествознания и связанных с ними вопросов мировоззрения. Он решительно выступает против кабинетной философии, против присяжных философов (хотя и сам профессор берлинского университета), против книжного решения проблем. «При некоторых обстоятельствах, — пишет он, — деятельность есть лучший путь к уразумению, чем мышление, по крайней мере в том случае, когда мышление запутывается в сетях ложной теоретико-познавательной системы. Тот, кто сегодня хочет что-либо сказать о смысле бытия, пусть охранит себя от анализа понятий; пусть он пойдет в качестве служащего или рабочего на фабрику, или в качестве учителя в школу, или в качестве врача к больным, или в качестве бойца в социальное движение, — тогда он будет иметь, что сказать по вопросу об образовании ценностей нашего века» [2]). «Как раз отчуждение от преобразующих социологических процессов нашего времени, — пишет он в другом месте, — есть основание того, почему столь многое из того, что говорится об этих вещах (общие вопросы мировоззрения. — *А. М.*) с академической стороны, является столь особенно тощим и далеким от жизни» [3]).

Критика устарелых понятий, выступления за новейшие открытия, борьба с наиболее реакционными тенденциями в науке, «левая» фраза по общим вопросам мировоззрения, умение найти путь к массе через лекции, общества, популярные брошюры и т. д. — все это делает махистское течение привлекательным для широких кругов ученых и для молодежи. Мы должны изучать и вскрывать действительное лицо представителя махизма. Это особенно необходимо сделать по отношению к наиболее замаскированным, а потом и наиболее опасным и вредным, махистам. К таким как раз и относится Райхенбах.

[1]) H. Reichenbach, Ziele und Wege der heutigen Naturphilosophie, 1931, S. 24.

[2]) Там же, стр. 60.

[3]) Там же, стр. 59.

Несмотря на все «левые» фразы, на порой материалистические формулировки, на стремление поменьше давать схоластических рассуждений, он является самым настоящим махистом. Это делается вполне ясным, если взять его многочисленные работы и особенно если принять во внимание его организующую и пропагандирующую роль в рядах махистов. А в этом отношении ему принадлежит довольно видная роль.

Менее замаскированным в смысле своей позиции является уже известный нам Ф. Франк. Последний вводит в заблуждение наивного читателя своей якобы борьбой с религией и религиозным мировоззрением, своей симпатией к «левым» настроениям и течениям. Однако по части философии Франк гораздо более откровенный махист, чем Райхенбах, что мы выше уже иллюстрировали на его взглядах на пространство, время и материю.

С кем смыкается махизм, когда он прикрывается «левой» фразой, можно видеть как из самой аргументации махистов, так и из тех персональных связей, которые имеются у махистов, рассматриваемого нами в данном случае типа. По аргументации, как это мы будем видеть далее, где скажем и о взглядах социал-демократии в связи с вопросами естествознания, махисты в целом ряде случаев стоят на тех же позициях, что и социал-фашисты. Это же подтверждается и по линии персональной. Так, докладчиком в обществе им. Маха в Вене выступает также и Отто Бауэр. Таким образом махизм в его «предательстве естествознания идеализму», смыкается с социал-предательством, осуществляющим предательство по всей линии, как практической, так и теоретической.

Махизм — разновидность буржуазной идеалистической философии, ее левое крыло. Поэтому махизм не только не противостоит откровенной поповщине, но неизбежно ведет к ней, сотрудничает с ней, выполняя особую функцию обмана тех масс, которые не идут за открытой поповщиной. Смыкание махизма с другими ветвями буржуазной философии происходит не только по линии гносеологической, где махизм проповедует суб'ективный идеализм, но и по линии организационной. Представители организованных в упомянутые выше общества махистов сотрудничают в кантианских и других журналах, участвуют в общих конгрессах по философии наряду с прочими буржуазными течениями и т. д.

Куда растет махизм, когда он начинает последовательно проводить свою философскую линию, можно видеть на мюнхенском профессоре Гуго Динглере. Г. Диглер — тоже махист конвенционалистского толка, т. е. исходящий из взглядов Пуанкаре, хотя и не принадлежит к рассмотренной выше группировке махистов. Он, в отличие от прочих махистов, о которых мы говорили выше, решил быть более последовательным с точки зрения основных суб'ективно - идеалистических посылок и избегнуть тех вопиющих противоречий, которые имеются у его более «левых» собратий. Результат — полное и откровенное смыкание с поповщиной.

В своей книге «Крушение науки и примат философии» [1]) Динглер все формы мышления трактует как суб'ективные, как результат «чистого синтеза». Рассмотрев с своей точки зрения все основные проблемы физики, Динглер заканчивает книгу «чистым синтезом» понятия бога. Так находит себе пристань у откровенной поповщины пошедший путем махизма философ естествознания Г. Динглер!

Итак, махизм — очень разнородное течение. Оно включает в себя самые пестрые элементы от самых замаскированных и прикрывающих стыдливых материалистов до самой махровопоповской разновидности.

---

[1]) H. Dingler, Der Zusammenbruch der Wissenschaft und der Primat der Philosophie, 2-te Auflage, 1931.

Однако основная черта махизма — непоследовательность, колебания, приспособление и подлаживания под настроения естествоиспытателей. Кроме этой формы непоследовательного идеализма мы имеем среди естествоиспытателей и совершенно откровенных идеалистов. В этом отношении особенно проявляют себя английские ученые. Англия — одна из самых реакционных современных буржуазных стран и одна из самых отсталых. Мировоззрение ее ученых соответствует положению этой страны. Поэтому там больше всего можно встретить поповских проповедей. И действительно, у английских буржуазных ученых мы встречаем совершенно откровенные идеалистические высказывания. К числу таких принадлежит например Джинс — известный физик и астроном. Он выпустил целый ряд книг, посвященных проблемам астрономии, где касается и общих вопросов философии. Вот что он пишет в своей книге «Таинственная вселенная», переведенной и на немецкий язык: «Поток знания в последнии годы сделал резкий поворот. Тридцать лет тому назад мы думали или принимали, что мы держали курс на познание последнего фундамента действительности механического рода. Она (действительность. — *А. М.*), казалось, состояла из случайного хаоса атомов, предназначением которого было в течение некоторого времени совершать под действием слепых случайных сил бессмысленные танцы, чтобы затем крушиться и образовать мертвый мир. В этот насквозь механический мир была случайно игрой тех же слепых сил внесена жизнь. Маленький уголочек или может быть несколько маленьких уголков этой вселенной из атомов достигли случайно на некоторое время сознания, но в конце концов они были снова под действием слепых механических сил осуждены на то, чтобы вернуться к мертвенному покою и оставить сзади себя снова безжизненный мир.

Сегодня довольно единодушно, а на физической стороне почти совершенно единодушно признают, что поток знания течет не к механической действительности; вселенная постепенно вырисовывается скорее как большая мысль, чем как большая машина. Дух обнаруживается в царстве материи уже не как случайный пришелец; мы начинаем предчувствовать, что мы должны его приветствовать скорее как творца и властителя царства материи — конечно не нашего индивидуального духа, в котором атомы, из каковых произошел наш индивидуальный дух, существуют как мысли» [1]).

Это уже чистая стопроценетная поповщина. Мы имеем здесь дело с такого рода естествоиспытателем, который по основному вопросу отношения мышления и бытия — целиком и полностью отказывается от материалистической точки зрения. Конечно Джинсу в его книгах не удается провести эту точку зрения до конца. Нельзя говорить о вселенной только как о нашей мысли. Нельзя не употреблять материалистических положений. Но там, где он приходит к выводам, там он скатывается целиком на идеалистическую позицию.

Джинс в своих чисто поповских выводах из своих физических и астрономических исследований далеко не одинок. Но он еще остается физиком и астрономом, еще не порвал с наукой. Имеется однако и такая разновидность квази-естествоиспытателей в капиталистических странах, и довольно многочисленная, которая на деле целиком себя противопоставила науке. Это разнообразные мистики, спириты, астрологи, знахари и т. д. Существуют даже общества, как например Кеплеровский союз в Германии, которые ставят целью пропаганду прикрывающегося именем науки суеверия и мракобесия.

Не останавливаясь здесь на дальнейшей характеристике этих течений среди выродков науки и отребья современного капиталистического общества,

[1]) I. Jeans, The misterious universe. Немецк. перевод: «Der Weltenraum und seine Rätsel». 1931, стр. 208—209.

мы укажем лишь на то, с кем смыкается крайний идеалистический лагерь в политическом отношении.

Одним из руководящих общих естественно-научных журналов в Германии является журнал «Ди натурвиссеншафтен» («Естественные науки»), орган общества немецких естествоиспытателей и врачей и орган общества содействия наукам им. кайзера Вильгельма. В этом органе помещают время от времени свои статьи крупнейшие естествоиспытатели. И вот в № 19 от 6 мая 1932 г. мы имеем здесь две любопытных и характерных статьи. Одна посвящена памяти одного из крупнейших химиков — В. Оствальда, умершего 4 апреля этого года. Другая, гораздо большая, посвящена памяти Маргариты Врангель, княгини Андронниковой, умершей в Германии 31 марта этого же года.

В то время как Оствальду посвящается ¾ страницы, и притом биография Оствальда, бывшего атеистом и председателем союза монистов, выступавшего против вильгельмовского режима, подкрашивается под ориентацию журнала, в то же время реакционер в науке и политике Адольф Майер воспевает Маргариту фон-Врангель, княгиню Андронникову, пострадавшую от «жестокого убийцы» — большевизма.

Возмутительная статья Майера, являющаяся в то же время и апологетикой вечного рабства женщины, как от природы предназначенного для семейной жизни существа и апологетикой синей крови старых дворянских фамилий, показывает, кому служат в философском и политическом отношении и Райхенбах, и Шрёдингер, и Мизес, и Бор и многие другие, которые сотрудничают в журнале «Ди натурвиссеншафтен».

Что касается всяких мистических, магических, спиритических и прочих мракобесных течений, прикрывающихся именем естествознания, то их политическая роль ясна сама собой. Мы все же приведем справку из уже цитировавшегося фашистского документа — книги графа Куденгове - Калерги «Прочь от материализма». Сей граф, зарабатывающий на писании черносотенных погромных трудов, так живописует тот переворот в науке, который обещает произвести фашизм: «С началом идеалистического века, — пишет он, — подымется новая наука, которая высмеивалась и над которой издевался материализм: «Магия». «Скоро телепатия, — пишет далее этот дегенерат, — будет признана наукой, которая освободится от материалистической предубежденности, таким же естественным феноменом, как и беспроволочная телеграфия» [1]).

Мы видим здесь таким образом то духовное родство, которое об'единяет таких теоретиков фашизма, как Куденгове с самым от'явленным мракобесием. И вся эта свора, размахивая антинаучным знаменем, собирается в поход против СССР!

Выше мы показали, что во всех лагерях естествоиспытателей происходит на данном этапе большое движение. Такие естествоиспытатели, как Планк, Ми и др., идут назад от материализма к поповщине. Монисты переживают тяжелые дни раздумий и потрясений. У махистов — большое оживление, но еще большие противоречия. Откровенная поповщина призывает к крестовому походу против материализма и СССР.

В этих условиях очень интересно и важно выяснить, какова позиция социал-демократии по вопросам философии естествознания, каково ее отношение к тем процессам, которые происходят среди естествоиспытателей.

Среди социал-демократии имеется некоторая прослойка, которая выступает, хотя и непоследовательно, под знаменем атеизма. Однако основное в позиции социал-демократии по вопросам философии заключается в полном

[1]) Coudenhove-Kalergi, Los vom Materialismus, S. 57.

отказе от материализма, в переходе на сторону идеализма, в пропаганде идеализма. Основные теоретические журналы социал-фашистов, как например «Кампф» и «Социалистические ежемесячники», защищают идеалистическую точку зрения и враждебны материализму. Этой общей позицией в области философии и определяется позиция социал-фашизма по отношению к естествознанию.

У социал-демократии имеется некоторое число «теоретиков», которые «специализировались» на вопросах естествознания. К таковым относится например ученик Маха — Фридрих Адлер. Чтобы показать, какова философская позиция такого рода теоретиков, мы приведем пару выдержек из работы Ф. Адлера «Преодоление механического материализма Э. Махом»

Изображая развитие философских воззрений Маркса и Энгельса, Ф. Адлер видит суть перемены в их мировоззрении к моменту обоснования ими марксизма в «приспособлении идеалистических мыслей (взятых у Гегеля. — *А. М.*) к опыту, который выступил пред ними в лице фактов политической экономии. Эту вновь приобретенную точку зрения они назвали материализмом» [1]). По Адлеру, как видим, выходит, что Маркс и Энгельс взяли, с одной стороны эмпиризм, а с другой — идеализм Гегеля, соединили их вместе и получилось то, что называется марксизмом!

В соответствии со столь глубокомысленным раз'яснением истории происхождения марксизма Ф. Адлер дает и определение того, что такое диалектический материализм. Он пишет: «Мы можем следовательно констатировать, что обозначения «материализм» и «диалектика» у Маркса и Энгельса целиком совпадают с понятиями современного естествознания — «опыт» и «развитие» [2]). Беря же определение понятий развития и опыта у Маха, Ф. Адлер ухитряется на глазах у публики произвести превращение марксизма в махизм!

Понятно, если диалектику приравнять к понятию развития, а материализм — к понятию опыта, трактуя при этом опыт в махистском смысле, то сколько угодно можно протаскивать махизм под видом марксизма. Все это нужно Адлеру для того, чтобы, на словах выдавая себя за марксиста, подменить марксизм махизмом.

То, что социал-фашизмом проделывается по отношению к основам учения Маркса и Энгельса, то же им проделывается и в отношении естественно-научных воззрений основоположников марксизма. Так, аналогичную операцию с той, которую мы видели в отношении всего марксизма в целом, Ф. Адлер проделывает и в отношении естественно-научных взглядов Ф. Энгельса в статье «Ф. Энгельс и естествознание». Эта статья, напечатанная в свое время в журнале «Ди нейе цейт», была перепечатана в 1925 г. в «память» 30-летия со дня смерти Энгельса в особом сборнике «Марксизм и естествознание». Проводимая сборником точка зрения видна как из факта помещения статьи Адлера, так и из всей установки его. В предисловии к сборнику редактор сборника Отто Иенсен пишет: «Целью этого сборника не является гальванизирование мумий, с тем чтобы заниматься культом Энгельса. Наоборот, выбор статей происходил с точки зрения мысли о развитии, которая, исходя из Энгельса, идет далее через Энгельса. Эту последовательность в развитии мыслей можно метким образом обозначить: от механического материализма — к позитивизму Маха и от дарвинизма — к неоламаркизму» [3]).

Если Ф. Адлер заменяет диалектический материализм махизмом, то Каутский то же проделывает при посредстве неокантианизма в своем обшир-

[1]) F. Adler, E. Machs Ueberwindung des mechanischen Materialismus, 1918, S. 134.

[2]) Там же, стр. 137.

[3]) «Marxismus und Naturwissenschaft», 1925, S. 7.

ном труде «Материалистическое понимание истории» и в других, более ранних работах.

Таким образом в области философских вопросов социал-фашизм является таким же предателем, каким является в области политической. Он не только не защищает материализм, но сознательно фальсифицирует марксизм, подменяя его идеализмом махистской или неокантианской разновидности. Понятно, что и в области естествознания от социал-фашизма ничего нельзя ждать, кроме содействия враждебным естествознанию течениям. Это можно наглядно видеть на тех статьях, которые помещаются по сей день в журналах «Дер кампф» и «Социалистические ежемесячники».

Чтобы закончить наш обзор расположения сил на естественно-научном и философском фронте в капиталистических странах, добавим еще краткое указание на то, в каких условиях приходится работать подлинным материалистам-коммунистам в этих странах.

Выше было показано, что среди буржуазных естествоиспытателей в лице монистов есть стремление бороться за атеизм вопреки полицейскому террору Цергибелей, Гржезинских и К°. Это движение за материализм, против религии будет тем успешнее, чем яснее будут пути, по которым для этого нужно итти. Эти пути может указать лишь компартия. То, что компартия ведет за собой не только пролетариат, но может вести и могущие пойти за пролетариатом слои мелкой буржуазии, прекрасно понимают современные правители Германии. Поэтому вся сила полицейского террора обрушивается на пролетарское движение. Как это сказывается в области философии, можно иллюстрировать на следующей маленькой заметке, взятой нами из майского номера органа монистов «Голос разума».

Заметка гласит: «Гёте с точки зрения марксизма,—об этом собирались говорить в связи с празднованием памяти Гёте пред слушателями марксистской рабочей школы в Берлине д-р Виттфогель и д-р Лукач. Полицейпрезидент запретил устройство лекции со следующим обоснованием: тем-де будет подвергнут опасности гражданский мир». Пояснять не требуется!

Вот та ситуация, которая сейчас имеется в капиталистических странах, взятых на примере Германии, в отношении философского фронта. Мы видим, что философия и естествознание являются ареной ожесточенной борьбы. Эта борьба выражается в форме борьбы философских течений, философских партий. Философская борьба является, как это видно и из всего изложенного выше, отражением классовой борьбы современного общества. Это отражение не является простым зеркальным отражением, а опосредствовано тысячами различных обстоятельств. Без конкретного анализа всей совокупности этих обстоятельств мы не можем провести правильной линии в отношении той борьбы, которая происходит на фронте естествознания и философии. Анализируя конкретную обстановку борьбы, как она дана на данный момент, мы не можем в то же время не видеть, что за всей сложной картиной борьбы различных групп кроется борьба двух основных течений—материализма и идеализма, отражающих борьбу двух основных классов современного капиталистического общества.

Заключение

В качестве заключения нашего рассмотрения отражения классовой борьбы в современном естествознании проведем несколько параллелей между тем, что имеется в отношении естествознания у нас в СССР и в капиталистических странах.

Если в капиталистических странах имеется такое положение, когда даже левобуржуазные течения самым решительным образом подавляются, когда

против них применяются полицейские меры, то у нас в СССР мы видим совершенно иную обстановку, совершенно иные условия для развития науки. Мы имеем в СССР очень большой расцвет науки как в смысле количества наших исследовательских институтов, как в смысле той работы, которая ведется, имея при этом в виду тематику, так и в смысле тех кадров, которые создаются, и наконец в смысле масштабов и темпов работы в области научно-исследовательской. Если там на данном этапе наука в известной степени замирает, заходит в тупик, то мы в СССР имеем совершенно другие условия, которые открывают совершенно новые перспективы.

То, что сейчас произошло и происходит в СССР прежде всего в области экономической — полное построение фундамента социалистической экономики, выкорчевывание корней капитализма, невиданные темпы хозяйственного развития, энтузиазм многомиллионных масс рабочих и колхозников — все это залог того, что и в области научной мы будем в ближайшее время иметь такие достижения, которые и по содержанию и по темпам оставят далеко позади все те успехи, которые имело естествознание в условиях капиталистического общества. Революционная ломка старых понятий и теорий, которая сейчас наблюдается в естествознании в условиях капиталистического общества, есть лишь прелюдия к дальнейшему, неизмеримо более мощному развитию науки, для которой впервые в условиях социалистического общества создаются условия беспрепятственного дальнейшего развития.

Мы имеем большие достижения в смысле создания новых путей развития науки. Возьмем к примеру одно издание, которое является таким изданием, какого никто никогда не видел в условиях капиталистического общества, да и не мог видеть,—это издание Электрозавода. Электрозавод из года в год издает ряд темников для рабочей смекалки, для рабочего изобретательства. Кроме того Электрозавод издает ежемесячный журнал «Догоним и перегоним», посвященный вопросам техники и производства на Электрозаводе [1]).

Что мы имеем в лице этих изданий и в лице той работы, которая ведется на Электрозаводе? Мы имеем то, чего не было и никогда не может быть в условиях капиталистического общества. Мы привлекаем всю массу рабочих к участию в изобретательстве, мы издаем для этого темники, где подробно формулируем темы, даем иллюстрации, которые помогают рабочим разбираться в поставленных задачах, и т. д. Мы имеем освещение в журнале вопросов производства и научно-исследовательской работы завода. Если вы пойдете на Электрозавод и посмотрите, каковы там лаборатории, а их там полтора десятка, то вы увидите, что таких лабораторий, какие имеет Электрозавод, не имеют очень многие учебные заведения. Мы должны учитывать этот факт как новую показательную форму работы и развития науки. И Электрозавод—не исключение, а правило. Все наши крупные производства строятся таким образом, что мы обеспечиваем их в смысле исследовательских лабораторий, в смысле постановки всего производства на высоту современной науки. Мы поднимаем и привлекаем всю массу рабочих к участию в изобретательстве и в научных работах.

Точно так же чрезвычайно интересно, откуда берутся те кадры, которые имеются в лабораториях наших заводов. Оказывается, что это зачастую свои, заводские, выросшие на заводе кадры. Сначала на заводе в качестве лаборантов, переходя затем со ступени на ступень, образуются из своих заводских работников кадры, которые мы имеем в своих заводских лабораториях.

Таким образом мы можем сказать, что в то время, когда в капиталистических странах наука в известном отношении попадает в тупик, у нас—рост

[1]) «Сборник тем для рабочей смекалки». 1932 г., стр. 48; то же, 1929 г. стр. 65. «Догоним и перегоним»—технико-экономический, иллюстрированный рабочий журнал, 1931 г.

новой науки, у нас совершенно новая обстановка для ее развития. И все это сказывается на том положении, которое мы имеем в области теоретических вопросов. Если в капиталистических странах имеется кризис науки, который характеризуется тем, что параллельно с ростом новейших открытий есть скатывание части ученых в идеализм, то мы знаем, что перед нами в СССР стоит задача в течение второй пятилетки изжить пережитки капитализма и устранить их до конца в области идеологии. Мы в СССР имеем мировоззрение, которое не может развернуться в условиях капиталистического общества, не организуя масс против этого общества, но которое в условиях СССР сказывается на умонастроении наших ученых в сторону об'единения их с пролетариатом и привлечения их к участию в социалистическом строительстве. Одновременно с этим чем дальше, тем больше мы имеем у наших естествоиспытателей отказ от идеалистиечских позиций. Мы имеем определенный поворот в этом отношении. Этот поворот особенно стал сказываться после разгрома вредителей. Мы имеем целый ряд документов, которые характеризуют этот поворот. Достаточно сослаться на два документа: на письмо математика Богомолова и химика Раковского [1]). Первый пишет в своем письме: «Желая включиться в социалистическое строительство, я отмежовываюсь от идеалистических позиций».

Мы видим, что старый профессор, включившись в социалистическое строительство, отказывается от своих прежних идеалистических позиций.

Проф. Раковский тоже отказывается от своих идеалистических шатаний и борется за овладение марксистской теорией.

Таким образом, если в капиталистических странах, за исключением небольшой группы сознательных материалистов, в основном господствует идеалистическая идеология, то у нас господствует последовательная материалистическая идеология и мы имеем отказ от идеализма тех, которые сохранили еще идеалистические позиции.

Это движение сказывается не только внутри СССР. Наше влияние выходит и далеко за эти пределы. То, что мы имели за последнее время, за последние 1—1½ года, принесло нам целый ряд чрезвычайно важных фактов. В свое время было опубликовано в «Под знаменем марксизма» письмо известного биолога Меллера, который приветствует Советский союз. Этот Меллер воспользовался одним чисто биологическим вопросом, который был поднят «Под знаменем марксизма». Он ответил на этот вопрос и воспользовался этим, чтобы сказать публично, что он хочет итти вместе с пролетариатом, что он готов присоединиться к пролетариату.

То же с французским ученым Ляи, который был у нас примерно год тому назад на конгрессе по психотехнике. Этот Ляи выступал на международном с'езде в пользу диалектического материализма. Он до сих пор поддерживает с нами связь, присылает свои статьи и т. д.

Эти примеры не единичны. Они все больше и больше увеличиваются, особенно в отношении молодежи, которая приезжает к нам, которая принадлежит к числу научных работников и на которую очень сильное впечатление производит все то, что происходит у нас. Точно так же выступления наших делегатов на международных с'ездах показывают усиление нашего влияния на заграничных ученых.

Все это показывает, что мы становимся ведущим центром, что мы являемся действительно наследниками всего того лучшего, что имеется в культуре капиталистических стран.

Последнее довольно наглядно выступило последнее время по поводу празднований годовщин Дарвина, Фарадэя (его открытия электромагнитной

[1]) См. сборник «На ленинградском математическом фронте», 1931 г. и журнал «Под знаменем марксизма» № 3—4 за 1932 г.

индукции), Гёте. Эти юбилеи праздновались как за границей, так и у нас в СССР. Но какая большая разница в этих празднованиях! Дарвин—крупнейший ученый, основоположник учения о развитии животных и растений, определивший развитие биологии на целую эпоху. Гёте — крупнейший ученый, мыслитель, поэт. Фарадэй—основоположник современного учения об электричестве, один из тех, кто очень рано сформулировал закон сохранения и превращения энергии. И что же пишется обо всех этих открытиях и их творцах за границей?

По поводу Фарадэя [1]) например такой ведущий, общий журнал, как «Динатурвиссеншафтен» перепечатал статью Гельмгольца от 1881 года, снабдив эту статью эпилогом Нернста в ¾ страницы. По поводу Гёте [2]) тот же журнал опять-таки поместил статью Гельмгольца от 1892 г. и статью об естественно-научных образах, которые рассеяны в произведениях Гёте. Еще хуже обстоит дело с Дарвином. Годовщину смерти Дарвина замолчали или даже сделали поводом нападок на дарвинизм. Вообще по поводу годовщин великих открытий в лучшем случае в буржуазных журналах мы прочтем несколько биографических фактов, изложенных в выспреннем духе и подлаженных под ориентацию данного журнала, и изложение некоторых специальных вопросов или моментов в учении соответствующего ученого. Но нет совершенно исторической оценки, нет действительного освещения значения открытий, нет интереса к тем действительно историческим переворотам, которые были произведены Дарвином, Фарадэем и в известном смысле и Гёте и др.

Все это происходит потому, что в капиталистических странах нет перспектив для оценки науки. Наука там все более и более встает в противоречие с существующим строем.

У нас картина иная. Собрания, посвященные юбилеям, переполнены желающими их посетить. В связи с юбилеями пишутся статьи, выпускаются сборники, издаются собрания сочинений и т. п. Мы ценим прошлое науки, так как мы знаем, для чего мы воспользуемся этим прошлым в нашем настоящем и в будущем.

Итак, на примере с юбилеями мы можем уже видеть, что мы продолжаем в новых условиях усваивать и развивать то, что было создано крупнейшими учеными в эпоху капитализма, перерабатывая это наследие на основе диалектического материализма.

То, что наука в капиталистических странах при данных условиях все более встает в противоречие с существующим строем, можно иллюстрировать на следующем примере. На этом же примере можно показать и то, что толкает и будет толкать часть буржуазных ученых влево.

Всем известно развитие фашизма в Германии. Каково отношение фашистов к науке? Об этом некоторые сведения дает нам дискуссия, которая имела место между представителем государственной партии — Шульце-Пфельцером и представителями национал - социалистического движения — Штрассером, майором Бухрукером и Г. Бланком.

Вот что читаем мы здесь: «Пред науками снова должен быть поставлен вопрос об их основах и об их оправдании,—говорит Бланк.—Конечно действительно крупные ученые совершенно ясно себе представляли границы их царства духа. Их величие покоится зачастую как раз на познании этой ограниченности нашего знания. Но либеральствующие ученые en bloc — это та гнилая компания от Дарвина через Вирхова, Дюбуа Раймона, Геккеля, вплоть до Планка и Эйнштейна—ведь они, по крайней мере в результате их хлопот, убили душу при посредстве духа и бога при посредстве материи. Мы признаем конечно при этом небольшие нюансы у отдельных ученых. Но после того,

[1]) «Die Naturwissenchaften», 1931 г., H. 39.
[2]) «Die Naturwissenschaften», 1932 г., H. 13.

как это профессорство похозяйствовало в течение столетия, выяснилось то, что может быть ясно определено словом «материалистическое мировоззрение». И это мировоззрение идет к краху в наши дни». Вот как далее живописует этот крах фашистский оратор: «Каждый ягненок знает, что естествознание исключительно лишь констатирует процессы, но что оно не дает никаких об'яснений этих процессов. Эти господа получат тотчас шах и мат, если при вспыхивании искр в индукционном аппарате их спросила бы наивная душа: «а почему собственно образуются здесь искры?—Почему не вода?» [1]).

Мы видим, что фашизму не только нет дела до науки, но он враждебен науке в ее лучших достижениях! И об этом не смущаются сказать сами фашистские трубадуры. Вот, что вещает тот же фашист в другом месте: «Мне бросается в глаза забавность эйнштейновской трескотни. Но пусть там внизу на цветистом лугу науки г. Эйнштейн с дюжиной коллег бодро вытанцовывают теорию поля—немецкая нация, которая наверху, на жестком опасном гребне горной цепи видит обуреваемый непогодой и градом путь в новое столетие, нимало не будет печалиться об этом. Конечно,—добавляет этот фашист,—нас будут за этот взгляд ругать, как варваров, но при этом нужно лишь отметить, что мы считаем боевой клич: «назад к варварству!», за один из лучших, какие были возглашены за эти годы» [2]).

Приведем в заключение характеристики фашистских взглядов в отношении естествознания еще одну цитату из пахучих стенограмм фашистских ораторов, характеризующую отношение их к Планку и вопросам философии, о которых была у нас речь в предыдущем изложении. Тот же Планк говорит далее: «Последней причиной происходящего в природе, выражаясь парадоксально, является также как раз судьба. На вопрос о том, кто вдохнул жизненную силу в его протоплазму, мистер Дарвин не смог бы однако никогда ответить. Ведь мы сочувствующие души и поэтому понимаем боязнь господина тайного советника Планка, который в прошлом году на одном из конгрессов заклинающим голосом восклицал: «Не потрясайте принципа причинности! Иначе вы потрясаете самую основу мира». Этот крик мало поможет господину тайному советнику... Разум получил сегодня свой удар за то, что он осмелился противоречить душе, вере. Вся наука может лишь подтвердить веру, но никогда не сможет ее преодолеть. Идея судьбы стоит над принципом причинности. И господин Планк не получит более памятника!»

Мы видим, что фашисты таким образом относят всех ученых от Дарвина и до Планка и Эйнштейна включительно к той разновидности человеческого рода, которая им не только не нужна, но мешает им в их стремлении к «варварству», т. е. окончательно оголтелой и озверелой форме диктатуры буржуазии. Несомненно для сегодняшней ситуации в капиталистических странах характерно то, что наука осталась в стороне от того пути, по которому все скорее и скорее начинает под гору катиться буржуазное общество. Естествознание, отражая в себе не только идеологии господствующих классов, но и прогрессивные тенденции развития производительных сил, находится сейчас на распутьи. Но именно в силу того, что лишь в условиях диктатуры пролетариата обеспечено беспрепятственное и невиданное до сих пор развитие производительных сил, часть естествоиспытателей неизбежно будет ходом вещей толкаться в сторону приближения к пролетариату. И это мы уже видим на тех сотнях иностранных ученых и инженеров, которые уже работают в СССР и число которых все более и более будет расти.

Но для того чтобы обеспечить этот переход на сторону пролетариата всего живого из числа ученых капиталистических стран, необходимо, чтобы

[1]) «Wir suchen Deutschland», 1931, S. 162—163.
[2]) Там же, стр. 159.

мы сами ясно себе представляли все то, что происходит в среде техников и ученых капиталистических стран, чтобы марксисты-естественники последовательно и до конца применяли на деле учение Маркса—Энгельса—Ленина как в борьбе за общую генеральную линию Коминтерна и ВКП(б), так и в области собственно естествознания и техники, по-большевистски овладев на основе диалектического материализма специальными областями знания. Лишь решительно борясь как с извращениями марксизма по линии механического материализма и меньшевиствующего идеализма, так и со всякого рода упрощениями и вульгаризациями марксизма-ленинизма, последовательно применяя диалектический материализм к решению философских проблем, выдвинутых современным естествознанием,—мы обеспечим победу большевизма и на этом участке борьбы пролетариата.

Физиология и теория развития *)

(*Некоторые вопросы*)

Х. Коштоянц

«Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важное».
(Ленин).

Около 80 лет тому назад один из крупнейших умов человечества Чарльз Дарвин опубликовал свою работу «Происхождение видов», которая сыграла огромную историческую роль в развитии естественных наук и оказала глубокое влияние на развитие биологических дисциплин. Морфологические науки—сравнительная анатомия, эмбриология, палеонтология—сделали огромные успехи, развиваясь под знаком эволюционного учения, под знаком филогении. В то же время эти разделы биологии явились главной базой, главными источниками доказательств для самого эволюционного учения.

Огромный круг важнейших физиологических проблем и их разработка шли однако в значительной мере в стороне от общего филогенетического направления биологических наук. Это имело место, несмотря на то, что ряд выдающихся морфологических исследований производился с углубленным изучением физиологических отправлений, с применением физиологического метода (Ковалевский, Мечников и др.). Недостаточная разработка вопросов физиологии в свете филогении в значительной степени определила одностороннее развитие физиологии как физиологии отдельных органов, отдельных процессов, отдельных животных.

Несомненно, физиология животных является одной из самых мощных ветвей биологических наук. Она имеет огромные достижения, но достижения эти несут печать этого одностороннего развития.

То, что мы называем физиологией животных, в значительной степени на сегодняшний день может быть охарактеризовано как физиология лягушки, кролика, собаки—этих классических лабораторных животных—и отчасти как физиология человека благодаря тем данным, которые накопились в клинике.

Отсутствие филогенетической разработки физиологических проблем, отсутствие исторического подхода к решению их привело к характерному для физиологии на данном этапе господству в ней механистических установок, широкому развитию физико-химического направления, слабой разработке особенностей физиологических процессов на разных этапах развития, непониманию этих особенностей, некритическому сведению, и т. д. и т. п.

Так называемая сравнительная физиология в ее теперешнем состоянии в основном еще не может удовлетворить тем большим задачам, которые стоят перед физиологией в деле разработки физиологических проблем в историческом разрезе. Сравнительная физиология рассматривается отдельными работниками этой области в значительной степени как физиология низших

*) Редакция помещает статью т. Коштоянца, которая, несмотря на недостаточно развернутую постановку вопроса, представляет известный интерес, поскольку является первой попыткой применения учения о развитии к проблемам физиологии.

животных; иные сравнительные физиологи понимают свою задачу, как изучение физиологических процессов некоторых мало изученных групп животных. За малым исключением крупнейшие представители современной сравнительной физиологии не ставят перед собой синтетических задач, не ставят перед собой, перед самой наукой—сравнительной физиологией—задачи разработки истории развития функций, задачи синтеза в области физиологии.

Лишь немногие представители этой науки, как например голландский сравнительный физиолог Иордан (Iordan) [1]), видят задачу сравнительной физиологии в том, чтобы создать синтез между физиологией низших и высших организмов.

Огромное количество фактического материала, механически собранного в многотомном справочнике Винтерштейна (Winterstein) [2]), представляет собой груду материала, характеризующего отдельные, не связанные данные о формах физиологических и биохимических процессов, протекающих в организме огромной группы животных, взятых Винтерштейном в систематическом ряду.

Как в этом основном справочнике, так и в крупных пособиях по сравнительной физиологии, например Будденброка (W. von Buddenbrock), так же как и в отдельных исследованиях в специальной периодической литературе, отражающей сравнительно - физиологические работы, имеются чрезвычайно слабые попытки синтетического порядка, попытки изучения функций у различных животных в аспекте истории развития их. Эти исследования в большой массе как изолированные фрагменты направлены на вскрытие особенностей, на вскрытие различий исследуемых физиологических явлений у животного и сходства их. Между тем задача заключалась бы при историческом подходе к исследованию вопроса о переходах от одних форм физиологических явлений к другим, в глубоком анализе всеобщего и единичного в физиологических процессах.

В IX Ленинском сборнике Ленин пишет: «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не п е р е х о д от одного к другому,— а это самое важное».

Огромный фактический материал в области физиологии, теоретическая разработка проблем физиологии дают все основания к разработке проблем, во-первых, возникновения и развития физиологических явлений, и, во-вторых, переходов от одного типа их к другому. Решение этого круга задач было бы первым шагом по пути создания элементов науки об истории развития функций, или, по выражению академика Северцева, «эволюционной физиологии» [3]).

Работы самого Дарвина представляют собой яркий и поучительный пример применения эволюционного подхода к пониманию физиологических процессов. В последовавшем за «Происхождением видов» целом ряде работ, как например: «О движениях и повадках лазящих растений», «Насекомоядные растения», «Выражение ощущений у человека и животных», Чарльз Дарвин не только систематически изложил весь тот фактический материал, на основе которого было построено огромное здание его учения о происхождении видов, но также показал опыт применения основных идей, изложенных в его исторической работе, к анализу сложных биологических и частных физиологических явлений. Попытка вскрыть механизмы, лежащие в основе движений растений, показать историю развития этой функции у огромной группы растений представляет собой до настоящего времени классическое исследование, наметившее новый, еще не использованный в достаточной степени путь для физиологии растений.

[1]) J o r d a n H. I., Algemeine Vergleihende Physologie der Tiere, 1929.
[2]) W i n t e r s t e i n H., Handbuch der vergleichenden Phciologe.
[3]) А. С е в е р ц е в, Соврем. задачи эволюционной теории, 1914 г., изд. «Наука».

Для нас особенный интерес представляют его работа о насекомоядных растениях и те мысли, которые изложены в этой богатой фактическим материалом и глубокой по идейному содержанию работе Дарвина. Несмотря на многочисленные неуместные примечания его сына Френсиса, пытающегося примечаниями к этой работе, как и ко всем другим работам Дарвина, снизить теоретический уровень высказываний Дарвина, несмотря на это, работа «Насекомоядные растения» является ярким примером применения исторического метода в исследовании частного физиологического вопроса.

Основное, главное, что волновало Дарвина в этой работе,—это сравнение частного физиологического процесса переваривания питательных веществ у животных и растений и попытка вскрыть черты единства в этих явлениях в обеих группах органического мира, попытка вскрыть возникновение этого процесса, дать его историческое развитие Именно через этот путь Дарвин в этом частном вопросе наносил сильнейший удар по телеологическим представлениям о целесообразности в органическом мире. В исследуемом им случае многообразных форм приспособления растений к ловле насекомых и механизмов, приводящих к быстрому и максимальному использованию веществ их, анализ этого случая целесообразности представляет собой наиболее яркий пример приложения дарвинизма к пониманию явлений целесообразности и всестороннего подхода к об'яснению их.

Чтобы иллюстрировать нашу мысль, достаточно привести несколько мест из работы Дарвина о насекомоядных растениях, кратко и сжато дающей указания на ведущие моменты при проведении этого кропотливого исследования великим ученым. В итогах и заключительных замечаниях относительно переваривающей способности у Drosera он пишет: «Итак, здесь мы видим замечательный параллелизм между железками у Drosera и железками желудка по отношению к выделению свойственных им кислоты и фермента» [1]).

Или в другом месте (гл. II) он пишет: «Эти опыты быть может самые интересные из наблюдений над Drosera, так как раньше не было определенных сведений о существовании такой способности в растительном царстве. Интересен также тот факт, что железки - пластинки при раздражении сообщают некоторое влияние железкам внешних щупалец, заставляя их давать более обильное выделение и делая его кислым. Как будто эти железки были непосредственно раздражены помещенным на них предметом. Желудочный сок животных, как хорошо известно, содержит кислоту и ферменты, которые оба необходимы для пищеварения; то же самое мы видим в выделении у Drosera» [2]).

И наконец в этой же главе мы читаем: «Из этого мы можем заключить, что фермент Drosera близко аналогичен пепсину животных или тождествен с ним» [3]).

Огромное количество физиолого-химических работ, вскрывающих черты различий общего и черты различий в типах расщепления белков у растений и у животных, у различного ряда групп тех и других, представляет собой по сути дела дальнейшее развитие идей, изложенных Дарвином в этой работе. Является исключительно важным суммировать данные биохимии именно в этой области, ибо фактический материал о белок-расщепляющих ферментах растений и животных, среди последних—хладнокровных и теплокровных, внеклеточных и внутриклеточных — представляет собой едва ли не одну из мощных ветвей несистематизированной еще области сравнительной биохимии.

В этой же работе, как известно, Дарвином приведено исключительно большое количество с максимальной точностью выполненных физиологиче-

[1]) Ч. Дарвин, Насекомоядные растения, изд. Поповой, 1909 г., стр. 71.
[2]) Там же, стр. 146.
[3]) Там же, стр. 147.

ских наблюдений над действием различных веществ, в том числе и ядов в минимальном разведении, на организм растений. Эти исследования вовсе не представляют собой отдельных звеньев эксперимента любопытствующего эмпирика. Эти данные теснейшим образом связываются с общей концепцией Дарвина, ложатся в основу подтверждения их. Именно поэтому в заключительных строчках «Происхождения видов» мы читаем у Дарвина по такому важному вопросу, как о родстве в происхождении животных и растений, следующие слова: «Аналогия понудила бы меня сделать еще один шаг—допустить, что все животные и все растения происходят от одного общего прототипа. Но аналогия может иногда быть неверным путеводителем. Тем не менее все живые существа имеют много между собой общего в их химическом составе, в их клеточном строении, в их законах роста и чувствительности по отношению к вредным влияниям. Мы это видим в таком казалось бы ничтожном факте, каково например одинаковое действие одного и того же яда на растения и на животных (разрядка моя.—*Х. К.);* или, например, действие яда насекомого, вызывающего уродливое образование чернильных орешков на шиповнике и на дубе [1]).

Особенно большое значение имеет для развития физиологии работа «Выражение ощущений у человека и у животных». Уже самая постановка вопроса у Дарвина указывает на то, что Дарвин, ставя этот вопрос, имел в виду дать историю развития физиологических процессов, историю развития сложных явлений выражения ощущений у человека и животных. В введении к этой работе мы читаем у Дарвина: «Все авторы, писавшие о выражении, за исключением Герберта Спенсера, великого пропагандиста принципов эволюции, повидимому были твердо убеждены, что все виды, включая сюда конечно и человека, начали свое существование в том состоянии, в котором мы их находим теперь. Чарльз Бэлль, будучи тоже убежден в этом, утверждает, что многие из наших лицевых мышц «суть только чистые орудия выражения», что они «даны нам именно для этой цели» [2]). Или в другом месте: «Ч. Бэлль желал повидимому провести как можно более глубокое различие между человеком и низшими животными. Вследствие этого он прямо утверждает, что у «низших животных нет выражений, кроме тех, которые можно отнести более или менее ясно к их непосредственным желаниям или необходимым инстинктам». Он утверждает далее, что лица их «повидимому способны преимущественно выражать ярость и страх» [3]).

Давая историю воззрений на понимание выражений ощущений у человека и животных, Дарвин, останавливаясь на крупнейшем физиологе Иоганнесе Мюллере, пишет следующее: «Многие писатели считают все касающееся выражения необ'яснимым. Так, знаменитый физиолог Мюллер говорит: «Совершенно различное выражение черт лица при различных ощущениях показывает, что смотря по роду возбужденных чувств у них приводятся в действие совершенно различные группы волокон лицевого нерва. Но конечно в этом отношении мы не знаем решительно ничего» [4]).

Такая постановка вопроса не могла удовлетворить Дарвина, овладевшего историческим методом в исследовании биологических явлений. Уже в блокноте молодого натуралиста Дарвина в 1837 г., за 20 с лишним лет до появления «Происхождения видов», мы читаем о том, что его теория «должна будет

---

[1]) Ч. Дарвин, Происхождение видов, изд. Поповой, 1898 г., стр. 323.
[2]) Ч. Дарвин, О выражении ощущений у человека и животных, изд. Поповой, 1899 г., стр. 6.
[3]) Там же, стр. 6.
[4]) Там же, стр. 7.

обратиться к современным и ископаемым данным сравнительной анатомии; она должна будет вести к изучению инстинктов (разрядка моя.—*Х. К.)* наследственности и унаследования умственных способностей» [1]). Да и в самой работе «Выражение ощущений»... вышедшей на несколько десятков лет позже этой блокнотной записи, Дарвин пишет, что уже в 1838 г. он начал наблюдение по этому вопросу и что «уже тогда я был совершенно склонен принимать начало постепенного развития и происхождения одних видовых форм от других, и притом более близких форм. Прочитав знаменитое сочинение Ч. Бэлля, я увидел, что взгляд его, будто бы человек был создан с известными мышцами, приспособленными специально к выражению его чувств, весьма неудовлетворителен. Мне казалось более вероятным, что способность выражать наши чувства, известные движения, хотя и прирожденная нам теперь, развивалась однако вначале только весьма постепенно. Но большая трудность состояла в том, чтобы добиться, каким образом приобреталась эта способность. Приходилось взглянуть на весь предмет с другой точки зрения, и всякое выражение требовало рационального об'яснения. Убеждение это заставило меня попытаться составить предлагаемую книгу, хотя я вполне уверен, что многое в ней будет очень несовершенно» [2]).

Совершенно понятно, что именно эта работа Дарвина сыграла огромную роль в дальнейшем развитии учения о поведении животных, и можно лишь с сожалением констатировать, что богатый по содержанию и по предпосылкам метод сравнительного изучения высшей нервной деятельности животных до настоящего времени не принял широких размеров и развивается, в частности у нас, в узко ограниченном кругу изучения нервной деятельности отдельных лабораторных животных и углубления пока именно в этом направлении.

И наконец, не только эта сторона должна быть подчеркнута нами в связи с указанной работой Дарвина. Исторический подход к изучению такой области явлений, как явления сложных форм поведения животных, является одной из важнейших и значительных сторон самого учения Дарвина. И не случайно Энгельс, говоря о теории Дарвина, указывал на то, что ею «в основных чертах указан ряд развития организмов от немногочисленных простых форм до все более разнообразных и сложных, как мы наблюдаем их в наше время, кончая человеком; этим дано было не только об'яснение существующих представителей органической жизни, но и заложена основа для предыстории (разрядка наша. — *Х. К.)* человеческого духа, для изучения различных ступеней его развития, начиная от бесструктурной, но испытывающей раздражение протоплазмы низших организмов и кончая мыслящим человеческим мозгом. Без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом» [3]).

Таким образом изучение физиологических процессов в их историческом развитии, создание истории развития функций должны представлять одну из важнейших задач для разработки проблем физиологии под углом зрения конкретной разработки проблемы предыстории физиологии человека.

Заложенные Дарвином в этих работах подходы к сравнительному изучению физиологических процессов, к изучению истории развития функций не нашли должного развития в последарвиновскую эпоху. Мы имеем лишь отдельные, совершенно случайные попытки в этом направлении, которые очень слабо изменяют общую характеристику направления физиологических исследований, данную нами в начале этой статьи. Поэтому, несмотря на некоторую

---

[1]) The liefe and letters of Ch. Darvin, London. 1887, vol. II, «из блокнота».
[2]) «О выражении ощущения...», там же, стр. 10.
[3]) Ф. Энгельс, Диалектика природы, изд. 1-е, стр. 379.

неточность ряда формулировок, прав проф. Максимов в своей короткой и содержательной заметке, посвященной Дарвину, в которой он пишет:

«От Дарвина ведет свое начало исследование двух вопросов физиологии растений: одного—более общего характера, именно вопроса о движении растений, и другого—более частного, вопроса о насекомоядных растениях. Оба эти вопроса занимали Дарвина со стороны применения их к решению созданной им эволюционной теории и к выяснению их он подходил не с обычной аналитической точки зрения, но главным образом с исторической точки зрения. Его в первую очередь занимал вопрос, как могли возникнуть такие особенности растений, как их способность к движению и их способность питаться животной пищей, и исследование этих явлений являлось для него не самоцелью, а лишь одним из путей к утверждению общего эволюционного мировоззрения.

Хотя эти исследования Дарвина и произведены более 50 лет назад, тем не менее они и посейчас не утратили своего значения. Хотя позднейшими исследователями и были обнаружены в них некоторые ошибки, тем не менее в основном исследования Дарвина по этим вопросам и сейчас являются руководящими.

Но наибольшее значение имеет для нас та методология, которая была положена Дарвином в основу его физиологических работ. На общем фоне физиологических исследований как современных Дарвину, так и более поздних, имеющих своей задачей по преимуществу сведение происходящих в организмах процессов к процессам физико-химическим, носящих чаще всего ярко выраженный механистический характер, исследования Дарвина резко выделяются тем, что они проникнуты исторической, эволюционной идеей. Движения растений он рассматривает под тем же углом зрения, что и движения животных, имея перед собой в качестве путеводной нити установленное им единство животного и растительного мира. Точно так же и насекомоядные растения интересуют его не с точки зрения химизма протекающих в них процессов, но с точки зрения доказательства общности основных физиологических процессов даже у далеко отстоящих друг от друга ступеней органического мира (разрядка наша.—*Х. К.*).

В настоящее время, когда перед нами стоит в качестве важнейшей задачи реконструкция всего здания физиологии растений на основе материалистической диалектики, нашим современным физиологам в высшей степени полезно вспомнить о работах Дарвина в этой области и поучиться у него умению вносить исторический принцип в изучение протекающих в растительном организме процессов» [1]).

Отдельные попытки такого подхода в области физиологии имели место в ботанической литературе в исключительно важных работах русского ботаника-биохимика Иванова, который, идя путями Рохледера, еще в 1854 году сформулировавшего наблюдения, что «между систематическим положением растения и его химическими продуктами существует определенная связь» и что «каждое растение может быть охарактеризовано суммой свойственных ему продуктов»,—дал образцы эволюционного подхода к решению сложных проблем биохимии растения.

«Если химическое направление,—читаем мы у Иванова,—устанавливает природу веществ, образующихся в органическом мире, и, регистрируя, ничего не предвидит, если физиологическое выявляет пути, которым следует природа, созидая те или другие вещества, то третье направление (эволюционное) может

[1]) Проф. Н. А. Максимов. Газета «Известия ЦИК СССР» от 18/IV—1932 г.

предвидеть систему еще не исследованных растений; оно устанавливает родство по общим химическим веществам (Tammes, Hallier, Mez, Иванов); оно рисует нам растительный мир происходящим из общих в химическом отношении корней, связанным в одно цельное, всегда развивающееся здание»[1]).

В ряде работ, начиная с 1913 г., Иванов, анализируя маслообразовательные процессы в растениях, дал картину анализа этого биохимического процесса в разрезе эволюционной теории, сформулировав учение о так называемых физиологических признаках, подкрепив это экспериментальными работами, главным образом по линии маслообразовательных процессов у растений.

В этом же направлении необходимо рассматривать работу другого русского ботаника-биохимика Благовещенского, который пытался связать данные о других сторонах биохимических процессов в организме растений (образование циклических соединений, алколлоидов и т. п.) в разрезе эволюционной проблемы [2]).

Не входя в анализ этих работ по существу принципиальной постановки вопроса, надо однако отметить их как попытки подготовить залежи физиологических и физиолого-химических фактов для постройки здания эволюционной физиологии.

К. А. Тимирязев в своей работе «Исторический метод в биологии», оценивая положение физиологии, вскрывая запросы этой науки, указывал на следующее обстоятельство: «С этой точки зрения нам понятно и то, что при значительных успехах физиологии аналитической мы не имеем физиологии синтетической. Еще более, чем химик, физиолог для своего синтеза (экспериментального или только логического) не может довольствоваться одним анализом жизненных явлений,—ему нужно знать еще историю организмов,—то, что Клод Бернар, очевидно имея в виду (приведенные нами в эпиграфе) слова Лапласа, называет L'état enterieur» [3]).

Особенно остро стоят вопросы разработки физиологических проблем в указанном выше направлении именно у нас, во-первых, потому, что все развитие физиологии в России шло в направлении определенно очерченных проблем, в определенном направлении, ограниченном очень небольшим кругом лабораторных животных. Сравнительная физиология, даже в том виде как она разрабатывалась на Западе, не была представлена в русской физиологической науке. Мы имеем лишь отрывочные эпизодические исследования русских физиологов, посвященные вопросам физиологии различных животных (водных животных, беспозвоночных, сельскохозяйственных животных), не говоря уже о том, что чрезвычайно редко мы встречаемся в русской физиологической литературе с попытками разработки проблем истории развития функций.

Далее коренные задачи социалистического сельского хозяйства в области животноводства, ставя перед советской физиологией совершенно новые задачи, требуют для разработки их перестройки работы соответствующих физиологических исследовательских учреждений. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства ставит перед физиологами Советского союза задачу разработки физиологии сельскохозяйственных животных в широком понимании этого слова с более широким охватом об'ектов полезных живот-

[1]) С. Л. Иванов, Эволюция вещества в растительном мире. «Известия Академии наук СССР» № 5—6, 1926 г., ряд работ с 1914 г. (см. сообщение бюро по частному растениеводству 1914 г., № 3—4. 1915 г., № 5 и др.).

[2]) А. В. Благовещенский, On the relations between the biochemical properties and the degree of evolutionary development of organisms» журн. «Biologia generalis», B. V. Zief, 1929; на русском яз см. «Бюллетень Среднеазиатск. гос. у-та», вып. 10-й, 1925 г.

[3]) К. Тимирязев, Исторический метод в биологии, 1922 г., стр. 37.

ных. Практика нуждается в разработке проблем физиологии пчелы, тутового шелкопряда, вредителей, насекомых сельского хозяйства, различных пресноводных и морских моллюсков, ракообразных; остро стоят вопросы разработки физиологии рыбы, птицы, овцы, свиньи, лошади и т. д. Мало того, перед физиологией по-новому ставятся вопросы, связанные с задачами акклиматизации, с задачами гибридизации и т. п. мероприятий, связанных с реконструкцией социалистического сельского хозяйства.

Из далеких вод Тихого океана в целях акклиматизации в наши северные моря перевозятся крабы. Развитие рыбного хозяйства Московской области в связи с известными партийными решениями ставит задачу транспорта рыбы из теплых окраин в специальные водоемы Московской или Ленинградской области. Уже первые практические мероприятия по транспорту краба с востока на север, по перевозке карпа с Украины в Москву—дали непочатый край запросов для физиологического исследования, указывая на необходимость всемерной разработки научных проблем для обеспечения действительного проведения этих важных народнохозяйственных мероприятий.

Историческая задача «революционизирования лика растений и животных» (Яковлев), широко и смело поставившая задачу выведения новых форм животных, гребует от физиологии вооружения на совместные с генетикой поисковые работы. Скрещивание различных пород—различных животных—задача не только генетика-селекционера, но и физиолога. Так, огромный, невиданный в истории размах сельского хозяйства в социалистической стране ставит новые теоретические проблемы, создает предпосылки для действительной разработки сравнительной физиологии животных в глубоком понимании содержания этой отрасли знания.

Одной из ведущих основных проблем в области нашего животноводства являются вопросы кормления сельскохозяйственных животных. В своей биологической части вопросы кормления тесным образом связаны с физиологическими данными о питании и обмене веществ. Понятно, что для правильной организации кормления того или другого животного является необходимым строгое понимание особенностей хода процессов обмена веществ у данного вида животных. Между тем до самого последнего времени так называемая теоретическая физиология, не связанная у нас с запросами зоотехники, лишь в отдельных случаях связанная с зоотехническими кормленческими науками,—очень мало обращает внимания на необходимость изучения особенностей хода процессов обмена веществ у различных животных. Мало того, мы имеем отдельные тенденции недооценивать особенностей хода обмена веществ, выражающихся в попытках недостаточно обоснованных рецептур в кормлении сельскохозяйственных животных, по виду являющихся радикальными, на самом же деле связанных с полным непониманием своеобразия биологической системы и тех особенностей в обмене веществ, которые имеются на различных этапах развития этой системы.

До самого последнего времени данные о кормлении сельскохозяйственных животных черпались из практики физиологических исследований, сделанных на узко ограниченном числе лабораторных животных, и тех обобщений, которые из них делались. В практике зоотехнической науки до самого последнего времени коэфициент переваримости пищевых средств для всех почти без исключения животных исследовался на основании показаний лишь на одном излюбленном в этом отношении лабораторном животном—именно овце (конечно приводимый при этом аргумент, что овца с возможностью легкого привешивания к ней соответствующего калового мешка—представляется удобным об'ектом,—является соображением по меньшей мере смешным). Уже теперь, на основании огромного материала, накопившегося в физиологической литературе, можно сделать общий вывод относительно того

многообразия, которое характеризует способы, типы обмена основных питательных веществ у различных групп животных. И невзирая на это, основные пособия (Иордана, Будденброка) по сравнительной физиологии не дают нужного синтеза, бледно излагая главы об обмене веществ, этой основной главы для физиологии.

Возьмем для примера белковый обмен в организме животных. Общеизвестным является факт своеобразия тех конечных продуктов белкового обмена, которые получаются у некоторых позвоночных животных. Именно, известно, что у птиц и рептилий продуктом белкового обмена является мочевая кислота, в то время как у млекопитающих—по преимуществу мочевина. Однако это лишь общие контуры, это лишь общеизвестные школьные факты. Приводимая ниже таблица со всей яркостью иллюстрирует пути и формы белкового обмена в огромном многообразии животного мира (см. табл. 1).

Таблица № 1

Количественные данные о конечных продуктах белкового распада у различных животных (из Needham'a)

Название животного	Водное или наземное животное	в Азотистое отделен. % к совокупности выделенного азота				Исследователь
		Аммиак	Мочевина	Мочев. к-та	Амин. к-та	
БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ						
Annelida (кольчатые черви)						
Aphrodite aculeata	A	80,0	0,2	0,8	—	Delaunay
Hirudo officinalis (медицинская пиявка)	A	76,4	5,4	—	3,2	„
Lumbricus agricola (дождевой червь)	T	20,4	38,1	—	15,	„
GEPHYREA (гефирен)						
Sipunculus nudus (из безщитинковых гефирей)	A	50,0	9,7	—	16,6	„
ARTHROPODA (членистоногие)						
Crustacea (ракообразные)						
Carcinus moenas (краб)	A	67,8	2,9	0,7	8,7	„
Maja squinado (краб)	A	42,9	5,2	2,7	0,	„
Astacus fluviatilis (речной рак)	A	5[illegible],6	11,2	0,8	10,1	„
INSECTA (насекомые)						
Bombyx mori (тутовый шелкопряд)	T	—	—	85,8	—	Farkas
В целом	„Мочев. к-та необходимо рассматрив., как характ. продукт обмена веществ организма насек." „Fürth"					
MOLLUSCA (мягкотелые)						
Gastropoda (брюхоногие)						
Aplysia limacina (из наднежаберных)	A	33,5	8,7	4,[illegible]	13,0	Delaunay
Helix pomatia (яблочная улитка)	T	13,7	20,0	10,7	6,0	„
Limax agrestis (слизень)	T	4,6	70,8	6,9	1,7	„
LAMELLIBRANCHIATA (пластинчатожаберные)						
Mya arenoria	A	21,5	4,5	—	18,[illegible]	„
Anodonta cygnoea (беззубка)	A	63,0	—	—	—	Przylecki
CEPHALOPODA (головоногие)						
Sepia officinalis (каракатица)	A	67,0	1,7	2,1	78,8	Delaunau

(Продолжение таблицы № 1)

Название животного	Водное или наземное яйцо	Азотистое отделение в % к совокупности выделенного азота				Исследователь
		Аммиак	Мочевина	Мочев. к-та	Амин. к-та	
Eichinodermata (иглокожие)						
Asterias rubens (морская звезда)	A	39,3	11,7	—	23,8	Dehaulau
Holothuria tubulosa (морской огурец)	A	40,0	6,0	—	—	„
OERTEBRATA (позвоночные) PISCES (рыбы)						
Lophius piscatorius (морской чорт)	A	13,0	62,2	0,1	—	Denis
Scyllium canicula (из кошачьих акул)	A	—	86,0	0,0	—	Herter
AMPHIBIA (земноводные)						
Rana temporaria (бурая лягушка)	A	15,0	82,0	—	—	Przylecki
Bufo vulgaris (жаба обыкновенная)	A		84,5	—	—	Burian
REPTILIA (пресмыкающиеся)						
Alligator missisipiensis (аллигатор крокодил)	A	75,0	3,0	14,0	—	Hopping
Chelone mydas (черепаха)	A	16,1	45,1	19,1	—	Lewis
Phyton (из змей)	T	—	—	80,0	—	Boussingault
Lacerta viridis (ящерица зеленая)	T	—	—	91,0	—	von Schreiter
AVES (птицы)						
Gallus domesticus (из куриных)	T	17,3	10,4	62,9	9,4	Davis
Cygnus (лебедь)	T	15,8	6,6	68,7	—	Salaskin Kovalevsk
Anser (гусь)	T	13,5	—	80,0	—	Paton
MAMMALIA (млекопитающие)						
Homo sapient (человек)	A	4,3	87,5	0,8	—	Folin
Canis vulgaris (собака домашняя)	A	3,0	89,0	1,0	—	Obsterg, Woif
Felis vulgaris (кошка)	A	4,9	68,1	0,1	—	Hammet
Mus ratus (крыса европейская)	A	—	—	5,0	—	Hunter, qivens
Equu (лошадь)	A	—	—	3,2	—	„ „
Ovis (баран)	A	—	—	3,3	—	„ „
Baloena mysticetus (гренландский кит)	A	3,5	91 0	0,3	1,5	Ichimi и его сотруд.
Camelus bactrianus (верблюд)	A	0,5	97,1	2,4	—	Petri
Тигр	A	3,7	89,1	0,04	1,5	Fuse
Гиена	A	3,8	89,3	0,10	1,5	„
MONOTREME (птицезвери)						
Echidna aculeata (ехидна)	A	6,9	81,2	—	—	Neumeister

В этой таблице даны в сводном виде результаты исследования громадной группы разных исследователей, которые касаются типов белкового обмена в животном мире, начиная от низших беспозвоночных, кончая высшими позвоночными. Внимательное изучение этой таблицы приводит нас к выводу о наличии общих явлений, связанных с процессами белкового обмена в животном мире. Это прежде всего два типа выделений: синтетических и несинтетических продуктов, и далее это то, что как продукт переработки белков в организме животных выделяется ряд веществ, а именно: аммиак, мочевина, мочевая кислота и амино-кислоты. Так же таблица указывает на то частное, на то своеобразное, что характеризует отдельные этапы развития, выражающиеся в преобладании того или другого типа белкового распада у данной группы животных. Эта же таблица, заимствованная нами из работы крупного английского биолога Нидхайма (Needham) [1]), вскры-

[1]) I. Needham, Pr. otein metabolism and organic evolution. Science Progress № 92 1929, p. 633.

вает важные закономерности в типах обмена белков в организме в зависимости от форм эмбрионального (водного или наземного) развития этих животных. Об этом однако несколько ниже.

Анализ таблицы вскрывает, что у огромной группы беспозвоночных животных, и главным образом у водных форм, или у тех форм, у которых имеется водная форма эмбрионального развития, преобладает в качестве продукта конечного распада белков — аммиак. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить цифры выделения аммиака, касающиеся Aphrodite aculeata (водной) с Lumbricus agricola в группе кольчатых, или другие цифры этой же таблицы. Аммиак как хорошо растворимый в воде продукт белкового распада легко выделяется водными животными непосредственно в окружающую их воду. Таким образом продукты белкового распада выделяются здесь из организма без следов еще синтеза этих продуктов до более сложных соединений, что мы имеем в случае выделения синтетических продуктов белкового распада у других животных. У этих форм мы встречаемся со слабо развитой или вовсе не развитой системой морфологических структур, где могут происходить эти синтетические процессы. Выделение более сложных, чем аммиак, синтетических продуктов белкового распада могло стать возможным лишь при дальнейшем развитии, диференциации соответствующих тканей, органов—мест синтеза (Syntesort). Однако трудно, да и не необходимо здесь строить какую бы то ни было прямолинейную схему, ибо, как видит читатель из той же таблицы, уже у ряда низших беспозвоночных наряду с выделением аммиака как примитивной формы мы имеем выделение в той или другой степени таких продуктов, как мочевина, мочевая кислота. Уже среди annelid у Lumbricus наряду с аммиаком выделяется 38,1% мочевины. Это рядом с Aphrodite aculeata из той же группы, у которой преобладает выделение аммиака—80% и имеются лишь следы мочевины (0,2%). У тех же беспозвоночных среди широко известных брюхоногих, как например у распространенной яблонной улитки, имеется как продукт белкового распада и аммиак (13,7%), и мочевина (20%), и мочевая кислота (10,7%), и амино-кислоты (6%); или в то время как у Limax (наземной) мы имеем всего лишь 4% выделения аммиака, и громадное количество выделения мочевины (70%); другой водной формы Aplysia limacina выделяется значительное количество аммиака (33,5%) и очень незначительное количество мочевины (8,7%). То-есть, иными словами, в одной и той же систематически родственной группе мы имеем резко отличные формы белкового обмена!

Далее, среди тех же беспозвоночных, у насекомых, как видно из таблицы, мы имеем преобладание выделений мочевой кислоты как продукта распада белков у этой группы животных. У тутового шелкопряда мочевая кислота равняется 85,8% всего количества белкового распада и в целом у насекомых, как указывает Fürth, автор справочного руководства по вопросам сравнительной биохимии животных, «мочевую кислоту необходимо рассматривать как характерный продукт обмена веществ организма насекомых» [1].

Таким образом таблица в этой части, в части беспозвоночных животных, вскрывает перед нами наряду с общими закономерностями частное на данном этапе развития животного мира в отношении белкового обмена; дает целый ряд указаний для наших теоретических обобщений; дает указания нашей практике в понимании обмена веществ и к руководству кормления полезных беспозвоночных животных.

Обратимся к данным, касающимся позвоночных животных. Здесь также можно повторить, что общие, основные типы выделения продуктов белко-

[1]) V. Fürth Vergleich. Chemisch. Physiologie d. niederen Tiere Fischer. Jena. 1913.

вого распада — аммиак, мочевина, мочевая кислота и амино-кислоты имеют место в той или другой степени. И вместе с тем, если среди беспозвоночных, за исключением насекомых, и отчасти мягкотелых (брюхоногих) характерным (во всяком случае для водных форм) является выделение несинтетического продукта белкового распада, а именно аммиака, то у позвоночных животных можно указать два основных характерных типа: тип с преобладанием выделения мочевины,—сюда относятся рыбы, амфибии и млекопитающие, и второй тип с преобладанием выделения мочевой кислоты, куда относятся рептилии и птицы.

Обратимся снова к анализу таблицы в этой части. Таблица со всей отчетливостью вскрывает, что выделение аммиака, чрезвычайно слабо представленное у наземных форм, однако имеет место и в ряду позвоночных, не являясь очевидно характерным для этой высоко организованной группы животных. Читатель видит, что максимальное количество выделения аммиака падает однако на водные или земноводные формы. Достаточно посмотреть на цифры, относящиеся к Allygatory из рептилий, у которого 75% выделяется в виде аммиака. У другого пресмыкающегося, а именно у Chelone mydas, как видит читатель, несмотря на то, что для пресмыкающихся в основном характерно выделение мочевой кислоты как продукта белкового распада, мы имеем и аммиак (16%), и мочевину (45%), и мочевую кислоту (19,1%). Таким образом, в таблице, касающейся позвоночных, построенной по систематическому, мы имеем своеобразные формы процессов белкового распада, характеризующие данный вид животных, обнимающие в основном рыб, амфибий и млекопитающих, с одной стороны, и пресмыкающихся и птиц,—с другой. Но эта характеристика правильна лишь в основном, ибо мы уже показали ряд важных отклонений от этих положений, не укладывающихся в строгие формулы систематических построений. Приводимую таблицу Нидхейма поэтому далеко нельзя считать вскрывающей этот вопрос во всей его глубине. Ведь вопрос идет о формах белкового обмена на разных этапах развития органического мира! Сводка дает удачную попытку заложить канву синтезирования сложного процесса из отдельных разрозненных фактов. Однако при этом встает ряд крупных вопросов, на которые не дает ответа сводка Нидхейма.

Прежде всего законный вопрос о происхождении, о путях образования описываемых нами конечных продуктов белкового распада у различных животных. В самом деле: эти, имеющие место у различных животных, конечные продукты могут быть различного происхождения, а раз так, надо ставить вопрос о различных формах образования того или иного конечного продукта у различных групп животных.

Возьмем пример мочевины. Мы видим, что мочевина является не только основной, специфической формой белкового обмена у рыб, амфибий и млекопитающих, но она встречается уже у многих беспозвоночных, не являясь однако здесь ведущей формой белкового распада.

Образование мочевины, как известно, может итти и синтетическим путем и путем гидролитическим. Известно, что аргинин под влиянием аргиназы расщепляется на мочевину и орнитин. И этот путь (аналитический) образования мочевины существует наряду с синтезом его в соответствующих органах из менее сложных продуктов.

Процесс образования мочевины таким образом например у беспозвоночных может итти существенно иначе, чем у позвоночных, где синтетический путь преобладает. Delaunay [1]) даже думает, что незначительное количество образующейся мочевины у беспозвоночных именно связано с недостатком фермента аргиназы, а стало быть слабым распадом аргинина до мочевины и орнитина. Наконец допустимо и такое положение, что наличие незначительного количества мочевины у беспозвоночных животных связано с тем, что образующаяся в процессе белкового распада мочевина в организме беспозвоночных подвергается еще дальнейшему ферментивному расщеплению, на что указывают отчасти работы Пршилецкого (Przylezky).

Или далее возьмем вопрос о мочевой кислоте. Мочевая кислота как характерный продукт белкового распада у рептилий и птиц встречается однако не только среди этой группы животных, но широко распространена по всему животному миру.

Однако тот же вопрос о путях образования, который ставился выше, в отношении мочевины, может быть поставлен и здесь.

В самом деле: известно, что у млекопитающих мочевая кислота является главным продуктом пуринового обмена из нуклеопротеидов клеточного ядра, в то время как у птиц образование мочевой кислоты идет иным химическим путем, а именно синтезом продуктов распада белка (молочно-кислый аммоний) в печени этих животных. Правда, этот синтез частично возможен и у млекопитающих, но совершенно ясно, что пути образования мочевой кислоты у разных позвоночных идут в существенно различных направлениях.

Мало того, уже внутри млекопитающих частный биохимический процесс образования мочевой кислоты имеет своеобразные черты развития. Известно, что у большинства млекопитающих мочевая кислота как продукт пуринового обмена претерпевает под влиянием уриколитического фермента дальнейшее изменение и выделяется из организма в виде аллантоина. Но этот процесс у высших форм млекопитающих— у человека и антропоидов — уже отсутствует; отсутствует именно у них уриколитический фермент. Приводимая таблица иллюстрирует сказанное со всей ясностью.

Таблица № 2

Количество мочевой кислоты и аллантоина, выделяемое различными млекопитающими

Название животных	Мочевая кислота	Аллантоин
Свинья	1,8	92
Собака	1,9	97,1
Человек	90	2
Шимпанзе	—	0
Низшие обезьяны (Мопкеи)	8	66

Помимо теоретического значения, эта маленькая табличка вскрывает всю «обоснованность» наших «теоретиков», изучающих вопросы белкового обмена человека на лабораторных животных, и механически переносящих при этом эти выводы на человека.

Тот же вопрос о мочевой кислоте должен быть поставлен особенно глубоко у беспозвоночных. Ведь на данной стадии разработки вопроса по характеру белкового обмена (мочевая кислота как конечный продукт) рептилии, птицы и насекомые составляют одну биологическую

[1]) Delaunay, L'exretion azotée des invertebres. Biol. Rev. Cambr. Philos. Soc. т. 6, 1931.

группу. Однако вопрос нам представляется еще не достаточно разработанным. Образование мочевой кислоты у беспозвоночных может итти существенно иным путем, чем у позвоночных животных. Так, Сулима (Sulima) показал синтез мочевой кислоты у Aplysia и Maja из ациклических соединений, а цитированный выше нами Delaunay допускает возможность синтеза мочевой кислоты у беспозвоночных животных из аммиачных соединений. Наконец существенно важным является, с нашей точки зрения, то обстоятельство, что белковый обмен тесно связан с образованием различных покровных образований у животных (крылья насекомых, роговые образования и т. д.), что обычно не учитывается при анализе этого вопроса. Между тем разработка вопроса о формах белкового обмена на различных этапах развития жизни вне этого широкого охвата является недостаточной.

Далеко не полно нарисована нами картина этого глубочайшего процесса, лежащего в основе жизненных явлений в организме животных. Но совершенно ясно, что перед наукой стоит еще целый ряд новых вопросов, еще нерешенных, связанных с вскрытием характера процессов обмена белков в организме, ведущих к образованию тех или других конечных продуктов. Органически связан с этим вопрос об истории развития органов, мест синтеза. Располагая этими данными не только по конечным продуктам распада белков, но и данными относительно путей образования этих конечных продуктов и путей и форм выведения, использования их, мы сможем не только описывать различного рода явления в характере белкового обмена в истории развития животного мира, но и вскрыть переходы в процессе развития форм белкового обмена в органическом мире. Без преувеличения можно сказать, что эта глава об истории развития форм белкового обмена должна явиться одной из основных задач науки «эволюционной физиологии».

Само собой разумеется, что эта неполная по сути дела сводка данных о типах белкового распада в животном ряду и некоторые обобщения дают значительный материал для постановки и понимания ряда проблем развития — данных неполных потому, что здесь не приведены простейшие животные, одноклеточные в частности, с их своеобразными формами обмена веществ. Наконец не приведены подробно растения, у которых именно по линии белкового обмена мы имеем богатый материал и специальное обсуждение вопроса, вскрывающие в основном черты сходства в белковом обмене животных и растений (образование аммиака по преимуществу у низших растений, образование мочевины) и черты различий в белковом обмене тех и других в образовании синтетических продуктов (аспаргин, глютамин, отчасти продукты метилирования, например бетаин)] [1]).

В связи с важными практическими задачами остановимся лишь на двух моментах, еще более конкретизирующих данные приведенной выше нами таблицы и выводы из нее.

Возьмем важный для практики вопрос о связи между белковым обменом и ростом животного. Приводимая таблица вскрывает связь между количеством белка в молоке животного и числом дней, необходимых для удвоения веса после рождения — сравнительно у различных животных.

---

[1]) См. например статьи Д. Н. Прянишникова («Аммиак как альфа и омега обмена азотистых веществ в растении»); А. Кизеля («Аргинин и его ферментативное превращение в растениях»); В. С. Буткевича («Аммиак как продукт превращения белковых веществ плесневыми грибами и условия его образования») в сборнике, посвящ. К. А. Тимирязеву. Москва, 1916.

Таблица № 3

Тип животного	Число дней до наступления удвоенного веса	Количество белка на 100 частей молока
Человек	180	1,2
Корова	47	3,3
Коза	20	5,0
Овца	12	5,6
Свинья	8	7,5
Собака	8	9,2
Кролик	6	15,5

Таблица как известный итог сравнительного подхода к частной проблеме устанавливает связь белкового обмена и роста молодняка на различных этапах развития.

Или возьмем другой момент — переваримость белковых веществ у различных животных. Здесь мы подходим к вопросам пищеварения, тесно связанным с вопросами кормления, питания и обмена веществ у животных.

Зоотехническая физиология отмечает факты, влияющие на переваримость тех или других питательных веществ, связанные с самим животным.

«Естественно, что имеется разница в способности переваривания белка у родственных животных различных классов»,—читаем мы в новейшей капитальной сводке по питанию и обмену веществ сельскохозяйственных животных (1931 г.) [1]).

Возьмем пример из этой же сводки, дающей сравнение переваримости белка у свиньи и овцы (см. таблицу № 4).

Таблица № 4

Пищевые вещества	Переваримость белка в %				Больше перевариается у свиньи на
	Свинья		Овца		
	Периоды	Проценты	Периоды	Проценты	
Сырой картофель	6	84	VI	43,6	40,4
Распаренный картофель	5	76,9	III и IV	52,4	24,5
Подвергнут. действию кислоты картофель	4	73,2	II	37,9	35,3

Число таких данных увеличивается все более и более и требует самой неотложной разработки проблем пищеварения животных в сравнительно физиологическом разрезе.

Однако до самого последнего времени богатая по своему об'ему и обобщениям, одна из разработанных глав современной физиологии, именно — глава о пищеварении, касается по преимуществу узко ограниченной группы лабораторных животных (собаки и кролика) и человека благодаря данным клиники. Ведущие вопросы для практики, вопросы физиологии сельскохозяйственных животных в широком смысле этого слова до сих пор находятся в тени и мало разработаны. Некритически переносятся данные о физиологии

[1]) Mangold E., Handbuch der Ernährung und des stoffwechseles d. Landwirtschaflich Nutztiere, т. III, 1931 г., стр. 45.

пищеварения, полученные на собаке (или в лучшем случае только на овце), на сельскохозяйственных животных; физиология знает более или менее полно механизм пищеварения собаки, но не механизмы пищеварения животных, поскольку наряду с общими явлениями в процессах пищеварения у разных животных имеются свои специфические черты как в отношении собственно механизма пищеварения, так и в особенностях хода процессов переработки пищевых веществ.

Само собой разумеется, что изучение вопросов о механизмах пищеварения является актуальным с точки зрения правильной организации кормления этих животных. Вместе с тем это открывает совершенно новые перспективы для теоретических обобщений в понимании всех сторон этого процесса и развития его в связи с развитием животного мира. Отрывочные данные, уже имеющиеся в литературе, уже накопленные нашей советской наукой, и именно в лабораториях наркомземовской сети, указывают на огромную важность теоретических и практических моментов, которые вскрываются именно при таком подходе к вещам. Достаточно напомнить ряд работ в области физиологии пищеварения сельскохозяйственных животных, полученных в ряде лабораторий наших сельскохозяйственных вузов, а также новейшие работы лабораторий пищеварения Института животноводства Ленинской академии (Кратинова) [1]), которые вскрывают в ежедневном эксперименте и в ежедневных наблюдениях особые черты процессов пищеварения у с.-х. животных, подводящие фундамент для будущих построений о механизмах пищеварительного процесса различных животных, которыми мы должны овладеть.

Возьмем частный вопрос, вопрос о так называемом гумморальном возбуждении желез внешней секреции пищеварительного тракта. Известно, что поджелудочная железа — одна из мощных пищеварительных желез, возбуждается под влиянием вещества гормональной природы, так называемого секретина, вырабатываемого в тонких кишках.

Приводимая ниже таблица № 5 отражает общий итог экспериментальной работы по этому вопросу, разработанному бригадой отделения сравнительной физиологии животных Биологического института Комакадемии (Коржуев П. А., Мужеев В. А., Музыкантов В. А., Очаковская С. Г.), под руководством автора этой статьи иллюстрирует некоторые моменты при сравнительно-физиологическом исследовании этого вопроса (см. табл. 5, на стр. 70).

Секретин, вопреки мнению ряда ученых, упрощающих этот вопрос (школа Попельского и др.), является веществом специфической гормональной природы, а не обычным продуктом белкового распада. Далее, вопреки попыткам последнего времени экстрагирования этого вещества из самых разнообразных органов и тканей не только животных, но и растений, секретин имеет строгую топографию расположения места выработки, т. е. образование его связано с определенными морфологическими структурами. Таблица № 2, дающая материал о топографии секретина у различных видов животных в зоологическом ряду, со всей очевидностью отвечает на этот вопрос в том смысле, что имеется строгая топография выработки секретина, связанная с тонким кишечником, главным образом с верхними отделами его. Как видит читатель, у всех позвоночных животных другие отделы пищеварительного тракта (зоб, желудок, толстая кишка, прямая кишка, клоака) не содержат этого вещества, возбуждающего работу пищеварительного тракта. Если у всех без исключения высших позвоночных удается экстрагировать секретин, возбуждающий работу поджелудочной

[1]) См. журн. «Проблемы животноводства» №№ 1, 7, 1932 г.

Таблица № 5

Схема распределения секретина в кишечном тракте различных животных (+ означает присутствие, - означает отсутствие секретина)

Типы животных / Сегменты кишечного тракта	ищевод, зоб	Желудок	Тонкие кишки, сегменты: Верх.	Тонкие кишки, сегменты: Средн.	Тонкие кишки, сегменты: Нижн.	Толстые кишки	Прямая кишка клоака	Примечание
А. ПОЗВОНОЧНЫЕ								
I. Млекопитающие								
1 Собака	—	—	+	—	—	—	—	
2 Кролик	—	—	+	—	—	—	—	
3 Свинья	—	—	+		—	—	—	
4 Овца	—	—	+		—	—	—	
II. Птицы								
1. Голубь	—	—	+	+	+	—	—	
2. Курица	—	—	+	+	+	—	—	
III. Рептилии								
1. Черепаха	—	—	+	—	—	—	—	
2. Уж	—	—	+	—	—	—	—	
IV. Амфибии								
1. Лягушка	—	—	+	—	—	—	—	
2. Саламандра	—	—	+	—	—	—	—	
V. Рыбы								
1. Карась	—	—			—	—	—	
2. Вьюн	—	—			—	—	—	
3. Акула	—	—	+	—	—	—	—	
4. Лосось	—	—	+	—	—	—	—	
В. БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ								
I. Черви (дождевой червь)	секретин отсутствует							Согласно исследованиям Baylis-s'a и Starling'a
II. Ракообразные (речной рак)	"				"			
III. Мягкотелые (виноградная улитка)	"				"			

железы из верхнего отрезка тонких кишек, то у птиц мы имеем некоторое своеобразие, выражающееся в том, что весь тонкий кишечник до места впадения в толстую кишку является местом выработки этого вещества. В этом деталь особенностей механизма пищеварительного тракта исследуемых птиц.

Однако таблица вскрывает, отражая данные опыта, что секретиновый механизм, являясь общим для позвоночных животных, не имеет места среди исследуемых беспозвоночных животных. У ряда пресноводных беспозвоночных, которые были исследованы, секретина не обнаружено. Естественно, что это ставит вопрос о необходимости изучения своеобразных условий возбуждения желез пищеварительного тракта животных на этой стадии развития. В этом — один из путей к разработке своеобразия механизма пищеварения на разных этапах развития.

Иные формы возбуждения железистой клетки должны иметь место в своеобразном железистом аппарате низших беспозвоночных, связанных, как

известно, и с своеобразными физиологическими процессами (секреция, фагоцитирование, всасывание). Работы Иордана Гирша [1]) (Hirsch) показывают, насколько качественно отличается характер, ритмика секретообразовательных и секретовыделительных процессов у беспозвоночных и позвоночных животных.

Две небольшие частности, имеющие прямое отношение к разбираемому вопросу. При наших исследованиях контрольной тканью, железо-индикатором служила поджелудочная железа собаки, между тем изучалось свойство экстрактов из соответствующих сегментов пищеварительного тракта различных животных. Во всех этих случаях экстракты из кишечного тракта всех животных, как видно из таблицы, возбуждали работы железистых клеток поджелудочной железы собаки. Это ставит частный физиологический вопрос о секретине на высоту общебиологической проблемы видовой неспецифичности секретина среди позвоночных животных, отмеченный еще раньше Bayliss'ом и Starling'ом. И второе — этот путь анализа проблемы в значительной степени приближает нас к более верному решению частных спорных вопросов гистоло-физиологии, а именно: до сих пор гистологи без физиологического контроля, не говоря уже о необходимости сравнительного физиологического исследования, спорят о том, какие морфологические элементы вырабатывают секретин. Если спорят о том, вырыбатывают ли секретин либеркюновы железы, то данные сравнительного физиологического эксперимента говорят, что у тех животных (например лягушка), у которых в двенадцатиперстной кишке и не удается как будто установить наличие этих морфологических структур, обнаруживается секретин. Гораздо глубже и полней может итти исследование физиологических и гисто-физиологических вопросов при изучении сходства и различий как в структуре, так и в отправлениях животного на различных этапах его развития.

С вопросами пищеварения тесным образом связан вопрос о двигательной функции пищеварительного тракта. Последняя как известно связывается с особенностями гладкой мускулатуры кишечной стенки. Обычные физиологические и фармакологические представления, основанные на исследованиях ограниченного числа животных, разбирая сложный вопрос о реакции этой гладкой мускулатуры на различные сильно действующие вещества, допускают возможность утверждений о строго характерном действии этих веществ на гладкую мускулатуру, наблюдаемом ими, повторяю, при изучении свойств гладкой мышцы кишечника определенного животного, например кролика. Правда, в современной фармакологической и физиологической литературе мы имеем ряд работ, которые делают массу оговорок относительно зависимости реакции этой мускулатуры на те или другие сильно действующие вещества, в зависимости от состояния этого органа в данный конкретный момент. Однако в основном мы не имеем во всяком случае систематизированного подхода к своеобразным особенностям гладкой мускулатуры кишечного тракта и связанной с этим двигательной функции его на разных этапах развития.

Исследования, предпринятые в той же лаборатории (Мужеев В. А., Юдина Е. Ф.) (см. рис. № 1), приводят к заключению, что обычное представление о том, что адреналин понижает тонус гладкой мускулатуры кишечного тракта, пилокарпин же повышает его, — действительно для определенной группы животных, и имеет своеобразный ход для других, отражая таким образом своеобразные черты физиологической характеристики гладкой му-

[1]) Hirsch, см. напр. «Die Restition des Sekretmaterials Pankres». Verhandl der Deutschen Zool. Gesellschaft, 1931, стр. 302—321, или Jordan-Hirsh. Vergleichend-physiolog. Ubungen, стр. 113—115, 1927. Springer Berlin.

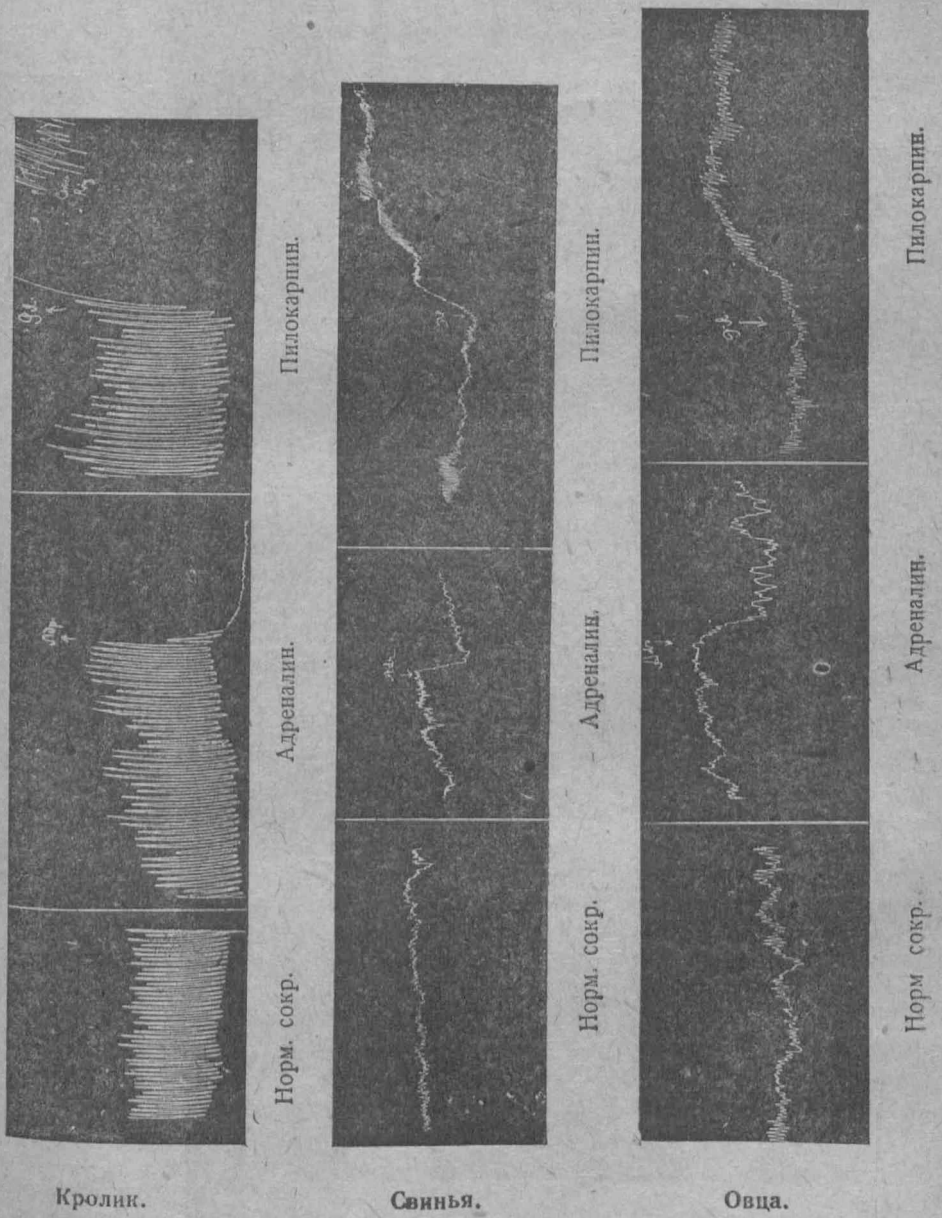
скулатуры кишечного тракта этих животных. Приводимые ниже диаграммы ряда позвоночных животных (кролика, свиньи, овцы, курицы, голубя, рыб, лягушки) вскрывают, во-первых, своеобразный ход нормальных ритмических реакций различных сегментов пищеварительной трубки этих животных. Достаточно для этого сравнить типы нормальных сокращений хотя бы кишечника кролика, голубя и лягушки. Но мало того. По интересующему нас вопросу мы видим, что и реакция на адреналии и пилокарпин разно протекает у разных видов животных. Прежде всего мы имеем типичную картину понижения тонуса от адреналина и повышения его от пилокарпина так, как это излагается в классической физиологии и фармакологии в опытах с кишечником кролика; мы не имеем или почти не имеем реакции ни на адреналин, ни на пилокарпин со стороны кишечника лягушки, и наконец имеем своеобразную извращенную картину у птиц (голубя).

Эти исследования, полученные главным образом в отношении действия одной и той же дозы на различные участки кишечного тракта разных животных, расширяются до моментов вскрытия роли количественных факторов в этом сложном деле. Однако одно можно сказать со всей уверенностью и определенностью, что физиологическая характеристика гладкой мышцы кишечного тракта на различных этапах развития носит черты сходства и черты различия. Исследования, проведенные голландским физиологом, ten-Cate в отношении беспозвоночных животных, подтверждают также сказанное, ибо опыты ten-Cate с действием тех же веществ на отрезок кишечной трубки беспозвоночных животных показали, так же как и наши опыты, своеобразный ход реакции на эти вещества, отличный от установленных в классической физиологии, на определенном лабораторном об'екте данных. Эти исследования еще очень недостаточны. Совершенно необходимо изучение более близкими нормальным физиологическим условиям методами (баллонный метод, рентген и пр.) деятельности кишечного тракта. При таком более полном подходе общая проблема физиологической характеристики гладкой мускулатуры кишечного тракта на различных этапах развития будет не только важной теоретической проблемой, связанной с разработкой истории развития моторной функции кишечного тракта, но и руководством к действию в овладении пищеварительным трактом, поскольку с двигательной функцией кишечного тракта связаны большие вопросы интенсивности усвоения пищи, темпов переваривания и т. д. и т. п.

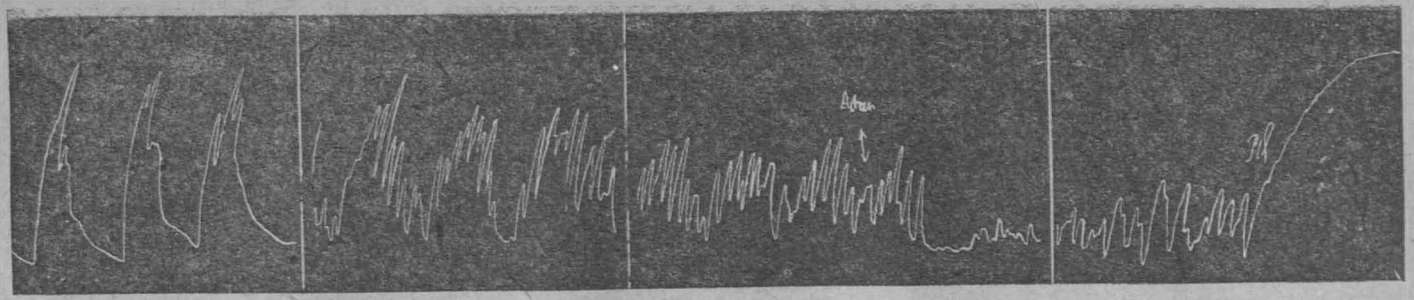
В связи с этим опять два дополнительных замечания. Эти данные о своеобразной реакции на определенные вещества гладкой мышцы кишки различных животных (излюбленного об'екта исследования фармакологов) приковывают наше внимание к совершенно новым, но уже поставленным и разрабатываемым проблемам сравнительной фармакологии. Помимо того, что эти сравнительно фармакологические данные должны расширить круг наших теоретических обобщений, — эти данные должны иметь прямое отношение к вопросу о пределах возможности переноса данных фармакологического исследования, полученных на лабораторных животных, на огромное многообразие сельскохозяйственных животных, с одной стороны, и человека, — с другой.

И второе. Тот факт, что мы устанавливаем физиологическую характеристику гладкой мускулатуры кишечного тракта среди позвоночных животных, особенности этой мускулатуры у беспозвоночных, должен приковывать наше внимание к разработке вопросов, ставящихся в связи с этим в другой области, а именно: рядом выдающихся биологов, в том числе голландским сравнительным физиологом Иорданом (Jordan), ставится вопрос о так называемом «hohlorganartigentiere», под именем которых он об'единяет огромную группу беспозвоночных животных, только на том основании, что гладкая

Рис. 1. Кривые сокращений гладкой мышцы кишечного тракта различных животных и реакция ее на различные вещества. (из работы бригады: Х. Коштоянц, В. Мужеев, Е. Юдина).

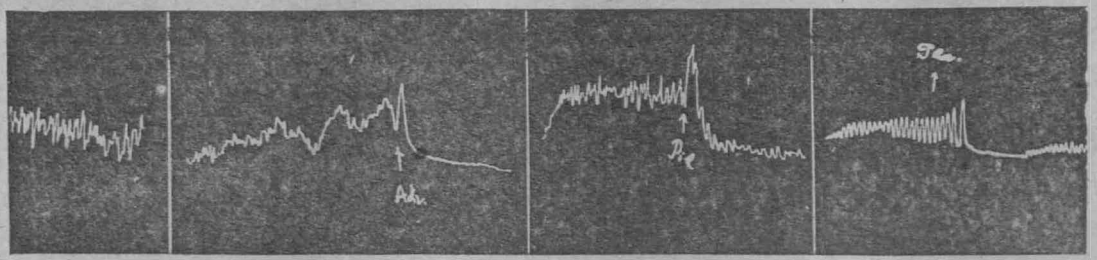

Курица.

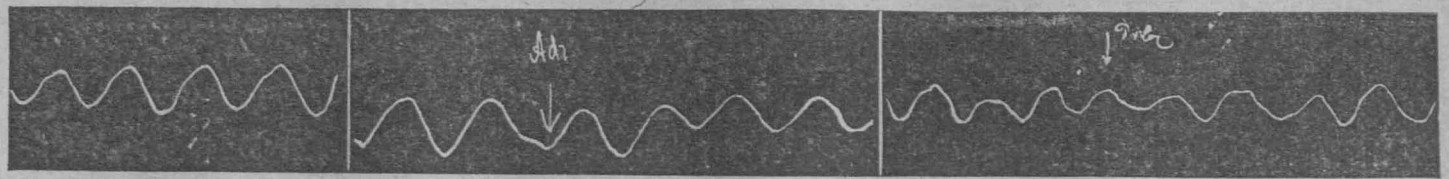
Норм. сокр. Адреналин. Пилокарпин.

Голубь.

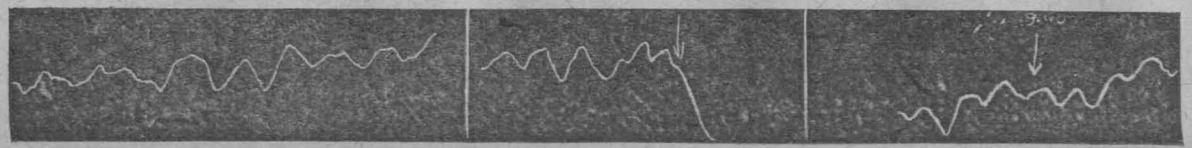
Норм. сокр. Адреналин. Пилокарпин.

Лягушка.

Норм. сокр. Адреналин. Пилокарпин.

Карась.

Норм. сокр. Адреналин. Пилокарпин.

мускулатура двигательного органа этих животных — «ноги» — напоминает по Jordan'у реакцию гладкой мускулатуры полостных органов высших позвоночных животных («Животные, подобные полостным органам»).

В другом месте нами приведены в специальной статье фактические материалы, указывающие на черты сходства и различия у гладкой мускулатуры кишечного тракта высших позвоночных и гладкой мускулатуры двигательного органа беспозвоночных. Естественно, что только при историческом подходе к разбираемой нами проблеме можно показать всю несостоятельность попытки создать биологическую классификацию животных только по произвольному признаку, собственно говоря,—смешения характерных черт казалось бы одной и той же ткани (гладкой мускулатуры), имеющей наряду с чертами сходства и черты различий на разных этапах развития. Это тем более, что классификация Jordan'a опирается на сравнение гладкой мышцы, связанной в сравниваемых двух случаях, с разными отправлениями: в одном случае—у беспозвоночных—движения животного, а в другом — у позвоночных — пищеварения у него.

Приведенные нами примеры характеризуют собой подходы к решению ряда физиологических вопросов. При таком подходе возрастает роль сравнительно-физиологических исследований в анализе ряда запутанных физиологических проблем. Здесь можно указать лишь на некоторые из них.

Возьмем для примера одну из интереснейших глав физиологии, главу о природе сердечного сокращения. Дискуссирующийся до сих пор вопрос о миогенной или нейрогенной природе сердечных сокращений нашел пути для своего наиболее правильного разрешения именно в сравнительно-физиологическом подходе к решению его. Здесь стоит только указать на классические работы по сравнительной физиологии сердца, проведенные Карлсоном (Carlson [1]) на известном об'екте Limulus, показавшие огромную роль сравнительно-физиологических исследований и пошатнувшие правомерность самой постановки вопроса миогенная и л и нейрогенная теория. Стоящие и в настоящее время острые вопросы природы автоматии сердца и роли физических факторов (наполнения, напряжения, давления и т. п.) сердечной деятельности нуждаются для своего решения именно в широком сравнительно-физиологическом исследовании. Остановимся на этом очень коротко.

Иенская физиологическая школа Скрамлинка (Skramlink), анализируя вопрос о природе автоматии сердечной мышцы у ряда беспозвоночных, приходит к выводу о том, что у этой группы животных сердце вне акта наполнения, вне акта напряжения его от этого наполнения находится в расслабленном состоянии и ритмически не сокращается. Однако проведенные исследования в лаборатории автором этой статьи совместно с д-ром Кашкай показали всю неосновательность этих взглядов, ибо изолированное из организма сердце виноградной улитки, с которой работали и в лаборатории Скрамлинка, продолжает ритмически сокращаться довольно длительный период вне акта наполнения и растяжения этого сердца. Мало того, и отдельные сегменты, чрезвычайно маленькие, как желудочка, так и предсердия сердца, обладают этой ритмической автоматической способностью сокращения. Эти законченные, но не опубликованные наблюдения не только углубляют уже имевшие место единичные указания прежних авторов, но и встречают полное подтверждение в только что вышедшей в июне этого года работе Вильямса [2]) (Willems).

[1]) A. Y. Carlson, The nervous origin of the heart deat in Limulus. Americ. Journ. of physiol., т. 12, 1904/05.

[2]) H. P. Willems, Uber die Hezbewegungen bei der Weinbergschnecke (Helix pomatia) Akademische Proefschrift, 1932 г.

Сам по себе факт наличия автоматии сердца вне акта наполнения у беспозвоночных животных не только является противоречащим и отвергающим ошибочные, по существу механистические, установки школы Скрамлинка, но ставит вопрос о необходимости изучения роли физических факторов, в частности давления, в механизме сердечного сокращения на различных этапах развития. Надо думать, что роль давления в деятельности сердца у различных животных разно проявляется и, что особенно важно, должны иметь место различные формы проведения и осуществления влияния этого давления. Это наряду с наличием автоматии в элементах сердечной ткани, в разной степени выраженной, в различной степени подчиненной другим моментам, возникающим в процессе развития у различных животных (местная и центральная нервная система; гумморальные воздействия и т. д.).

Связанный с этим вопрос — о нервных элементах сердца беспозвоночных животных—также нуждается в своей специальной обработке, но отнюдь не в плоскости аналогии с состоянием нервного прибора и проводящих путей сердца высших, в частности позвоночных, животных. Сравнительно-гистологические исследования нервных структур сердца различных животных под углом зрения истории развития этих структур, физиологические наблюдения на пределы наличия автоматии у различных частей (самых незначительных) в различные сроки после изоляции из организма, должны будут дать ценный материал для правильного решения спорных вопросов механизма сердечных сокращений у различных животных, развитие явлений автоматии сердца и т. д., и в этом направлении разрабатывается вопрос в лаборатории биологического ин-та Комакадемии под руководством автора статьи.

Известно, что для решения этого же физиологического вопроса огромное значение имеют эмбриологические наблюдения, т. е. наблюдения над сердцем развивающихся животных в различные периоды развития их.

Классические наблюдения над сердцем куриного эмбриона в ранние дни инкубации, когда еще трудно установить наличие нервных элементов, внесли много ясности в обсуждаемый вопрос и поставили еще более под сомнение правомерность самой постановки вопроса о миогенной или нейрогенной природе сердечного сокращения. Физиологические наблюдения над зародышами, или шире говоря — физиология эмбрионов должна быть включена в систему наших заданий по разработке огромных теоретических проблем физиологии.

В ряде случаев, помимо только что указанного, наблюдения над физиологическими процессами в эмбриональной жизни внесли много ясности в понимание этих процессов. Изучение физиологических процессов в их развитии, попытка построения истории развития функций неминуемо ставят вопрос об изучении явлений не только по группам животных, но и в период индивидуального развития их. Это даст еще более надежные пути для вскрытия общих закономерностей, для вскрытия возникновения процессов их развития; для вскрытия особенностей явления на различных этапах развития и переходов от одного к другому.

Нами приведены были выше данные, касающиеся своеобразных особенностей ритмики гладкой мускулатуры кишечного тракта различных позвоночных животных.

Ряд исследований японских авторов и работы, ведующиеся автором совместно с Музыкантовым, дают основание говорить о наличии особенностей в физиологической характеристике гладкой мускулатуры кишечного тракта у зародышей различного возраста различных животных.

То же самое в отношении разобранного нами выше вопроса о секретине и топографии его выработки у различных животных. В другом месте

более подробно в специальной работе изложены данные автора [1]), которые указывают на факт образования секретина в эмбриональной жизни. Причем был установлен определенный срок появления этого вещества. Так же, как и в приведенной выше работе по сравнительно-физиологическому анализу, в этой работе было показано, что и у зародышей позвоночных животных имеется строгая топография расположения этого вещества — секретина; было показано, что на ранних стадиях развития (до 4-месячного возраста у зародыша человека) это вещество отсутствует (из приведенной таблицы видно, что секретин отсутствует у беспозвоночных животных).

Наконец, что касается подробно разработанного нами выше вопроса о типах белкового обмена, то здесь наряду с таблицей, характеризующей эти типы у различных видов животных, необходимо привести кривые из работ того же Нидхайма, вскрывающие ход процессов белкового обмена у зародыша курицы в разные дни инкубации (см. рис. 2). Приведенные кривые иллюстрируют со всей ясностью ту сложную картину особенностей белкового обмена на разных этапах, которая характерна для эмбриональной жизни данного вида животных.

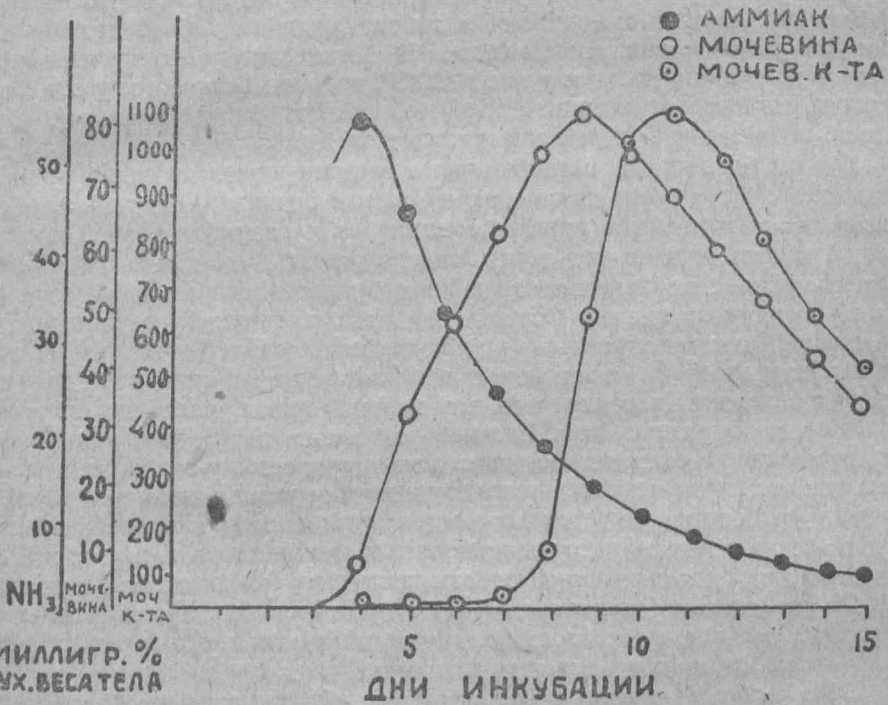

Рис. 2. Сравнительная интенсивность образования азотистых продуктов выделения у зародышей курицы в разные дни инкубации (из Necdhama).

В связи с рассмотренными выше типами белкового обмена в животном ряду является чрезвычайно важным, что в эмбриональной жизни птицы, для которой характерным является белковый обмен с выделением конечного продукта в виде мочевой кислоты, имеют место три типа белкового обмена. Здесь имеется в первые дни инкубации преобладание выделения аммиака в виде конечного продукта обмена; затем, постепенно нарастая наряду с аммиаком некоторый период, до восьмого дня инкубации, преобладающей

[1]) Ch. Koschtojanz, Beitrag zur Physiologie des Embryos. Pflüg. Arch. Bd. 227. H. 3., 1931.

формой является мочевина как конечный продукт; и только к одиннадцатому дню наступает типичная для взрослой особи форма белкового распада, характеризующая все дальнейшее развитие и индивидуальное существование данной особи, т. е. выделение мочевой кислоты.

Кривая эта приобретает особенное значение именно при сопоставлении общей картины типов белкового обмена у различных групп животных, которую мы анализировали несколько выше. Еще в 1913 г. проф. Л. Штерн совместно с Батели [1]) (Batelli), работая над окислительным процессом у насекомых, установили факт сильного развития аммиака у личинок насекомых, для взрослой особи которых, как указывалось выше, конечным продуктом является мочевая кислота. Эти работы еще не углублены дальше. Детальное исследование хода белкового обмена в индивидуальном развитии насекомых (грена, личинки) должно дать важнейший материал о чертах сходства и различия в схожем по конечному продукту белковом обмене рептилий, птиц и насекомых. Таким образом разорванные единичные биохимические наблюдения по белковому обмену как над животными, так и над их зародышами становятся органической частью общебиологических выводов.

Основная группа работ по линии физиологии зародышей направлена на изучение биохимических процессов в эмбриональной жизни. В этом направлении уже имеются капитальные сводки [2]). Достаточно полно изучены и разрабатываются, в частности и у нас в СССР, вопросы белкового, углеводного, жирового, солевого, водного обмена зародышей. Это имеет несомненно также крупное значение и в нашей животноводческой практике.

Однако еще очень недостаточно изучены физиологические процессы в широком смысле этого слова в зародышевом периоде. Еще только-только намечаются методические приемы и подступы к разработке этой сложной большой задачи. Однако уже теперь можно сказать, что именно здесь заложены возможности изучения важнейших вопросов физиологии различных органов, различных систем. Совершенно ясно преимущество такого рода исследований, поскольку именно в эмбриональном развитии железы, мышцы, нервных элементов можно установить возникновение того или иного физиологического процесса, характерного для данного органа, развитие его и различных стадий этого развития. Уже сейчас имеющиеся материалы по вопросу о возникновении и развитии ферментативных процессов у зародышей различных видов животных являются надежными путями для начала исследований по вопросам физиологии секреторных клеток, а именно: процесса образования, возникновения в них секреторных элементов, ферментов и т. д. и т. п. Здесь непочатый край для совместной работы гистолога, биохимика и физиолога.

Эмбриональная физиология наряду с так называемой сравнительной физиологией, физиологией отдельных групп животных, несомненно ляжет в основу разработки задач истории развития функций.

Эти же эмбрионально-физиологические исследования имеют огромное значение с другой стороны. В таблице, приведенной нами выше, о типах обмена веществ у различных животных, указаны типы кладки яиц этих животных, способы их эмбрионального развития водного (А) и наземного (Т). Само собой разумеется, что условия образования и выделения продуктов обмена веществ в этих обоих случаях резко различны. При водном типе развития яйца имеются возможности выделения продуктов белкового распада непосредственно в воду, и при этом не может быть речи о какой-либо, с одной стороны, задержке этих веществ в яйце, и, с другой стороны, обеднении водой яйца за счет растворения этого вещества в воде, заключенной в самом

[1]) Stern und Batelli, Bioch. Zeitschr. 56, 35, 1913.

[2]) I. Needham, Chemical Embryology. Cambrige University Press, 1931.

яйце. Понятна например степень вредности аммиака, образующегося при белковом обмене, для зародыша, развивающегося в водных условиях, когда этот аммиак может растворяться в окружающей среде, а также для зародыша при наземном развитии, когда аммиак будет накопляться в яйце.

Обратимся теперь к вопросу об образовании мочевины и мочевой кислоты при зародышевом развитии. Вопрос этот тесно связан с водным обменом зародыша. Этот вопрос тем более важен, что одной из самых ярко выраженных констант для клетки на различных этапах развития живого является постоянство в составе воды в клетках различных животных, колеблющееся в пределах около 80 процентов (см. табл. № 6).

Таблица № 6

Тип позвоночных животных	Приблиз. % воды в тканях взр. слого животного и зародышей (помимо костей)
Акула	81
Форель	84
Золотая рыбка	75
Лягушка	80
Тритон	79
Саламандра	78
Ящерица	72
Воробей	78
Курица	83

Отсюда следует, что клетки зародышей животных вне зависимости от способа их развития (водного или наземного) получают определенное, одинаковое количество воды. В случае наземного развития основным поставщиком воды является белковый слой, вода, входящая в состав которого, используется при развитии зародыша (как видно из таблицы № 7, до десятого дня развития вода желтка почти не изменяется). Самое незначительное количество воды, заключенное в системе яйца, должно играть огромную роль в развитии зародыша (часть воды, нормально идущей на испарение, очевидно тратится за счет воды желтка). Тем острее становится вопрос о количестве этой воды, идущей на растворение тех или других конечных продуктов распада при обмене веществ. Именно поэтому имеет значение вопрос — является ли мочевина или мочевая кислота ведущим типом белкового распада при наземной форме эмбрионального развития. По подсчетам Нидхайма разница в количестве употребляемой воды, которая могла бы пойти на растворение мочевины или мочевой кислоты в яйце, равняется примерно 2 куб. см., что конечно является чрезвычайно большим количеством, учитывая общее количество воды в системе яйца курицы, по отношению которой эти подсчеты сделаны. Совершенно естественно, что именно те формы имели все условия для дальнейшего выживания и развития, у которых при зародышевом развитии преобладающей формой было выделение мочевой кислоты как конечного продукта, что влекло за собой в силу физико-химических свойств этого вещества минимальную затрату воды на его растворение в сравнении с мочевиной.

Отсюда — глубокая связь между типом эмбрионального развития и типом обмена веществ у взрослой особи данной группы животных. Однако ряд вопросов требует еще дальнейшего глубокого анализа: так например вопрос о формах обмена у яйцекладущих млекопитающих. Как видит чита-

тель из таблицы № 1, у ехидны конечным продуктом белкового обмена является мочевина.

Таблица № 7 показывает, что при инкубации яйца курицы заметно падает состав воды в окружающих зародышевых слоях. Причем основное количество воды теряется именно белковой оболочкой. Таким образом вопрос о снабжении водой яйца наземных животных решается внутри самого яйца.

Таблица № 7

Дни инкубации	Количество воды в граммах			Потеря воды путем испарения при 23% влаж.	Вода, получаемая при сжигании желтка
	Зародыш	Желток	Белок и аммнион		
0	0	8,5	29,0	0	0
6	0,4	$8,4_5$	27,2	2,4	0,01
8	1,1	8,4	25,4	3,5	0,05
10	2,5	8,2	23,0	4,6	0,12
12	4,6	7,8	20,4	5,6	0,27
14	7,9	6,9	16,9	6,7	0,50
16	12,0	5,3	12,6	7,8	0,80
18	18,1	2,3	9,2	8,8	1,2
20	27,4	1,0	2,2	9,8	2,0

Этот сам по себе казалось бы простой факт очень глубоко ставит вопрос об эволюции не только типов кладки яйца и форм эмбрионального развития (водного и наземного), но в отношении наземных форм ставит вопрос об эволюции яйцепроводящих путей, об эволюции морфологических структур, связанных с образованием яйца, со снабжением его достаточным количеством воды для развития зародыша.

Не без основания английский биолог Грей (Gray [1]), из работы которого мы и приводим две последние таблицы, указывает на возможность образования яйцепроводящих путей современных наземных форм от имеющих снабженные железистой тканью яйцепроводы рыбоподобных предков их. В той же работе указываются различные, яркие по краскам формы снабжения водой развивающихся яиц при наземной форме развития, начиная от выделения воды отдельно от яйца и кончая сложной системой яйца у птиц.

Таким образом этот фактический материал дает примеры глубокой зависимости между типами эмбрионального развития и формами обмена веществ (белковым и водным) у взрослых особей этих животных.

В этом разрезе и вопросы водного обмена из узко физиологических становятся глубоко биологическими. Сюда же надо отнести и в этой плоскости нужно рассматривать работы упоминаемого нами Грея, показавшего особенности кожных покровов рыб, земноводных и наземных рептилий под углом зрения вопроса об эволюции водного обмена у животных. Мы приводим кривые из работ Грея, которые со всей ясностью подчеркивают своеобразные черты свойств проницаемости кожи для воды земноводного тритона и ящерицы (рис. 3). Опыт показывает, что потеря в весе на воздухе и увеличение в весе при опускании в воду особенно интенсивно проходит

[1]) M. A. Gray, The Rôle of water in the Evolution of the terrestrial vertebates. Britsch. Journ, of. Exper. Biologie, vol, VI, № 1, 1928.

у рыб и земноводных (лягушка, тритон и саламандра) и протекает чрезвычайно медленно, и незаметно выражено у сухопутной рептилии — ящерицы. Кожа ящерицы очень мало теряет воды на воздухе и чрезвычайно

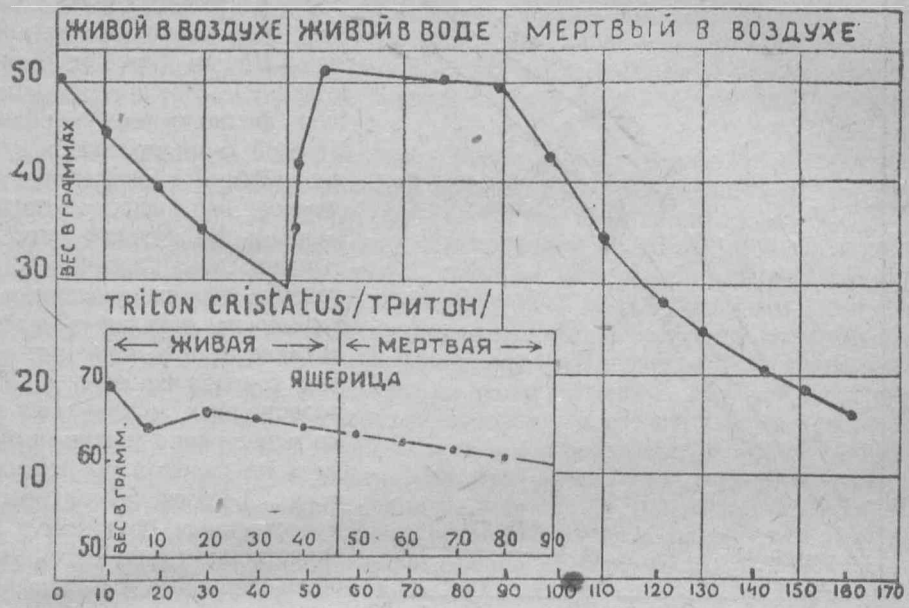

Рис. 3. Потеря веса тела в воздухе и увеличение его в воде у живого и мертвого животного сравнительно тритон (землеводн.) и ящерица (рептилии) (из Gray'a).

мало абсорбирует воду ею. Очень важно, что именно эти рептилии, наиболее ранний тип позвоночных, с ярко выраженным заглатыванием воды и абсорбированием воды через желудочно-кишечный тракт. Известно, что амфибии не пьют воду, и вода имбибируется по всей поверхности их тела. Эти данные позволяют по праву Грею сделать заключение о том, что «приобретение кожи, которая сравнительно непроницаема для воды, имело место позже, а не до происхождения первых земноводных типов» и что «возможность возникновения земных форм вдали от воды стала возможной, как только взрослые организмы получили кожу, сравнительно непроницаемую для воды».

Кривые (рис. 4), иллюстрирующие данные физиологического эксперимента о потере воды в граммах животных с кожей и без кожи, схождение кривых, касающихся тритона с кожей и ящерицы без кожи, включает физиологический эксперимент в разработку общих биологических проблем. На этом пути еще много чрезвычайно увлекательных и малоразработанных задач. Физиологический эксперимент в указанном только что направлении, возможно широкое сравнительно физиологическое изучение сходства и различий в физиологических процессах в богатом многообразии животного мира, наконец изучение физиологии и биохимии в зародышевом развитии должны быть тем материалом, на основе которого может быть построена сравнительная физиология в широком понимании этого слова, именно в том понимании, которое вкладывал более 70 лет назад наш учитель Энгельс.

В одном из замечательных писем к Марксу от 14 июля 1858 г., т. е. за год до появления «Происхождения видов», Энгельс писал: «Я сейчас занят физиологией и к ней присоединяю еще занятия сравнитель-

ной анатомией... Главное, благодаря чему произошел переворот в физиологии и благодаря чему стала возможной сравнительная физиология — это открытие клетки, открытие, которое в растениях сделал Шлейден, а в животных организмах—Шванн (приблизительно в 1836 г.)... Изучая сравнительную физиологию, начинаешь от всей души презирать идеалистическое возвеличение человека над всяким прочим зверьем. На каждом шагу натыкаешься на полнейшее совпадение строения человека со строением остальных млекопитающих, и в основных чертах совпадение есть у всех позвоночных, и даже несколько менее резко можно проследить на насекомых, червях и т. д... Гегелевская история с качественным прыжком в количественном ряде здесь тоже очень подходит. В конце концов, доходя до самой примитивной инфузории, приходишь к первобытному типу—к простой самостоятельно живущей **клетке».**

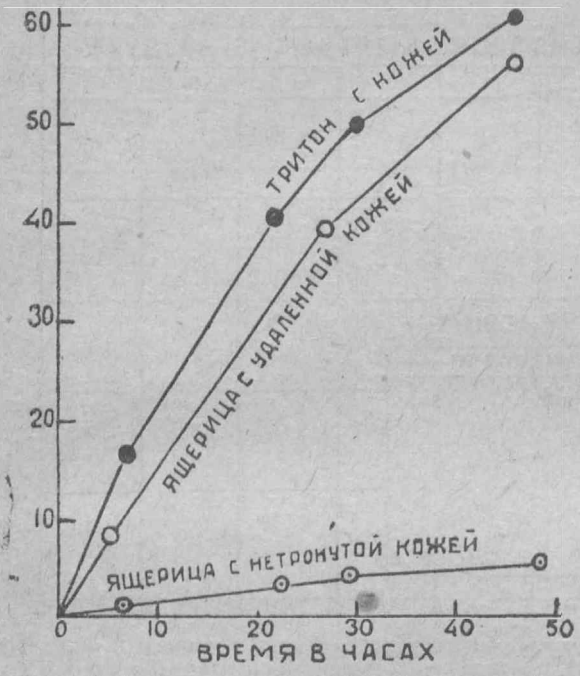

Рис. 4. Роль кожи у земноводных (тритон) и рептилий (ящерица). Сравнительно по опытам с потерей веса животных с кожей и без кожи.

На этом пути стоят огромные задачи восстановления генеалогического развития функций в их возникновении, развитии и переходах.

Вот как глубоко ставит проблему развития Ленин:

«Развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей, раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними. При первой концепции движение остается в тени с а м о движение, его д в и г а т е л ь н а я сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится в о в н е — бог, суб'ект и т. д.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «с а м о»движения. Первая концепция мертва, бедна, суха, вторая — жизненна. Т о л ь к о вторая дает ключ к самодвижению всего сущего, только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» (Л е н и н).

Выше мы указывали на то огромное значение, которое имеет для дальнейшего развития физиологических исследований разработка проблем, входящих в этот круг под знаком теории развития, под знаком истории развития физиологических процессов. Э т о я в л я л о с ь о с н о в н о й з а д а ч е й э т о й с т а т ь и. Эта задача однако теснейшим образом связана с актуальными проблемами самой теории развития. Мы хотели бы в заключение л и ш ь п о с т а в и т ь несколько вопросов, которые неминуемо возникают перед нами в связи с постановкой ряда конкретно физиологических вопросов и попытки анализа их в свете истории развития.

Северцев, один из крупнейших работников в области разработки эволюционной проблемы, перечисляя задачи исследования в области эволюцион-

ной проблемы, называет третью задачу, которая им формулирована следующим образом: «Наконец третьей основной задачей представляется история эволюции физиологических и биологических особенностей организмов, что представляет быть может самую трудную сторону филогенетического исследования (разрядка наша.—*Х. К.*). Филогенетическое исследование, понимаемое таким образом, в своем конечном результате должно дать нам по возможности полную и разностороннюю историю жизни на земле [1]).

Другой крупный современный сравнительный морфолог англичанин Уотсон [2]) (Watson) в своей недавней крунианской лекции, посвященной эволюции происхождения амфибии, высказывается следующим образом: «Возможно рассматривать эту проблему как проблему чисто формальной морфологии и установление серии стадий, которые показывают промежуточные стадии между типичными структурами рыб и структурой гомологичных органов амфибий, и в этом видеть разрешение вопросов. Такие исследования, хотя они образуют необходимый фундамент для дальнейших исследований, теперь удовлетворяют очень немногих: центр интересов перешел из структуры в функцию, и всех привлекает проблема, сосредоточенная в попытке понять условия, при которых произошла трансформация, и понять процесс, при помощи которого механизм животного был так глубоко изменен, оставаясь в то же время работающим целым».

Уотсон не понимает глубокой важности вопроса разработки проблем истории развития функций, неразрывно, наряду, в органической связи с историей развития форм. В этом конечно характеристика для того пути, по которому должны итти наши исследования. Однако его высказывания в значительной степени отражают реакцию на односторонние морфологические исследования проблем развития и приковывают внимание к необходимости построения истории организмов с выяснением важных и сложных проблем возникновения, развития и смены функций на различных этапах органического мира.

Задачи физиологии в разработке эволюционных проблем конечно не могут быть сужены до пределов вспомогательных работ к основным морфологическим исследованиям, как это пытаются представить иные, хотя конечно физиологический контроль при установлении явлений аналогии и гомологии органов при сравнительно морфологических исследованиях представляется на сегодняшний день назревшей задачей. Уже имеющиеся работы в этом отношении говорят о том огромном значении, которое приобретает физиологический подход к решению этого круга вопросов, являющихся немаловажными при разработке проблем сравнительной морфологии. Несколько выше мы указывали на огромную группу вопросов, поднимающихся именно для такого сравнительного морфо-физиологического исследования, касающегося эволюции яйцепроводящих путей в связи с физиологией зародышевого развития, в связи с вопросами водного обмена у водных и наземных форм животных.

Кроме того здесь достаточно указать на новые работы Бьютчера (Buntcher) [3]), который точными методами физиологического эксперимента сумел дать решающий ответ на спорный до сих пор для морфологов вопрос о природе околоневральных желез туникат, дав последовательный ответ на гомологию этого органа в свете истории развития гипофизарной железы. Но это, повторяю, только частные вопросы, которые возникают в связи с общей

[1]) А. Н. Северцев. Современные задачи эволюционной теории, 1914 г.

[2]) Watson, Philosoph. Trans. of the Royal Soc. of London, ser. B., vol. 214, p. 189—257.

[3]) Butcher, The pituitary in the ascidians (Molqula manhattensis. The Journ. of. experiment. Zoölogy, 1930 г., V. 57.

постановкой и для сегодняшнего дня являются важными, поскольку, видимо, отсюда нужно начинать при построении самой основной задачи—разработки проблем истории развития функции.

Правда, в этой плоскости стоят и насущные задачи самой физиологии, ибо постановка вопросов истории развития функций должна будет выдвинуть самостоятельные проблемы об аналогии и гомологии в кругу физиологических явлений. Это те вопросы, которые должны также стоять в деле дальнейшей разработки «эволюционной физиологии».

Далее задачи разработки проблем истории развития функций особенно остро должны стоять перед физиологами, поскольку они упираются в общие вопросы о природе физиологического совершенства. Вопреки мнению Уюкскюлля (Uexküll), который считает, что биология является учением о целесообразности организмов, в то время как физиология есть наука о физических и химических причинах в живых телах—мы должны разрабатывать физиологические проблемы именно в связи с разработкой проблем целесообразности физиологических отправлений в органическом мире, вскрывая пружины этой целесообразности, лежащей в самой природе, раскрывая пути истории возникновения и развития их.

Тимирязев в упомянутой выше работе «Исторический метод в биологии» достаточно ярко выпятил именно эту сторону стоящих перед физиологией задач. Мы читаем у Тимирязева: «Точно так же очевидно, что и физиологическое совершенство, непонятное как непосредственно приобретенное за период индивидуального развития, может быть понято как наследие несметных веков исторического процесса» (разрядка наша.—*Х. К.*).

Эти огромной важности вопросы прежде всего упираются в правильное понимание принципов филогенетического изменения функций организмов. Между тем в этом направлении до самого последнего времени мы не имеем достаточно последовательно проведенных попыток, мы не имеем правильно решенного вопроса. Несмотря на то, что эволюция органических форм в значительной степени в узловых моментах связана не только с изменениями структур, но, совершенно естественно, с крупными изменениями функций этих организмов, — оторванная от функции разработка изменения структур характеризовала в основном направление филогенетической мысли до самого последнего времени, хотя имелись огромной силы отдельные попытки дать анализ трудного вопроса о смене функции в процессе развития животных.

В числе таких попыток мы должны отметить формулированный Дорном (Dohrn) в 1875 г. принцип смены функций (Das Prinzip des Funkt-innswecsels). Согласно этому принципу:

Durch aufeinander folge von Funktionen, deren Träger ein und dasselbe Organ bleibt, geschiet die Umgestaltung des Organs. Jede Funktion ist eine Resultante aus mehreren Componenten, deren Eine die Haupt-oder Primärfunktion bildet, während die andern Neben-oder Secundärfunktionen darstellen. Das Sinken der Hauptfunktion und die Steigerung einer Nebenfunktion ändert die Gesamtfunktion; die Nebenfunktion wird allmälig zur Hauptfunktion, die Gesamtfunktion wird eine andere, und die Folge des ganzen Prozesses ist die Umgestaltung des Organs.

«Путем последовательной смены функций, носителем которых остается один и тот же орган, совершается превращение органа. Каждая функция является результирующим из нескольких слагаемых, из которых одно есть главная или первичная функция, тогда как остальные представляют собою прибавочные или вторичные функции. Снижение главной функции и повышение той или другой прибавочной функции изменяет общую функцию; при-

бавочная функция становится постепенно главной функцией, общая функция становится иной и следствие этого процесса в целом есть превращение органа».

Дорн пытался на ряде примеров, исходя из этого принципа, дать анализ смены функций казалось бы важных вопросов смены форм дыхания, движения и т. д... В дальнейшем поставленная им проблема смены функции получила соответствующее развитие главным образом в работе школы Северцева, а также Плате и Клейненберга. Принцип, вскрывающий глубокую связь между формой и функцией органа, учитывающий различные стороны проявления функций этого органа, их взаимоотношения, — наиболее полно, к сегодняшнему дню намечает пути для дальнейшего анализа. Именно из этих моментов связь между формой и функцией, различная направленность функциональных направлений данного органа, взаимоотношение между ними, изменения отдельных сторон функций в ту или другую сторону, связанные с этим изменением в структуре органа, и ряд других, неразвернутых в принципе Дорна сторон должны стать в значительной степени предметом ближайших исследований.

Северцев, подводя в одной из своих работ итог «о числе типов или признаков филогенетического изменения, строения и функций органов животных», перечисляет следующие типы или принципы: 1) тип интенсификации функции; 2) тип расширения функции (П. Плате); 3) тип сужения функции (С. А. Северцев); 4) тип смены функции (Дорн); 5) тип субституции органов (Н. Клейненберг); 6) тип физиологической субституции (В. М. Федотов); 7) тип субституции функции и 8) тип закрепления фаз.

Ряд этих подходов, а именно: тип расширения функций (Плате) или тип сужения функций (Северцев — сын) или даже тип субституции функций, не полно, не глубоко, бледно и сухо ставят вопрос об огромных задачах понимания возникновения, развития и переходов в истории развития физиологических отправлений. На этом пути предстоит еще огромная работа. Ленинская концепция о двух путях развития конкретно вскрывает правильные пути для действительного понимания этих сложных проблем, одновременно давая оценку ряда «мертвых», «бедных», «сухих» концепций развития.

Диалектико-материалистическая разработка проблем развития и в этом общем плане проблем истории развития функций делается тем более острой необходимостью, что уже имеются попытки откровенно-идеалистической трактовки именно этих вопросов.

Так, ученик Уюкскюля — Брок (F. Brock) в своей специальной работе, озаглавленной «Dio Orientierung höherer Krebse im Beutefelde als Beispiel einer idealistischen Funktionsplatypologie» пытается, идя путями идеалиста А. Мейера (A. Meyer), развернувшего программу идеалистической типологии в биологии, дать идеалистическую концепцию понимания истории развития функций.

Физиология, ставя эти задачи перед собой, должна в корне изменить подходы к решению физиологических проблем. Трудности на этом пути большие. Должны быть расширены и углублены подходы к решению физиологических проблем во всем комплексе стоящих вопросов в филогенетическом и онтогенетическом развитии животных, как это отчасти намечено нами выше. Перестроиться нужно не только методически (правда, и в этой области, в частности изучение вопросов физиологии зародышей, как указывали мы выше, требуется длительная, глубокая работа). Перестройка должна итти по линии направления самой тематики. Мало того, перед физиологией в плоскости решения поставленных выше задач, стоит безотлагательно задача более тесной органической связи с морфологией (с сравнительной анатомией, сравнительной эмбриологией и сравнительной гистологией). Наконец новые

задачи ставят вопрос о связи с такими казалось бы далекими областями, как палеонтология, и в особенности геохимия. Ряд палеохимических проблем тесным образом связан с насущными вопросами, спорными вопросами физиологии. Возьмем например вопросы о смене дыхательного пигмента у животных (содержащих медь или железо) или еще ярче вопрос об осмотическом давлении жидкостей тела, солевого состава их, и связанная со всем этим проблема осморегуляций животных. Эти вопросы конечно могут найти правильное об'яснение при таком глубоком подходе. Ибо широко распространенное сравнение солевого состава крови животных с морской водой грешит именно тем, что прежде всего не ставят вопроса об истории организмов и истории самой морской воды. На этом следует впрочем остановиться отдельно и подробно. Уже ряд работ в этом направлении Macallum [1]), Самойлов Я. В. [2]) дали ценнейшие указания о большом значении связи физиологии с такими казалось бы отдаленными областями, как область геохимических наук. Но на этот путь неминуемо должен стать всякий, кто ставит перед собой задачу изучения истории развития функций в животном мире. Богатейшие залежи палеохимических фактов должны быть немаловажным аргументом в руках исследователя вопросов возникновения, развития и переходов различных типов физиологических процессов в органической природе. Особенно разработка физиологических проблем нуждается в этих связях, ибо в узловых моментах появления новых типов функциональных отправлений (осморегуляция, дыхание, пищеварение, водный обмен и т. д.) тесным образом связаны с глубоким пониманием истории земли.

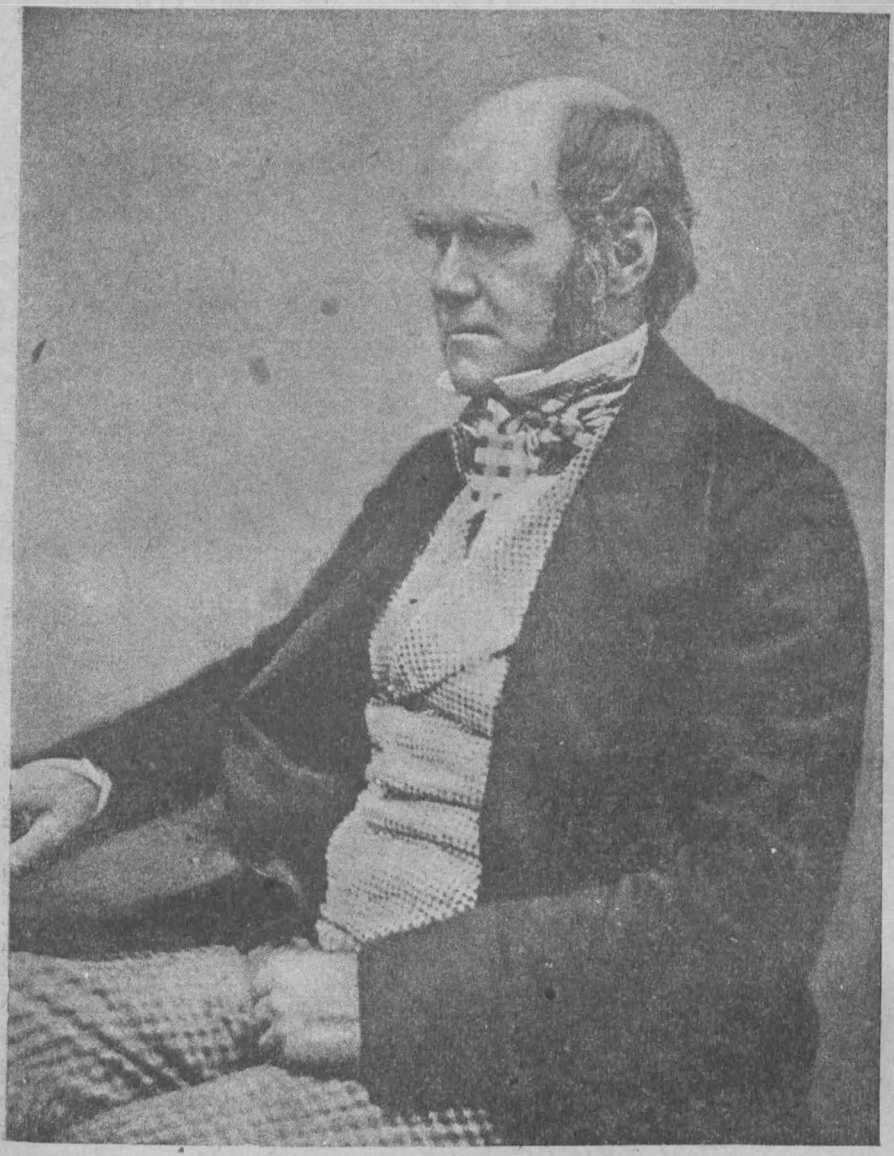
Наконец физиология, ставя перед собой все эти ответственные задачи, должна суметь суммировать огромные достижения в деле изучения и овладения физиологическими процессами в органическом мире, ежедневно и ежечастно накапливающиеся в практике поисковых работ по линии социалистического сельского хозяйства.

В этой перестройке залог дальнейшего развития самой физиологической науки в деле действительно научной разработки ее проблем; в этом залог действительного обслуживания физиологической наукой крупнейших задач нашего строительства и нашей идеологической борьбы.

---

[1]) A. B. Macallum, The Paleochemistry of the Fluids and Tissues. Physiolog Reviews. Vol. VI. 1926.

[2]) Я. В. Самойлов, «Биолиты». Сборник статей. НТУ ВСНХ. Ленинград 1929 г.

Charles Lamb

Основы происхождения видов

Чарльз Дарвин

Очерк, написанный в 1842 г.

Перевод—А. Д. и Л. И. Некрасовых

Предисловие

Предлагаемый очерк представляет перевод первого по времени связного наброска теории происхождения видов, сделанного Ч. Дарвином в 1842 г., т. е. за 17 лет до напечатания его «Origin of Species», «Происхождения видов путем естественного отбора», и через 5 лет после возвращения его из кругосветного плавания на корабле «Бигль». В своей автобиографии он пишет: «В июне 1842 г. я впервые доставил себе удовольствие, написав очень краткий очерк моей теории карандашом на 35 страницах; он был расширен летом 1844 г. до 230 страниц, которые я тщательно переписал и которыми еще обладаю». С этим указанием согласуется вполне следующее место из дневника Дарвина: «1842 г. 18-го мая поездка в Мэр [1]), 15-го июня в Шрюсбери [2]) и 18-го в Капель-Кьюриг... Во время моего пребывания в Мэре и Шрюсбери (пять лет спустя после начала) написал карандашом набросок моей теории видов». В «Origin of Species» он также пишет, что возвратясь из путешествия на «Бигле» в 1837 г., он занялся вопросом о происхождении видов «путем терпеливого собирания и обдумывания различных фактов, имеющих какое-нибудь к нему отношение. После пяти лет труда я позволил себе некоторые общие соображения по этому предмету и набросал их в виде кратких заметок», т. е. в 1842 г. Наконец в рукописи 1844 г. имеется надпись, сделанная рукой самого Ч. Дарвина: «Это было написано и расширено из очерка в 37 страниц карандашом (написанного летом 1842 г. в Мэре и Шлюсбери)». Таким образом видно, что сам Дарвин придавал большое значение этому очерку в развитии своей теории.

Любопытно, что этот набросок, который можно сравнить с небрежным, сделанным скупыми линиями ранним эскизом знаменитой картины первоклассного художника, долго считался утерянным и был неизвестен сыну Ч. Дарвина, Френсису Дарвину, когда он работал над своей книгой: «Life and Letters of Charles Darwin» — «Жизнь и письма Чарльза Дарвина». Лишь в 1896 г., т. е. через 14 лет после смерти Ч. Дарвина, когда после кончины его жены дом в Дауне был оставлен, рукопись 1842 г. была случайно обнаружена в шкафу под лестницей. Этот шкаф по об'яснению сына Дарвина никогда не употреблялся для бумаг, но скорее как помещение для тех ненужных предметов, уничтожать которых не хотели.

Рукопись была издана Френсисом Дарвином и напечатана издательством Кембриджского университета в 1909 г. к столетнему юбилею дня рождения Чарльза Дарвина и пятидесятилетнему юбилею «Происхождения видов». Настоящий перевод сделан с именного экземпляра, принадлежавшего Клементу Аркадьевичу Тимирязеву, полученного им, когда он был делегатом на этом торжестве в Кембридже.

---

[1]) Где жил его дядя, на дочери которого, Эмме, Дарвин был женат.

[2]) Где он родился и где жил его отец.

THE FOUNDATIONS OF THE ORIGIN OF SPECIES, A SKETCH WRITTEN IN 1842

by

CHARLES DARWIN

Edited by his son

FRANCIS DARWIN

Honorary Fellow of Christ's College

Cambridge:

Printed at the University Press

1909

Титульный лист посмертного английского издания Ч. Дарвина „Основы происхождения видов"—1909 г.

Вот как характеризует этот очерк Френсис Дарвин: «Очерк написан на плохой бумаге мягким карандашом и во многих местах крайне труден для прочтения: окончания многих слов сильно вымараны и неразборчивы без контекста. Очевидно он был написан быстро и в его наиболее эллиптическом стиле [1]): член часто пропущен, фразы построены небрежно и часто нелогично, много помарок и поправок, сделанных очевидно во время писания. Не похоже, чтобы рукопись заботливо перечитывалась. В целом это скорее спешная, — чтобы не забыть, — запись того, что ясно для него самого, чем материал, предназначенный для убеждения других».

Для печатания рукопись представляла еще следующую трудность: основной текст рукописи написан на одной стороне бумаги, но оборотная сторона листов использована для различных вставок, некоторые из которых помечены для внесения в текст. Иногда же автор пользовался этой обратной стороной бумаги для предварительного эскиза того, что окончательно писалось на лицевой стороне нового листа. Этот материал издателем английского издания частью включен в основной текст, а большею частью помещен в подстрочных примечаниях, где даны ссылки и на параллельные места в «Origin».

Редакция «Под знаменем марксизма» не сочла возможным давать читателю весь этот сырой материал примечаний Френсиса Дарвина и ограничилась основным текстом, предоставив однако переводчику дать необходимые пояснения в примечаниях.

Рукопись 1842 г. переводится на русский язык впервые. Из сказанного выше уже ясно, какие трудности стояли перед переводчиком. Значение очерка

[1]) «Эллиптическим» стилем англичане называют способ письма с большими грамматическими сокращениями: опущены член, вспомогательные глаголы, предлоги и тому подобное.

в общем развитии идей Дарвина, как мы видели, огромное. Для читателей, знакомых с «Происхождением видов», чрезвычайно интересно проследить рост теории за 17 лет, и поэтому важно, чтобы читатели получили конкретное представление о рукописи по переводу. Последний не должен быть буквальным, но он должен сохранить стиль небрежных заметок «для себя» и в то же время быть удобочитаемым. Вот почему мы стремились передать текст возможно ближе, сохраняя иногда неточность и недоговоренность мысли и давая в примечаниях пояснения там, где они казались нам необходимыми.

Что касается до самого текста, то мы передали его с теми же значками, которые имеются в английском издании. Круглые скобки принадлежат самому Ч. Дарвину и имеются в подлинной рукописи; слова, заключенные в прямые скобки, обозначают слова и выражения, зачеркнутые самим Ч. Дарвином горизонтальной чертой; в угольные скобки заключены слова, включенные Френсисом Дарвином по смыслу на место неразборчиво написанных слов. В такие же скобки помещены и знаки вопроса, поставленные Фр. Дарвином, когда у него являлось сомнение в том, правильно ли он разобрал текст [1]).

Сам по себе весьма замечателен факт, что за семнадцать лет до издания «Origin» Ч. Дарвин был в состоянии написать так полно очерк своего будущего труда. Внимательный читатель заметит правда отсутствие некоторых важных идей (и то не полное), как например «расхождения признаков и вымирания промежуточных форм», отсутствие позднее принятой терминологии и т. п., но конечно эта разница с «Origin» решительно отступает перед той массой совпадений и в общем течении мыслей и в расположении всего материала, а иногда даже в деталях, в мелькнувшей там или здесь знакомой красноречивой фразе. Удивляешься при мысли, что только двенадцать лет отделяют время, когда был дан уже весь абрис великой теории, от того далекого спора Кювье и Жоффруа, С.-Илера в парижской Академии наук, спора, где так мало была затронута эволюционная теория.

Пусть настоящий перевод первого наброска «Происхождения видов» Дарвина, сделанный по инициативе редакции журнала «Под знаменем марксизма» в память 50-летия со дня смерти великого биолога и основоположника учения о развитии в живой природе, послужит к дальнейшему более глубокому изучению дарвинизма!

PRESENTED BY THE SYNDICS
OF THE UNIVERSITY PRESS TO

Professor K. A. Timiriazeff

ON THE OCCASION OF THE CELEBRATION
AT CAMBRIDGE OF THE CENTENARY
OF THE BIRTH OF CHARLES DARWIN
AND OF THE FIFTIETH ANNIVERSARY
OF THE PUBLICATION OF

THE ORIGIN OF SPECIES

CAMBRIDGE,
23 *June*, 1909.

Именная надпись на экземпляре, преподнесенном К. А. Тимирязеву старейшинами Кембриджского университетского издательства

А. Д. Некрасов.

[1]) В такие же скобки поставлены и заглавия, введенные Фр. Дарвином, по заглавиям, сделанным Ч. Дарвином в том очерке 1844 г., который сам Ч. Дарвин считал «расширенным из очерка 1842 г.». В последнем этих заглавий нет.

ЧАСТЬ I

§ I. (Об изменчивости под влиянием одомашнения и о принципах подбора)

Отдельный организм, помещенный в новые условия [asto], иногда изменяется незначительно и несущественно в отношении роста, толщины, иногда цвета, здоровья, привычек животных и вероятно расположения. Жизненные привычки также развивают некоторые части. Неупотребление атрофирует. [Большая часть этих изменений стремится стать наследственными].

Когда особь в течение длительных периодов размножается почкованием, изменение будет еще невелико, хотя постепенно увеличивается и иногда отдельная почка или особь далеко отходит от своего типа (пример [1]) и продолжает непрерывно воспроизводить почкованием новую породу.

Когда организм в течение нескольких поколений выращивается в новых или изменяющихся условиях, то размеры изменений увеличиваются и виды их бесконечно разнообразятся [особенно тогда, когда особи подвергаются в течение долгого времени влиянию новых условий]. Природа внешних условий ведет к определенным изменениям во всем потомстве или большей части его—недостаток пищи, малый размер—некоторые безвредные и т. д. и т. д. виды пищи, действия их на органы и заболевания—насколько неизвестно. Некоторая степень изменчивости (Мюллеровские двойни) повидимому является неизбежным результатом процесса воспроизведения. Но более важно, что простое < ? > размножение особенно при новых условиях [когда нет скрещивания] < вызывает > бесконечные изменения и не прямое действие внешних условий, а лишь постольку, поскольку они действуют на воспроизводительные функции. Повидимому нет ни одной части тела (beau ideal для печени) [2]) внутренней или наружной, ума, или привычек и инстинктов, которые бы не изменялись в некоторой небольшой степени и [часто] некоторые < ? > из них в большой степени.

[Все такие] изменения [будучи прирожденными] и всякого рода весьма медленно приобретенные [определенно проявляют стремление обратиться в наследственные], если же не так, становятся простой разновидностью, образуя расу. Каждый родитель передает свои особенности, поэтому если разновидностям предоставлено свободно скрещиваться, то за исключением с л у ч а й н о г о сочетания двух, отличающихся той же особенностью, такие разновидности будут постоянно уничтожаться. Все двуполые животные должны скрещиваться, гермафродитные растения скрещиваются; повидимому весьма возможно, что и гермафродитные животные скрещиваются—этот вывод подтверждается дурными результатами повторного инбридинга, хорошими результатами скрещивания возможно сходных форм для получения нужного изменения < ? >.

---

[1]) Очевидно отметка, что следует привести пример.

[2]) Повидимому это значит, что в печени имеется какая-то изменчивость. Иначе анатомам не приходилось бы говорить о прекрасном идеале этого органа.

Поэтому если в какой-нибудь области или округе всем животным одного вида дать свободно скрещиваться, то всякая маленькая тенденция у них к изменению будет всегда встречать противодействие. Во-вторых, возвращение к родительской форме — аналогичное vis medicatrix [1]). Но если человек производит подбор, то новые расы образуются быстро — за последние годы подбор производился систематически — в самые древние времена подбор часто производился на практике—таким подбором получены скаковая лошадь, тяжеловозы, корова, годная на сало, другая на мясо и т. д., растение, дающее <неразборчиво> много листьев, другое — плодов и т. д. и т. д.: одно и то же растение, удовлетворяющее потребности человека в разное время года. Первым способом животные приспосабливаются к внешним условиям—как прямое следствие, вытекающее из причины, как размеры тела из количества пищи. Этим последним способом они также могут приспособляться, но в дальнейшем они могут быть приспособлены к целям и заданиям, которые не могут влиять на рост, как существование скупщика сала никоим образом не может вести к образованию жира. В таких выведенных подбором расах, животные, если они не переносятся в новые условия и сохраняются от всякого скрещивания, становятся после нескольких поколений очень стойкими, похожими друг на друга и не меняются. Но человек отбирает только <?>, что полезно и любопытно—он плохо рассуждает, капризен,— не стремится уничтожать тех, кто не соответствует его идеалу,—не [умеет] подбирать согласно внутренним изменениям—едва ли в состоянии поддерживать однообразные условия,— отбирает не те формы <?>, которые наиболее приспособлены к условиям их существования, но которые наиболее ему полезны. Все это могло бы быть иначе.

§ II. Об изменениях в естественном состоянии и естественных способах подбора

Посмотрим, насколько выше указанные принципы изменений применимы к диким животным. Дикие животные вариируют крайне мало и все же индивидуально различимы. Британские растения, число вариитетов и видов во многих родах совершенно неизвестно: у раковин главное—внешние условия. Примула и буквица. Диких животных из разных [стран можно различать]. По специальным признакам мы можем судить, что некоторые органы меняются. Изменения аналогичны по качеству изменениям домашних животных, но менее значительны, чем у них,— главным образом наружные и менее важные части.

Наш опыт заставляет нас ожидать, что каждый из этих организмов стал бы изменяться, если бы был взят <?> и помещен в новые условия. Геология выдвигает постоянный круг изменений, вводя бесконечное разнообразие условий вследствие всевозможных <?> изменений климата и смерти прежде существовавших обитателей. Эти <?> изменения вообще очень медленны, сомнительны, хотя <неразборчиво> насколько медленность <?> могла бы способствовать изменениям. Но геолог<и> указывают на изменения конфигурации <земли>, которые вместе с деятельностью воздуха и воды и средствами переноса, имеющимися у всякого существа, должны иногда скорее внезапно перемещать организм в новые условия, оставляя его под их влиянием в течение нескольких поколений. Отсюда <?> мы можем ожидать, что время от времени дикая форма будет изменяться. Это вероятно является причиной того, что некоторые виды изменяются более других.

Мы можем ожидать, что согласно природе новых условий, все или большинство организмов, родившихся в них, изменяются некоторым определен-

[1]) Vis medicatrix — восстанавливающая сила. Есть статья о такой силе в Dissertations Броугама 1839, оттиск которых имеется в библиотеке Ч. Дарвина.

ным образом. Далее мы можем ожидать, что самая форма, в которую они отливаются, также может изменяться в некоторой слабой степени. Но есть ли способ отбирать потомков, изменяющихся одинаковым образом, скрещивать их, содержать их потомство отдельно и таким образом производить подобранные расы: иначе, так как дикие животные скрещиваются свободно, то каждый такой мелкий гетерогенный вариитет должен постоянно встречать противовес и теряться, а однообразие признака [поддерживаться] сохраняться. Первые изменения, как прямые и необходимые результаты причин, которые как мы видим, действуют на них, как величина тела, зависящая от количества пищи, влияние определенной пищи на известные части тела и т. д. и т. д.; такие новые вариитеты могут затем приспособиться к внешним [естественным] факторам, которые на них действуют. Но могут ли возникнуть вариитеты, приспособленные к цели, которая никоим образом не может влиять на их структуру и которые нелепо было бы считать результатом случайности? Могут ли возникнуть разновидности, как некоторые вариитеты одомашненных животных, как почти все дикие виды, приспособленные тончайшим образом для добывания какого-нибудь животного или для того, что спасаться от другого—или вернее—так как это устраняет вопрос о влиянии интеллекта и привычек,—может ли растение приспособляться к животным, как те растения, которые не могут опыляться без посредства насекомых; или семена, снабженные крючками и связанные с существованием животных: животные, покрытые шерстью, не могут иметь прямого влияния на семена растения. Этот пункт, относительно которого все те теории о климате, приспосабливающем дятла к лазанию < ? > по деревьям <неразборчиво> омелу <фраза не закончена>. Но если каждая часть растения или животного могла изменяться <неразборчиво> и если существо бесконечно более прозорливое, чем человек (но не всезнающий творец): в течение тысяч и тысяч лет стало бы подбирать все изменения, имеющие определенный уклон ([или вызывало бы причины < ? >, ведущие к той же цели], например если бы оно предвидело, что животному из семейства собак выгоднее в стране, производящей больше зайцев, иметь более длинные ноги и более острое зрение — произошла бы борзая. Если бы оно видело, что водное < животное нуждается > в перепонках на пальцах. Если бы по какой-либо неизвестной причине существо это нашло, что для растения, которое < ? > как большинство растений посещается пчелами и т. д. выгоднее, чтобы семена этого растения иногда поедались пчелами и затем относились бы ими на гниющие деревья, оно могло бы подбирать деревья с плодами, более приятными для птиц, садящихся на них, чтобы обеспечить перенос ими семян. Если бы это существо заметило птиц, более часто роняющих семена, оно могло бы сделать отбор птиц, которые <неразборчиво> гниющие деревья или [постепенно подобрать растения, которые, как <им> замечено, живут на менее и менее гниющих деревьях]. Кто, видя, как растения изменяются в саду и чего слепой и ограниченный человек достиг в немногие годы, будет отрицать то, что всевидящее существо в течение тысячи лет могло бы достичь (если б творцу это было угодно) непосредственным своим предвидением или другими какими-либо посредствующими способами, предоставленными < ? > творцом этой вселенной. Повидимому обыкновенные способы [1]). Следует помнить, что я ничего не говорю о жизни и духе и в с е х формах, происходящих от одного общего типа. Я говорю о изменениях в существующих больших разделах органического мира; как далеко я пойду дальше, увидим потом.

[1]) Смысл этих и в подлиннике тяжелых и неправильно построенных фраз тот, что для удивительных приспособлений организмов в природе самое естественное об'яснение будет отбор, тот «повидимому обыкновенный способ», который применяет человек к домашним животным и культурным растениям.

Раньше, чем рассматривать, существуют ли какие-либо естественные способы отбора и во-вторых, (что составляет 2-ую часть этого очерка) гораздо более важный пункт, благоприятствуют ли признаки и родство одушевленных <существ> идее, что дикие виды представляют собою расы < ? >, происходящие из общего корня, как произошли вариитеты картофеля, георгин, или рогатого скота, рассмотрим, какими признаками будут вероятно отличаться [отобранные расы] дикие вариитеты.

Естественный подбор. При взгляде на довольное лицо природы — можно сначала усомниться в войне природы де Кондоля: мы видим эту войну на границах вечного холода. Но принимая во внимание огромную геометрическую прогрессию размножения каждого организма и то, что каждая страна обычно была бы набита до полного предела, размышление покажет, что война есть. Мальтус о человеке — у животных нет нравственной [задержки] помехи < ? > — они размножаются в то время года, когда всего больше пищи или в наиболее благоприятный период: в каждой стране свои периоды — высчитать зорянок — число которых колеблется вследствие неблагоприятных годов. Если надо доказательства, пусть <произойдет> какое-либо изменение климата (здесь) < ? >, как удивительно размножаются некоторые расы < ? >, также ввезенные животные, готовые всегда вытеснить местных,— способность альпийских растений переносить другой климат — подумать о бесконечных семенах, рассыпанных всюду, — о лесах, восстанавливающих свое процентное отношение [1]), — о тысяче клиньев, вогнанных в экономию природы. Это требует долгих размышлений: изучить Мальтуса и вычислить скорость размножения и помнить о сопротивлении — только периодичном.

Неизбежным результатом этого <является> то, что множество особей каждого вида уничтожается в виде яиц или [молодыми или зрелыми (чаще в первом состоянии)]. В течение тысячи поколений бесконечно малые изменения [2]) должны неизбежно сказаться; когда случается необычайно холодная зима или сухое и жаркое лето, то из всей массы особей каждого вида при малейшей разнице в строении, привычках, инстинктах, [чувствах], здоровье и т. д.—это скажется на среднем количестве особей; при изменении условий сохранится пропорционально больше [3]): так что если прежде всего уничтожаются семена или яйца, то в течение 1000 или десяти тысяч поколений семена, которые улетают и рассеиваются всего дальше, (подобные тем, у которых есть пух для летания), произведут в конце концов больше всего растений и такие небольшие различия имеют тенденцию становиться наследственными, как оттенки выражения в человеческом лице. Так если один родитель < ? > рыба откладывает икру при бесконечно мало разнящихся условиях в более мелкую или более глубокую воду, то это и < ? > скажется тогда.

Допустим, что зайцы будут очень медленно размножаться вследствие изменения климата, влияющего на известные растения и количество <неразборчиво> кроликов уменьшится в той же пропорции [допустим это нарушит организацию], какие-нибудь собакообразные животные, которые питались раньше, нападая главным образом на кроликов или преследуя их по следу, также должны уменьшиться в числе и могут таким образом легко вымереть. Но даже при легком изменении их формы, менее быстрые уничтожились бы, а длинноногие и быстрые отбираясь в течение тысячи лет изменили бы форму, если этому не будет препятствовать никакой закон природы.

[1]) То-есть после порубок, восстанавливающих имевшееся в них процентное отношение пород деревьев.

[2]) Френсис Дарвин указывает, что в конце очерка в общем заключении встречаются слова: «Каждое существо живет борьбой и малейшая крупица на весах должна сказаться».

[3]) Подразумевается «тех, которые лучше приспособлены».

Вспомним, как быстро по этому принципу Бэкуелл изменил рогатый скот, а Вестерн—овец, тщательно избегая скрещивать (голуби) с какой-нибудь другой породой. Мы не можем предполагать, чтобы у одного растения была тенденция изменять плод, у другого цветок, у третьего его цветок и листву,— некоторые отбирались по плодам и цветам; чтобы у одного животного изменялись покровы, а у другого нет, а у иного молоко. Можно взять любой организм и спросить, на что он полезен, и окажется, что именно в этом признаке он изменяется — у капусты листва, у зерновых хлебов — размер и качество зерна, у тех и других время года, у бобов молодые стручки, у хлопка семенная коробочка и т. д. и т. д.; у собаки ум, смелость, быстрота и чутье <?>; у голубей особенности, доходящие до уродства. Это требует рассмотрения,— должно быть введено в первую главу, если подтвердится — я убежден, что это так. В лучшем случае — это гипотетично.

Изменчивости в природе гораздо меньше, но отбор гораздо строже и тщательнее. Расы, выведенные человеком [даже удачно], не только не лучше других рас приспособлены к своим условиям, но часто ни одна из рас не приспособлена к ним; так человек содержит и разводит в садах некоторые альпийские растения. Природа позволяет животному жить, пока фактическое испытание не покажет, что оно менее пригодно для требуемой работы, ведущей к желательной цели: человек судит только своими глазами и не знает, развиваются ли нервы, мускулы, артерии соответственно изменению внешней формы.

Помимо отбора смертью у обоеполых животных <неразборчиво> подбор во время наибольшей силы именно борьба самцов; даже у животных, которые живут парами, повидимому есть излишек [1]) <?> и борьба, возможно что как у человека рождается больше самцов, чем самок, борьба боями или соревнование при помощи красоты [2]). Поэтому тот самец, который в это время находится в полной силе или лучше вооружен орудиями боя или украшениями своего вида, получит через сотни поколений некоторые небольшие преимущества и передаст такие признаки своему потомству. Так из самок, выращивающих свою молодь, самая сильная, ловкая и деятельная, <у которой> инстинкты наилучше развиты, вырастит больше детей, вероятно обладающих ее хорошими качествами и большее количество их таким образом будет подготовлено к борьбе в природе. Сравните с человеком, который пользуется только одним самцом хорошей породы. Этот последний подбор имеет ограниченное приложение, относясь к изменениям [видовых] половых признаков. Вставить сюда контраст с Ламарком, нелепость привычки, или случайности??[3]) или внешних условий, приспособляющих дятла к дереву.

Прежде чем рассматривать трудности теории подбора, рассмотрим характер рас, образованных, как здесь об'яснено, природой. Условия медленно изменялись и организмы, наилучше приспособленные в продолжение всей своей жизни к изменившимся условиям непрерывно подвергались отбору,— человек же получает подбором маленькую собаку и затем дает ей изобильный корм,—выводит породу с длинной спиной и короткими ногами и не дает ей никаких особых упражнений, подходящих к этой функции и т. д. и т. д. В обыкновенных случаях природа не позволяет своей расе портиться от скре-

---

[1]) Подразумевается излишек самцов.

[2]) Поразительно, что уже в этом раннем очерке имеется совершенно отчетливое различение двух форм полового отбора: при помощи боев самцов из-за обладания самками и выбора самками наиболее красивых и привлекательных самцов.

[3]) Не совсем ясно, к какой части предложения относятся в подлиннике два знака вопроса.

щивания с другой расой, и сельские хозяева знают, как трудно это предупредить—результатом была бы чистота породы. Этот признак и бесплодие при скрещивании и вообще больший размер разницы—вот две главных черты, которые отличают породы домашних животных от видов.

[Что бесплодие не универсально, признано всеми. Gladiolus, Grinum. Calceolaria должны быть видами, если только таковые существуют. В расах собак [1]) и быков оно конечно очень распространено. Действительно существуют все переходы между разными видами бесплодия [2]). Некоторые самые близкие виды не скрещиваются (крокус, некоторые верески <?>), а некоторые роды легко скрещиваются (курица с тетеревом, павлином и т. д.). Гибриды ничуть не уродливые, вполне совершенны, за исключением секреций [3]), так что даже мул дал потомство [4]),— признак бесплодия, особенно несколько лет назад <?> считался гораздо распространнее, чем теперь, и считался отличительным признаком [5]). Очевидно, что если бы на самом деле все формы скрещивались свободно, природа представляла бы хаос. Но самая градация признака бесплодия, даже если бы оно в некоторой степени всегда существовало, чего на самомо деле нет, не позволяет проводить границы <?> которые <?> как предполагают отличают виды [6])]. Может ли аналогия об'яснить факт, что предполагаемые расы в природе бесплодны между собою, хотя ни одна из домашних рас не бесплодна. Мистер Герберт <и> Кольрейтер показали, что по наружным различиям нельзя узнать, будут ли плодовиты гибриды или нет; главным обстоятельством являются различия в конституции, которые приспособлены к разным климату или почве, различия, которые вероятно [должны] влияют на все тело организма в целом, а не на отдельные части. Но дикие животные, удаленные из их естественных условий, редко размножаются. Я не говорю о зверинцах или зоологических садах, где соединяются многие животные, но <не?> размножаются, а некоторые никогда не соединяются [7]), но о диких животных, пойманных, ставших совершенно ручными и содержащихся на свободе, хорошо питаемых около жилищ и живущих много лет. Гибриды получаются почти так же легко, как и чистокровные. С.-Идер делает большое различие между прирученными и домашними животными—слоны,—хорьки. Органы воспроизведения не подвергаются каким-либо заболеваниям в зоологическом саду. Вскрытие и микроскоп показывают, что гибриды в совершенно таком же состоянии, в каком бывают и другие животные в промежутках между периодами размножения или в таком же состоянии, как те животные, которые взяты дикими, не размножаются в неволе и остаются не размножаясь всю жизнь. Следует отметить, что одомашнение, будучи само по себе далеко не неблагоприятно, делает <животное> более плодовитым [когда же оно одомашнивается и размножается, воспроизводящие силы увеличиваются от большего количества пищи и отбора плодовитых рас]. Поскольку дело касается животных, можно думать о влиянии на их ум и о том, что это особый случай.

---

[1]) Садовые формы Gladiolus и Calceolaria получаются от скрещивания разных видов между собою (См. Ч. Дарвин: «Изменения животных и растений под влиянием одомашнения»). О Crinum см. «Origin of Species». Дарвин думал, что домашние собаки произошли от нескольких диких видов часто путем скрещивания.

[2]) Френсис Дарвин отмечает, что здесь в этом очерке Дарвин еще не делает различия, как позднее в «Origin», между плодовитостью при скрещивании между собой разных видов и плодовитостью полученных гибридов.

[3]) Подразумеваются половые клетки.

[4]) Откуда взял Дарвин этот факт, неизвестно.

[5]) То-есть для видов характерно бесплодие междувидового скрещивания.

[6]) Автор подразумевает, что вариитеты, раз они оказывались при скрещивании друг с другом бесплодными, считались разными видами.

[7]) То-есть спариваются.

Обращаясь к растениям, мы находим тот же ряд фактов. Я не говорю о невызревающих семенах, возможно самом обыкновенном случае, но о растениях, не дающих завязи вследствие какого-либо несовершенства яичка или пыльцы. Линдлей говорит, что бесплодие есть [проклятие] несчастие всех садоводов.—Линней об альпийских растениях [1]). Американские болотные растения,—пыльца в точно таком же состоянии как у гибридов,—тоже у герани. Персидская и китайская сирень не дают семян в Италии и в Англии. Вероятно развитые части махровых цветов и всех плодов зависят первоначально < ? > от бесплодия и поступления вследствие этого < ? > излишка питания. Здесь есть градация бесплодия и затем части как болезни передаются по наследству. Мы не можем определить причины, почему черноморская азалия дает много пыльцы, а американская нет, почему обыкновенная сирень дает семена, а персидская не дает, мы не видим разницы в здоровье. Мы не знаем, от каких обстоятельств зависят эти факты, почему хорек размножается, а чита [2]), слон и свинья в Индии не размножаются.

Но при скрещивании несомненно передается каждая особенность формы и конституции: альпийское растение передает своему потомству свои альпийские свойства, американское растение свою американскую болотную конституцию, а <у> животных те особенности, благодаря которым они не способны размножаться, когда они удалены от своих естественных условий; кроме того они передают каждую часть своей конституции, свое дыхание, свой пульс, свой инстинкт, которые все внезапно изменяются: можно ли удивляться, что они не способны размножаться. Я думаю, что было бы удивительно, если бы они размножались. Но спрашивается, почему же признанные разновидности, которые, как полагают, получены при посредстве человека [не отказывались размножаться] все размножаются. Изменение зависит от перемены условий и подбора, поскольку действуют систематический или несистематический подбор человека: он берет внешнюю форму и вследствие незнания имеет мало власти над внутренними невидимыми конституционными различиями. Расы, которые давно одомашнены и много изменялись, являются именно теми, которые способны выносить большие перемены, конституция которых приспособилась к разнообразнейшим климатам. Природа изменяет медленно и постепенно. Согласно многим авторам породы собак вероятно представляют другой случай видоизмененных видов при свободном скрещивании. Нет разновидности, которую <неразборчиво> бы приспосабливали <неразборчиво> к особой почве или ситуации в течение тысячи лет и другой разновидности, которую бы строго приспосабливали к другой почве и условиям и пока это не сделано, вопрос еще не проверен [3]). Человек в прошлых веках переносил в разный климат животных и растения, которые свободно размножались в новом климате. Природа могла производить посредством отбора такие изменения медленно, так что положили начало разным расам как раз именно те животные, которые способны подвергаться большим изменениям—на самом же деле можно сильно сомневаться в этом отношении.

Раньше, чем оставить этот предмет, следует заметить, что, как было доказано, некоторое количество изменений являются следствием простого акта воспроизведения как почкованием, так и половым путем; изменения усиливаются значительно, если родители в течение нескольких поколений подвер-

[1]) Линней отмечает склонность альпийских растений к бесплодию в наших садах. См. об этом, а также подробности других примеров в «Изменчивости животных и растений».

[2]) Чита — из индийских диких кошек — Felis (Acinonyx) jubata.

[3]) Смысл последних предложений таков: «Чтобы получить взаимно бесплодные расы домашних животных, человек должен был бы в течение тысячелетий разводить разновидности изолированно в разных климатах и условиях, не смешивая их друг с другом. Такового опыта еще и не начинали ставить».

гались новым условиям: теперь мы находим, что многие животные, помещенные впервые в совершенно новые условия <столь же> неспособны к размножению, как и гибриды. [Вероятно] это относится также к факту, что скрещенные животные, если это не бесплодные помеси, имеют склонность как предполагают, сильно варьировать и повидимому бывает точно также, когда настоящие гибриды достаточно плодовиты, чтобы размножаться, скрещиваясь с родительскими породами и между собою в течение нескольких поколений. Таково мнение Кольрейтера. Эти факты проливают свет друг на друга и подтверждают правильность друг друга: мы видим всюду связь между воспроизводительной способностью и помещением в измененные условия жизни вследствие ли скрещивания или перемещения особей в измененные условия.

Трудности теории отбора. Можно возразить, что такие совершенные органы, как глаз или ухо никогда не могли образоваться: ухо представляет менее трудностей, так как имеется более переходов: мысль сначала кажется чудовищной, в конце концов <только> трудной. Но подумать, о переходах, очевидных даже теперь (tibia [u] fibula). Всякий признает, если бы все ископаемые сохранились, бесконечно более полную градацию, ибо возможность отбора требует совершенной <?> постепенности. Разные группы строений, легкие переходы в каждой группе, всякая аналогия делает вероятным существование промежуточных форм. Следует помнить о странных метаморфозах: часть глаза, не связанная непосредственно с зрением, может [употребляться таким образом] постепенно выработаться для этой цели — полагают, что плавательный пузырь постепенными переходами строения относится к системе уха [1]) — гремучая змея. [Дятел всего лучше приспособлен для лазания]. В некоторых случаях постепенные переходы невозможны,— например позвонки — фактически варьируют у домашних животных,— меньше затруднений, если проследить рост. Переходя к целым животным — летучая мышь, устроенная не для летания [2]). Предположим, что перед нами летучая рыба и что ни одна из наших теперешних так называемых летучих рыб не сохранилась, кто бы мог угадать промежуточные привычки [3])? Дятлы и древесные лягушки живут в странах, где нет деревьев [4]).

Все постепенные переходы, которыми достигли своего теперешнего состояния каждый отдельный орган и каждое отдельное животное с его агрегатом органов, вероятно никогда не будут известны и все это представляет большие затруднения. Я хочу просто показать, что это предположение не столь чудовищно, как кажется сначала, и если могут быть выдвинуты достаточные основания, чтобы думать, что виды произошли от общих предков, то трудность представить себе промежуточные формы строения недостаточна, чтобы сразу отбросить эту теорию.

§ III. <Об изменениях в инстинктах и других умственных свойствах>

Умственные силы различных животных в диком и прирученном состоянии [представляют еще большие трудности], требуют отдельной главы. Следует помнить, что я не касаюсь происхождения памяти, внимания и различных душевных способностей, но только их различий в каждом большом разделе природы. Расположение, смелость, настойчивость <?>, подозрительность, беспокойство, дурной нрав, разумность и обратное несомненно у животных различны и наследственны (дикие собаки на Кубе, кролики, страх перед не-

[1]) Вероятно речь идет о так называемом Веберовском аппарате рыб.
[2]) То-есть строение летучей мыши такое же, как нелетающих млекопитающих.
[3]) Повидимому смысл фразы такой: положим, что перед нами настоящая крылатая рыба; как она могла произойти из современных летучих рыб?
[4]) Есть отдельная работа Ч. Дарвина о наземном дятле.

которыми предметами как перед человеком на Галапагосе [1])). Чисто телесные привычки, период размножения и пр. время отдыха и т. д. варииpуют и наследственны, как и аналогичные привычки растений, которые изменяются и наследуются. Привычки, обнаруживающиеся и устанавливающиеся в известных случаях и пр. Стремление к охоте на некоторых животных; манера охотиться,—овчарка. Это ясно доказывается скрещиванием и таким образом выясняется их аналогия с настоящим инстинктом—лягавые. Не знают цели, для которой это делают. Определение лорда Броугема [2]). Происхождение—отчасти привычка, но размер неизбежно остается неизвестным: частью—отбор. Молодые пойнтера, делающие стойку над камнями и овцами—голуби—турманы—овцы, возвращающиеся к месту, где родились. Инстинкт, которому помогает разум, как у птицы-портного [3]). Родители обучают—коровы—выбирать пищу, птицы—петь. Инстинкты вариируют в диком состоянии (птицы дичают), часто утрачиваются, совершенствуются,—гнездо без крыши [4]). Эти факты [только уясняют путь] показывают, каким непонятным образом мозг в состоянии передать умственные операции.

Способности, отличные от настоящих инстинктов—нахождение [пути]. Надо допустить, я думаю, что привычки как прирожденные, так приобретенные [иногда] часто наследуются; инстинкты как и строение влияют на сохранение животных; поэтому отбор вместе с изменением условий имеет тенденцию изменять наследственные привычки животных. Если это допустить, то окажется возможным, что многие из самых странных инстинктов могут быть приобретены таким образом. Можно заметить, не пытаясь определять, что наследственная привычка или сноровка (потому что сноровка может быть прирожденной) вполне заменяет то, что мы понимаем под инстинктом. Привычка часто действует бессознательно: ассоциируются самые странные привычки и пр. некоторые сноровки в известных случаях и т. д. и т. д. действуют даже против воли, возбуждаются внешними факторами без отношения к цели,—лицо, играющее на фортепьяно. Если бы такая привычка передавалась, создался бы удивительный инстинкт. Рассмотрим несколько самых трудных случаев инстинкта, возможно ли было бы их приобрести. Я не говорю вероятно, потому что это относится к нашей III части [5]). Я прошу только запомнить, что я не пытаюсь показать точный метод. Я хочу только показать, что нельзя отвергать всей теории сразу на этом основании.

Каждый инстинкт по моей теории приобретается постепенно легкими из енениями <неразборчиво> прежнего инстинкта, каждое изменение было по езно своему тогдашнему виду. Привычка притворяться мертвым поразила мен я сначала как замечательное возражение. Но я не нашел в действительности ни одного случая притворной смерти [6]) и нашел, что тут есть переходы: но никто не сомневается, что насекомые, которые более или менее притворяются, делают это для какой-нибудь цели: если затем некоторые виды принуждены были чаще прибегать к этому и затем <?>избегали и т. д. и т. д.

Возьмем инстинкт миграций, способность, отличную от инстинкта. Животные имеют представление о времени,—как дикари обычно находят дорогу по памяти, но каким образом дикарь находит дорогу в стране,—также не-

---

[1]) Речь идет о совершенно не боящихся человека птицах Галапагосских островов [и] о том, что кролики и собаки потеряли наследственный страх перед человеком, в то время как дикая собака на Кубе упорно сохраняет его.

[2]) То-есть определение, что такое инстинкт.

[3]) Птица-портной, пользующаяся иногда готовой ниткой (сделанной человеком), а не скрученной ею самой.

[4]) Оляпка строит гнездо без крыши, если она строит его под навесом.

[5]) Первоначально Дарвин предполагал разделить статью не на 2, а на 3 части, поэтому в статье нередки ошибки: здесь надо читать: II части.

[6]) Смысл тот, что положение, принимаемое животным, притворяющимся мертвым, не совсем похоже на положение мертвого.

понятно для нас, как животные для них,—геологические изменения,—рыбы в реках,—случай с овцами в Испании [1]). Строительный инстинкт,—служащий у фабриканта, приготовляющий отдельные предметы необыкновенно ловко: говорят, что часто делают их совершенно <неразборчиво>,—ребенок, родившийся с таким представлением об игре [2]). Мы можем представить приобретение столь же совершенной способности шить,— смесь с разумностью, оляпка,—птица-портной,—переход от самого простого гнезда к самому сложному.

Опять-таки пчелы: различные способности—как они делают шестигранники, — теория Уотергауза [3]) — стремление пользоваться всякой способностью которой они обладают, — птица-портной, обладающая способностью шить клювом: инстинкт заставляет ее это делать.

Последний случай—родители, кормящие детей разной пищей (взять Галапагосских птиц — переход от дубоноса к славке [4]). Отбор и привычки могли заставить старых птиц изменить вкус < ? > [и] форму, сохранив инстинкт кормить детенышей той же пищей, — или не трудно представить, что родители были вынуждены или побуждены разнообразить приносимую ими пищу, и отбор приспособлял к ней молодь и т. о. постепенно могла быть достигнута любая степень разнообразия. Хотя мы не можем надеяться, что когда-нибудь будут найдены пути, которыми были приобретены различные инстинкты, так как у нас имеются только существующие животные (к тому же плохо известные), чтобы судить о постепенном ходе изменений, но раз установлен принцип, что привычки, прирожденные или приобретенные опытом, наследуются, то я не вижу пределов [количеству вариаций] необычайности < ? > приобретенных таким образом привычек.

Итоги этого отдела. Если допустить случающиеся иногда изменения у диких животных, а как мы можем в этом сомневаться, когда, как мы видим, [все] тысячи организмов, взятых для разных целей человеком, изменяются. Если мы признаем, что такие изменения имеют склонность становиться наследственными—а как мы можем сомневаться в этом, если <вспомнить> сходства черт и признаков—наследуемые болезни и уродства и образование бесконечных рас (1200 капусты). Если мы допустим, что отбор работает непрерывно—а кто может в этом сомневаться,—принимая во внимание установленное среднее количество пищи и то, что воспроизводительные силы действуют в геометрической прогрессии. Если мы допустим, что внешние условия изменяются, как утверждает вся геология, что они действовали и продолжают действовать теперь,—то тогда, если не препятствует никакой закон природы, иногда должны были образовываться расы [слегка] отличающиеся от родительских рас. Но хотя никакого такого закона неизвестно, во всех сочинениях принимают в < ? > прямом противоречии со всеми известными фактами, что количество возможных изменений ограничено. Самыми изменчивыми видами являются самые старые одомашненные. Кто бы мог думать, что можно вывести лошадей или зерновые хлеба? Возьмем георгин и картофель, кто может знать, что через 5000 лет < не произойдет больших изменений >: они совершенно приспособлены к условиям и могут быть поставлены в новые изменяющиеся условия. Подумайте, что было сделано за многие пос-

[1]) Приобретшими инстинкт миграций.

[2]) Подразумевается на музыкальном инструменте. В «Происхождении видов» Дарвин говорит: «Если бы трехлетний Моцарт стал играть на фортепьяно не после поразительно малой практики, а совсем без практики, то справедливо было бы сказать, что он делает это инстинктивно».

[3]) См. соответствующее место об инстинктах пчел в «Origin of Species».

[4]) Речь идет о клювах вьюрков на Галапагосских островах. Они меняют форму клюва в зависимости от пищи, от формы клюва дубоноса до формы клюва славки.

ледние годы, посмотрите на голубей и рогатый скот! При количестве пищи, которое может производить человек, скот может достичь предельного жира или размера или густоты шерсти <?>; это самые обыкновенные статьи; но даже и относительно них я заключаю, невозможно сказать, что мы знаем пределы изменчивости. И поэтому при [приспособительной] отбирающей силе природы бесконечно более мудрой, чем человек, <заключаю я>, невозможно сказать, что мы знаем пределы рас, порода которых была бы совершенно чиста: если они различной конституции, то вероятно они будут бесплодны друг с другом, а те, которые могут особенно хорошо приспособиться к внешней природе и к другим окружающим организмам согласно их потребностям — такие расы стали бы видами. Но есть ли какие-нибудь доказательства, <что> виды появились таким образом, это вопрос вполне независимый от всех предшествующих пунктов и на который исследование царства природы должно нам дать ответ тем или иным путем.

ЧАСТЬ II.

§ IV и V. <О геологических доказательствах>

Положим, что согласно общепринятому взгляду мириады населяющих этот мир организмов были созданы столькими же отдельными актами творения. Так как мы ничего не знаем о <неразборчиво> воли творца, мы не можем видеть основания для существования какой-нибудь связи между созданными таким образом организмами, или они опять-таки могли быть созданными по любому плану. Но было бы удивительно, если бы этот план совпал с той схемой, которая получилась бы в результате происхождения групп организмов от [известных] одних и тех же предков, согласно обстоятельствам, которые мы только что пытались изложить.

С равной вероятностью древние космогонии говорят, что ископаемые были созданы, как мы их теперь видим, с обманчивым сходством с живыми существами; что мог бы сказать астроном по поводу учения, что планеты двигаются <не> по закону тяготения, но потому, что творец пожелал, чтобы каждая планета двигалась по своей собственной орбите. Я думаю, что такое предположение (если мы отбросим все предрассудки) было бы столь же законно, как допущение того, что распространение, строение и отношение друг к другу и к внешним условиям известных групп живых и вымерших организмов согласны с теорией и представляют признаки общего происхождения и что все же они созданы отдельно друг от друга. Когда считали невозможным, чтобы организмы изменялись или могли сложным путем приспособляться к другим организмам, оставаясь отделенными от них непроходимым барьером бесплодия, было бы простительно, даже при некоторой видимости в пользу общего происхождения, допустить отдельные акты творения по воле всезнающего творца; или — потому что это то же самое — сказать с Уевелем, что начало всех вещей превосходит понимание человека. В предыдущих отделах я пытался показать, что такие изменения или специализация не невозможны, наоборот даже со многих точек зрения абсолютно вероятны. Какие же доказательства в пользу этого и какие против. С нашим несовершенным познанием прошлых веков [оно несомненно всегда будет несовершенным] было бы странно, если бы это несовершенство не создавало некоторых неблагоприятных доказательств.

Дать очерк прошлого,—начиная с фактов, представляющихся при современном состоянии нашего знания враждебными [1]) — за тем перейти к географическому распространению — порядок появления — сродство — морфология и т. д. и т. д.

[1]) Подразумевается «теории происхождения видов».

Наша теория требует очень постепенного вступления новых форм и вымирания старых (к чему мы вернемся). Вымирание старого может иногда происходить очень быстро, появление нового никогда. В группах, происходящих от общих предков, наша теория требует полной постепенности переходов, различающихся не больше, чем породы скота, картофеля или капусты. Я не хочу сказать, что должны были существовать постепенные ряды животных, промежуточных между лошадью, мышью, тапиром, слоном [или курицей и павлином], но что они имели общего предка, и между лошадью и этим <?> предком и т. д. и т. д., но общий предок мог отличаться от обоих больше, чем оба они отличаются теперь друг от друга. Какие же имеются доказательства этому? В некоторых отделах такая полная постепенность, что если собрать все существующие формы некоторых больших разделов, то можно бы было приблизиться почти к полной постепенности [1]). Но по отношению ко всем такое представление было бы нелепо, в особенности по отношению к млекопитающим. По мнению других натуралистов это было бы так, если были бы собраны все погребенные в слоях виды. Однако, я думаю, что это невероятно; тем не менее безусловно верно, что все многочисленные ископаемые формы делятся, как замечает Бекланд, не на современные классы, семейства и роды, но попадают между ними: тоже можно сказать о вновь открытых современных формах. Большинство древних ископаемых форм, т. е. тех, которых отделяет от современных наибольший промежуток времени чаще всего помещаются между классами (организмы из стран, наиболее отделенных пространством, также попадают между классами < пример > Ornithorhynchus?). Поскольку дело касается геологических открытий, в них замечаются такие же переходы. Иллюстрировать это сетью [2]). Toxodon [3]), — tibia и fibula, — собака и выдра, — но составить например, для толстокожих, такую полную серию, как у рогатого скота, настолько невероятно, что, если как, повидимому, полагают многие геологи, даже каждая отдельная формация заключает почти полную историческую последовательность слоев, то от моей теории надо отказаться. Даже если бы была такая историческая последовательность, то при настоящем состоянии знаний можно было бы собрать последовательные ряды только в одном каком-нибудь районе. Невероятно, чтобы какая-нибудь формация в течение огромного периода времени, прошедшего в течение каждого периода [4]) вообще могла представить историческую последовательность [сравнить количество живущих в одном периоде с числом сохранившихся ископаемых и обратить внимание на громадные периоды времени].

Что касается только морских животных, которые, очевидно, всего легче могли сохраниться, то они должны были бы жить там, где < ? > всего быстрее и на большей площади происходят отложения осадков (наиболее пригодных для их сохранения, а не песок и галька) и должны быть покрыты толстым слоем < неразборчиво > береговых отложений; так как иначе размывание <их разрушит>,—они должны жить на мелком месте, которое будет заполняться отложениями, — по мере того, как совершается движение суши, если происходит вскоре поднятие, они подвергаются размыву [5]), если же опускание

---

[1]) Переводчик, чтобы дать представление о стиле рукописи, намеренно сохранил небрежность построения фразы подлинника: «такая полная постепенность, ...что... можно бы было приблизиться почти к полной постепенности».

[2]) Многие натуралисты (Паллас) изображали сложные отношения между организмами под видом сети, узлы которой соответствуют видам.

[3]) Ископаемая форма, найденная в Южной Америке Дарвином, который считал, что она соединяет признаки разных отрядов млекопитающих.

[4]) Подразумевается «геологического».

[5]) «Вносясь в сферу действия морского прибоя», как говорится в «Origin».

благоприятное [1]), согласно с фактами европейских отложений, то все же оно способствует и разрушению самих агентов, производящих отложения [2]).

Можно смело утверждать, я думаю <что> группы морских <?> ископаемых сохранились для будущих веков только там, где осадки откладывались долго <и> непрерывно и не слишком быстро <в> области опускания. Во многих ли местах в какой-нибудь одной области, как Европа имели место такие случаи? Поэтому < ? > от прошлых веков сохранились только (пробелы) страницы. Доведенное до крайностей учение Ляйелля, — мы понимаем затруднение при вопросе: — какие шансы существования серий постепенных изменений рогатого скота < неразборчиво > в век < неразборчиво > начиная от миоцена? Мы знаем, что рогатый скот тогда существовал. Сравнить число живущих, — огромная продолжительность каждого периода, — малочисленность ископаемых.

Это относится только к исторической последовательности организмов в каждой формации.

Предыдущий аргумент показывает, во-первых, то, что формации отличаются только недостатком ископаемых (промежуточных пластов) и, во-вторых, то, что каждая формация полна пробелов; он был выдвинут для об'яснения малочисленности сохранившихся организмов сравнительно с числом существовавших в мире. Тот же аргумент об'ясняет, почему кажется, что организмы в более древних формациях появляются, исчезают внезапно,—но в (поздний) третичный период не столь внезапно, в более поздний третичный—постепенно—становятся редкими и исчезают,—некоторые исчезли во времена человека. Очевидно, что наша теория требует постепенного и почти однообразного появления, возможно более внезапного вымирания,—опускания Австралийского материка и т. д. и т. д.

Наша теория требует, чтобы первая существовавшая форма каждого большого отдела обладала признаками, промежуточными между современными, но чрезвычайно отличными от них. Большинство геологов полагают, что силурийские ископаемые—древнейшие из существовавших во всем мире, а не древнейшие из тех, которые случайно не уничтожены, или первые существовавшие в глубоких морях во время процесса перехода моря в сушу; если они действительно первые, они < ? мы > отказываемся [3]). Не так Геттон и Ляйелль: если первое пресмыкающееся красного песчаника < ? > действительно было первым из существовавших; если толстокожее Парижа [4]) было первым из существовавших; рыба девона; стрекоза лиаса; ибо не можем же мы считать их за предков: они слишком тесно связаны с современными отделами. Не геологи считают Европу переходом < ? > от моря к острову < ? > и материку (за исключением Уэлдона см. Ляйелль). Поэтому я считаю, что эти животные просто попали с давно погрузившихся материков.

Наконец, если правильны взгляды некоторых геологов, то от моей теории надо отказаться [взгляды Ляйелля, поскольку он говорит о несовершенстве летописи, благоприятны ей, но столь мало благоприятны и так много еще требуется, что их можно рассматривать, как возражение]. Если же гео-

---

[1]) Подразумевается «сохранению ископаемых под увеличивающейся толщей отложений».

[2]) Мы приводим из «Origin» следующую цитату, поясняющую совершенно ясно это «темное», по выражению Ф. Дарвина, место: «Но этот самый процесс опускания имеет следствием погружение той области, откуда доставляется материал для осадка и таким образом количество доставляемого материала уменьшается, тогда как опускание все продолжается». Дарвин стремится здесь доказать, что даже в морских отложениях и при поднятии и при опускании дна мало вероятия сохранения полных рядов ископаемых.

[3]) То-есть от нашей теории.

[4]) Подразумевается Palaeotherium, найденный Кювье.

логия, — цель которой—история, представляет нам только страницы из глав, образованных вырванными пачками листов, и каждая страница иллюстрирована только небольшой частью организмов того времени, то факты находятся в полном согласии с моей теорией.

Вымирание. Мы видели, что в более поздние периоды организмы исчезали постепенно и [может быть] вероятно также постепенно исчезали и раньше, а , как я сказал, этого требует наша теория. Ввиду того, что многие натуралисты, повидимому, думают, что вымирание—явление весьма таинственное, и прибегают к необычайным факторам [1]), то следует вспомнить то, что мы говорили уже о борьбе в природе. Факторы вымирания действуют на каждый организм: мы их едва замечаем: как суров этот процесс, видно из того, что иначе через десять лет зарядки размножились бы тысячами. Как незаметно незначительное увеличение количества; ископаемые становятся редки; возможно внезапное вымирание, как в Австралии, но так как современные причины вымирания действуют медленно и существует много способов избежать его, я сомневаюсь, чтобы вымирание могло происходить очень внезапно. Кто может об'яснить, почему некоторые виды более изобильны, чем другие — почему количество болотных синиц или белозобых дроздов теперь почти не изменяется, — почему одна морская улитка встречается редко, а другая обычна на нашем побережье, — почему одного вида носорога больше, чем другого — почему < неразборчиво > тигр в Индии так редок? Любопытны и общие источники ошибки; место организма немедленно восполняется.

Мы знаем, как изменялось состояние земли и, поскольку продолжаются землетрясения, приливы и отливы, это состояние должно меняться,—многие геологи признают медленное постепенное охлаждение. Теперь посмотрим в согласии с принципами [изменчивости] специализации, об'ясненными в части II [2]), каким образом вероятно появляются виды и как эти результаты согласуются с тем, что известно.

Первый факт, который устанавливает геология—это огромное количество вымерших форм и появление новых. Третичные пласты приводят к мысли, что формы постепенно становятся более редкими, исчезают и постепенно заменяются другими. Мы видим, как некоторые формы теперь становятся реже и исчезают, мы не знаем внезапного сотворения: в более древние периоды формы, повидимому, появляются внезапно, сцена меняется: но даже здесь девонские, пермские и т. д. (продолжают доставлять новые звенья цепи) — роды и высшие формы появляются и исчезают тем же порядком: на один или на несколько пластов ниже того, где форма всего многочисленней, остается какой-нибудь вид.

§ VI. Географическое распространение

Рассмотрим настоящее состояние распространения организмов по лицу земли.

Относится главным образом, но не исключительно, к млекопитающим (вследствие трудности заноса, малочисленности и особых признаков групп): рассмотрим сперва три или четыре главных [области] подразделения: Северная Америка, Европа, Азия, включая большую часть Остиндского архипелага и Африка, — тесно связаны. Африка отличается всего больше, особенно в самой южной части. А арктические области, об'единяющие Северную Америку, Азию и Европу, отделенные только (если итти Беринговым проливом) узким проливом, наиболее тесно связаны, образуя на самом деле одну ограниченную группу. Далее идет Ю. Америка, — затем Австралия, Мадагаскар (и некоторые маленькие острова, находящиеся очень далеко от суши). Рассматривая эти главные подразделения отдельно, находим, что организмы изменяются

[1]) Разумеется теория катастроф Кювье.

[2]) То-есть I, ср. примечание 5 на стр. 100.

в соответствии с изменением в условиях различных частей. Но сверх того преграды разного рода, повидимому, разделяют области в большей мере, чем это соответствует разнице климатов по обе стороны этих преград. Таковы большие горные цепи, пространства моря между островами и материками, даже большие реки и пустыни. Фактически степень различия в организмах имеет определенное, но не неизменное отношение к степени физических трудностей, которые нужно преодолеть.

Есть некоторые любопытные исключения, именно, сходство фауны гор Европы, Северной Америки и Лапландии. Другие случаи как раз обратные: горы восточной и Ю. Америки, Алтая (?) и Ю. Индии (?). Горные вершины островов часто особенно своеобразны. Вообще фауна некоторых даже близких островов очень различна, а у других очень похожа [1]) [здесь мне приходится наблюдать один или несколько центров творения].

Просто геолог может об'яснить многие из вышеупомянутых случаев распространения. Опускание материка, на котором были свободные условия распространения, заставило бы растения равнин подняться в горы, обратившиеся теперь в острова; полуальпийские растения при этом заняли бы место альпийских, альпийские же уничтожились бы если горы первоначально не были особенно высоки. Так мы можем видеть, что во время постепенных изменений климата материка, распространение видов будет изменяться и приспосабливаться к мелким изменениям, вызывающим сильное вымирание. Горы Европы были совсем недавно покрыты льдом, а равнины имели, вероятно, арктический климат и фауну. Затем с переменой климата арктическая фауна заняла место льда, а равнины наводнились растениями разных умеренных стран, оставляя островки арктических форм. Но если это произошло на острове, откуда же могли явиться новые формы? Здесь геолог обращается к сторонникам идеи творения. Если остров образуется, то геолог предположит, < что > многие формы могли быть занесены с ближайшей суши, но для эндемичных форм он обратится к идее сотворения и чем выше поднимется остров, тем более понадобится эта идея. Сторонник идеи сотворения утверждает, что на < неразборчиво > месте американский дух творения создает Orpheus и Tyrannus и американских голубей в соответствии с прошлыми и вымершими формами, но без всякой устойчивой связи между областями и распространением, именно геолого-географическим распространением.

Теперь рассмотрим, что получится по аналогии с домашними животными. Возьмем для примера фермера в пампасах, где все ближе к естественному состоянию. Он работает над организмами, имеющими большую наклонность изменяться, и он знает, < что > единственный способ создать особую породу—подбирать и обособлять. Бесполезно выделять лучших быков и случать их с лучшими коровами, если их потомство будет свободно разгуливать и спариваться с другими стадами и ничто не будет противодействовать тенденции к возвращению в первоначальное состояние. Поэтому он постарается поместить своих коров на своего рода острова и там начать свою работу по подбору. Если бы несколько фермеров в разных р и н к о н а х [2]) начали работать в особенности с разными об'ектами, то скоро было бы выведено несколько пород. То же самое было бы с садоводом и то же показывает история каждого растения. Число разновидностей растет пропорционально стараниям, с которыми производился отбор и после скрещивания растений их обособление. Теперь по аналогии изменение внешних условий и изоляция, случайная ли, вследствие того, что форма попала на остров или вследствие

[1]) Речь идет о разных фаунах Анд и гор Бразилии и Гвианы в Ю. Америке, а также гор на Индостанском полуострове, сравнительно с Гималаями. Что касается до островов—[о] разнице фауны Галапагосских островов и Ю. Америки; Британии сравнительно с Европой и [о] сходстве фауны Явы с фауной континентальной Азии.

[2]) Ринконы — мелкие фермы, расположенные в глухих углах.

опускания, разделившего материк или большую горную цепь, — и небольшое число особей — все это будет всего более благоприятствовать изменению и отбору. Несомненно, что изменение могло бы произойти в той же стране без всяких преград долго продолжающимся отбором одного вида: даже в случае растения, неспособного скрещиваться, оно легче овладеет островом и одно его займет. Но понятно, что < если > две части материка будут изолированы друг от друга, то новые, появившиеся таким образом на них виды, будут иметь теснейшее сродство, подобно рогатому скоту в английских графствах; если преграда впоследствии разрушится, один вид может уничтожить другой или оба сохранят свои места. Так если остров образуется около материка, то как бы он ни отличался от него, этот материк даст ему его же обитателей и новые виды (как и старые) будут связаны с этим материком. Острова обычно сильно отличаются от материка почвой и климатом, а количество и состав обитателей зависят от случая; нет другого пункта, столь благоприятного для появления новых видов, особенно на горах, это так. Остров подобен изолированным горам, образовавшимся (если это бывает) на равнине. По мере образования других островов старые виды расходятся и, таким образом, распространяются; материк может образоваться между ними и фауна отдаленных островов в конце концов встретится. Нельзя сомневаться, что материки образовались повторными поднятиями и опусканиями. Оглядываясь назад, на ту эпоху, когда уже существовали некоторые современные географические границы, мы сразу увидим, почему современные формы связаны с вымершими таким же образом, как существующие в разных частях теперешнего материка связаны между собой. Случайно можно найти даже одно или два абсолютно родственных ископаемых.

Открытие переходных форм было бы труднее на поднимающихся местах суши.

Поэтому все распространение в перечисленных пунктах даже самых незначительных, которые по всякой другой < теории? > могут рассматриваться, как конечные факты, просто вытекает из теории появления видов путем < неразборчиво >, будучи приспособлены отбором к < неразборчиво > вместе с их способностью распространяться и постоянными географическо-геологическими изменениями, происходящими в настоящее время и имевшими несомненно место и раньше. Следует изложить мнение о теории неизменяемости видов и создании их отдельными актами воли творца.

§ VII. Сродство и классификация

Переходя теперь к сродству организмов без отношения к их распространению и рассматривая все ископаемые и современные формы, мы видим, что степени сродства различны и произвольны — подроды, роды, подсемейства, семейства, порядки и классы и царства. Наиболее правильным родом классификации была бы так называемая естественная система, но никто не может дать ее определения. Если мы скажем вместе с Уэвелем, <что мы обладаем> неопределенным инстинктом важности органов, мы никак не можем сказать, какой орган важнее у низших животных и все же каждый чувствует, что только одна какая-то система может называться естественной. Истинное сродство организмов выступает при рассмотрении аналогий, — выдроподобное животное среди млекопитающих и выдра среди сумчатых. В таких случаях внешнее сходство и образ жизни и конечная цель всей организации очень сильно выражены, но родства нет. Натуралисты не могут избежать этих терминов — родства и сродства, хотя они употребляют их метафорически. Если употреблять в буквальном смысле, то естественная система должна бы основываться на генеалогии; как известно, статьи, которые всего легче поддаются влиянию при наследственной передаче, имеют наимень-

шую ценность с точки зрения естественной системы [1]) и фактически, когда мы находим, что они изменяются, мы [2]) считаем их менее ценными. При классификации разновидностей пользуются тем же языком и тем же способом подразделения; таким образом, здесь (в ананасе) мы проводим естественную классификацию, пренебрегая сходством плодов и обращая внимание на все растение. Происхождение подродов, родов и т. д. и т. д. не представляет трудности, принимая во внимание генеалогическую последовательность и совпадает с тем, что мы знаем о подобных градациях сродства у одомашненных организмов. В одной и то же области органические существа <неразборчиво> зависят друг от друга и от внешних условий во многих физических отношениях и различие то же самое [3]), поэтому, когда отбирается новый вид и занимает место в экономии природы, мы можем предполагать, что он вообще стремится расширить свои пределы во время географических изменений и, таким образом, изолируясь и попадая в новые условия, будет слегка изменяться, а его строение будет слегка видоизменяться отбором, и мы получим виды, подроды и роды, — как разновидности мериносов, — разновидности британского и индийского рогатого скота. Новые виды могут продолжать образовываться, а другие могут вымирать, могут вымереть и все, и тогда у нас будет вымерший род; случай, уже упомянутый, такие случаи многочисленны в палеонтологии. Но чаще те преимущества, которые позволили новому виду распространиться и видоизмениться, распавшись на несколько видов, благоприятствуют сохранению некоторых видов; и если два вида, сильно отличающиеся друг от друга, дадут каждый начало группе новых видов, то получатся два рода; и то же самое будет происходить дальше. Мы можем рассматривать этот случай с другой стороны — с точки зрения будущего. В силу простой случайности каждый существующий вид может породить другой, но если вид А, изменяясь, получит преимущество и это преимущество (какое бы то ни было, ум и т. д. или какое-нибудь особое строение или конституция) будет наследственно, то А будет предком нескольких новых родов или даже семейств в жестокой борьбе природы [4]). А будет существовать, побеждая другие формы. Может случиться, что А заселит землю и к настоящему времени на всем земном шаре может не остаться ни одного потомка одного или нескольких первоначальных творений. При одинаковых условиях воздуха, земли и воды на всем земном шаре и несовершенном сообщении организмы очень разного происхождения могут приспособиться к одной цели и тогда перед нами будут случаи аналогий [они могут даже численно преобладать]. В силу того, что это часто случается, в каждом из больших разделов природы будут представлены формы, особенно приспособленные к земле, к <воздуху>, к воде и к < неразборчиво >, что может найти соответственное количественное отражение в классификации каждого из этих больших отделов.

§ VIII. Единство или (сходство) типа в больших классах

Самое удивительное в естественной истории это то, что при взгляде на огромное количество организмов настоящих и ископаемых, поставленных в самые разнообразные условия, живущих в самых отдаленных климатах и чрезвычайно далеких периодах; организмов, приспособленных для совершению различных целей, все же находишь большие группы, об'единенные сходным типом строения. Когда, например, мы видим летучую мышь, лошадь,

[1]) Любопытно отметить, что здесь в наброске 1842 г. Дарвин, будучи сам помещиком, прибегал к языку заводчиков, употребляя слово «points» («статьи»), в то время, как в «Origin» он употребляет уже язык натуралиста: «characters» («признаки») в аналогичном случае.

[2]) Натуралисты, классификаторы в противоположность практикам.

[3]) Повидимому, смысл этой фразы, что существует некоторое равновесие между организмами в той же области.

[4]) Некоторый намек на принцип «расхождения признаков».

плавник морской свиньи [1]), руку, построенные все одинаково, имеющие кости с теми же названиями, то мы видим, что между ними есть глубокая об'единяющая связь: иллюстрировать ее является целью и предметом <?> того, что называется естественной системой, на которой основывается различение <?> истинных и приспособительных признаков. И тот удивительный факт, что рука, копыто, крыло, ласт и лапа с когтями есть одно и то же, сразу об'ясняется принципом прародительской формы, может быть бывшей <неразборчиво> или ходящим животным, которое бесконечным количеством мелких отборов приспособилось к разным условиям. Мы знаем, что пропорция, размер, форма костей и сопутствующих им мягких частей изменяется, и потому постоянный отбор может изменить почти для любого назначения <?> весь остов организма, сохраняя в нем общее, даже теснейшее сходство [2]).

[Мы знаем, что число одинаковых частей, как позвонков и ребер, может изменяться, значит можно этого тоже ожидать]. Также, <если> изменение заходит за известный предел, то несомненно тип утрачивается, таковы плезиозавры. Единство типа некоторых больших отделов в прошлые и настоящие века таким образом, несомненно получает самое простое об'яснение.

Есть другая категория близких и почти идентичных фактов, признаваемых самыми трезвыми физиологами [полученных изучением известного ряда органов у группы организмов] и относящихся к единству типа разных органов в одном и том же индивидууме, описываемых наукой «морфологии». Морфология устанавливает по прекрасным и точным сериям, а у цветов по уродливым изменениям, что некоторые органы в особи представляют метаморфоз других органов. Таким образом, всякий ботаник считает лепестки, нектарники [3]), тычинки, пестики, семенодоли за метаморфозированный лист. Так он самым ясным образом об'ясняет положение и число всех частей цветка и любопытное превращение одной части в другую под влиянием культуры. Сложный двойной ряд челюстей и ротовых придатков ракообразных и всех насекомых рассматривается, как метаморфоз <конечностей> и увидеть эти ряды значит согласиться с этой фразеологией [4]). Череп позвоночных несомненно состоит из трех видоизмененных позвонков [5]). Таким образом, мы можем понять странную форму отдельных костей, составляющих черепную коробку, содержащую мозг человека. Эти факты только незначительно отличаются от фактов последнего отдела: если бы была найдена некоторая общая структура для крыла, плавника, руки и копыта или она могла быть показана на серии случайных уродливых превращений и если бы найдены были следы того, что эта структура существовала когда-то, как аппарат для ходьбы или плавания, то и об этих органах можно было бы сказать, что они метаморфозированы, но так, как они есть, они представляют можно сказать общий тип.

Этого различия физиологи не делают и оно подразумевается только в общей манере писать некоторых из них. Эти факты, затрагивающие каждое органическое существо на лице земли, как в прошлом, так и в настоящем, сторонник творения может рассматривать только как конечные и необ'яснимые факты. Но это единство типа во всех особях группы и этот метаморфоз одного и того же органа в другие органы, приспособленные для разного употребления, необходимо вытекают из теории происхождения [6]). Возьмем,

---

[1]) Вид дельфина.

[2]) С другими организмами.

[3]) Нектарники здесь конечно употребляются не в смысле железок, выделяющих нектар, а в смысле определенных частей цветка, где есть эти железы.

[4]) В смысле «терминологии».

[5]) Смотри позвоночную теорию черепа Вик д'Азира, Кольрейтера, Окена и Гёте.

[6]) Здесь Дарвин впервые употребляет слово «теория происхождения».

например, позвоночных: если они произошли от одного предка, то по этой теории все позвоночные изменялись медленно и постепенно, как мы это видим и на домашних животных. Мы знаем, что изменяются относительные размеры частей, что иногда меняется даже число позвонков, что некоторые части сливаются, другие же утрачиваются, как хвост и пальцы ног; но мы знаем также, что орган хождения может <?>обратиться в орган плавания, парения и т. д. даже в летательный орган. Но такие постепенные изменения, как утерянные и слившиеся части и позвонки, не нарушают единства типа у потомков, но мы можем видеть, что в крайнем случае единство теряется,—плезиозавр. Здесь мы видим, что тот же орган образован <?> для разных целей <десять слов неразборчиво>; и если у нескольких порядков позвоночных мы можем проследить происхождение остистых отростков позвонков и уродств и т. д., то мы могли бы говорить не о единстве типа, а о морфологии, как мы делаем, выводя образование головы из видоизмененных позвонков. Заметим, что натуралисты, употребляя термин сродства и не связывая с ним реального значения, здесь также принуждены пользоваться словом «метаморфоз», не подразумевая под этим, что какой-нибудь предок ракообразных на самом деле имел такое же количество ног, сколько у ракообразных челюстей. Теория происхождения сразу об'ясняет эти удивительные факты.

Но мало кто из физиологов, пользующихся этой терминологией, действительно предполагает, что предком насекомого с видоизмененными челюстями было многоногое насекомое или что предок цветкового растения первоначально не имел ни пестика, ни тычинок, ни лепестков, но какие-либо иные способы размножения,—так и в других случаях. По нашей теории мы можем ожидать, что после бесконечного количества изменений орган, употребляемый для известной цели, может употребляться потомком для другой, как например, случилось, согласно нашей теории с летучей мышью, морской свиньей, лошадью и т. д., которые произошли от одного предка. И если случится так, что следы прежнего употребления строения этой части сохранились, что несомненно возможно, если не вероятно, то мы будем иметь органы, на которых основывается морфология, которая вместо метафорического приобретает прямой смысл и <вместо того, чтобы быть> совершенно непонятной, становится простой, ясной действительностью.

<Эмбриология>. Это общее единство типа в больших группах организмов (включая, конечно, эти морфологические случаи) проявляется поразительнейшим образом в стадиях, которые проходит зародыш. На ранней стадии крыло летучей мыши, нога с копытом, рука, ласта — неразличимы. На еще более ранней <стадии> нет разницы между рыбой, птицей и т. д. и т. д. и млекопитающим. Не то, чтобы их нельзя было различить, но артерии <неразборчиво>. Неверно, что они проходят через форму низшей группы, хотя несомненно, что рыба ближе стоит к стадии зародыша.

Это сходство на самых ранних стадиях наглядно обнаруживается в направлении артерий, которые сильно изменяются по мере развития зародыша; число и направление их делается очень различными у рыбы и у млекопитающего во взрослом состоянии. Поразительно, что в яйце, в воде или в воздухе, или в чреве матери артерии проходят одинаково.

Наша теория проливает на это свет. Строение каждого организма приспособлено, главным образом, к поддержанию его жизни во взрослом состоянии, когда он сам питается и размножается. Строение котенка только второстепенным образом приспособлено к его привычкам, пока он кормится молоком и добычей матери. Поэтому сохранение вида, ставшего плохо приспособленным к месту своего обитания или, вернее, лучшее место в экономии природы, будет достигнуто видом, вследствие изменения строения, главным образом, во взрослом состоянии. Для взрослой кошки не важно, насколько

резко были выражены кошачьи черты, когда она была молода, но важно, чтобы они стали таковыми, когда она вырастет. Несомненно, большая часть изменений (независимо от образа жизни индивидуума) зависит от ранних изменений и можно предполагать, что в какое бы время жизни зародыша не произошло изменение, оно будет проявляться в тот же период. Когда мы <видим> склонность к известному заболеванию в старом возрасте, передающуюся через самца, мы знаем, что какое-то влияние оказано во время зачатия на простую клетку яичка, которая произведет свое действие не ранее, чем через полвека и до тех пор этого действия не видно. Так мы видим, что борзая, бульдог, скаковая лошадь и тяжеловоз, отбиравшиеся за свою форму во взрослом состоянии, гораздо менее (?) отличаются друг от друга первые несколько дней после рождения, чем взрослые животные. То же самое у рогатого скота, который резко отличается формой и длиной рогов. Если бы человек мог в течение десяти тысяч лет вывести отбором животных, чрезвычайно сильно отличающихся от современной лошади и коровы, я ожидал бы гораздо меньше разницы на очень молодых стадиях и на стадиях зародышей и это, я думаю, об'ясняет этот удивительный факт. У долго живущих личинок отбор может быть действует сильно, у куколок не так сильно. Нет никакого выигрыша от изменения формы и т. д. и т. д. зародыша (помимо некоторого приспособления к чреву матери) и потому отбор не действует на него далее, если не считать того, что дает его изменяющимся тканям склонность принимать позднее известные формы для некоторых частей.

Таким образом, нет возможности изменить направление артерий, пока они питают зародыш; но существует отбор слабых изменений, появляющихся в разное время в течение < неразборчиво > жизни.

Малое различие зародышей получает очевидный смысл по этому взгляду: иначе как странно, что [обезьяна] лошадь, человек или летучая мышь в определенное время жизни имеют артерии, идущие таким образом, который, очевидно, полезен только рыбе! Естественная система по теории генеалогична и мы сразу видим, почему зародыш, сохраняющий следы прародительской формы, имеет огромное значение для классификации.

§ IX. Абортивные органы

Есть и другая большая категория фактов, относящихся к так называемым абортивным органам. Это — те органы, относительно которых наш разум показывает, что в одних случаях они прекрасно приспособлены к известным целям, а в других случаях совершенно бесполезны. Таковы зубы у носорога, кита, нарвала,—кость на большой берцовой, мышцы которой не двигаются,—маленькая кость крыла Apteryx,—кости, представляющие конечности у некоторых змей,—крылышки внутри < ? > спаянных надкрылий у жуков,—мужчины и быки, соски; тычинки без пыльников у растений, простые чешуйки, представляющие лепестки у других, в перистом гиацинте—весь цветок. Почти бесчисленны. Нельзя не думать о них без удивления. Не ясно ли, что крылья для того, чтобы летать и зубы <кусать> и все же мы находим эти органы совершенные в каждой подробности в таких положениях, где они не могут быть нормально использованы [1]).

Термин «абортивный орган» прилагался к выше описанным структурам (столь же неизменным, как и все другие части) вследствие их абсолютного сходства с уродствами, где в силу случайности некоторые органы неразвиты: как дитя без рук или без пальцев с култышками вместо них; зубы, представленные только островками окостенения; безголовые дети с простой пуговкой вместо головы,—небольшие аморфные массы вместо

[1]) Внизу на полях и поперек страницы написаны следующие фразы: «Абортивные органы особенно важны для классификации. Эмбриональное состояние органов. «Рудименты органов».

внутренностей и т. д.,—хвост просто обрубком,—вместо крепкого рога маленький висячий рог. Во всех этих случаях, если организм продолжает жить, такие структуры склонны делаться наследственными. Мы это видим на бесхвостых кошках и собаках. На растениях это поразительно,—в тмине, в Linum flavum, — пыльник Geranium pyrenaicum. Нектарник, вырождающийся в лепестки у водосбора (Aquilegia), что произошло вследствие случайности, а потом сделалось наследственным в одних случаях только при размножении почкованием, а в других семенами. Эти случаи вызваны внезапными случайностями в ранних стадиях роста, но часть закона роста заключается в том, что если орган не употребляется, он уменьшается (крылья утки?); мускулы уха собаки, кролика, мускулы слабеют, артерии зарастают. Когда глаз недоразвивается при рождении, глазной нерв (тукотуко) атрофируется. Каждая часть, полезна она или нет, (болезни, махровые цветы) стремится передаться потомству; происхождение абортивных органов, появившихся при рождении или приобретенных медленно, легко понять на расах домашних организмов [борьба между атрофией и наследственностью. Абортивные органы у домашних рас]. Всегда будет борьба между атрофией органа, ставшего бесполезным, и наследственностью. Из того, что мы можем в некоторых случаях понять происхождение абортивных органов, было бы абсолютно неправильно заключать, что все они имеют одинаковое происхождение, но полнейшая аналогия говорит за это. Это возможно и по нашей теории, потому что в течение бесконечных изменений какой-нибудь орган, как можно ожидать, мог стать бесполезным. <Мы можем> легко об'яснить факт, столь поразительный, с какой-нибудь другой точки зрения, — а именно, что органы, повидимому бесполезные, часто построены с такой же крайней тщательностью, с какой — жизненно важные.

Смею заметить, что наша теория позволяет органу быть абортивным по отношению к своему первоначальному употреблению и получить другое назначение (как почки у цветной капусты); так мы не видим затруднения в костях самцов сумчатых, обращенных в опору для мышц, или в пестике ноготка, — действительно, с известной точки зрения голова [позвоночных] животных можно сказать представляет абортивные позвонки, получившие другое употребление; ноги некоторых ракообразных — абортивные челюсти и т. д. и т. д. Аналогия де Кандоля со столом, уставленным блюдами [1]).

<Возможно, что следующий отрывок должен был быть помещен здесь>. Деградация и усложнение см. Ламарк: тенденции к усовершенствованию нет; если бы ей дать место, то высший организм имел бы большую возможность побеждать низший, который, я думаю < ? > отбирается для условий низшего существования [2]).

§ X. Краткое повторение и заключение

Просмотрим в общем < ? > последние отделы на примере трех видов носорога, обитающих на Яве, Суматре и на полуострове Малакке или Индии. Мы находим этих трех близких соседей, занимающих разные, но соседние области и представляющих группу совершенно иного вида, чем африканские носороги, хотя некоторые из последних живут в очень сходных странах, а другие в сильно отличающихся станциях. Мы находим их в тесном родстве [едва ли более различных, чем некоторые породы скота] по строению с носорогами, которые в течение огромных периодов времени обитали в этой одной из главных зоологических областей земли. Тем не менее все же некоторые из этих древ-

[1]) Характерно, что такой видный натуралист, как де Кандоль, сравнивал творение с хорошо накрытым столом и говорил, что абортивные органы можно сравнить с пустыми блюдами, поставленными для симметрии.

[2]) Повидимому Дарвин здесь хотел сказать, что и низшие организмы приспособились к особым условиям (например паразиты кишек).

них животных были приспособлены к очень различному месту пребывания. Мы находим, что все три <неразборчиво> имеют родовые признаки носорога, который образует [кусок сети] [1]) ряд звеньев в разорванной цепи, представляющей толстокожих, как и эта цепь также представляет собой часть других, более длинных цепей. Мы это прекрасно видим, анатомируя толстые ноги всех трех и находя почти те же кости, что и в крыле летучей мыши или руке человека, мы видим ясный след слияния крепкой большой берцовой кости с малой. У всех трех мы находим голову, составленную из трех видоизмененных позвонков, короткую шею, те же кости, как у жирафы. В верхней челюсти всех трех мы находим мелкие зубы, как у кролика. Анатомируя не слишком ранние стадии зародыша этих носорогов, находим, что форма его совершенно похожа на форму зародышей очень различных животных и даже артерии идут, как у рыбы; это сходство остается, будет ли молодь развиваться в матке, пруду, яйце или икре. Но эти три несомненных вида отличаются немногим более, чем породы скота и вероятно подвержены тем же заразным болезням; при одомашнении эти формы стали бы изменяться, может быть они могли бы скрещиваться и вылиться во что-нибудь отличное от их первоначальных форм. Они могли бы подбираться для различных целей.

Но сторонник творения считает, что эти три носорога были созданы с обманчивой внешностью истинного, не <неразборчиво> родства; с таким же основанием я мог бы думать, что планеты вращаются в своих орбитах не по единому закону тяготения, но по отдельным соизволениям творца.

Если допустить, что настоящие виды, бесплодные друг с другом, различно приспособленные, населяющие теперь разные страны и имеющие разные строения и инстинкты, имеют общее происхождение, мы законно можем остановиться там, где останавливаются наши факты. Посмотрите, как далеко в некоторых случаях заводит нас цепь видов. Не можем ли мы перескочить (принимая во внимание, сколько вымирает, как несовершенна геологическая летопись) от одного подрода к другому подроду? Могут ли нас остановить роды; многие из тех доказательств, которые заставили нас отказаться от видов, неумолимо требуют падения родов и семейств и колеблют классы. Мы должны остановиться только тогда, когда прекращается ясное единство типа, независимое от употребления и приспособления.

Следует помнить, что ни один натуралист не пытается брать мерилом вида внешние признаки; во многих родах различие совершенно произвольно. Но остается другой путь сравнения видов с расами: это сравнение результатов их скрещивания. Разве не изумительно, что соединение двух организмов, полученных двумя отдельными актами творения, соединяет вместе их признаки при скрещивании по тем же самым правилам, как и двух рас, которые несомненно произошли от общего предка; но тем не менее это именно так. Так как бесплодие является хотя обычным <?>, но не неизменным спутником, оно сильно изменяется в степени и, как было показано, вероятно зависит от причин, аналогичных тем, которые делают бесплодными одомашненные организмы. Независимо от бесплодия нет разницы между помесями и гибридами, как доказывает целый ряд фактов. Это поразительно, видно на примерах инстинктов, когда ум двух видов или рас соединяется вместе. В обоих случаях если полукровок скрещивается с одним из своих родителей, то в течение немногих поколений все следы другой родительской формы теряются (как Кольрейтер показывает на двух видах табака обычно бесплодных друг с другом), так что сторонник творения видов должен полагать, что один акт творения поглощается другим!

[1]) См. примечание 2 на стр. 103.

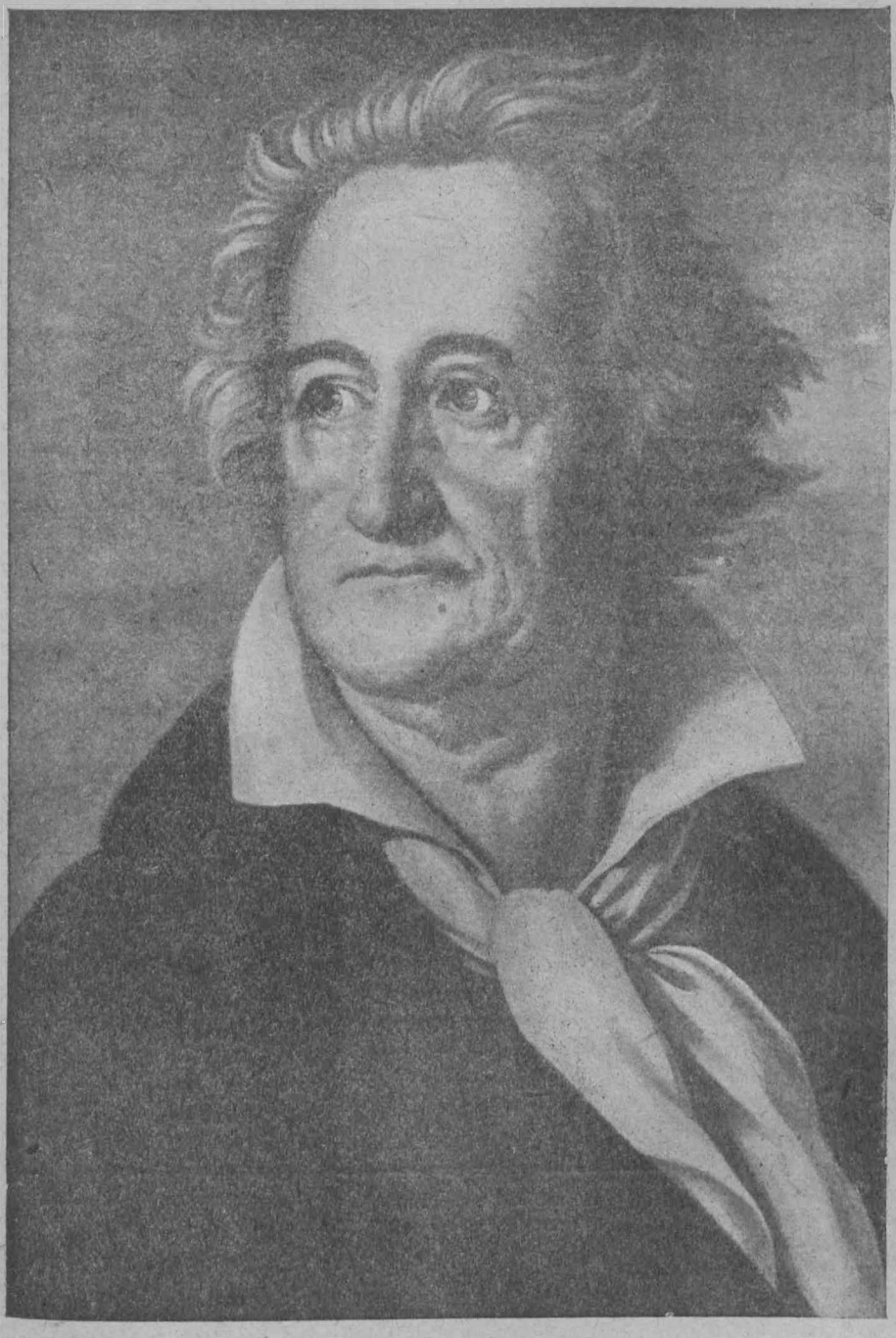
Заключение

Таковы мои основания думать, что особые формы видов не неизменны. Сродство разных групп, единство типов строения, формы, через которые проходит зародыш и которые воспроизводят древние, метаморфоз одних органов, абортивность других перестают быть метафорическими выражениями и становятся понятными фактами. Мы не смотрим больше на животное, как дикарь на корабль или другое большое произведение искусства, как на вещь, совершенно недоступную пониманию, но мы гораздо более заинтересованы его исследованием. Как интересен каждый инстинкт, когда мы размышляем о его происхождении, как о привычке наследственной или врожденной или полученной отбором слегка отличающихся от своих родителей особей. Мы должны смотреть на каждый сложный механизм и инстинкт, как на итог длинной истории, <как на итог> полезных приспособлений, подобных произведениям искусства. Как интересно распределение всех животных, проливающее свет на древнюю географию. [Мы видим, что через некоторые моря перекинуты мосты]. Геология теряет свой ореол, вследствие несовершенства своих архивов, но как она выигрывает в громадности периодов своих формаций и перерывов, отделяющих эти формации. Много величия во взгляде на существующих животных, как прямых потомков форм, погребенных под тысячью футов вещества или как на сонаследников еще более древнего предка. Это согласуется с тем, что мы знаем о законе, вложенном в материю творцом, что создание и вымирание форм подобно рождению и смерти индивидуумов, должны быть результатом вторичных [законов] причин. Нелепо, чтобы творец бесчисленных систем миров создавал каждый из мириадов ползающих паразитов и [скользких] червей, которые вечно кишат на суше и на воде [этого] земного шара. Мы перестаем изумляться, однако, что, как это ни печально, создана группа животных, непосредственно откладывающая свои яйца в кишки и мясо других,—что некоторые организмы наслаждаются жестокостью,—что ложные инстинкты обманывают животных, — что ежегодно происходит неисчислимая напрасная трата яиц и пыльцы. Мы можем видеть, что высшее благо, которое доступно нашему пониманию, создание высших животных, вытекает непосредственно из смерти, голода, грабежа и скрытой войны природы. Несомненно, что сначала постижение законов, по которым возникли отдельные индивидуумы, организмы, из которых каждое отличается самым изысканным строением, и широкая их способность приспособляться превосходят наши скромные силы. [С нашей скромностью] с низким качеством наших способностей больше согласуется предположение, что каждый из них требует «да будет» творца, но точно так же существование таких законов должно возвысить наше представление о могуществе всеведущего творца. Есть простое величие в таком воззрении, по которому жизнь—с ее силами роста, ассимиляции и воспроизведения—природа первоначально вдохнула [1]) в материю в одну или несколько форм; и пока наша планета вращалась по неизменным законам и в цикле изменений земля и вода сменяли друг друга, из такого простого начала посредством процесса постепенного отбора бесконечно малых изменений возникли бесконечные, прекраснейшие и изумительнейшие формы.

NB. Должно быть где-то есть рассуждение у Ляйелля, что внешние условия меняются, или в примечании к ляйеллевским работам <работе?>.

Кроме других трудностей во второй части — не акклиматизация растений. Трудность в вопросе, к а к белые и негры изменились от общего промежуточного предка: нет фактов. Мы НЕ ЗНАЕМ, что виды неизменны, наоборот. Какие доказательства против этой теории, за исключением того, что мы не постигаем каждой ступени подобно эрозии в долинах?

[1]) В подлиннике безлично: «жизнь была первоначально вдохнута».

Иоганн-Вальфганг Гете

Мировоззрение Гете

(Основные черты мировоззрения)

И. Луппол

Гете, как и многие крупные мыслители прошлых эпох, в наши дни стал яблоком раздора в руках буржуазных эпигонов. Всякий хочет сделать его своим предком,— ибо лестно ведь оказаться потомком Гете-«олимпийца»,— и торопится заявить претензию на великое наследство.

Эти споры не случайны. Перед стопятидесятилетней годовщиной со дня рождения Гете в 1899 г. Меринг писал, что чествование памяти Гете «не может стать национальным событием, каким было шиллеровское празднество 1859 г., в то время, когда нация чувствовала еще в национальном пафосе Шиллера классическое выражение своих сокровеннейших чаяний. В этом смысле,— писал Меринг,— теперь уже слишком поздно для гетевского торжества» [1]).

Действительно за эти 40 лет Германия шагнула далеко вперед. Бурное развитие капитализма, высвобожденное событиями 1848 г., смело остатки цехового строя и феодальной патриархальщины гетевской эпохи. 1871 г. утвердил прусский путь развития капитализма и создал единую Германскую империю предвоенной эпохи. Немецкая буржуазия, не успевшая к смерти Гете стать в политическом отношении революционной, навсегда утратила эту возможность, частично почувствовав себя весьма уютно в блоке с феодальной аристократией и юнкерством, частично допуская либеральную фронду и проникая своим растлевающим влиянием в ряды революционного рабочего движения. Последнее—неизменный спутник развития капитализма— уже подготавливало себя к роли будущего могильщика буржуазного строя. Естественно, что к прошлому юбилею (1899 г.) Гете не мог встретить сколько-нибудь общей оценки, ибо нельзя считать таковой действительно «общие» эпитеты вроде «великий», «гениальный» и т. п.

С другой стороны, по мысли Меринга, в 1899 г. было слишком рано для подлинного чествования памяти поэта, поскольку еще не наступил «тот день, когда немецкий народ освободится экономически и политически». Только с победой пролетариата «имя Гете ярко засияет на немецком умственном горизонте, как выступившее из облаков солнце» [2]). Эти облака будут застилать горизонт до тех пор, пока искусство будет оставаться привилегией господствующих классов.

С 1899 г. прошло также немало времени. Капитализм вступил в свою последнюю стадию, стадию господства финансового капитала, стадию империализма. Но вместе с тем это есть и эпоха пролетарских революций. Клас-

---

[1]) Ф. Меринг, Гете и современность («Мировая литература и пролетариат», М., 1924 г., стр. 123).

[2]) Там же, стр. 124.

совые противоречия обострились до последней степени. И если в буржуазных странах уже вписаны первые страницы пролетарской литературы, то на одной шестой земного шара властно реет знамя пролетарской диктатуры — условие культурной революции миллионных масс трудящихся.

Поэтому-то, как бы ни пытались официальные круги Германии превратить столетнюю годовщину со дня смерти Гете в общий праздник, — это не может удаться, ибо не может быть в настоящее время общих точек зрения на такого мыслителя и поэта, каким был Гете.

Буржуазные эпигоны классического века немецкой философии и литературы с новой силой поднимают вокруг имени и творчества Гете свою мышиную возню. Основные линии этого приспособления Гете к своим нуждам, идейкам и теорийкам у духовных мракобесов, идейных мещан и в лучшем случае буржуазных радикалов наметились уже давно. Начиная с незабвенного К. Грюна, который обходя молчанием все колоссальное и гениальное у Гете восхвалял всякое его филистерство как «человеческое», доказывая этим, что человек равен немецкому мещанину, линии приспособления Гете соответствуют основным направлениям буржуазной философской мысли последних десятилетий.

Буржуазия выдвигала лозунг «назад к Канту!» и следом за этим на Гете напяливали парик кантианца [1]). Входило в моду энергетическое мировоззрение, и незамедлительно Гете превращали в отца современного энергетизма [2]). Получал некоторое влияние буржуазный монизм, и для мировоззрения Гете в гелертерском терминологическом арсенале выискивали название «динамически-органического монизма» [3]). Увлекались буддизмом и, прося не смеяться над столь серьезным сюжетом, утверждали, что «Гете был в глубине своего существа индусом», буддийцем [4]). В связи с нарастанием в некоторых буржуазных кругах радикального фрейденкерства Гете стали величать «безбожником-мистиком» [5]). С другой стороны, не было недостатка в охотниках чисто спиритуалистически толковать гетевские воззрения на природу, и даже нашелся один сих дел мастер, несомненно отражавший упадочные круги буржуазного общества, который «изничтожая» попутно материализм, об'явил Гете оккультистом [6]). В самые последние дни Г. Раккерт об'явил Гете по существу эклектиком, а Э. Франц — религиозным мыслителем.

Среди всех этих лозунгов «назад к Гете», «вперед с Гете» и т. п. пролетариат совершенно иначе ставит проблему культурного наследства. Он хорошо помнит слова Ленина: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру,— без такого понимания нам этой задачи не разрешить»; но вместе с тем он не имеет нужды всех гениальных мыслителей поэтов, ученых превращать в прямых духовных предков Маркса. От этого не теряют ни марксизм ни великие тени прошлого. Следует лишь правильно уяснить, кем был данный мыслитель, что дала ему эпоха и что дал эпохе он; необходимо разобраться в творческом наследстве автора с точки зрения пролетарского революционера; нужно подвергнуть это наследство марксистско-ленинскому анализу, и тогда вопрос об историческом и современном значении данного мыслителя получит свой ответ.

---

[1]) См. G. Simmel Kant und Goethe, Brl, 1906 или K. Vorländer, «Kant, Schiller, Goethe», Lpz, 1907.

[2]) См. C. Horn, Goethe als Energetiker, Lpz. 1914.

[3]) R. Eiser, Geschichte des Monismus. Lpz., 1910, S. 49.

[4]) J. Barbey-D'Aurevilly, Goethe et Diderot, Paris, 1880, pp. 60—61.

[5]) Fr. Mauthner, Der Atheismus und seine Geschichte ins Abendlande, Band IV, Stuttg., 1923, SS. 73—86.

[6]) M. Seiling, Goethe und der Materialismus, Lpz., 1904.

* * *

Кем был Гете? — Великим художником слова! Этот ответ ничего не об'ясняет, ибо несомненно мы можем наряду с Гете назвать еще несколько имен великих художников слова. Ошибочно думать, что Гете можно понять, ограничившись историей литературы. Пусть сам Гете говорил, что «для философии в собственном смысле слова он не имел органа», он был и художником мысли.

Кем же был Гете, величавший себя «язычником» и «пантеистом»? Кем был Гете, которого современники и уже ближайшее поколение называли «олимпийцем» и «спинозистом»? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны посмотреть на ту почву, которая взрастила Гете и которую он же пытался вспахать.

Германия эпохи Гете, т. е. второй половины XVIII века и первой трети XIX века в социально экономическом отношении значительно отставала от таких стран, как Англия и Франция. В Англии буржуазный «великий бунт» 1641 г. так же как и компромиссная «славная революция» 1688 г. были уже давно позади. Промышленный переворот семидесятых годов XVIII века вызвал быстрое развертывание фабрик и заводов, и развертывание это проходило по расчищенному уже политически пути. У власти прочно стояли крупные буржуа и лендлорды, чередуя при двухпартийной системе политическое верховенство тори и вигов. Организованное рабочее движение было в пеленках, и чартизм еще не маячил впереди.

Франция, абсолютистская Франция, быстро шла к великой буржуазной революции. Если условно принять за веху 1751 г.— год выхода в свет первого тома энциклопедии Дидро и Даламбера, то вся вторая половина XVIII века уходит на материальную и духовную подготовку революции. При всем фракционном строении различных отрядов французской буржуазии,— буржуазный либерализм Вольтера, буржуазный радикализм «экономистов», буржуазный радикализм и революционаризм Гольбаха и Дидро, мелкобуржуазное республиканство Руссо,—ясно материально обусловленное направление их воли: от расшатывания политических и идейных устоев абсолютизма и католицизма — к уничтожению их как «тирании и фанатизма». Великая революция 1789 г., первая империя, реставрация Бурбонов в 1815 г. и даже июльская революция 1830 г., — все это прошло перед глазами одного поколения, поколения Гете.

И наряду с этим Германия,— вернее германские страны от Пруссии и Саксонии до карликовых «государств»,— Германия феодалов-князьков, феодалов-помещиков и мелкой буржуазии. Маркс в «Святом Максе» дал непревзойденную характеристику социально-политического положения Германии той эпохи: «Старое феодальное дворянство было большей частью уничтожено в крестьянских войнах; остались либо имперские князья двенадцатой величины, которые мало-помалу создали себе порядочную независимость и подражали абсолютной монархии в маленьком и провинциальном масштабе, либо более мелкие землевладельцы, которые просадили свое незначительное состояние при небольших дворах, а затем поступали на службу в маленькие армии и правительственные канцелярии, либо деревенские дворяне, ведшие такую жизнь, которой устыдился бы самый скромный английский сквайр или французский провинциальный барин. Земледелие велось способом, который не был ни парцелляцией ни большой культурой и который, несмотря на крепостную зависимость и барщину, не мог привести к эмансипации крестьян, с одной стороны, вследствие того, что этот способ производства сам не допускал образования деятельно революционного класса.

с другой — вследствие отсутствия соответствующей такому классу крестьянства революционной буржуазии» [1]).

Характеризуя раздробленность классовых мелочных интересов в Германии конца XVIII века, Маркс даже говорит не о классах, а о «бывших сословиях и еще не народившихся классах». Такие экономические условия делали невозможной политическую концентрацию, и раздробленности интересов соответствовала политическая раздробленность — мелкие княжества и вольные города. Напомним, что Гете был уроженцем подобного вольного города Франкфурта-на-Майне, а с начала четвертой четверти XVIII века переселился в Веймар — центр подобного мелкого княжества.

Как известно, это переселение последовало по приглашению Веймарского герцога, на службе у которого Гете отныне и состоял всю свою жизнь. Абсолютный монархизм в карликовых германских государствах принял искаженную полупатриархальную форму с неестественным разбуханием придворного и бюрократического аппарата. Таким придворным и по должности бюрократом оказался и Гете, ведавший одно время несколькими отраслями государственной работы и лишь после поездки в Италию, куда он буквально бежал от убожества Веймарской жизни в 1786 г. ограничившийся делом народного образования, науки и искусства. Неестественной силой бюрократизма Маркс об'ясняет и «так, как нигде, развитый «честный» чиновничий образ мыслей, и все распространенные в Германии иллюзии о государстве, а также кажущуюся независимость теоретиков от бюргеров — кажущееся противоречие между формой, в которой эти теоретики выражают интересы буржуа, и самыми этими интересами» [2]).

Во Франции материально обусловленные интересы буржуазии нашли свою адекватную форму в таком направлении мысли, каким был материализм и атеизм предреволюционной эпохи. В Германии в силу указанных выше экономических и политических условий произошел отрыв формы от содержания, получилось отделение теоретического выражения интересов от самих интересов, превращение материально-обусловленного направления воли французских буржуа в чистое самоопределение «свободной воли», что нашло свое лучшее выражение в «Критике практического разума» Канта с его постулатом нравственности в виде категорического императива.

Стихийно и независимо от сознания самих идеологов перенесение материальных интересов в сферу «чистой» мысли повлекло за собой необычайное и неповторимое в истории культивирование этой «чистой» мысли, а это имело в свою очередь два важных следствия. Политически это привело к тому, что, когда с запада стали надвигаться вместе с армиями Наполеона буржуазные порядки и в такой форме началась очистка феодальных немецких «авгиевых конюшен», немецкая мелкая буржуазия «отшатнулась от введения в жизнь этого энергичного буржуазного либерализма». Мечтания, иллюзии о либерализме заслонили собой реальное шествие буржуазного порядка. Немецкая буржуазия изливала свою ненависть по адресу Наполеона, а немецкие князьки «воображали, что борются за принцип законности против революции, в то время как они были не более, как оплачиваемые слуги английской буржуазии».

Только после июльской революции, в силу развития уже на капиталистических принципах международных отношений, втянувших в себя и германские страны, создались предпосылки для об'единения и обобщения разрозненных местных интересов немецкого бюргерства. «С 1840 г. немецкие буржуа начали помышлять об обеспечении этих общих интересов; они сделались националистами и либералами и потребовали охранительных пошлин

[1]) К. Маркс, Святой Макс, М., 1919 г., стр. 159.
[2]) Там же, стр. 160.

и конституций» [1]). До этого времени Гете уже не дожил, умерев 22 марта 1832 года.

Если таковы были политические следствия об'ективного отделения теоретического выражения интересов от самих интересов, то идеологически это вызвало колоссальное по количеству и гениальное по качеству развитие философских, литературных и художественных произведений. Вторая половина XVIII и первая треть XIX столетия по справедливости считаются классическим веком создания немецкой философии и литературы. Зажатые политической обстановкой сюда перенеслись жаркие битвы и схватки, здесь были нанесены решительные поражения старой «школьной» философии, здесь в идеологической области были одержаны решающие победы новыми силами. Совершенно иначе, чем во Франции, на ином идеологическом языке, на языке классического немецкого идеализма, шла подготовка к новым порядкам. Конечно нельзя забывать, что к сороковым годам XIX века идеализм, развивавший в противоположность старому метафизическому материализму, действенные стороны мировоззрения, оказался несостоятельным, конечно нужно помнить, что он был сметен материализмом в новой форме, но ясно, что первые проблески материалистической мысли у Д. Штрауса («Жизнь Иисуса», 1835 г.), что материализм Л. Фейербаха («Сущность христианства», 1841 г.) и наконец диалектический материализм первых пролетарских революционеров К. Маркса и Ф. Энгельса (1845—1846 гг.) были созданы именно на костях классического немецкого идеализма.

Гете не дожил до этой эпохи. При оценке его мы должны ограничить себя хронологическими рамками его жизни, которые, как сказано, совпадают с десятилетиями классической поры немецкой философии и литературы. Место, роль и значение философии классического немецкого идеализма достаточно выяснены, но недостаточно еще учитывают, какую роль при отделении формы интересов тогдашней немецкой буржуазии от содержания их играла классическая немецкая литература.

Мы не смешиваем истории литературы с историей философии, но тот разрыв, который существует между ними даже в наших условиях, дальше нетерпим. Во всяком случае при этом разрыве не может быть понят и сам Гете.

Вытеснение формы классовых интересов молодой немецкой буржуазии в сферу философии, оформление их там на абстрактном, доступном лишь специалистам языке шло параллельно во времени и, переплетаясь по содержанию, с вытеснением их в сферу художественной литературы. Больше того, являясь сродни философии, немецкая литература той эпохи как более «земная», если так можно выразиться, идеологическая надстройка, оказывалась более насыщенной в известных отношениях социальными моментами, то давая более высокие образцы буржуазного радикализма, то давая более осязательные примеры узкого филистерства и во всяком случае более эффективно воздействуя на современников.

Сжатые в тисках феодализма и абсолютизма крупнейшие немецкие поэты, подобно крупнейшим немецким философам, искавшим выход в идеалистической метафизике, бежали в мир искусства. По их мнению, «в лице искусства в жилищах светлых, вожделенных, где мы видим форм нетленных совершенство», живет то царство идеала, куда человек вынужден спасаться от «узких, душных земных сует», чтобы избавиться «от земной тоски». В мире красоты царит свобода мысли, исчезают оковы закона, стираются

[1]) Там же, стр. 162.

границы чувств; в нем избавление от тяжкого рабского прозябания, которое гнетет человека к земле» [1]).

Это несоответствие высокого взлета немецкой литературы тесной и крепкой клетке политической действительности тогдашней Германии прекрасно выражено Ф. Энгельсом: «Единственную надежду на лучшие времена видели в литературе. Эта позорная политическая и социальная эпоха была в то же самое время великой эпохой немецкой литературы. Около 1750 г. родились все великие умы Германии: поэты Гете и Шиллер, философы Кант и Фихте, а лет двадцать спустя — последний великий немецкий метафизик Гегель. Каждое замечательное произведение этой эпохи проникнуто духом протеста, возмущения против всего тогдашнего немецкого общества. Гете написал: «Геца фон-Берлихингена», драматическое восхваление памяти революционера. Шиллер написал: «Разбойников», прославляя великодушного молодого человека, об'явившего открытую войну всему обществу. Но это были их юношеские произведения. С годами они потеряли всякую надежду. Гете ограничивался наиболее смелыми сатирами, а Шиллер впал бы в отчаяние, если бы не нашел прибежища в науке, в особенности в великой истории древней Греции и Рима. По ним можно судить о всех остальных. Даже самые лучшие и самые сильные умы народа потеряли всякую надежду на будущее своей страны» [2]).

* * *

Немецкая философия и немецкая литература были таким образом тем убежищем, куда уходили от политической действительности сильнейшие умы Германии, но, с другой стороны, это убежище было вместе с тем и той кузницей, где выковывалось духовное оружие против старой Германии. Если нужно назвать два наиболее крупных имени, которые являются не только символами, но и вполне реальными величинами, то такими были философ Гегель и поэт Гете. Оба ушли почти одновременно — Гегель умер осенью 1831 г., Гете — весной 1832 г. С их смертью закрылась славная страница из истории немецкой мысли.

Мы говорим — поэт Гете. Действительно, поэт, художник в нем подчинял себе все остальное. Но Гете был не только поэтом. Подобно Гегелю, но на другой образец, он был одним из последних крупнейших полигисторов.

В интересующем нас контексте мы не можем говорить наряду с ф и л о с о ф и е й и и с к у с с т в о м о немецкой н а у к е той эпохи. Социально-экономическая действительность Германии того времени мало способствовала развитию естественных наук; это пришло позже, с видимой победой капитализма, и не случайно, что в век Гете едва ли не на первом месте в Германии стояли наиболее абстрактные математические работы, между прочим как раз та область науки, к которой Гете со своим художественным кругозором питал меньше всего склонности, чтобы не сказать больше.

Но отсюда не следует, что естественные науки были в загоне, или что Гете был чужд им. Напротив, мы говорили, что он был не только художником с л о в а, но и художником м ы с л и, а этого не могло бы быть, если бы он не вобрал в поле своего зрения значительных естественно-научных проблем. Однако, будучи естествоиспытателем в самом прямом смысле этого слова, Гете органически подчинял естественно-научные концепции своему художественному гению. Его полигисторство не следует представлять себе в виде некоего конгломерата знаний, шкафа, по полочкам которого разложены философские рассуждения, поэтические сборники и естественно-научные

[1]) Ф. М е р и н г, Фридрих Шиллер (сб. «Мировая литература и пролетариат», М., 1924 г., стр. 87).

[2]) Ф. Э н г е л ь с, Положение Германии (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 7).

трактаты. Он был поэтом-мыслителем и художником-наблюдателем, и этому были подчинены, этим определялись, этим направлялись его научные работы. Поэтому прав Герцен, когда в 1844 г. писал в своем дневнике: «Читал гетевские сочинения по части естествоведения, что за исполин. Нам следить невозможно за всем тем, что им сделано и как. Поэт не потерялся в натуралисте, его наука точно так же поэзия жизни, реализма, с таким же пантеистическим характером и с тою же глубиной. Теоретическим мыслителем, диалектиком (несомненно в смысле абстрактного по форме философа типа Фихте или Гегеля. — *И. Л.*) он не был» [1]).

Направление его естественно-научных занятий, самые проблемы в наиболее обобщенной форме, которые он ставил перед собой, обнаруживают чрезвычайную близость с направлением занятий другого писателя-художника—Дидро. При чтении естественно-научных работ Гете, точно так же как и относящихся к ним афоризмов, невольно встают в памяти заметки Дидро на «Элементы физиологии» Галлера.

Какова основная тематика и Гете, и Дидро? Природа едина, монистична, хотя и не монолитна. Отдельные «царства» природы—минеральное, растительное, животное при всей своей разобщенности составляют и выявляют единство природы. Это единство должно быть доказано естествознанием. Отсюда устремление внимания на с в я з и между отдельными «царствами» природы, и в особенности на связи между животными и человеком. В полной силе сохраняется и даже служит путеводной нитью и руководящим методологическим принципом старое положение Лейбница: «природа не делает скачков». Отсюда—поиски «недостающих» звеньев единой цепи всех существ и всех форм природы, и удовлетворение при нахождении промежуточных форм. Отсюда наконец — развитие м о р ф о л о г и и как особой научной ветви. Между прочим самое это слово «морфология» — учение о формах, было введено Гете.

Такова общая тематика и философов, и натуралистов (во Франции материалистов — Дидро и Робинэ, в Швейцарии — далеко непоследовательного материалиста Боннэ, в Германии — и Гердера, и Гете). Дидро, верный своей идее о единой цепи существ природы от протоплазмы через растение, животное к человеку ищет промежуточные формы между растением и животным и хочет найти их в плотоядном животном—мухоловке (Muscipula Dionea); Ламетри, верный той же идее, доказывает животное происхождение человека, полемически заостряя проблему: вы, картезианцы, говорите, что человек субстанциально отличается от животного, что животное — только машина; так вот же вам «Человек—машина» и даже больше—«Человек—растение». А если хотите знать, то и «Животные — больше чем машины» [2]).

Гете, быть может в более наукообразной форме, работает над проблемой, лежащей в плоскости той же общей тематики — показать сродство и единое происхождение человека и животных. Не приходится говорить, какое громадное антирелигиозное значение имела в то время эта проблема. Речь идет о так называемой межчелюстной кости (Os intermaxillare) у человека. У всех млекопитающих животных резцы прикреплены к межчелюстной кости, находящейся между обеими половинами верхней челюсти. У человека есть резцы, но нет этой кости! Правда, отдельные ученые указывали на ее рудименты, но господствующий взгляд отрицал ее существование, а отсюда делались выводы как об «еще одном» доказательстве коренного отличия человека от животных.

Утверждавший единство природы Гете не мог допустить такого ответа. Он много работал, наблюдая черепа различных животных и людей разных

[1]) А. И. Г е р ц е н, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 359.
[2]) Названия основных произведений Ламетри.

возрастов, делал систематические записи, составлял таблицы и наконец мог воскликнуть в письме к Гердеру: «Я нашел не золото, и не серебро, а Os intermaxillare у людей». В 1784 г. им был закончен «Опыт из сравнительной остеологии, о том, что межчелюстная кость свойственна человеку вместе с прочими животными», где было показано, что у человеческого плода, а затем и в раннем возрасте имеются в соответствующем виде межчелюстная кость, у более же взрослых происходит ее сращение с верхней челюстью. Рукопись Гете оставалась некоторое время ненапечатанной, признание наступило позже и притом не без борьбы [1]). Впоследствии же, как часто бывает, досужие исследователи поставили вопрос: кто первый сделал открытие. Оказалось, что французский физиолог Вик-Дазир в восьмидесятых годах, т. е. почти одновременно с Гете, высказал мысль о существовании межчелюстной кости у человека. По этому поводу Гете значительно позже (в 1816 г.) хорошо сказал: «Все благоглупости относительно «пре-и пост-оккупации» плагиатов и полузаимствований так ясны и представляются такими вздорными: что носится в воздухе и чего требует время, то может возникнуть одновременно в ста головах. Но на этом мы поставим точку, ибо со спором о приоритете дело обстоит так же, как со спором о легитимности: первичнее и правомернее только тот, кто может удержаться».

Примерно так же случилось и с гетевской позвоночной теорией черепа. В 1790 г. он пришел к заключению, правда в очень осторожной форме [2]), о том, что черепные кости представляют собою видоизменения верхних позвонков. Гете не опубликовал этих своих выводов. В 1807 г. шеллингианец Окен развивал в своей вступительной лекции в Иенском университете весьма близкие к Гете взгляды. Окен послал свой доклад Гете, и между ними велись даже устные беседы на эту тему. Гете опубликовал вкратце свою работу лишь в 1817—1820 гг. Это дало повод Шеллингу обвинять Окена в плагиате, последний же (полемика продолжалась и после смерти Гете) ответил уже ничем не обоснованным обвинением в плагиате Гете.

В настоящее время эти обвинения конечно потеряли всякий смысл, приоритет Гете доказан, но важнее отметить следующее. Гетевская позвоночная теория строения черепа играла большую роль в качестве рабочей гипотезы в первой половине XIX века, но затем была оставлена, в особенности после резкого выступления против нее Гексли [3]); у самого же Гете она свидетельствовала о дальнейшем стремлении выявить единство всего класса позвоночных при разнообразии отдельных форм.

Разработка принципа единства в многообразии форм привела Гете одновременно и к правильным и к неверным выводам. Если разнообразные формы сводились в единый морфологический ряд, то напрашивался вопрос статичен ли или динамичен этот ряд. Церковно-христианское воззрение, с которым долгое время шли вместе и научные взгляды, по существу здесь не видело никакого вопроса: «Виды столь различны, сколько различных форм создал бесконечный бог», — так говорил даже Линней, но Гете так отвечать не мог. Гете, для которого бог был природой, должен был ответить иначе: единая природа породила все эти разнообразные формы. Так один из основных принципов его мировоззрения привел его к правильной идее о непостоянстве, об изменчивости видов. Отсюда—гетевская концепция трансфор-

---

[1]) Земмерлинг в 1791 г. в своей книге о строении человека еще игнорировал открытие Гете. Блюменбах долго сопротивлялся, пока не убедился из собственных наблюдений в правильности утверждения Гете. См. R. Magnus, Goethe als Naturforscher, Lpz, 1906. SS. 104—112.

[2]) «В общем это можно высказать, но не доказать, в частностях это можно предуказать, но не в окончательной форме».

[3]) R. Magnus, Op. cit. SS. 115—121.

мизма, которая роднит его с передовыми умами века, в частности опять с тем же Дидро.

Идеи трансформизма Гете обусловили то, что некоторые исследователи увидели в нем предшественника Ламарка и Дарвина. Эта точка зрения в свою очередь и правильна, и неправильна. Правильна она в том отношении, что Гете не был согласен с взглядами, утверждавшими постоянство видов, но она неправильна в том смысле, что Гете нельзя считать ни дарвинистом до Дарвина, ни ламаркистом. Ближе всего его воззрения были к теориям Жоффруа Сент-Илера. Но у Гете его идеи трансформизма были увязаны прежде всего с его собственной концепцией «первотипов» или «праформ».

В поисках единства в многообразии форм он устанавливал для каждой группы органических явлений свой «первотип», причем долгое время было неясно, что имеется в данном случае в виду — некий ли идеальный тип или предок живых форм растений или животных. За второе говорят те термины, которые употреблял Гете: «прарастение» (Urpflanze) и «праживотное» (Urtier), а также и то, что Гете, склонный к мышлению в конкретных образах, наглядных представлениях, практически искал образцы таких прарастений. Об этом же говорит и его концепция метаморфоз растений, между прочим изложенная им в поэтической форме стихотворения. Все разнообразные формы растений Гете пытался об'яснить из развития основного органа — листа. Лист для него являлся прототипом всякого растения. Но если таким образом гетевский первотип считать генетическим предком современных растений, то это несомненно отдаляет его от Дарвина. Для последнего, пользуясь терминологией Гете, тип — следствие, случайно возникший продукт и удержанный в силу своей приспособленности; для Гете же тип необходимая основа для развития, для случайных вариаций, т. е. предпосылка [1]).

В девяностых годах XVIII века Гете, повидимому, оставляет генетическое понимание «первотипа» и останавливается на логическом понятии «праформы» как чистой и идеальной схемы, но такая «праформа» поистине оказывается чистым понятием, и вся концепция гетевского трансформизма приобретает идеалистическую установку. В этом конечно неверность выводов Гете. Таким образом, не вдаваясь в домыслы, предшественником какой именно эволюционной теории был Гете, следует ограничиться тем, что в век метафизического мышления, Гете, наряду с другими крупнейшими умами, возвысился до идеи трансформизма в ее самой общей форме, при чем это было подсказано ему его философской концепцией об единой активной природе.

Художник Гете, как мы уже говорили, определял Гете-натуралиста. Сколько бы мы ни выискивали в его научной биографии производимых им лично экспериментов, он был больше наблюдатель, чем экспериментатор. Быть может, по тогдашнему состоянию естествознания это и определило то, что он оказался более силен в биологической области, чем в физико-математической. К математике он относился скептически, физику несомненно недооценивал. В специальном небольшом трактате «Эксперимент как посредник между об'ектом и суб'ектом» он довольно подробно высказывает свои взгляды на экспериментальную работу. Он пишет: «Я сказал выше, что непосредственное применение эксперимента к доказательству какой-либо гипотезы я считаю крайне вредным; этим я дал понять, что посредственное его применение я признаю полезным». Но несмотря на эти оговорки, его отрицательное отношение к эксперименту бросается в глаза. Опыт в смысле наблюдения и затем собственные конструкции, — вот та точка зрения Гете, которая проглядывает в его трактате. Так он пишет: «Я решаюсь

[1]) К этому см. O. Schmidt, War Goethe ein Darwianer? 1871.

утверждать, что один эксперимент и даже несколько связанных между собою экспериментов ничего не доказывают, что нет ничего опаснее, как желание доказать какое-либо положение непосредственно-экспериментами, и что величайшие заблуждения возникли именно благодаря непониманию опасности и недостаточности этого метода» [1]).

В этой цитате сквозит упорно отстаивание Гете своей концепции цветов против теории Ньютона. Это — к счастью, один из немногих случаев, когда Гете-художник определенно вредил Гете-натуралисту. Гете подошел к проблеме цветов именно как художник природы, от проблемы света и тени, от проблемы колорита. Отправляясь от применяемого им же принципа полярности, он постулировал как некие сущности «чистый» свет и «чистую» тьму, все же цвета он об'яснял действием среды, через которую приходит свет или мрак. Среда была для него тем прафеноменом (Urphänomen), который и порождал различные цвета. Свет дает цвета желтый, желто-красный, тьма — синий и сине-красный. При соединении желто-красного и сине-красного получается пурпурный, в котором «потенцируются», т. е. доходят до высшей точки, свет и мрак; напротив, в зеленом цвете они нейтрализуются. Не приходится говорить, что эта концепция, сторонником которой был Шопенгауэр, в корне неверна и противоречит опытным и экспериментальным данным, хотя отдельные наблюдения Гете из этого же круга вопросов оказались плодотворными в специальной области физиологии зрения.

И поистине приходится только удивляться, как мог Гете упорствовать, отстаивая свою теорию цветов, как мог находить он по адресу Ньютона ехидные и даже необычайные для него грубые выражения [2]), как мог он ставить эту свою ошибочную теорию выше всего, что он создал как поэт. Незадолго до смерти он говорил Эккерману: «Что я сделал, как поэт, этим я совершенно не горжусь. Отличные поэты жили до меня и живут одновременно со мной. Более великие поэты были до меня и будут еще после меня. Но то, что я в мой век был единственным, кто нашел в трудном вопросе о цветах истину, этим я немало горжусь».

* * *

Как плодотворные, так и ошибочные конкретные естественно-научные взгляды Гете были подсказаны ему его основными философскими идеями. Но если Гете-натуралист шел на поводу у Гете-мыслителя, то Гете-мыслитель и философ — подчинялся во всем Гете-поэту. Это не значит, что он был поэтом «без мыслей», но это значит, как уже было сказано, что он был прежде всего художником мысли [3]). И так как область искусства и область философии были в Германии эпохи Гете в равной степени сферами, куда устремлялись молодые идеологи буржуазии, то поэзия Гете оказалась насыщенной философским содержанием. Чтобы разобраться в нем, необходимо сперва посмотреть, как Гете оценивал философское наследство своей эпохи, как относился он к современным ему системам, какие и в какой степени испытал он идейные влияния.

---

[1]) Трактат имеется в русском переводе в книге В. Лихтенштадта, «Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение». М., 1920 г., стр. 305—314.

[2]) В «Венецианских эпиграммах» Гете писал:

«Белое сделал Ньютон из всех красок. Он многое даже
Белым сам сделал, чему вы столетия верить могли.

Здесь непереводимая игра слов: weiss machen—сделать белым, weis machen—сделать мудрым, научить. Таким образом, во второй строчке ирония Гете: Ньютон многое «мудрым сам сделал, чему вы столетия верить могли».

[3]) В «Поэзии и правде» (кн. XIV) Гете пишет: «Хотя меня больше всего занимал художественный способ изображения, собственно и отвечающий моим природным склонностям, однако мне не было чуждо размышление о предметах всякого рода».

Гете не напрасно давно уже называли да и продолжают еще называть, спинозистом, потому что действительно тем мыслителем, который оказал на него решающее влияние, был Спиноза. Однако и в этом вопросе следует внимательно разобраться, чтобы определить границы влияния Спинозы на Гете.

Гете дважды специально размышлял над Спинозой, главным образом, если не единственно, над его «Этикой» — в первый раз около 1774 г. и во второй — около 1784 г. Он сам не скрывал того влияния и того импульса, которые он испытывал при чтении Спинозы. В автобиографической «Поэзии и правде» он прямо пишет: «Умом, который так решительно на меня подействовал и которому предстояло оказать столь великое влияние на весь мой образ мышления, был Спиноза. Осмотревшись по всему свету в тщетных поисках образовательного средства для моего странного существа, я напал наконец на его «Этику». Что я вычитал тогда из этого произведения, что я вчитал в него, в этом я не сумел бы дать отчета, но так или иначе я нашел здесь успокоение моих страстей, и казалось, что здесь раскрываются мне великие и свободные горизонты чувственного и нравственного мира».

Прежде всего встает вопрос, как мог холодный геометрический Спиноза со своим «не плакать, не смеяться, а понимать» привлечь вечно ищущего, беспокойного, то плачущего, то смеющегося Гете. Достаточно проштудировать главные произведения обоих мыслителей—«Этику» Спинозы и «Фауста» Гете, чтобы почувствовать все различие, больше — противоположность умонастроений, общих тонусов мировоззрения того и другого. Мысль Спинозы плавно течет от вначале принятых аксиом и постулатов, спокойно развертывается логическая цепь демонстраций в теоремах, схолиях и королляриях, рассуждение ведется more geometrico от общего к частному, никогда не спускаясь до наглядных представлений, уже в самом начале чувствуется твердая уверенность в конечных выводах, и в самом деле геометрическим оказывается способ изложения. Мысль Гете развивается вся в образах, в наглядных представлениях. Шиллер когда-то говорил, что в отличие от него, у которого сперва возникает идея и затем она нисходит до индивида, — Гете от индивида, т. е. от частного, отдельного, восходит до идеи, т. е. до общего. Наглядным представлениям Гете чужды абстрактные отношения; в своем восхождении к идее они связываются не логически, не геометрически, а динамически и так сказать органически. Его образы всегда в поисках, им свойственна не логическая демонстрация, а живое влечение, ни на миг не останавливающееся.

Обращает на себя внимание то место признаний Гете, где он говорит, что он не только «вычитывал» у Спинозы, но и «вчитывал в него». В другом месте тех же признаний Гете продолжает: «Да не подумают однако, что я мог бы подписаться под его (Спинозы) сочинениями и буквально с ними согласиться; я слишком ясно сознавал, что никто не понимает другого человека, что никто не связывает с теми же словами одной и той же мысли, что какая-либо беседа, какое-либо сопоставление возбуждает у разных лиц различный ход мыслей; и автору Вертера и Фауста поверят, что он, глубоко проникнутый убеждением в неизбежности такого непонимания, не питал дерзкой мысли вполне понять человека, который, как ученик Декарта, с помощью математической и раввинской культуры, поднялся до вершины мышления, по-видимому и в наши дни еще не достигнутой никакими умозрительными усилиями».

Если оставить в стороне скромность Гете относительно того, что он не претендовал на полное понимание Спинозы, то останется еще его непритязание на ортодоксальный спинозизм. И это несомненно верно. Тем не менее факт остается фактом: Гете прошел через сильнейшее влияние Спинозы, Спиноза вывел его из состояния вертеровской меланхолии, вертеровских юношеских страданий и навсегда освободил его от вертеровщины.

Сам Гете, который под старость видимо тоже задавался тем же вопросом, об'яснял это влияние Спинозы, исходя из своего принципа полярности. «Не нужно и здесь игнорировать, — писал он, — что собственно самые интимные связи возникают только из противоположностей. Всеуравнивающее спокойствие Спинозы составляло контраст с моим всевозбуждающим стремлением, его математический метод был противовесом моему поэтическому складу и способу изложения: именно то уложенное в правило трактование, которое находили не подходящим к нравственным предметам, сделало меня его горячим учеником, его решительнейшим почитателем».

Это несомненно в значительной степени так. Спиноза не отнял, не умертвил в Гете его поэтического художественного гения, не охладил его, не смирил и даже не успокоил, но придал ему устойчивость, подвел под него прочное основание, дал ему направление, усилил и укрепил. От Спинозы Гете получил не жесткую догму, неизменную систему, букву спинозизма, а, как это ни странно, новое, спинозистское вдохновение.

Спиноза преодолел декартовский дуализм бога и природы своим Deus sive natura (бог или природа). Отныне старый бог, сотворивший природу, в персональном ли качестве, или в качестве некоей надмировой причины, исчез без остатка, он оказался имманентным миру. Вместе с этим единая спинозовская субстанция, бог или природа, оказалась наделенной двумя атрибутами — протяжением и мышлением, и так как вне ее беспредельной и кроме ее всеоб'емлющей ничего и никого не было, она оказалась causa sui—причиной самой себя.

Так легко для своего времени разрешил Спиноза основной вопрос мировоззрения об отношении мышления к бытию, а вместе с тем и вековечную проблему надмировой сущности. Спинозовский ответ означал материализм, ибо мыслящая субстанция в силу своего атрибута протяжения была субстанцией протяженной, материальной, а вне ее никакой мысли быть не могло, ибо она была единой субстанцией. Вместе с тем спинозовский ответ означал атеизм, ибо, еще раз, его протяженная и мыслящая субстанция была субстанцией единой. И не напрасно уже с его эпохи укрепилось за ним прозвище великого атеиста, которое не могли и не могут отнять у него никакие благовоспитанные парикмахеры от философии, причесывающие Спинозу хотя и под пантеиста, но религиозно-мыслящего.

Этот основной и исходный пункт Спинозы «вычитал» у него и впитал в себя Гете, и постольку он спинозист. Для Гете, так же как и для Спинозы, нет бога вне природы, нет духа вне природы, нет мысли вне природы.

Чем был бы бог, лишь извне мир толкая,
Вращаться все вокруг пальца заставляя!
Ему мир двигать изнутри пристало,
В себе природу и себя в ней утверждать,
Так, чтоб всему живому в нем хватало
Всех сил ее, его же духа даровать.

Так выразил он эти основы спинозизма на своем поэтическом языке. Не раз повторял он то же несколько иначе: «Нет природы без духа и нет духа без природы». Таким образом у Гете, как и у Спинозы, устранялся дуализм бога и природы, так же как и дуализм протяженной и мыслящей субстанции.

Однако уже здесь, в этом исходном пункте, можно наметить некоторые нюансы. Спинозовское бог или природа представляет собою аналитическое единство; гетевское бог-природа является единством синтетическим. Бог или природа Спинозы как строгого логика теряет все свои божественные черты; в дальнейшем мы имеем дело только со спинозовской субстанцией. Бог-при-

рода поэта Гете продолжает оставаться наделенной божественными чертами. Отсюда идут две линии исторически интрепретируемого спинозизма: одна через Толанда, приводящая к французскому материализму, к «Системе природы» Гольбаха, столь же строгой, суровой, быть может сухой, но дающей основу единственно научному мировоззрению XVIII века, другая, через Лессинга или непосредственно идущая к Гете, к которому эпитет пантеиста идет значительно больше, чем к Спинозе.

При дальнейшем анализе вскрываются новые различия у Гете и Спинозы при одном и том же исходном пункте. Оба мыслителя стояли перед вопросом о связи единой природы, взятой в целом с отдельными индивидами, о происхождении индивидуальных вещей, о многообразии этой единой природы. Спиноза решал эту проблему целиком в стиле XVII века. Субстанция — это общее, отдельное же — это модус. Модусы находятся в субстанции, хотя субстанция и не равна сумме модусов, ибо субстанция как бесконечное вообще неделима. Спиноза, отправляясь от общего, не мог найти перехода к отдельностям; индивидуальное у него тонуло в общем. Его субстанция — не эмпирическая природа, а, как ее чрезвычайно метко охарактеризовал К. Маркс в «Святом семействе», «метафизически перевернутая природа в ее оторванности от человека».

Для того чтобы установить переход от субстанции к модусам, Спиноза создал новое понятие бесконечного модуса, которым для субстанции, взятой под атрибутом протяжения, было движение. В этом заключался коренной порок Спинозы: движение было не атрибутом, т. е. существенным свойством субстанции, но лишь модусом, хотя и бесконечным.

Субстанция выявляла себя как natura naturans, как природа производящая, мир же модусов — как natura naturata, как природа произведенная. Хотя природа и оставалась единой лишь в двух аспектах, но это не помогало уяснению связи и отношений между субстанцией и модусами, ибо первая оказывалась сущностью, вторые же — существованием, первая была вечна в смысле вневременности (и в этом метафизика Спинозы!), вторые же временны, а в совокупности вечны в смысле бесконечного течения во времени. Другого решения при условии вневременности субстанции и лишь модальности движения Спиноза и не мог дать.

Гете жил уже в другую эпоху. Как бы ни относился он к «Системе природы», но то, что было сделано со Спинозой Толандом и французскими материалистами, не могло пройти для него, сознательно или бессознательно, даром. Если мы на языке XVII века назовем гетевскую природу субстанцией, то она будет в сущности своей не только протяженной и мыслящей, но и движущейся, т. е. другими словами, без движения Гете не мог представить себе природу. Наличие движения и времени, в котором оно совершается, существенно меняло всю метафизическую картину. Многообразие в единстве получало свое основание в движении, в деятельности субстанции. Единство природы индивидуализировалось в отдельных и разнообразных вещах, в особенности если мы вспомним, что именно от отдельных вещей шел Гете к общему. Метафизичность природы испарялась, и она приобретала живые краски и конкретный характер. Но вместе с тем должно было исчезнуть и то, что подчас с правом носит название пантеизма Гете, а это-то и не произошло.

Если природа во времени создает своей деятельностью все существа, то встает вопрос, всегда ли было мышление, или оно появилось у материи, известным образом организованной — как сказали бы в XVIII веке, находящейся на известной ступени развития — как сказали бы в XIX веке.

Атрибутивность мышления субстанции Спинозы понятна, ибо, как сказано, движение у него было лишь модусом. Гете же, введя в природу деятельность, сохранил за ней в целом мышление. Этим было сужено понятие

развития, на его долю оставались лишь метаморфозы и восхождение форм по ступеням (Steigerung), но не развитие — в терминах XVIII века — из природы неживой природы живой, да и как же могло быть иначе, если дух уже всегда был свойствен природе. Поэт Гете и здесь развивался за счет Гете—философа-натуралиста.

На языке же мировоззрения это означало, что Гете стоял на точке зрения не активизации природы (это конечно было у Гете, и в этом его достоинство), но и одушевления и даже обожествления природы, что было рецидивом, пусть поэтическим, гилозоизма в конце XVIII и в начале XIX века.

Этот, как-будто исторический, спинозизм Гете для его эпохи означал уже выход за пределы спинозизма и значительный шаг к лейбницианству. Действительно в конце своей жизни Гете обнаруживает известное сближение с основами философии Лейбница. Сохраняя единство бога и природы, продолжая придерживаться взгляда на строгую закономерность всего сущего, он углубляет философский индивидуализм, стремится раскрыть характер индивидуального, отдельного, а, утверждая одушевленность всей природы, он должен признать одушевленность и всякой отдельности. Так, он пишет: «Я принимаю различные классы и порядки последних первоначальных составных частиц (Urbestandteile) всего сущего как исходные пункты всех явлений природы, которые я хотел бы назвать душами, потому что от них исходит одушевление всего, или, еще лучше, монадами». Называя эти первоначальные частицы иногда энтелехиями, иногда же монадами, Гете таким образом употребляет даже терминологию Лейбница. Но дело конечно не в терминологии, а в том, что эти монады-души, не теряя своей телесной видимости действительно, чрезвычайно приближаются к монадам Лейбница. Этого Гете никак не мог «вычитать» из Спинозы, это он мог только «вчитать» в него.

На языке философии это уже никак не может быть названо материализмом спинозовского толка, это уже есть значительный шаг к идеализму, даже к спиритуализму лейбницевского типа. Поэтому-то на вопрос, был ли Гете спинозистом, положительно и безоговорочно ответить нельзя. Влияние Спинозы было основным и решающим, но спинозизм у Гете был также искажен, изуродован и урезан немецкой действительностью. И если, по словам Маркса, Кант дал немецкую теорию Французской революции в том смысле, в каком мы говорили в начале нашего очерка, то можно сказать в этом же смысле, что Гете дал немецкую теорию спинозизма, пропитанную идеалистическим влиянием Лейбница, в то время как французскую теорию спинозизма дали такие материалисты, как Гольбах и его друзья.

* * *

После этого понятно, что Гете не мог солидаризироваться с «Системой природы» Гольбаха, хотя она тоже исходила из единой природы, активной, вечно движущейся и все созидающей материи, закономерно производящей все существа. Нам думается, что дело заключалось вовсе не в системе автора (Гете называет ее «мрачной и неутешительной», «очень неприглядной и невкусной квинт-эссенцией старчества»), его холодности и суровости, ибо этим ведь характеризуется и «Этика» Спинозы, — а в том, что Гете в то время был еще во власти сентиментального немецкого штюрмерства и что в нем уже тогда был силен тот идеализм, которого не мог уничтожить и столь повлиявший на него Спиноза.

С другой стороны, отнюдь не пытаясь хотя сколько-нибудь прикрасить Гете, мы должны сказать, что Гете был и суб'ективно слишком несправедлив к «Системе природы». Многое из того, что он прочел в 1771 г. в «Системе природы», он прочел несколько позже в 1774 г. в «Этике» Спинозы, и даже

больше: кое-что из того, что он писал в 1780 г. в своем фрагменте о природе под влиянием вычитанного из Спинозы и «вчитанного» в Спинозу, он прочел раньше у Гольбаха.

Возьмем на выборку два отрывка. Один гласит: «Природа! Мы окружены и об'яты ею, не способные ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть. Без просьб и предупреждений захватывает она нас в круговорот своей пляски и несется с нами, пока, утомленные, мы не ускользаем из ее об'ятий». Другой: «Человек—дело рук природы, он существует в природе, он подчинен ее законам, от которых он не может освободиться; он не может даже в мысли выйти из природы. Тщетно дух его желает ринуться за грани видимого мира,—он всегда вынужден вернуться обратно». Первый отрывок принадлежит Гете 1780 г., второй—Гольбаху 1770 г. Первым начинается фрагмент «Природа», вторым начинается первая глава «Системы природы». Возьмем еще два отрывка; первый: «Все во вселенной находится в движении. Сущность природы заключается в том, чтобы действовать; если мы станем внимательно рассматривать ее части, мы увидим, что из них нет ни одной, которая находилась бы в абсолютном покое... Эта совокупность раскрывает перед нами лишь необ'ятную и непрерывную цепь причин и следствий». Второй: «В ней (природе) вечная жизнь, становление и движение, и все же она не подвигается дальше. Она вечно превращается и ни одно мгновение не стоит на месте. Она не знает неподвижности и проклятием своим заклеймила она застой. Она тверда. Поступь ее мерна, ее исключения редки, законы ее непреложны» На этот раз первый отрывок взят нами из второй главы «Системы природы», второй — из того же фрагмента Гете.

При тончайших нюансах нельзя не заметить известного сходства во взглядах обоих авторов, а между тем Гете говорил, что он «не имел духа дочитать всю книгу до конца вследствие того, что она разбивала надежды с первых же страниц».

Если специфически немецкий характер гетевского спинозизма сделал для него неприемлемой материалистическую и атеистическую «Систему природы» французских материалистов, то тот же Спиноза навсегда внушил ему отвращение к старой немецкой школьной философии, ко всем эпигонам даже не Лейбница, а его своеобразного Вагнера—Вольфа.

Немецкая популярная и школьная философия, так же как и немецкая философия здравого смысла, вызывала у него лишь ироническое отношение. О первой он отзывался так: «Школьная философия, которой всегда можно поставить в заслугу распределение по отдельным рубрикам всего, о чем только может спросить человек, сделалась чуждою массе людей, неудобоваримою и наконец ненужною вследствие темноты и видимой бесполезности своего содержания, вследствие несвоевременного применения методы, самой по себе почтенной, и вследствие чрезмерного распространения на множество предметов [1]).

В этих строках сквозит видимая ирония по поводу того, что школьная философия вольфианской ветви всегда имела готовый ответ на все вопросы и о таких метафизических сущностях, как бог, свободная воля, бессмертная душа, говорила, как об опытных вещах.

Еще более иронии влагает Гете в слова Мефистофеля, которыми он характеризует ученику Фауста суть традиционной церковной философии, ее схоластический дух:

Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.
Словами диспуты ведутся,

[1]) «Поэзия и правда», ч. 2-я, 1923 г., стр. 51.

Из слов системы создаются;
Словам должны вы доверять:
В словах нельзя ни иоты изменять.

Не лучше отношение Гете и к философии здравого смысла: «Каждый,— пишет он по адресу этой философии, — имел право не только философствовать, но мало-помалу и счесть себя за философа. Философия представляла поэтому не что иное, как более или менее здравый и вышколенный человеческий рассудок, который отважился вступить в область общего и высказаться о внутреннем и внешнем опыте. Ясное остроумие и особая умеренность, причем средний путь и терпимость ко всем мнениям считались за правильное поведение, доставили таким сочинениям и устным выражениям уважение и доверие, и таким образом философы в конце концов оказались во всех факультетах и даже во всех сословиях и ремеслах» [1]).

Такое отношение Гете, почувствовавшего всю глубину Спинозы, к пигмеям немецкой традиционной философии XVIII века вполне понятно. Он был на много голов выше их, и не у них было ему чему-либо учиться. Иное дело его отношение к корифеям немецкого идеализма, к Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю, из которых одни были его старшими, а другие младшими современниками.

По поводу отношения Гете к Канту написано немало страниц. Известно, что неокантианские историки философии отличаются чрезвычайными стараниями «кантизировать» все докантовское развитие мысли. В данном случае они исходят из кое-каких высказываний Гете в последние годы его жизни. Так, на вопрос Эккермана, кого он считает наиболее крупным из современных философов, Гете ответил: «Кант, без сомнения, наиболее велик. Он влиял также и на вас, хотя вы его и не читали. Теперь вам уже нет надобности читать его, так как тем, что он вам мог дать, вы уже обладаете. Если однако позже вы захотите прочесть какое-либо его произведение, я вам рекомендую «Критику способности суждения», в которой трактуется превосходно риторика, средне—поэзия и недостаточно—изящные искусства. Кант никогда не завладевал мной, хотя моя натура заставляла меня следовать по пути, сходному с его путем». Гете говорил, что хотя он написал свои «Метаморфозы растений» раньше, чем он что-либо узнал о Канте, но они написаны всецело в духе Канта. Наконец в набросках «Zur Morphologie» (1817 — 1820) Гете выражался как будто еще сильнее и определеннее. Так он писал, что «одобрял своих друзей, утверждавших вместе с Кантом, что хотя все наше познание и начинается с опыта, оно тем не менее не проистекает целиком из опыта. Априорные познания я тоже допускал, также и синтетические суждения a priori».

Наибольшее впечатление на Гете произвела «Критика способности суждения». Его подкупало то, что в этом сочинении «произведения природы и искусства трактуются одинаково». «Внутренняя жизнь искусства, как и природы, — писал Гете о «Критике способности суждения», — их обоюдная деятельность изнутри наружу, была ясно выражена в книге. Создания этих двух бесконечных миров об'являлись существующими ради самих себя, и то, что стояло р я д о м, было таковым, пожалуй, одно д л я другого, но никак не в смысле цели, не одно р а д и другого» [2]).

Следует ли отсюда что Гете был кантианец, как того хотелось бы неокантианцам конца XIX и начала XX века? Мы полагаем, что это не следует, да и вообще было бы неправильно этот серьезный вопрос решать лишь на

[1]) «Поэзия и правда», ч. 2-я, 1923 г., стр. 51.
[2]) Отрывки из «Zur Morphologie» переведены по-русски в книге В. Лихтенштадта «Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение», 1920 г.

основании специальных высказываний. Материал таких высказываний является побочным, хотя бы высказывания принадлежали и самому Гете. Дело в том, что если внимательно отнестись даже к этому самому материалу, мы найдем в нем и другие нотки. Сам Гете неоднократно говорил, что он не встречал никакого сочувствия у кантианцев, т. е. у кантианцев-современников, которых не следует смешивать с их эпигонами второй половины XIX века и которые во всяком случае были более верны духу исторического Канта, чем позднейшие неокантианцы.

В цитированных уже набросках Гете пишет: «Меня радовало, что поэзия и сравнительное природоведение связаны между собой таким близким родством: оба подвластны одной и той же способности суждения. Страстно увлекшись этими вопросами, я тем быстрее шел своими путями, что сам не знал, куда они ведут, и что у кантианцев я находил мало сочувственных отзвуков тому, что и как я присваивал себе. Ибо я высказывал только то, что было пробуждено во мне, а не то, что я прочел». В этом все дело! Если уже ставить проблему Гете—Кант, то необходимо считаться с тем что Гете не столько «вычитывал» из книг, сколько «вчитывал» в них. И если так было даже со Спинозой у молодого Гете, то с Кантом у старого Гете это «вчитывание» было в еще большей степени. Поэтому-то, когда Гете, как он выражается, хотел приблизиться к ученикам Канта, то «не раз случалось, что тот или иной с улыбкой изумления признавался, что это правда аналог кантовского способа представления, но диковинный аналог». Ф. Шиллер же, который прекрасно понимал Канта, будучи сам его последователем, и в то же время не менее прекрасно знал Гете, его мировоззрение, направление и склад его ума, отклонял Гете от изучения Канта, утверждая, что последний ничего не может дать Гете.

К высказываниям Гете о Канте мы должны подходить очень осторожно, учитывая не только его знаки уважения перед Кантом, но и такие например выражения: «с Гердером я не мог согласиться, но и за Кантом не мог следовать». Ряд его высказываний прямо свидетельствует о том, что он не понимал и не был способен (к счастью для него,— прибавим мы от себя) понять ни структуры ни умонастроения Канта. Так например после выражения всяческих знаков уважения перед Кантом он говорил: «но он (Кант) не замкнул круга. После него осталось выполнить еще два больших дела. Нужно было бы, чтобы кто-либо, столь же замечательный, как и Кант, написал еще критику чувств и критику человеческого рассудка; и если бы обе эти книги были хорошо выполнены, то немецкой философии не осталось бы многого желать». Из этого видно, что Гете или вовсе не понял, что у Канта критика чувственности дана в трансцендентальной эстетике, а критика рассудка в трансцендентальной аналитике той же «Критики чистого разума», или, что, поняв и зная это, он отнюдь не был согласен с кантовским решением этих проблем. Но и тот и другой вывод одинаково свидетельствуют о том, что философия Канта была чужда Гете.

В плоскости общей постановки проблемы Гете — Кант особенно характерно письмо, которое Гете писал веймарской наследной герцогине 31 декабря 1816 г., где он упрекает Канта за то, что у того «в качестве главнейших сил нашей способности представления приводятся чувственность, рассудок и разум, фантазия же забывается, благодаря чему получается непоправимый пробел. Фантазия — четвертая главная сила нашего духовного существа; она дополняет чувственность в форме памяти, она доставляет рассудку миросозерцание в форме опыта, она оформляет или находит образы для идей разума... Фантазия витает над чувственностью и притягивается ею, но как только она замечает вверху разум, она тесно примыкает к этому высшему руководителю... Все украшающая

фантазия непрерывно становится все прекраснее по мере приближения к чувственности, все достойнее — по мере соединения с разумом» [1]).

Уже из этого отрывка видно, что Гете не был кантианцем. Оставляя в стороне вообще метафизическое расчленение, как тогда говорили, способностей души, видно, что художник и поэт Гете не мог уложиться в три указанные Кантом способности. Фантазия — вот то, без чего не мог обойтись Гете и что было для него по существу основной и решающей способностью. Но вместе с тем он пытался найти ей подобающее место, и нужно сказать, что, употребляя терминологию эпохи, Гете сделал это наиболее удачно: фантазия не выходит ни за пределы чувственности, «притягиваясь ею» и наполняя свои образы конкретным и красочным содержанием, ни за пределы разума, «примыкая к нему» и получая от него для своих образов обобщающие идеи. Чувственность удерживает фантазию от умозрения, от мистики, допуская однако обилие мифологических образов, разум не дает ей впасть в своеобразный фантастический эмпиризм наподобие магии и алхимии, допуская однако широкие натурфилософские обобщения.

Один из старых исследователей Гете Э. Каро, отрицающий какие-либо элементы кантианства у Гете, склонен считать высказывания Гете по адресу Канта исключительно данью уважения первого перед философским культом своего друга Шиллера [2]). Как бы то ни было, но действительно видеть в мировоззрении Гете хотя бы элементы кантианства значит не понимать ни Канта ни Гете. В самом деле, что ставит Гете в заслугу Канту в смысле того, что можно было бы истолковать как влияние последнего на Гете? Разделение суб'екта и об'екта, соотношение между анализом и синтезом и наконец ненависть к «конечным причинам», вернее к конечным целям.

Однако ненависть к конечным целям, вообще к телеологии, несомненно внушил Гете значительно раньше Спиноза, Кант же как раз со своим царством целей этого сделать не мог. Между прочим сам Гете писал об этом в письме к Цельтеру 29 января 1830 г. как раз в связи с Кантом: «Так и Спиноза еще раньше утвердил меня в ненависти к нелепым «конечным причинам». Природа и искусство слишком велики для того, чтобы ставить себе цели, да и не нуждаются в этом, ибо отношения существуют везде, а отношения и есть жизнь».

Что касается соотношения анализа и синтеза, то и в данном случае Гете совершенно напрасно приписывает это Канту. Диалектического единства анализа и синтеза, что утверждал Гете, у Канта нет. Уже если у кого из своих современников и мог бы искать это Гете, то у Гегеля, а никак не у Канта. В данном случае мы снова стоим перед «вчитыванием», а не «вычитыванием» Гете. Он сам пишет: «Ведь и сам я в течение всей своей жизни, в поэтическом творчестве и в наблюдении, действовал то синтетически, то аналитически, на систолу и диастолу человеческого духа я смотрел как на второе дыхание, никогда не раздельное, всегда пульсирующее» [3]). Это рассуждение куда ближе например к такому краткому положению Гегеля: «Философский метод столь же аналитичен, сколь и синтетичен; однако это нужно понимать не в том смысле, что эти два момента конечного познания идут рядом или только чередуются, а нужно понимать так, что философский метод содержит их внутри себя, как снятые, и соответственно с этим он в каждом своем движении в одно и то же время аналогичен и синтетичен» [4]).

Наконец приписывать Канту то, что он научил Гете разделять суб'ект и об'ект, совершенно невозможно. Узко гносеологическая точка зрения

---

[1]) Это письмо приведено на русском языке в той же книге Лихтенштадта.
[2]) E. Caro, La philosophie de Goethe, Paris, 1886 pp. 61 sq.
[3]) Из цитированного уже наброска в «Zur Morphologie».
[4]) Гегель, Энциклопедия философских наук, т. I, прибавление к § 238.

всегда была чужда Гете. О том же об'екте и суб'екте он мыслил не в гносеологической плоскости кантианства, а в онтологической плоскости Спинозы и, если угодно, Лейбница. Не об'ект и суб'ект, а природа и индивид — вот те понятия, которыми оперировал Гете. Поэтому-то ему, который в человеке видел часть той же природы, казалось столь нелепым кантианское представление о непознаваемости природы.

Что специфического в философии Канта, в его трансцендентальном идеализме? Априорные функции познания, априоризм, синтетические суждения a priori; отсюда — феноменализм, признание непознаваемости вещи в себе, утверждение, что познание распространяется лишь на наши представления, совокупность которых и составляет опыт; отсюда же полное исключение идеи развития, вообще историзма, а стало быть и историзма в познании (мы не говорим о докритическом Канте). Но если брать проблему по существу, то как раз эти устои исторического кантианства нацело отвергал Гете. Наблюдение природы, апостериорность в совокупности с фантазией в гетевском, охарактеризованном выше смысле слова, глубокое убеждение в доступности природы для познания, твердая уверенность в движении, развитии природы, даже историзм познания — вот устои мировоззрения Гете, как бы прямо направленные против Канта. И если один из основных принципов Канта — метафизическое расчленение действительности на внутреннее и внешнее, вещь в себе и явление было на идеалистическом языке подвергнуто уничтожающей критике и осмеянию со стороны Гегеля, то не меньшую критику, осмеяние и даже негодование вызвала эта же метафизика у Гете. Известна негодующая отповедь Гете А. фон-Галлеру под характерным заглавием «Несомненно»:

«Природы глубина» —
Мещанам проклятья! —
«Наш дух тебя не взроет»
И я, и братья
От сей тщеты словесной
Пребудем в стороне;
Мы знаем: повсеместно
Мы в глубине.
«Блажен, кому она
Лишь скорлупу откроет!»
Я это шесть десятков лет слыхал,
Хоть в тайне, но негодовал.
Но ты скажи тысячу раз в ответ,
И обильна она и щедра.
Нет у природы ядра
И скорлупы нет.
Все она сразу, вот мой ответ! [1]).

Некоторые комментаторы-идеалисты утверждают, что и Кант оспаривал бы положение Галлера, так как оно было для Канта бессмысленным, ибо природа для него лишь явление, т. е. представление суб'екта, и стало быть вовсе не имеет ничего внутреннего [2]), но в этом случае Гете еще дальше от Канта. Он не мог примириться с метафизическим рассечением природы на явления и непознаваемую сущность, тем менее был он склонен к суб'ективному идеализму. Последним определяется его отношение к второму представителю классического немецкого идеализма — Фихте, к которому он был глубоко равнодушен.

[1]) Перевод В. Гиппиуса. В кавычках — приводимые Гете слова Галлера.
[2]) Перевод В. Гиппиуса. G. Simmel, Kant und Goethe, Brl., 1906, pp. 16 sq.

Что касается Шеллинга, то и он и натурфилософы его школы также не привлекали к себе внимания Гете, хотя некоторые точки соприкосновения с ними у последнего в его естественно-научных работах и были, как мы уже имели случай убедиться в вопросе о позвоночной теории черепа.

Проблема Гете и Гегель требовала бы специального рассмотрения. Гете и Гегель обменивались письмами и встречались, в особенности тогда, когда Гегель профессорствовал в Иене, а Гете по должности принимал некоторое участие в судьбе профессора. Отношения их были неизменно дружескими. Но конечно не эта сторона дела интересует нас. Нам представляется неправомерным говорить о каком-либо влиянии одного на другого. Гете никогда не ссылался в своих теоретических работах на Гегеля и вряд ли внимательно читал работы последнего. Гегель, как известно, местами цитировал Гете и по справедливости находил в них художественные иллюстрации к своим диалектическим положениям.

Действительно не подлежит сомнению, что в ряде проблем, по складу своего мышления Гете и Гегель были конгениальны и, живя в одну и ту же эпоху, говорили подчас одно и то же на разных языках — один на философском языке, другой — на художественном.

К Гете никоим образом нельзя пред'являть требования излагать философские положения в систематическом, строго логическом порядке. В этом смысле он был так же далек от систематичности, как его французский собрат Дидро. Но в афоризмах, в максимах у него заключены такие блестки мысли, которые нельзя назвать иначе, как диалектическими. Однако это действительно лишь несистематизированные, разрозненные б л е с т к и. Было бы утомительным педантством, не согласующимся со строем мышления Гете, находить его мыслям соответствующие места в «Науке логики» Гегеля. Нужно предоставить это дело ортодоксальным гегельянцам, но, право, в некоторых случаях трудно определить, откуда взяты отдельные мысли — из логики ли Гегеля, или из афоризмов Гете.

Мы видели уже решение Гете проблемы внутреннего и внешнего, проблемы анализа и синтеза. Так же диалектически решает он и проблемы опыта и и идеи. Против эмпириков Гете остроумно говорит: те, «кто исключительно превозносят опыт», «не хотят понять, что опыт только половина опыта». Что же необходимо, чтобы опыт был завершен? Нужны понятия и идеи. «Понятие — и т о г, идея — р е з у л ь т а т опыта, чтобы подвести этот итог, нужен рассудок; чтобы охватить этот результат, нужен разум». Но единство опыта и идеи не может быть найдено в их простой, так сказать арифметической сумме: «идея и опыт никогда не встретятся на полпути; соединить их можно лишь искусством и п р а к т и к о й».

Уже из этих афоризмов видно, что Гете не было чуждо различие рассудка (понятия) и разума (идеи), причем в этом различии он действительно конгениален Гегелю. «Разум, — говорит Гете, — имеет дело со становящимся, рассудок — со ставшим; первый не беспокоится о вопросе: к чему? — второй не спрашивает: откуда? Разум радуется развитию; рассудок желает все запретить, чтобы использовать».

Таким образом рассудок олицетворяет собою формально-логический метод мышления, фиксирование прочных и жестких определений; разум — диалектический метод мышления, единственно способный осмыслить развитие. И обозревая современную ему традиционную философию, Гете приходит к выводу, что, «в сущности говоря, вся философия есть лишь человеческий рассудок на туманном языке». Поэтому-то не прельщала его к себе эта философия. А отождествляя философию с метафизикой в гегелевском понимании этого слова и поднимаясь сам до элементов диалектического мышления, он полагал, что последнее вообще не может быть выражено философской

прозой и место ему в искусстве, в поэзии. В этом смысле замечательна его фраза: «Я почти и сам начинаю верить, что быть может одной поэзии удалось бы выразить такие тайны, которые в прозе обыкновенно кажутся абсурдом, так как их можно выразить только в противоречиях, не приемлемых для человеческого рассудка». Спасение в диалектике, ибо «диалектика — развитие духа противоречия, который дан человеку, чтобы он учился познавать различие вещей».

* * *

Так мы можем сказать, что домарксистская диалектика подготавливалась и оформлялась не только в классическом немецком идеализме, прежде всего в лице Гегеля, но и в классической немецкой литературе в лице Гете. Как же учился Гете диалектически «познавать различие вещей»? Для этого мы должны обратиться прежде всего к его творческому наследству.

Рассмотрим же теперь вкратце в порядке положительного изложения основные линии мировоззрения Гете. Первый вопрос, встающий перед нами, — был ли Гете материалистом или идеалистом? Известны основоположные слова Ф. Энгельса: «великим, основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые следовательно так или иначе признавали сотворение мира.... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма. Ничего другого и не заключают в себе выражения: идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смысле [1]).

Если бы мы задали этот первоначальный вопрос Гете, он очевидно был бы немало изумлен. Факт изначального бытия природы был для него вне всяких сомнений. Могут конечно сказать, что это обычная точка зрения здравого смысла, сославшись при этом на слова Гете Эккерману 4 февраля 1829 г.: «Я всегда держался вдали от философии. Точка зрения здорового человеческого рассудка была также и моей точкой зрения». Но мы всем предшествующим изложением уже показали, как поистине был далек Гете от точки зрения здравого смысла, этой «совокупности предрассудков эпохи».

Гете по существу принимал указанную исходную материалистическую позицию. Тем самым ему представлялись нелепыми и абсурдными взгляды суб'ективных идеалистов. Характерен в этом отношении случай, рассказываемый Шопенгауэром идеалистам, принимавшим гетевское учение о цветах: «Этот Гете, — рассказывает Шопенгауэр, — был до такой степени реалистом, что прямо не способен был понять, что об'екты как таковые существуют лишь постольку, поскольку они представляются познающим суб'ектом. — Что, — сказал он мне раз, взглянув на меня своими глазами Юпитера, — свет существует по-вашему лишь постольку, поскольку вы видите его? Нет! В а с не было бы, если бы свет вас не видел!» В этой несколько афористической форме Гете дал ответ материалиста: свет существует об'ективно, и как об'ект он первичнее познающего суб'екта.

Таким образом мы уже должны были бы сказать, что Гете принадлежит к тем, кто, признавая основным началом природу, составляет материалистический лагерь. Но Энгельс правильно говорит о «различных школах материализма». Здесь-то и начинается по существу проблема. Мы видели уже отрицательное отношение Гете к французским материалистам, к материалистам метафизического, механистического, исторически обусловленного направле-

[1]) Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, гл. II.

ния. Мы видели уже ряд диалектических положений в методологическом арсенале Гете. Понятно поэтому, что он не мог быть сторонником механического материализма. В одном своем сочинении он выражается так: «Диалектический способ представления: становящееся, действенное, возбуждающее, поступательно движущееся, производящее. Атомистический способ представления: ставшее, пассивное, возбудимое, покоящееся, произведенное». В механическом, атомистическом материализме своего времени он видел мертвенность и пассивность; он не мог усмотреть в механических законах тайны всего многообразия природы, жизни, деятельности, познания. Фауст говорит:

При свете дня покрыта тайны мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами!
Увы, чего не мог постигнуть ты душой,
Не об'яснить тебе винтом и рычагами!

На первый взгляд может показаться, что налицо исключающее противоречие между материей, природой, «опредмеченной» в винтах и рычагах, и духом, персонифицированным в душе Фауста. Но это неверно. Здесь нет исключающей, субстанциальной противоположности между материей и духом. Спинозовский монизм, как мы видели, определил и монизм Гете. Первична и изначальна единая природа, синтезирующая в себе и материю и дух. Вне ее нет ничего, «мы окружены и об'яты ею». «Она творит вечно новые формы» и сознание, дух, человеческая душа — это также формы природы, ее произведения. «Она живет только в детях, а кто скажет — где мать? Она единственный художник: из простейшего материала — к величайшим контрастам, без следа напряжения — к величайшей законченности, к точнейшей определенности, всегда облеченной в мягкие формы. У каждого из ее созданий особый характер, у каждого из явлений — обособленное содержание; и однако все вместе составляет единое целое» [1]).

Всеохватывающая и всесозидающая природа создала и вмещает в себя все существа от простейших животных до человека:

О, вечный сеятель, природа!
Даруешь всем ты сладостную жизнь;
Всех чад своих, любя, ты наделила
Наследством хижины приютной.
Высоко на карнизе храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилает,
Лепя свое гнездо.
Червяк, заткав живую ветку,
Готовит зимнее жилище
Своей семье.
А ты среди великих
Минувшего развалин
Для нужд своих житейских
Шалаш свой ставишь, человек, —
И счастлив над гробами [2]).

Но если природа содержит в себе все сущее, так сказать с маленькой буквы, то исключает ли это еще «сущее» с большой буквы, т. е. то, что обычно под этим скрывается у мыслителей-деистов,— бог, божество, высшее

[1]) Гете, Природа. Напечатано по-русски в книге В. Лихтенштадта. «Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение», М., 1920.
[2]) Гете, Странник, перевод В. Жуковского.

трансцендентное существо? Если сверх природы, даже наряду с ней Гете признавал некое существо, то рушится всякая его материалистическая основа. Если сверх природы нет никакого существа, никакого принципа, никакой идеи, — то на данном этапе его материализм спасен. На этот вопрос может быть лишь один ответ, и мы его уже слышали, когда говорили о Гете в связи со Спинозой и Лейбницем. Для Гете нет никакого сверхмирового существа, для него бог и есть природа. Это диссоциативное единство бога-природы составляет краеугольный камень мировоззрения Гете.

Отсюда уже понятно, что Гете не мог примыкать ни к какому конфессиональному направлению религиозной мысли. Гете говорил о себе: «как поэт и художник я политеист, как естествоиспытатель я пантеист, и одно столь же решительно, как другое», называл себя «язычником». Ясно, что он ни в какой мере не мог быть христианином.

Можно было бы привести много его стихотворных высказываний, весьма едких и насмешливых, направленных против культа и духовенства христиан. В особенности их много рассыпано в «Венецианских эпиграммах», когда Гете было около 40 лет, и потому их никак нельзя отнести за счет беспечного и «богохульного» юноши.

С нунцием видим мы дожа в торжественном шествии рядом;
Оба Христа погребают; прелат прилагает печать.
Что себе думает дож, — я не знаю; прелат же наверно
Внутренне сам же смеется над видом серьезным своим.

Не хуже молодой итальянской буржуазии так называемой эпохи Возрождения Гете осмеивает «человеческие слабости», стяжательство, корыстолюбие и лицемерие христианской церкви. Во второй части Фауста архиепископ говорит императору:

Сознай грехи свои, смирись, покайся в них
И церкви удели владений часть своих!
То место, где шатер стоял и где витали
Над вами духи зла и в битве помогали
И где шептал тебе советы чародей,
Отдать всевышнему теперь не пожалей!
Отдай ты гору нам и лес вокруг пространный,
И этот тихий дол с соседнею поляной,
Озера, рыбою богатые твои,
И с гор бегущие прозрачные ручьи.
Все это церкви дай ты в полное владенье:
Тогда, покаявшись, получишь ты прощенье [1]).

И когда император соглашается на все это, архиепископ требует, «чтоб велелепие во храме процветало», еще специального оброка, денег, строительных материалов и перевозки их; «но впрочем, — говорит он, — мы народ сумеем убедить бесплатно это все для нас перевозить». Уйдя, он вновь возвращается, так как забыл еще одно: «Кудеснику тому (Фаусту) ты берег моря дал — вели же и ему платить навеки нам и неба властелину в оброк из всех своих доходов десятину».

Однако Гете не ограничивается только суждением христианского духовенства. Он больше чем антиклерикал. Он отрицает и христианскую догматику, давая острую критику таинств («Поэзия и правда», кн. 7-я), и весь дух христианства, как это видно из следующих гекзаметров цикла венецианских эпиграмм:

[1]) «Фауст», перевод Холодковского, «Шатер враждебного императора».

«Козлища, станьте налево!—промолвит судья всемогущий,—
Вы же, овечки, извольте по правую руку стоять!»
Ладно, надеюсь, однако, что скажет потом он разумным —
Как перед истиной, прямо вы станьте против меня.

И даже больше:

Много могу я снести, и большое тяжелое бремя
С мужеством я уж терплю, как дар божества,
Только четыре однако, как яд мне змеиный противны,
Это: клопы, дым табачный, чеснок и наш -|-.

Значит не так уж не прав был тот учитель-пиэтист, о котором рассказывает в «Письмах из Вупперталя» молодой Ф. Энгельс и который на вопрос ученика IV класса: «кто был Гете?» коротко и убежденно ответил—«безбожник!» Энгельс правильно говорит: «Гете неохотно имел дело с богом; от этого слова ему делалось не по себе; он чувствовал себя как дома только в человеческом, и эта человечность, это освобождение искусства от оков религии именно и составляет величие Гете» [1]).

Но можем ли мы на основании всего этого назвать Гете атеистом? Нет, этого сделать нельзя. Наименование Гете самим себя пантеистом и политеистом, конечно, не должно быть принимаемо буквально, в том смысле, что Гете населял природу некиими личными божествами. Обильные заимствования Гете в своей поэзии из античной мифологии — не более как поэтические образы, персонифицированные идеи, но мы не должны забывать и того, что Гете дал «немецкую теорию спинозизма».

Ф. Маутнер прав, когда он говорит, что на место христианской мистики, единства в боге и с богом Гете дал единство в природе и единство человека с природой [2]), но лейбницианские мотивы у Гете были настолько сильны, что, одушевляя природу и все ее элементы, он ее и обожествлял. Это не дает права Э. Бартелю зачислять Гете в теисты [3]), ибо для теизма необходимо признание личного божества, это, представляется нам, не дает основания и новейшему исследователю Э. Францу делать из Гете вообще религиозного мыслителя, от пантеизма и реалистического деизма перешедшего к мистике [4]), это, наконец, не точно передается в определении Ф. Маутнером Гете как сторонника безбожной мистики, это даже не естественная религия английских и французских деистов, но это означает известную ступень той своеобразной «религии природы», через которую в своем развитии прошел и Гольбах, прежде чем стал для своего времени последовательным атеистом.

У ряда материалистов XVIII века имел место длительный процесс развития от разрыва с христианством через, так сказать, внутрирелигиозную эмансипацию, через замену бога природой, с остатками религиозных переживаний, перенесенных на природу, к полному освобождению от религии на основах научного по тому времени атеизма. До этой последней стадии в силу общего исторического состояния германских стран Гете не дошел, пожалуй напротив, в последние годы жизни он при всем своем отрицательном отношении к конфессионализму укрепился в своей религии природы. Известны его слова, с которыми конечно никак нельзя согласиться: «кто владеет наукой

[1]) Ф. Энгельс, Положение Англии (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II, стр. 345).

[2]) Fr. Mauthner, Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, Band IV, Stuttg., 1923, SS. 79—80.

[3]) E. Barthel, Goethes Wissenschaftslehre in ihrer modernen Tragweite, Bonn, 1922, S. 106.

[4]) E. Franz, Goethe als religioser Denker, Tübingen, 1932.

м искусством, имеет также религию», — здесь Гете имеет в виду самого себя, — и «кто не владеет ни тем, ни другим, тот имеет религию», — здесь Гете подразумевает всех наивно верующих, принадлежащих к тому или иному исповеданию.

Поэтому-то от Гете никак нельзя ожидать недвусмысленного атеистического ответа, в особенности в его поэзии, на принципиальнейший вопрос всякого мировоззрения о бытии бога. Так Фауст об'ясняет Маргарите:

Зови его, как хочешь, дорогая,—
Восторг, душа, сиянье, бог, любовь,
К чему здесь имя? Нам его не надо;
Все в чувстве. В чувстве вся отрада!
А имя только дым и звук.
Туман, что свет лишь затемняет.

И после этого Гретхен в своей наивности все же имеет основание ответить Фаусту:

Как это хорошо, мой друг,
Нам это патер также об'ясняет,
Немножко лишь в других словах.

Итак, мы не можем признать Гете ни атеистом, ни материалистом. Немецкая действительность скрутила его, приведя от Спинозы другой дорогой, чем это было с Гольбахом и Дидро, к немецкому спинозизму, ослабленному, урезанному и в известной степени пантеизированному.

* * *

Однако принцип единства природы, отрицание чего бы то ни было трансцендентного в отношении природы у Гете сохраняется полностью. Тем самым перед ним встает вопрос о том, в силу каких же принципов единая природа столь разнообразна в своих формах, почему произошло такое многообразие форм. Ответ на этот вопрос, который Гете прочел в «Системе природы» Гольбаха, не удовлетворял его. Французские материалисты, принимая в качестве единой субстанции природу, утверждали, что ее существеннейшим свойством наряду с протяжением было движение. Из движения природы они и выводили все видимое многообразие. И принципиально ответ этот был правильным. Но движение, как известно, они понимали лишь как механическое движение, как перемещение материальной точки в пространстве. Правда, в особенности Дидро говорил и о внутреннем движении материи, т. е. не только о молярном, но и о молекулярном движении: он различал трансляции и nisus как скрытое движение, напряжение. Но Гете имел дело только с «Системой природы», перед ним стоял только механический ответ французского материализма и он не принимал этого ответа. В «Поэзии и правде» Гете пишет о «Системе природы»: «Постоянное непрерывное движение материи направо, налево и во все стороны должно было одно об'яснить все поразительные феномены существующего. Впрочем, может быть мы и удовлетворились бы этим об'яснением, если бы автор логически сумел доказать происхождение своего мира из одного колебания материи» [1]), но и этого по мнению Гете не было.

Сам он искал внутренней основы самодвижения природы, как сказали бы мы теперь. И он нашел их в двух принципах, неразрывно между собой связанных. Комментируя в письме к канцлеру фон-Мюллеру свой ранний спинозистический фрагмент «Природа» и называя его компаративом, т. е. лишь

[1]) Собр. соч. Гете под редакцией Н. В. Гербеля, т. X, СПБ, 1880, стр. 428.

сравнительной ступенью в своем развитии, он добавлял в 1828 г. в качестве суперлатива, т. е. превосходной, высшей ступени, «завершение, которого ей («игре» природы) нехватает, это представление о двух великих движущихся причинах всей природы: понятие о полярности и о потенцировании (Steigerung), присущих материи, — первая, поскольку мы мыслим ее материальной, второе, поскольку мы мыслим ее духовной, первая состоит в непрестанном притягивании и отталкивании, второе — в непрестанно устремляющемся поднятии на высшую ступень. Но так как материя никогда не существует и не может проявляться без духа, дух без материи, то и материя может возвышаться; равным образом и дух не лишен способности притягивать и отталкивать: мыслить может ведь только тот, кто достаточно разделил, чтобы связывать, достаточно связал, чтобы можно было снова разделять» [1].

Именно в принципе полярности, единства противоположностей видел Гете источник всякого движения и развития. Мы отнюдь не склонны приближать Гете к диалектическому материализму. Это было бы без нужды неблагодарным делом. Но зная место немецкого классического идеализма, в особенности Гегеля, в подготовке материалистической диалектики, мы в этой сугубо исторической перспективе должны обратить внимание и на классическую немецкую литературу, в особенности на Гете.

Известно основоположное учение Ленина о двух концепциях развития: «развитие как уменьшение и увеличение, как повторение и развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив... При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника самодвижения». Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к самодвижению всего сущего» [2].

И вот если искать в прошлой эпохе, в конце XVIII века, в ту метафизическую пору, проблесков диалектики, намеков на правильное решение вопроса, исторических исходных пунктов этих, указываемых Лениным двух концепций развития, то таким исходным пунктом первой механистической концепции будет точка зрения Гольбаха, а второй — диалектической — точка зрения идеалистической диалектики Гегеля и гораздо более реалистическая, как это видно из приведенной цитаты, точка зрения Гете. Самая элементарная форма полярности — притягивание и отталкивание, — фигурировавшая у Канта в его «Всеобщей истории и теории неба», была и у Гете. В этом видел он тогда причину и источник самодвижения природы, причину и источник трансформизма, с которым мы бегло познакомились выше, собрата и иную сторону второго принципа — потенцирования, восхождения по ступеням, того, что у Гете носит название Steigerung и что для него было синонимом развития.

Быть принципом движения значит быть принципом действия, активности, и вот этим-то действием, этой активностью и деятельностью наполнена и живет, по Гете, вся природа. Активность, действенность является, так сказать, атрибутом природы, ее существеннейшим свойством, без которого она не может ни существовать, ни даже мыслиться. Известен знаменитый монолог Фауста, читающего начало евангелия от Иоанна и в корне не согласного с заключенною в нем «мудростью»:

---

[1]) Письмо опубликовано по-русски в книге В. Лихтенштадта — «Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение».

[2]) В. И. Ленин, К вопросу о диалектике. Лен. сб. XII, стр. 324.

Написано: «В начале было слово»,
И вот уже одно препятствие готово,
Я слово не могу так высоко ценить:
Да, в переводе текст я должен изменить.
Я напишу, что разум был вначале.
Но слишком, кажется, опять я стал спешить,
И мысли занеслись и в заблужденье впали:
Не может разум все творить и созидать,
Нет, силу следует началом называть!
Пишу и вновь берет меня сомненье.
Но свет блеснул, и выход вижу я:
В деянии начало бытия.

Итак, вначале было дело. Это, так сказать, в натурфилософском плане, в плане же социальной философии действенность конкретизируется в человеческой практике.

Вновь, нисколько не желая модернизировать Гете, мы должны отметить то значение, которое он придавал практике. Иногда за это Гете называют прагматистом, отправляясь от некоторых его высказываний, в которых он хочет истину проверять пользой. Но Гете — не прагматик. Польза для него результат, эффект, следствие, производное от истины. Критерием же проверки является практика.

Среди афоризмов Гете можно найти много блестящих диалектических, удивительных для той эпохи положений. «Первым и последним, — говорит он,—в человеке да будет деятельность». «Как можно познать себя?— спрашивает «олимпиец» Гете и отвечает совсем не по-олимпийски, — не путем созерцания, но только путем деятельности». «Мышление и деятельность, деятельность и мышление, вот итог всей мудрости». И наконец как итог и резюме: «Моим пробным камнем для всякой теории остается практика!»

Но практика в обществе невозможна без борьбы. Конечно, тщетно искали бы мы у Гете классовую борьбу. Его борьба выглядит довольно абстрактно. Как и во всей немецкой радикальной идеологии конца XVIII века, у Гете проблема ставится, так сказать, в идеальной плоскости. Это не призыв к конкретной борьбе, это — идея борьбы вообще, идея борьбы с природой, идея борьбы с богами, в известном смысле идея борьбы человека с самим собою. Поэтому не будем подходить к Гете с невыполнимыми требованиями и, отдав должное конкретным образам Геца фон-Берлихингена и Эгмонта, погибающим в борьбе, обратим внимание на глубокие философские идеи — образы Прометея и Фауста.

Борьбой с богами наполнена вся деятельность Прометея. Но Прометей не только разрушитель, не только отрицатель, не только критик, каковым преимущественно является Мефистофель, этот по мысли Гете отрицательно действующий французский esprit, он, подобно Фаусту, положительно созидающий немецкий Geist. Когда Эпиметей спрашивает его: «да многое ль твое?» Он отвечает: «Тот круг, который наполняю я действием своим — не больше и не меньше!»

В деятельности сила. Напротив, в бездеятельности — бессилие. Боги, о которых известно, что они всемогущи, всесильны, в глазах Прометея в своем спокойствии и бездействии бессильны. «Вы бесконечны? всемогущи», — бросает им вызов Прометей —

Да что же можете-то вы?
Иль можете простор великий
Земли и неба в руки мне вместить?

Иль можете меня вы разлучить
Со мной самим?
Иль можете меня расширить,
Распространить на целый мир?

И когда Эпиметей отвечает — Судьба! — т. е., что и боги Олимпа следуют определенным законам, власть и силу которых не могут переступить, то Прометей как равный им говорит: «Так власть ее ты признаешь? Я — тоже. Ступай — я не служу вассалам!» Деятельность Прометея дает ему силу в борьбе, и эту борьбу он направляет против богов.

И наконец самое замечательное — в деятельности, в борьбе видит Гете освобождение, залог свободы. Как известно, Мефистофель должен был выиграть пари у бога тогда, когда Фауст скажет «продлися, чудное мгновенье, прекрасно ты!», т. е. тогда, когда он найдет успокоение, когда он в своих вечных исканиях встретит такое явление, которое его полностью удовлетворит, от которого он не захочет искать уже ничего нового, которое таким образом прекратит его искания и стремления и, поставив точку всей его жизни, внесет полный покой, означающий конец. И где же, в чем Фауст, вечно ищущий Фауст, находит п о к о й, что прекращает его поиски, что именно хочет он безмерно продлить? Не земную любовь к Гретхен, не попойку в погребке Ауэрбаха, не деньги и славу при дворе императора, наконец (что особенно замечательно для поэта Гете) не наслаждение искусством в браке с классической Еленой, а б о р ь б у, борьбу со стихией, с природой, борьбу за человека.

Известен конец второго Фауста, его заключительный монолог:

Лишь тот свободной жизни властелин,
Кто дни свои в б о р ь б е проводит трудной.
Пускай в борьбе всю жизнь свою ведет
Дитя, и крепкий муж, и старец хилый,
И предо мной восстанет с чудной силой
Моя земля, с в о б о д н ы й мой народ.
Тогда скажу я: — «чудное мгновенье,
Прекрасно ты! Продлися же! Постой!»

Вот почему Мефистофель и проигрывает свое пари. Формально как-будто верх его — Фауст произнес эти слова, Фауст не хочет движения вперед, он хочет остановить время, продлить мгновение, но по существу — и в этом диалектика — он хочет не остановки времени, не мертвенного, абсолютного покоя, не точки-конца, после чего уже ничего нет, а вечной борьбы, ибо покой он нашел в д в и ж е н и и, в д е я т е л ь н о с т и, в б о р ь б е. В этом Фауст-человек нашел с в о й покой, свою с в о б о д у. И если Ф. Энгельс писал, что Гете местами колоссально велик, то несомненно, что это относится и к Прометею и к подобным местам Фауста.

* * *

Каким же поистине мелким, ничтожным филистером представляется тот же Гете в своих жалких сатирах на Великую французскую революцию, так же как и в своих прозаических высказываниях на ту же тему. Герцен когда-то, писал: «Я готов преклонить колена перед творцом «Фауста», так же как готов раззнакомиться с тайным советником Гете, который пишет комедии в день Лейпцигской битвы и не занимается биографией человечества, беспрерывно занимаясь своей биографией» [1]). В том-то и дело, что, занимаясь «био-

[1]) А. И. Г е р ц е н, Встречи, Полное собрание соч., т. I, стр. 297.

графией человечества», дав эту своеобразную биографию в гениальном «Фаусте», Гете беспрерывно создавал и другую биографию—биографию министра карликового веймарского двора. Мелкобуржуазная обстановка Германии, о которой мы говорили в начале очерка, тяготела над Гете и обильными струями просачивалась и в его художественное творчество. Энгельс меткс говорит об этом: «Гете в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени. Он враждебен ему; оно противно ему, и он пытается бежать от него, как в «Ифигении» и вообще во время итальянского путешествия; он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькой насмешкой Мефистофеля. Или он, напротив, дружит с ним, примиряется с ним, как в большинстве его «Кротких ксений» во многих прозаических произведениях, прославляет его, как в «Маскараде», защищает его от напирающего на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он говорит о Французской революции» [1]).

В Гете боролся гениальный поэт, художественно чувствовавший убожество окружавшей жизни и в своих образах воплощавший идеи протеста, борьбы, и «опасливый сын французского патриция либо веймарский тайный советник», и нужно сказать, что подчас последние. чувствующие прочную опору в социально-политическом порядке, побеждают Гете-поэта. Он начинает смотреть на мир через их очки. Поэтому он оказывался иногда по выражению Герцена «туг на ухо, когда дело шло о подслушивании народной жизни, скрытной, неясной самому народу, не обличившейся официальным языком» [2]), и скорбит, что в Италии, античное наследие которой он так ценил, в современной ему Италии «Жизнь и движение везде, лишь порядка ни в чем не видать» [3]), и тоскует по веймарским порядкам, от которых сам же бежал в Италию.

Когда читаешь например «Германа и Доротею», то чувствуешь, как погружаешься в поистине мелкобуржуазное убожество немецкой жизни эпохи Гете. «Лучше и здесь нам итти надежным путем середины — споро, не скоро!» — Эти слова аптекаря можно было бы взять эпиграфом ко всему произведению, ко всем филистерским созданиям Гете. И дело не в том, что выведены в качестве персонажей деревенский пастор, аптекарь, зажиточный и домовитый крестьянин, все в равной степени опасающиеся, как бы молодой парень не женился на бедной девушке, не взял себе неподходящую пару, а в том, что сам же Гете все это преподносит в тошнотворных идиллистических тонах, что сам он начинает смотреть на мир глазами деревенского пастора и аптекаря, — лишь тогда примиряющихся с бедной невестой, когда она в унизительном испытании обнаружила себя домовитой хозяйкой и покорной рабой, в том наконец, что сам он настолько сживается с этой мелкобуржуазной филистерской идиллией, что возмущается, когда ей угрожает гибель от тех порядков, за которые он сам боролся в своих лучших произведениях.

«Во времена Гете, — пишет Энгельс, — цеховой строй уже разрушался, конкуренция прорывалась со всех сторон; Гете, как настоящий обыватель, в одном месте своих мемуаров... предается душу раздирающим жалобам по поводу начинающегося гниения мещанства, разорения самостоятельных семей, связанного с этим развала семейной жизни, ослабления домашних связей и

---

[1]) Ф. Энгельс, Карл Грюн «О Гете с человеческой точки зрения» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 142).

[2]) А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 31.

[3]) В подлиннике у Гете сказано сильнее: Leben und Weben ict hier, aber nicht Ordnung und Zucht, т. е. здесь есть жизнь и движение, но нет порядка и дисциплины.

прочих мещанских горестей, которые в цивилизованных странах встречают презрение» [1]).

Во всех таких произведениях, где сказывается социальное филистерство Гете, основным устоем является крепкая собственность, право и чувство собственности по мелкобуржуазному принципу klein aber mein. Мы нарочно подчеркиваем это, потому что в нашей литературе проскальзывали мотивы Гете-социалиста, исходя из гимна второго Фауста коллективному труду. Это не так. Даже во втором Фаусте, даже в Прометее — в самых высоких произведениях Гете — принцип собственности торжествует.

Когда Фауст затевает свое последнее дело — своеобразную трудовую колонию на берегу моря, видавший виды Мефистофель как бы приоткрывает завесу и, угадывая, говорит:

Столицу ты построишь. В ней дома
Тесниться будут; узких улиц тьма
Лепиться будет криво, грязно, густо;
В средине рынок: лук, чеснок, капуста,
Мясные лавки...
Словом перед нами
Немало вони, много толкотни.
В другой же части города, бесспорно,
Дворцов настроишь, площади просторно
Раздвинешь...

Словом, Мефистофель образно рисует ему классовую дифференциацию. Фауст-Гете отмахивается от этого — не того он хочет, и даже не славы, он хочет оросить и сделать плодоносной пустынную местность, а для этого, говорит Фауст: «Мне власть и собственность нужна. Что слава! Вздор один она!».

Когда один из сынов Прометея спрашивает его —

Скажи мне: могут ли все братья
Жить в хижине моей?

Прометей отвечает:

Нет — ты ее себе построил:
Она твоя!
Ты можешь разделить ее,
С кем хочешь.
Кто хочет жить — построй себе жилище!..

В Великой французской революции Гете усмотрел нарушение этого принципа, этого священного права частной собственности — основы, по его взглядам, всякого правопорядка. И он не только не принял ее, но пытался всячески издеваться над ней в своих сатирических произведениях. Нужно прямо сказать, что художественные качества этих произведений очень низки. Филистерство, видимо, все-таки не удавалось Гете в художественном отношении. В силу этого при анализе художественного наследства Гете мы по праву можем опустить именно эти произведения.

Отсюда конечно не следует, что мы вообще должны закрывать глаза на мелкобуржуазные черты, на филистерские стороны Гете. Нет, но отмечая

[1]) Ф. Энгельс, Немецкий социализм в стихах и прозе (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 151).

их, мы должны помнить обусловившую их обстановку. «Гете был слишком универсален, слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плотского убожества высокопарным. Его темперамент, его силы, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка. Перед этой дилеммой—существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать,— и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать, — перед этой дилеммой Гете находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт de guerre lasse перед незначительным веймарским министром» [1]).

* * *

Кем же был Гете? — спросим мы в заключение. Спинозистом? Лейбницианцем? Гегельянцем? Революционером? Филистером? Всем предшествующим изложением хотели мы показать, что в двух словах, формально-логически Гете не определить. Но если нужно ответить одним словом, то Гете был Гете! «То колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный узкий филистер. И Гете был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить» [2]). Будем же в ту эпоху, когда пролетариат воочию побеждает это убожество, убожество мелкобуржуазного болота, так же как и всей капиталистической стихии, вскрывать и клеймить филистерство Гете, чтобы отдать его тлену истории, и будем чтить в художественном наследии Гете то, что было у него колоссально великого.

---

[1]) Ф. Энгельс, Карл Грюн «О Гете с человеческой точки зрения» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 142—143).

[2]) Ф. Энгельс, там же.

К вопросу о меновой концепции социал-фашизма

И. Ангаров

«Без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовым врагом»
(И. Сталин)

Крайнее обострение и углубление противоречий послевоенного капитализма, происходящее на базе общего кризиса всей капиталистической системы, с одной стороны, борьба мирового пролетариата за пролетарскую диктатуру, рост его революционного сознания и укрепление рядов компартии — с другой, и наконец факт существования СССР как мощного революционного фактора и решительная борьба двух систем — социализма и капитализма, приводит современную международную социал-демократию в лагерь контрреволюционной буржуазии, создает условия для окончательного и бесповоротного ее перерождения на деле в подлинный социал-фашизм. «Все развитие социал-демократии со времени войны и возникновения советской власти в СССР есть непрерывный процесс эволюции к фашизму» (XI пленум ИККИ).

«Политическая надстройка над новой экономикой, — говорит Ленин,— над монополистическим капитализмом... является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция» [1]).

Империализм с его глубочайшими классовыми противоречиями заставляет капитал от «демократических» методов своего господства, которыми он пользовался в основном в период классического капитализма и свободной конкуренции, перейти к методам открытой диктатуры, открытого наступления на рабочий класс, к открытой «политической реакции». Фашизм таким образом органически вытекает (на известной ступени развития капитализма) из буржуазной «демократии» и подготовляется ею. Особое усиление этой фашистской реакции в период послевоенного империализма связано с тем гигантским обострением противоречий, с которыми вступил капитализм в полосу своего общего кризиса.

Но осуществление этой реакции стало возможным благодаря тому, что международная социал-демократия уже давно превратилась в партию «социал-империалистов», «социалистов на словах, империалистов на деле» (Ленин, т. XIX, стр. 159), политика которой целиком и полностью направлена против революционного пролетариата, «вполне слившись с буржуазной политикой» (там же).

Фашизм и социал-фашизм — оба являются продуктом монополистического капитализма периода его всеобщего кризиса и своими экономиче-

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 207.

скими корнями глубоко уходят в него. Поэтому «это не антиподы, а близнецы» (Сталин), с той только разницей, что «социал-демократия есть об'ективно умеренное крыло фашизма» (Сталин).

Социал-фашизм—такое же орудие финансового капитала, как и фашизм, хотя они имеют различные социальные корни. Разница между ними сводится в действительности лишь к тому, что они пользуются различными методами борьбы с рабочим классом.

Фашизм открыто противопоставляет свои классовые интересы интересам пролетариата и осуществляет классовую диктатуру буржуазии путем специальных вооруженных отрядов, предназначенных для открытой борьбы с рабочим классом. Социал-фашизм действует внутри рабочего класса, разлагая его ряды, одновременно выдавая себя за представителя его классовых интересов. Так осуществляется своеобразное «разделение труда» между буржуазией (фашизмом) и социал-фашизмом.

Если в области политики социал-демократия «вполне слилась» с реакционной буржуазией, став на прямой путь борьбы с революционным пролетариатом, то эту свою предательскую роль она должна была «обосновать» теоретически и тем самым осуществить своеобразное «единство» своей теории и практики (политики) на базе социал-фашизма. Поэтому и в области теории социал-демократия проделала такую же трансформацию. Она «изменила марксизму полностью и целиком, пройдя через ревизионистский этап к законченному буржуазно-либеральному реформаторству и откровенному социал-империализму» (программа Коминтерна).

Этот социал-империализм особенно яркое выражение получает в том факте, что вся современная социал-демократия совершенно открыто выступает с политикой защиты капиталистических монополий, придавая им о с о б у ю роль как «организованному» началу в капиталистическом хозяйстве. Процесс концентрации и централизации капитала, который является основой для образования капиталистических монополий, как и сами эти монополии, с.-д. выдают за процесс якобы обобществления производства. Тем самым социально-классовая сущность обобществления, которое может совершиться лишь при условии уничтожения частной собственности на средства производства и установления диктатуры пролетариата, подменяется простой технической проблемой, механически осуществляемой самим процессом капиталистического производства в рамках капитализма (поэтому социал-демократия приходит к утверждению автоматического вызревания социализма в недрах капитализма и на е г о о с н о в е).

Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером труда и частным способом присвоения, достигающее своих крайних пределов и наиболее резкого выражения именно при господстве монополий и финансового капитала,—смазывается. Проблема «экспроприации экспроприаторов» об'является анахронизмом. Социализм таким образом сводится лишь к организационно-технической проблеме, к проблеме технического развития производства, что на деле есть не что иное, как поддержка монополистического капитализма. Этот последний выдается социал-демократией за социализм и в лучшем случае за переходный период от капитализма к социализму. К а н у н пролетарской революции и социализма — монополистический капитализм — превращается перепуганной социал-демократией в у ж е н а с т у п и в ш и й социализм. Фактически это есть отрицание и империализма и переходного периода, ибо первый выдается за последний, а против последнего ведется решительная борьба по всем линиям как в теории, так и на практике. Отрицается диктатура пролетариата и ведется практическая борьба против всяких революционных попыток.

Но раз осуществление социализма превратилось в проблему технического развития производства, проблему, совершенно не связанную с экспроприацией частной собственности, то это необходимо «обосновать» теоретически. Поэтому социал-демократия спешит выдвинуть довольно-таки «премудрую», как и пошлую «теорию», сводящуюся к тому, что «с уничтожением частной капиталистической собственности на средства производства капиталистический способ производства хотя и уничтожается, но при этом не создается никакого нового способа производства» (!!) [1]).

И эту «теорию» социал-демократия выдвигает в качестве «обоснования» того, что для экономического преобразования общества и установления социалистического способа производства вовсе не следует вторгаться в экономику, в частную собственность, ибо не здесь лежит «корень зла» и следовательно этим социализма достигнуть нельзя. Это лишь разрушит производство и «лишит рабочих средств существования» (К. Каутский, там же).

Какая трогательная забота о рабочих!

Совершенно отказавшись от марксовой теории, социал-демократия перенесла центр тяжести экономического преобразования капитализма в социализм, из сферы производства в сферу исключительно меновых отношений, в сферу обращения, и тем самым окончательно стала на вульгарные позиции в области теории. Но эта вульгаризация теории не есть простое воспроизводство вульгарной буржуазной экономии, хотя как та, так и эта всю суть экономических явлений целиком и полностью сводит к явлениям обращения. Здесь имеется известное различие. Эта новейшая социал-фашистская вульгаризация имеет иной характер и иные историко-экономические корни, а равно и цели, и воспроизводится на иной основе.

Если вульгарная политическая экономия XIX столетия в лице Сэя, Кэри и др. имела целью апологию классического капитализма периода его расцвета, то современная социал-фашистская вульгаризация имеет своей целью апологию «перезрелого» (Ленин), загнивающего монополистического капитализма. И в этом ее отличие от своей непосредственной предшественницы.

Как уже известно, социал-демократия поддерживает всякие капиталистические монополии и придает им особую роль, считая их основой для организации анархического капиталистического хозяйства. Но еще более сильно, в особенности в последний период, социал-демократия подчеркивает эту «особую роль» по отношению к капиталистическим монополиям в области обращения. Корень зла современного капитализма социал-демократия видит в противоречии между производством и обращением, заключающемся якобы в том, что при наличии уже «организованного» и обобществленного» производства, в сфере обмена и обращения еще имеют место «анархия и произвол» [2]). Это обстоятельство мешает социал-демократии установить законченную (!) «организованность» капиталистического хозяйства «в целом» и тем обеспечить... плавное «врастание в социализм».

И вот для «обуздания» этой анархии и стихийности в сфере обращения социал-демократия усиленно настаивает на «обобществлении» сферы обращения, подобно тому, как это «уже имеет место» в производстве, тем самым желая создать полное «соответствие» между этими двумя сферами и ликвидировать противоречие между ними. Под этим «обобществлением» конечно и здесь понимается точно так же, как и в производстве, дальнейший

---

[1]) К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 584, 1931 г.

[2]) См. К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, 1922 г.

процесс синдицирования и усиления концентрации и централизации капитала в области обращения, что на деле есть лишь процесс усиления экономической мощи капиталистических монополий и финансового капитала.

Таким образом эта вульгарная меновая концепция прямым путем ведет к выводу о необходимости поддержки капиталистических монополий и ставит своей целью прямое оправдание политики империализма, выдавая это за борьбу, за плановое, социалистическое производство. И в этом выражается ее (социал-фашистской меновой концепции) сущность как теоретического оправдания монополистического капитализма. В этом же заключается особый характер социал-фашистской вульгаризации экономической теории, вульгаризации ее на основе новых исторических условий, на основе апологии загнивающего капитализма.

Таким образом социал-демократия совершенно отвергла марксову теорию «экспроприации экспроприаторов», марксову теорию классовой борьбы, марксову теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата, отбросила в сторону учение Маркса об уничтожении частной собственности на средства производства и т. д. и т. д., словом полностью отказалась от марксизма. Социал-демократия не признает, что для изменения способа производства, для изменения экономической структуры общества необходимо вторгнуться в самое производство и произвести коренную ломку производственных отношений. Она переносит центр тяжести преобразования экономической структуры в область меновых отношений. Арена классовой борьбы пролетариата переносится ею таким образом из сферы производства в сферу меновых связей, выбивается главная основа классовых противоречий и классовой борьбы, ибо исчезает эксплоатация, которая коренится в самом процессе производства. Такая постановка вопроса есть защита капиталистической частной собственности от революционных вторжений в нее со стороны пролетариата, преобразующего мир.

Проводя на практике политику ограждений капиталистической частной собственности и капиталистического способа производства от революционного вторжения рабочего класса, социал-демократия во что бы то ни стало старается отвлечь пролетариат от борьбы с основами капитализма, с капиталистическим способом производства, и переключить его внимание с производства на другие сферы народного хозяйства — обмен, распределение, потребление, — сферу меновых отношений, где ничего опасного и угрожающего существованию капиталистического способа производства не может быть, поскольку решающая область — производство — остается попрежнему на базе эксплоатации, на базе капиталистических производственных отношений.

Чтобы оправдать перед пролетариатом свою предательскую практику, надо дать этой практике «научное подтверждение». Поэтому задача социал-демократии — дать «теоретическое обоснование» своей меновой концепции. Посмотрим, как она справляется со своей задачей.

Начнем с наиболее признанного вождя и теоретика социал-демократии, К. Каутского. В предисловии к народному изданию II тома «Капитала», написанном в 1929 г., Каутский пишет, что к изданию этого тома его побудила «изменившаяся историческая обстановка». Если до войны рабочие должны были изучать I том «Капитала», так как центром тяжести их борьбы был процесс производства, то в послевоенную эпоху они должны переключиться на II том, ибо теперь центр тяжести их борьбы должен быть перенесен в сферу обращения, которую «пролетариат должен изучать с осо-

бой тщательностью». Ибо в «процессе обращения,—заявляет Каутский,—наблюдаются явления, оказывающие величайшее влияние на судьбу рабочих» [2]).

Поистине этого требует «изменившаяся историческая обстановка», т. е. тот факт, что послевоенная социал-демократия окончательно скатилась к открытой апологетике капитализма, и поэтому ее теоретики стремятся скрыть источники эксплоатации пролетариата и базу его классовой борьбы. Перенесением центра тяжести внимания с процесса производства на процессы обращения они хотят оправдать свою предательскую практику примирения между трудом и капиталом и сотрудничества классов, якобы вытекающего из общности интересов в сфере обращения. Ибо «в области товарного обращения, — продолжает Каутский, — по большей части, хотя отнюдь и не всегда, наблюдается г а р м о н и я интересов пролетарских и капиталистических... здесь интересы рабочих и капиталистов до известной степени совпадают. Так например и те и другие в одинаковой мере заинтересованы в том, чтобы спокойный и непрерывный ход товарного обращения не нарушался неожиданными колебаниями в количестве и ценности средств обращения, т. е. денег» [2]).

Это классовое сотрудничество вытекает, оказывается, из того, что социализм, по Каутскому, вовсе не означает — долой «существующий порядок». Пролетариат не должен интересоваться производством потому, что перед ним вовсе не стоит задача создать «новую хозяйственную организацию», ибо это ведь можно осуществить только путем революционного вторжения в капиталистическое производство, что отнюдь не соответствует программным установкам социал-демократии. Задача пролетариата заключается лишь в том, чтобы путем «организации» капиталистического обращения двигаться в «сторону социализма»... на основе капитализма.

«Ведь вопрос заключается не в том, чтобы создать совершенно новую хозяйственную организацию на пустом месте, а в том, чтобы направить дальнейшее развитие с у щ е с т в у ю щ е г о порядка в сторону социализма, что невозможно при отсутствии основательного знакомства с этим порядком» [3]). Поэтому «более чем когда-либо каждый, кто желает понять капитализм, ориентироваться и удержаться (!) в нем и наконец направлять (?!) его, должен исходить из «Капитала» Маркса и менее чем когда-либо в настоящее время при этом можно ограничиться первым томом» [4]).

Почему же Каутский находит необходимым центр внимания рабочего класса сосредоточить на сфере обращения, в то время как сферу производства он безраздельно отводит капиталистам? Ответ на этот вопрос мы можем найти у самого же Каутского. В 1922 г., в своем знаменитом контрреволюционном произведении «Пролетарская революция и ее программа» он пытается «научно» доказать необходимость такого своеобразного «разделения труда». Он считает, что до капитализма интерес работника был неотделим от интереса производителя, так как они составляли одно лицо, на основе того, что средства производства принадлежали самому работнику. Но с появлением капитализма, отделяющего работника от средств производства, этот последний перестает быть «производителем экономически» и остается лишь «производителем продуктов т е х н и ч е с к и». Производителем в экономическом смысле слова теперь является лишь капиталист-предприниматель. Отсюда Каутский делает «вывод»: «Теперь интерес

---

[1]) K. K a u t s k y, Vorwort zur Volksausgabe des zweiten Bandes des «Kapital» von K. Marx, 1928.
[2]) Там же, разрядка наша.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

производителя есть лишь интерес капиталиста, владеющего средствами и продуктами производства» [1]).

Вся совокупность рабочих в целом выступает как совокупность не производителей, но потребителей» [2]). «Таким образом,— заключает Каутский, — наемные рабочие становятся исключительными представителями интересов потребителей, в противоположность об'единенным эксплоататорам как исключительным представителям производителей» [3]). Поэтому пролетариату, заинтересованному в потреблении, нужно сосредоточить свое внимание именно в этом направлении. Производство же само приспособится к новому распределению, ибо ведь «потребление управляет производством»... и «удержаться социализм может только при том условии, если он соответствует интересам потребителя» [4]).

Этот потребительский «социализм» нужен Каутскому для весьма практических целей. Раз рабочие являются представителями потребления и в нем заинтересованы, то для завоевания социализма они должны действовать именно в этой области, ибо при ближайшем рассмотрении оказывается, по Каутскому, что сам социализм предполагает только изменения в потреблении, а не в производстве. «Социализм, — утверждает он, — все более приближает нас, как мы это увидим в дальнейшем изложении, к равенству в качестве потребителей» [5])

Эта «теория» по существу есть воскрешение идей мелкобуржуазного социализма, стремившегося изменить как «несправедливое» капиталистическое распределение, не затрагивая в то же время основ капиталистической собственности, капиталистического способа производства.

Эта установка вполне увязывается с утверждением Каутского, что задача пролетариата «заключается не в том, чтобы создать совершенно новую хозяйственную организацию», ибо это вообще невозможно ни при каких условиях, так как «с уничтожением частной капиталистической собственности на средства производства капиталистический способ производства хотя и уничтожается, но при этом не создается никакого нового способа производства» [6]).

Таким образом у Каутского получается довольно «стройная» концепция. Для него рабочий класс не есть представитель нового способа производства, а лишь представитель потребительских интересов. По Каутскому, при капитализме нет противоречий между производительными силами и производственными отношениями. У него выпали отношения эксплоатации, а отсюда и противоречия между пролетариатом и буржуазией. Поэтому для него пролетариат не является «могильщиком буржуазии», у него нет перспектив социалистической революции и победы социализма. Поэтому сам социализм достигается, по Каутскому, не изменением способа производства, а лишь изменением распределения. Спасая от гибели единственно возможный, по его мнению, капиталистический способ производства, Каутский вместе со всей социал-демократией особенно «старается» как сознательный союзник буржуазии.

---

[1]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, 1922 г., стр. 182.

[2]) Там же, стр. 188, разрядка наша.

[3]) Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 185, разрядка наша.

[4]) Там же, стр. 192.

[5]) Там же, стр. 186, разрядка наша.

[6]) К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, 1931 г., стр. 584, разрядка наша.

Эта потребительская теория социализма не является однако личным творчеством только господина Каутского. Она уже давно стала идеалом всей социал-демократии, и ее проповедуют об'единенным фронтом все оруженосцы социал-фашизма. Так, «левый» австро-марксист Отто Бауэр в 1919 г. задался целью раз'яснить массам, что такое социализм. И вот в специально посвященной этой цели книжке под громким названием «Путь к социализму» он провозглашает, что этот самый «путь» лежит единственно через «изменение распределения». «Социализм, — пишет он, — хочет в конечном итоге (?!) изменить распределение материальных благ» [1]).

Еще ранее эта теория была в зародыше дана Р. Гильфердингом в его «Финансовом капитале». Трактуя там вопрос о тенденции капитализма к картелированию и о возможности создания единого мирового картеля, автор, пока еще в довольно осторожной форме, проводит мысль, что вместе с развитием картелирования исчезает капиталистическая анархия и уничтожаются противоречия капиталистического производства. Он говорит там: «Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, и он может употреблять ее на что угодно. Это — сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения» [2]).

Таким образом получается, по Гильфердингу, что при империализме производство все более подвергается «сознательному регулированию» и антагонизм общественных отношений остается только в сфере распределения.

Но раз так, раз капиталистическое производство само обеспечивает тенденцию к планомерной организации, то следовательно преобразование общественного строя надо начинать не с изменения способа производства, а с изменения распределения. Поэтому социал-демократия и определяет социализм лишь как иной способ распределения, а не производства. Оказывается таким образом, что эта теория вытекает из теории «организованного капитализма» Гильфердинга, которая дана уже в общих чертах в его «Финансовом капитале» еще задолго до войны.

Перенося центр тяжести с производства на обмен и распределение, социал-демократия должна одновременно выдавать существующее капиталистическое производство за уже организованное производство. Для этого она подменяет общественную организацию труда во всем капиталистическом хозяйстве в целом, которая носит стихийный, анархический характер, организацией его на отдельных предприятиях. Техническую организацию труда внутри предприятия она выдает за планомерность общественной организации труда во всем обществе. Так, тот же Каутский пишет: «В противоположность крепкой, зачастую гениальной (!) организации процесса производства в капиталистическом предприятии, процесс обращения долгое время был лишен какой бы то ни было организованности, отмечен печатью анархии, предоставлен «свободной игре сил...». Именно в этой области скорее всего представляется возможность проведением плана и организации повысить производительность труда социалистического хозяйства по сравнению с капиталистическим» [3]).

Каутский «не понимает», что «свободная игра сил» потому царит в обращении, что она ранее заложена в производстве. Он «не понимает», что стихийность капиталистической организации общественного труда есть

[1]) Otto Bauer, Der Weg zum Sozialismus, 1919. S. 8, разрядка наша.
[2]) Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 276, разрядка наша.
[3]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 211—212.

закон самого капиталистического производства. Поэтому для него «преобразование собственности на средства производства находится в тесной зависимости от разрешения... задачи» [1]), лежащей в области обращения, не обращение преобразовывается лишь на основе изменения способа производства, а как раз наоборот.

Положение, которое защищает Каутский, сводится в сущности к тому, что процесс капиталистического производства в целом определяется обращением и что обращение в силу имманентных законов развития имеет тенденцию вызывать автоматическое вызревание социализма. Следовательно преобразование капиталистического строя должно исходить не со стороны производства, как указывал Маркс, не путем экспроприации экспроприаторов, а со стороны обращения, причем «общество выгадывает» от того, что этот «переворот» совершается без нарушения производства. Эта установка достаточно ясно выражена Каутским в его предисловии к 25-му изданию «Экономического учения К. Маркса», где он пишет, что в первых изданиях он излагал лишь I том «Капитала» потому, что «до войны рабочий класс интересовался теми явлениями, которые лежат в основе классовых противоречий между капиталом и наемным трудом, и определял пролетарскую классовую борьбу. Мировая война создала новую ситуацию: рабочий класс становится все более в положение, которое требует защищать не только особо узкие классовые интересы, но и общие интересы процесса производства в целом, всей общественной жизни вообще» [2]).

Но так как процесс производства «в целом» зависит от обращения и определяется им, то отсюда, делает вывод Каутский, рабочий класс должен переключиться с изучения процессов производства на изучение процессов обращения и следовательно с изучения I тома «Капитала» на изучение II и III томов, которые посвящены анализу процесса производства и обращения капитала в целом. Кстати, в этой же цитате особенно ярко выпирает уже знакомая нам социал-демократическая постановка вопроса о классовых интересах пролетариата, которые как «особо узкие» должны быть заменены «общими интересами целого», интересами «общественной жизни вообще». И поэтому рабочему классу вменяется в обязанность «защищать» эти общие интересы, т. е. на деле интересы капитала.

Гипертрофирование обращения доходит у Каутского до того, что например промышленные капиталистические кризисы он об'являет кризисами обращения, а не производства. «Наоборот, в сфере обращения,— пишет он, — мы встречаем еще величайшую расточительность благ и наиболее болезненные, парализующие все хозяйство кризисы» [3]).

Промышленные кризисы, которые есть непосредственный результат антагонистического характера капиталистического производства, результат противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения, постоянно сопровождающим капиталистическое общество, Каутский выдает за кризисы только обращения. Поэтому «ясно», что и начинать надо с этого последнего, а не с производства. Он не признает, что кризисы в обращении есть лишь результат и форма проявления производственного кризиса. То, что во время кризисов уничтожаются производительные силы общества, закрываются производственные предприятия и выбрасывается на улицу главнейшая производительная сила—пролетариат, это для Каутского не существует. Для него кризисы не есть результат про-

---

[1]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 213, разрядка наша.

[2]) K. Kautsky, Karl Marxes Oekonomische Lehre, S. XIV, 1931.

[3]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 213, разрядка наша.

тиворечия между требующими своего развития общественными производительными силами и узкими рамками капиталистической частной собственности, имущественными отношениями капитализма. Он не согласен с Энгельсом, что кризисы есть «бунт производительных сил против производственных отношений» и что «во время кризисов противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением переходит в жесточайшее столкновение двух враждебных сил... Экономические противоречия доходят до своего апогея — способ производства восстает против способа обмена»[1]). Для него кризисы есть лишь явление обращения, ибо коренную причину их он видит в противоречии между производством и потреблением, а не в противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения, т. е. в противоречии, коренящемся в самом способе капиталистического производства и лишь производным от которого является противоречие между производством и потреблением, которое следовательно само должно быть об'яснено и выведено из основного противоречия. Поэтому устранить кризисы Каутский думает при помощи приспособления потребления к капиталистическому производству, оставляя это последнее без изменений.

Таким образом наряду с полным отрывом политики от экономики, характерным для социал-фашизма во всех вопросах его теории и практики, начиная с пресловутой теории ультраимпериализма и «организованного капитализма» и кончая теорией «хозяйственной демократии» и госкапитализма, социал-демократия всюду проводит полнейший отрыв формы от содержания, отрыв потребления, обращения и распределения от производства, совершенно отвергая их диалектическое единство и примат производства, отвергая, что их антагонистичность есть результат антагонистичности самого капиталистического производства.

Достаточно вспомнить теорию Маркса о диалектическом единстве всех сторон хозяйственной жизни и о ведущем начале производства, чтобы убедиться в полном разрыве социал-демократии с основами революционного марксизма.

В введении к «К критике политической экономии» Маркс писал по поводу распределения: «Отношения и способы распределения являются лишь оборотной стороной агентов производства. Индивид, принимающий участие в производстве в форме наемного труда, в форме заработной платы принимает участие в результатах производства... Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства... ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения—форму, в которой каждый принимает участие в распределении... Распределение в самом поверхностном понимании представляется как распределение продуктов и таким образом далеко отстоящим от производства и по отношению к нему якобы самостоятельным. Однако, прежде чем распределение становится распределением продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) что представляет собою дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подведение индивидов под определенные производственные отношения). Распределение продуктов есть очевидно результат этого распределения, которое включено в самый процесс производства и которое обуславливает организацию этого последнего[2]).

---

[1]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 260—261, разрядка автора.
[2]) К. Маркс, К критике политической экономии, введение, разрядка наша.

Таким образом распределение только при «самом поверхностном понимании» (как Каутского, Гильфердинга и прочих социал-фашистов) кажется простым распределением продуктов. В действительности оно коренится глубже, ибо ему всегда предшествует определенная расстановка классов в производстве, именно: «подведение индивидов под определенные производственные отношения». Следовательно в распределении проявляется то, что уже ранее дано в производстве. Поэтому, чтобы действительно осуществить социализм, нужно начать с преобразования именно производства, производственных отношений, как это неопровержимо уже доказал опыт СССР. Все же остальное по закону «единства» будет преобразовано в ходе дальнейшей борьбы и строительства. Но осуществление такой задачи предполагает низвержение капитализма и установление диктатуры пролетариата, как это и было сделано в бывшей России.

Приведем еще одну выдержку из того же «введения», характеризующую взгляд Маркса на соотношение обращения и потребления с производством. «Сам обмен, — читаем мы там, — является актом, входящим в производство... взаимный обмен между производителями товаров по своей организации всецело определяется производством, равно как представляет собою деятельность, входящую в производство... 1) Не существует обмена без разделения труда, будь последний результатом естественных или исторических условий. 2) Частный обмен предполагает частное производство. 3) Интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяются развитием и структурой производства... обмен таким образом во всех своих моментах или непосредственно заключен в производство или определяется этим последним... Производство в противоположность своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты. С него каждый раз начинается снова процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, — это ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению продуктов. Но в качестве распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенная (форма) производства обуславливает таким образом определенные (формы) потребления, распределения и обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» [1]).

Если сопоставить эти рассуждения Маркса, для которого обращение, распределение и потребление суть лишь «моменты» производственного процесса и которые поэтому «не имеют господствующего значения», с тезисом Каутского, для которого преобразование производства «находится в теснейшей зависимости» (!) от того, что будет сделано с обращением, то станет совершенно ясным, что от марксизма у Каутского не осталось ни грана. Его теория представляет собой не только воскрешение идей мелкобуржуазного, мещанского, потребительского социализма, но и полнейший возврат к вульгарной буржуазной экономии, но только, как мы уже отмечали, на новой исторической базе.

Если вульгарная экономия занималась апологетикой классического капитализма, капитализма периода его расцвета, и потому ей достаточно было вообще выдавать внешнюю искаженную видимость явлений за их сущность и тем скрывать классовый характер экономических категорий и эксплоататорскую сущность капиталистического способа производства, то современная социал-демократия как апологет капитализма периода его упадка и загнивания, периода, который является кануном пролетарской революции, должна не только скрывать эксплоататорскую, «гнетущую» (Ленин) сущность империализма и проповедывать общность классовых интересов труда и капи-

[1]) К. Маркс, К критике политической экономии, введение, разрядка наша.

тала, но и всемерно помогать укрепляться разлагающемуся капитализму, помогать ему удержаться от неминуемой гибели. Поэтому ее меновая концепция фактически есть не что иное, как теория, которая должна оправдать практику социал-фашизма, направленную на поддержку и укрепление капитализма. В этом заключается сугубо практический смысл этой «теории» для социал-фашизма, точно так же как и теории «организованного капитализма». Обе они внутренне между собою связаны, по существу являются обоснованием программного действия социал-фашизма в деле спасения умирающего капитализма в борьбе против надвигающейся пролетарской революции.

С другой стороны, свою практическую реализацию эта потребительски-меновая концепция получает в той политике, которую социал-фашизм проводит сейчас под лозунгом «хозяйственной демократии». Как известно, социал-фашизм провозглашает, что «высшей» и «наиболее полной» формой хозяйственной демократии являются потребительские общества и так называемые рабочие банки. Выдавая это за «куски социализма», он всемерно пропагандирует эти идеи в рабочем классе. Не говоря уже о том, что такие предприятия имеют ничтожный удельный вес по сравнению с чисто капиталистическими предприятиями и потому не могут внести каких-либо серьезных изменений, они вообще в условиях капитализма неизбежно всасываются в общий капиталистический организм и превращаются в простой придаток к нему. Поэтому на деле они являются лишь способом мобилизации рабочих средств в интересах капитала и тем самым способствуют расширению экономического господства капитала. Так что сколько бы рабочие ни «кооперировались» в сфере потребления, им никогда не удастся таким путем отменить и даже изменить капиталистический способ производства, точно так же как и само потребление, поскольку это делается в условиях капитализма. Социал-фашисты прекрасно это понимают. Поэтому они так усиленно пропагандируют эти безвредные для капитализма идеи. Вот как в действительности выглядит потребительский социализм Каутских, Гильфердингов и Отто Бауэров.

Но если эта вульгарная меновая концепция в своем законченном виде стала достоянием социал-демократии после войны, то в своем зародышевом виде она входила в ее теоретический арсенал уже задолго до войны.

Еще в 1911 г., в своей статье «Финансовый капитал и кризисы» [1]), написанной по поводу появления «Финансового капитала» Гильфердинга, Каутский становится на путь ревизии Маркса под флагом «продолжения и дальнейшего развития» «Капитала». Он говорит там, что «Капитал» Маркса «остался незаконченным» и требует своего «завершения и продолжения». Кроме того он «в своих существенных частях» уже устарел, ибо с момента его написания «произошел экономический переворот», вызвавший «целый ряд новых явлений, которые в «Капитале» не были изучены и до появления книги Гильфердинга (!) не нашли подробного и достаточного исследования». Поэтому, восклицает Каутский, книга Гильфердинга «является одним из замечательнейших явлений» марксистской литературы, и «в известном смысле ее можно назвать продолжением «Капитала» Маркса».

Эти «новые явления», по мнению Каутского, произошли в сфере обращения, и поэтому Гильфердинг посвятил свою книгу исключительно этой области. Тем более, что это диктовалось еще тем обстоятельством, что посвященные анализу процесса обращения II и III томы «Капитала» в отличие от I тома «представляют только отрывки», и вообще обращение «было до сих пор слишком мало оценено и совершенно не подвергалось систематическому

[1]). К. Каутский, Сочинения, т. II.

исследованию». Но вот пришел Гильфердинг и дал это «систематическое исследование», которого Каутский у Маркса совершенно не нашел.

Так похоронив Маркса как устарелого и расчистив себе путь, об'явив одновременно, что империализм представляет собой новое явление только в обращении (кстати это вполне увязывается с его пониманием империализма как «политики»), и подменив для этого Маркса Гильфердингом, Каутский приступает к делу. Он начинает с уже знакомого нам положения, что «только вполне поняв процесс капитала в ц е л о м, можно ясно увидеть и тенденции его развития и тем самым задачи и цели социалистического движения» [1]). Сделав ударение на этом пресловутом «целом», он хочет показать, что задачи социализма лежат именно в обращении, ибо это «целое» целиком и полностью определяется этим последним, так как «формы капитала, — продолжает он, — изменяются под воздействием процесса о б р а щ е н и я гораздо быстрее, чем под воздействием процесса производства», и поэтому «факторы, проистекающие из процесса обращения более мощно (!), воздействуют на характер капиталистических отношений и быстрее изменяются» [2]). Но раз решающая роль в формировании и развитии производственных отношений принадлежит обращению, то отсюда Каутскому нетрудно притти к выводу, что вообще определяющим фактором общественного развития и смены хозяйственных форм является именно обращение. Поэтому он и не замедлил сделать такой «вывод». «Одни только перемены в обращении, — глубокомысленно заключает он, — могут совершенно изменить характер промышленного предприятия, например превратить его из предприятия ремесленного типа в предприятие, эксплоатируемое на капиталистических началах» [3]). Итак, смена способа производства простого товарного хозяйства капиталистическим способом производства совершается, по Каутскому, под исключительным воздействием обращения и вообще есть лишь простая перемена в торговле. Но раз так, раз переход от простого товарного хозяйства к капитализму может совершиться под влиянием изменения в обращении, то почему такой же переход нельзя совершить от капитализма к социализму. И Каутский на это отвечает, как мы видели, п о л о ж и т е л ь н о. Поэтому он говорит, что «вполне возможно проследить это развитие в н е ближайшей связи его с процессом производства» [4]).

Но Каутскому как «марксисту» неудобно же отвернуться от марксова «введения», трактующего о единстве производства и обращения и о примате производства, и поэтому он «не может» совершенно отвергнуть роль производства в общественном развитии. И вот тут он решил выкинуть трюк. Он «соглашается», что между производством и обращением имеется известное единство, но только это «единство» он сводит к единству т е х н и к и и обращения, поставив для этого знак равенства между техникой и производством. «Конечно процесс обращения и процесс производства,—говорит он,—находятся в постоянном взаимодействии. Изображенное развитие (речь идет о переходе простого товарного хозяйства к капиталистическому. — *И. А.*) представляет продукт воздействия не только процесса обращения. Нет сомнения, что мощное воздействие в том же направлении оказал процесс производства, прогресс т е х н и к и» [5]). Таким образом механически сведя производство к технике, Каутский пытается доказать, что если и имеется влияние на процесс обращения, то это влияние идет отнюдь не со стороны способа производства, а со стороны техники, т. е. способ производства у Каутского опять

[1]) К. К а у т с к и й, Сочинения, т. II, стр. 55, разрядка наша.
[2]) Там же, стр. 56—57, разрядка наша.
[3]) Там же, стр. 57.
[4]) Там же, стр. 56, разрядка наша.
[5]) Там же, стр. 56, разрядка наша.

остается в стороне. Так «марксист» Каутский опошляет марксово учение о производстве и обращении. Это сведение общественных социально-классовых явлений к техническим явлениям и наоборот — выдавание этих последних за общественные вообще — является характерной чертой методологии социал-фашизма. Выше мы видели, как Каутский техническое разделение труда выдавал за общественное и тем делал капитализм «организованным». Ниже нам предстоит увидеть, как главнейший и решающий вопрос пролетарской революции — обобществление (социализация) средств производства, осуществление которого возможно лишь с «экспроприацией экспроприаторов»,— социал-фашизм трактует как чисто техническую проблему, не нуждающуюся ни в какой «экспроприации».

В заключение, для того чтобы все-таки убедить рабочего, что дело вовсе не в производстве, а в обращении, Каутский пускается на следующую сверхподлость, достойную только социал-империалиста.

«Капиталист может получать прибыль,— пишет наш «ученый»,— н е т о л ь к о за счет рабочих, но и за счет своих капиталистических собратьев (!!), и, обладая уменьем, надлежащим количеством капитала и счастьем (?!), он может гораздо быстрее (!) разбогатеть, эксплоатируя грабителей (?!), чем эксплоатируя только ограбляемых» [1]). Дальше итти некуда! «Ученый марксист» Каутский пытается доказать рабочим, что источник прибавочной стоимости капиталистов лежит «гораздо» более в обращении, нежели в производстве, и что эксплоатируются не столько рабочие, сколько и неудачливые капиталисты. Так почему же не об'единиться этим двум обиженным классам, интересы которых сама судьба об'единила, и не устроить обращение так, чтобы оно более никого не обижало?

Не приходится говорить о том, что подобное «понимание» происхождения прибыли есть полнейший возврат к вульгарной буржуазной экономии, которая стремилась выдавать искаженную внешность явлений за их действительную сущность и тем скрыть их классовый, эксплоататорский характер. Марксову теорию прибавочной стоимости, экономически обосновавшую классовую борьбу пролетариата Каутский превратил в пошлую реакционную теорию гармонии классовых интересов труда и капитала. Это сознательное «фетишизирование» экономических явлений вообще стало характерной чертой для социал-фашистской, апологетической теории Каутского. Так, в уже знакомой нам «Пролетарской революции» ренегат Каутский желает доказать рабочим, что если они хотят «производить и следовательно существовать», то они ни в коем случае не должны вмешиваться в процесс производства капиталиста и тем создать в нем (в капиталисте) уверенность в неприкосновенности его богатства и следовательно обеспечить нормальный ход производства. Ибо «если в нем этой уверенности нет, то он не станет рисковать своим состоянием. Он превратит его в золото, драгоценные камни и другие предметы высокой и прочной ценности, занимающие мало места и легко могущие быть спрятанными, или же поместит его в предприятие с быстрым оборотом капитала, в ростовщичество или торговлю, где риск оплачивается скорой и высокой прибылью» [2]). Интересно, как представляет себе наш маститый «теоретик», откуда взялась бы эта «скорая и высокая прибыль», если бы все капиталисты поместили свои капиталы в ростовщичество и торговлю или стали бы то и дело перепродавать друг другу золото и бриллианты. Но мы конечно не сомневаемся, что он сможет найти на это достойный для себя ответ, ибо мы ведь видели, как быстро и совершенно без затруднений фабрикуются социал-фашистские теории, необходимые капиталу.

---

[1]) К. К а у т с к и й, Сочинения, т. II, стр. 56.
[2]) К. К а у т с к и й, Пролетарская революция и ее программа, стр. 17.

Теперь становится совершенно ясным, почему Каутский берет под свою защиту бедного Гильфердинга, который подвергается, по его мнению, «несправедливым упрекам» за игнорирование факторов производства в его «Финансовом капитале», и заявляет, что «несправедливо упрекать Гильфердинга в том, что он не заметил этих факторов» [1]). Гильфердинга действительно есть за что защищать. Его концепция «Финансового капитала» целиком сходится с концепцией Каутского, поэтому в его лице Каутский видит свою опору и единомышленника. Вот что писал Р. Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» еще задолго до войны по поводу того, как нужно осуществлять «политику социализма». «Овладение шестью крупными берлинскими банками, — читаем мы там, — уже в настоящее время было бы р а в н о с и л ь н о овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма» [2]).

Это положение полностью увязывается с его теорией подчинения промышленного капитала банкам и игнорированием самостоятельной роли промышленного капитала, которую он проводит на протяжении всей своей книги. Поистине, он слона-то и «не приметил». Вместо господства ф и н а н с о в о г о капитала как сращенного промышленного и денежного капитала, как с и н т е з а этих двух форм капитала, у него выступает господство д е н е ж н о г о капитала. Поэтому для него вполне закономерно, что для осуществления «политики социализма» надо внести изменения в банковский капитал, оставив в покое промышленность, капиталистическое производство. Это для него «р а в н о с и л ь н о» овладению промышленностью, причем «уже в настоящее время», т. е. при капитализме.

Таким образом меновая концепция социал-фашизма, т. е. теория, направленная против пролетарской революции, против лозунга «экспроприации экспроприаторов», против социализма, есть теория, которая не просто внезапно свалилась в теоретический и политический багаж послевоенной социал-демократии, но она в зародышевом виде уже входила в теоретические воззрения довоенной социал-демократии, и ее элементы в более или менее оформленном виде были сформулированы главнейшими представителями социал-демократии еще задолго до войны.

В послевоенный же период социал-демократия делает особый упор на нее в связи с тем, что это диктуется особыми условиями послевоенного капитализма, обострившего до крайних пределов классовые противоречия и классовую борьбу, в связи с тем, что уже р е а л ь н о наступил момент, когда «бьет час капиталистической частной собственности», когда мир раскололся на две борющиеся системы, когда социализм побеждает и «экспроприация экспроприаторов» уже осуществляется на деле на одной шестой земного шара. В связи с этим наступлением предсмертного часа капитализма, а вместе с ним и социал-демократии, последняя должна встать на решительную защиту капитала против революционного пролетариата и его вторжений в капиталистическую собственность. И в этой борьбе социал-демократия фабрикует различные контрреволюционные теории, которые она направляет против классовой борьбы пролетариата. Особенную роль в этих условиях должна была сыграть социал-демократическая теория «социализации» обращения.

Эта теория в послевоенный период получила свое окончательное завершение и приобрела важнейшее место в теоретическом арсенале социал-фашизма в трудах австрийского социал-фашиста Карла Реннера, известного своим мастерством под «левыми» фразами преподносить самые реакционные теории. Его последняя работа, вышедшая в 1924 г., «Хозяйство как совокупный процесс и обобществление», проникнута одной генеральной целью: доказать,

[1]) К. К а у т с к и й, Сочинения, т. III, стр. 56.
[2]) Р. Г и л ь ф е р д и н г, Финансовый капитал, стр. 443, разрядка наша.

что капиталистическое обращение автоматически приводит общество к социализму и что в связи с этим главнейшей задачей пролетариата является организация в потребительские общества. Заявляя, что «процесс обращения является... р е ш а ю щ и м моментом» [1]) хозяйственной жизни, Реннер разумеется начинает с того, с чего начали его собратья, немецкие социал-демократы. Для очистки себе пути в своих «теоретических» построениях, в корне противоречащих Марксу, он начинает естественно с «преодоления» главнейшего препятствия, с «опровержения» Маркса. С первых же страниц он заявляет, точно так же как это делал Каутский, что «Капитал» Маркса «написан в отдаленную от нас эпоху... и не доведен до конца» [2], «что же касается учения о потреблении, то на марксистской основе оно вообще еще до сих пор не разрабатывалось» [3]).

И вот Реннер под флагом «доведения до конца Маркса» берет на себя задачу «продолжить» его теорию и дать «марксистское» учение о роли обращения и потребления. Прежде всего он недоволен тем обстоятельством, что «почти повсюду социализирование понимали как чисто производственную проблему», в то время как его цель — «прежде всего основательно проработать процесс капиталистического обращения, так как в нем и м е н н о открываются нам с в я з и капиталистического хозяйства», и поэтому только оно «выступает перед нами как предпосылка социализирования» [4]), ибо «процесс обращения, — с «находчивым» видом восклицает наш автор, — является высшим законодателем (!) и судьею (!) капиталистического общества и в нем, собственно говоря, заключается существо (!!) проблемы социализирования» [5])

Собственно ничего нового наш «ученый» не открывает. Он только пересказывает в наиболее наглом и безграмотном виде то, что до него уже высказали его немецкие соратники. Он, так же как Каутский и Гильфердинг, «не замечает» никаких «связей» в процессе производства и, так же как и они, безнадежно скользит по поверхности капиталистического рынка. Он отождествляет хозяйственный процесс с процессом обращения, и потому, заявляет он, чтобы изучить этот хозяйственный процесс, «направимся на рынок».

Основу классовой структуры капиталистического общества Реннер видит не в расстановке классов в производственном процессе на базе определенных имущественных отношений, а лишь в способе распределения доходов.

«Исторически сложившееся и актуальное распределение дохода,—пишет он, — составляет классовую основу современного капиталистического хозяйства» [6]), и следовательно «законы распределения (!) дают нам ключ к определению социальных классов» [7]). Поэтому для него «сущность проблемы социализирования» заключается в том, чтобы «прежнюю организацию р а с п р е д е л е н и я п о с т е п е н н о заменить новой» (426), причем это должно осуществляться разумеется рядом «последовательно применяемых отдельных мероприятий» (425), а не революционным путем.

То, что всякое распределение доходов всегда есть лишь результат данного распределения средств производства, и поэтому оно может быть изменено лишь с изменением самого способа производства, то, что это распределение лишь «при самом поверхностном понимании представляется... далеко отстоящим от производства» (Маркс), — эта марксистская истина не убедительна для Реннера.

---

[1]) К. Р е н н е р, Теория капиталистического хозяйства, стр. 12, разрядка наша.
[2]) Там же, предисловие.
[3]) Там же, стр. 12.
[4]) Там же, стр. 2—3, разрядка наша.
[5]) Там же, стр. 290.
[6]) Там же, стр. 325.
[7]) Там же, стр. 322.

Он упорно хочет врасти в «социализм» исключительно путем «изменения» распределения. Тут невольно вспоминается замечание Маркса в «Критике Готской программы», как будто бы специально написанное для Реннера: «Вульгарный социализм (а от него в свою очередь часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение как нечто независимое от способа производства, поэтому он изображает социализм вращающимся главным образом вокруг распределения» [1]).

Выдвигая в качестве «опорных пунктов социализирования» обмен и распределение, Реннер пытается убедить рабочих, что капиталистический способ производства нужно оставить нетронутым. Ибо «побудительному стимулу» капиталистического производства общество, видите ли, ничего не в состоянии противопоставить, и потому отмена последнего грозит общей гибелью всему народному хозяйству. Он утверждает, что «нигде не проявляется тенденция к уничтожению товарного способа производства» и поэтому «нельзя начинать процесс социализирования с устранения его товарного характера». И если бы социализация была поставлена в порядок дня и выдвинула задачу уничтожения прибавочной стоимости, то это было бы «равносильно тому, что производство и обращение одним ударом лишилось бы своего единственного стимула, если бы даже (!) на его место поставили другой всеобщий стимул». И вообще принцип прибыли «сделался до такой степени исключительным, что всякий другой принцип вряд ли мог бы быть проведен в жизнь» [2]).

Иначе говоря, социализирование производства вообще невозможно, ибо начинать с уничтожения товарных отношений и эксплоатации, т. е. с того, что лежит в основе капиталистического способа производства, нельзя, так как никакой другой способ производства не может заменить капиталистический и потому не может быть проведен в жизнь. Поэтому Реннер рекомендует запомнить, что ни в коем случае «социализация не может начинаться с производства», ибо «это не представляет пути к достижению цели» (319) и лишь только «шаг за шагом, начавши с обращения, можно перевести на новые пути и капиталистическое производство» (322). «Социализирование же, которое не берет процесса обращения за исходный пункт, бьет мимо главной цели и совершает огромную ошибку по отношению к ней» (290), т. е. к этой цели.

Итак, основы капиталистического способа производства Реннер оставляет в покое, они являются, по его мнению, незаменимым началом для всех времен и народов, без которых никакое общество не может существовать. Но в чем же тогда корень зла по господину Реннеру? Провозгласив, что «опорными пунктами социализирования» является обращение, он берется доказать это положение. И он делает это весьма «оригинально», целиком повторяя Каутского. Он об'являет прежде всего, что «основное противоречие капитализма» — это противоречие между производством и обращением, заключающееся якобы в том, что при наличии уже «организованного производства», основанного «на принципе коллективного труда», в обращении царит все еще полная анархия и оно стоит еще «под знаком частного лица»; «царящей на рынке анархии противостоит общественный характер производства» (288). «Развивая» это «основное противоречие», Реннер делает вывод, что капиталистическое производство «следовательно» «уже обобществлено» и что лишь присвоение продукта совершается частным образом, причем это присвоение совершается в процессе обмена «агентами обращения». И поэтому именно в обращении «лежит корень проблемы и центральный пункт социализирования, а не где бы то ни было в другом месте» (290) и тем более не в про-

[1]) К. Маркс, Критика Готской программы, стр. 57.

[2]) К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 286—287, разрядка автора.

изводстве, ибо «сфера обращения... не имеет ничего общего с производством» (291).

Во-первых, Реннер для доказательства правильности своих позиций преднамеренно подменяет, как это раньше делал Каутский, анархию общественной организации труда технической организацией его на отдельных предприятиях и выдает это последнее за планомерность всего общественного хозяйства, за «организованное производство». Во-вторых, он пытается здесь внешне подделаться под Маркса и болтает об «общественном характере труда и частном способе присвоения». Но только с той маленькой разницей, что, если для Маркса это противоречие характеризует внутреннюю сущность капиталистического способа производства, которая может быть отменена только победой угнетенного класса и коренной перестройкой производственных отношений на основе «экспроприации экспроприаторов», то для Реннера это — чисто внешнее противоречие, могущее быть разрешенным самим капитализмом при помощи «обобществленного» производства. Само основное классовое противоречие капитализма Реннер сводит лишь к противоречию между производством и обращением (причем в совершенно своеобразном толковании), противоречию, не имеющему никакого отношения к классовым противоречиям, а наоборот, об'единяющему различные классы в общей борьбе за ликвидацию этого противоречия, якобы мешающего всему обществу в целом.

Для Реннера обобществление это чисто т е х н и ч е с к и й процесс, автоматически совершаемый самим ходом капиталистического развития и заключающийся лишь в том, что происходит техническая концентрация процессов труда. Обобществление труда он таким образом выдает за обобществление собственности, ибо для него ведь «социализация есть именно (!) о р г а н и з а ц и о н н а я работа» [1]) и следовательно осуществляемая в рамках капитализма. Он совершенно игнорирует с о ц и а л ь н о - к л а с с о в у ю сущность обобществления, невозможного без освобождения производительных сил от их капиталистических форм, которое может обеспечить только экспроприация этих производительных сил у класса капиталистов и передача их в общественное пользование тех, кто работает на них, т. е. самих трудящихся. Иначе говоря, разрешение противоречий капитализма «может состоять лишь в ф а к т и ч е с к о м признании общественной природы современных производительных сил, следовательно в приведении способов производства, присвоения и обмена в соответствии с общественным характером средств производства. А этого можно достигнуть только прямым и открытым переходом в общественную собственность производительных сил, переросших всякий другой способ применения их к делу» [2]). Но по Реннеру, производство при капитализме «уже обобществлено», и нужно лишь приспособить к нему обращение — и тогда все будет в порядке, наступит полный социализм... в лоне капитализма.

Для Энгельса «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе» [3]), и следовательно это последнее есть лишь форма проявления основного к л а с с о в о г о противоречия капиталистического общества, следовательно оно неизбежно, пока существует капитализм, и разрешить его может только пролетарская революция. Для «марксиста» Реннера же противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением есть лишь чисто техническое «противоречие» между организо-

[1]) К. Р е н н е р, Теория капиталистического хозяйства, стр. 322, разрядка наша.
[2]) Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 264, разрядка наша.
[3]) Там же, стр. 258.

ванным производством и неорганизованным обращением. А противоположности между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе у него не существует, ибо техническая организованность фабрики выдается им за общественную организованность хозяйства в целом. Поэтому если для Энгельса «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявилось в антагонизме между пролетариатом и буржуазией» [1]), то для Реннера это—противоречие внеклассового характера, и потому ликвидация его вовсе не предполагает освобождения производства от его капиталистической формы. Ликвидировать это противоречие должно все общество в целом общими усилиями всех классов, ибо оно в равной степени всем им мешает плавно «врастать в социализм». Нечего сказать, хороша перспектива для пролетариата!

Запретив рабочим вмешиваться в производство, об'явив, что «точкой приложения для социализации» является обращение, Реннер тотчас же спешит завершить свое предательство в этом вопросе и пытается убедить рабочих, что им собственно и в обращение-то нечего вмешиваться, ибо «сама интеграция капитала привела к организации обращения» (321), а социализирование есть «продукт автоматического обращения», есть «автоматическое социализирование» (313), обеспеченное самим ходом капиталистического развития, и «фактическая экспроприация... чужой собственности осуществляется самим механизмом обращения» (303), причем это является «основным законом» его. «Капиталистическое развитие само по себе, так сказать автоматически, ходом развития капитала, приводит к социализации» (стр. 317, разрядка автора). Иначе говоря, пролетариату ничего не остается делать, за него сам капитализм уже сделает то, что ему необходимо для перерастания в социализм.

Это по существу старая ревизионистская теория автоматического врастания в социализм, несколько модифицированная в применении к социал-демократической теории обращения.

Мы видели, что Реннер рассматривает обращение как единственную область капиталистического хозяйства, где еще царят анархия и произвол. В полном соответствии с этим Реннер считает, опять же повторяя Каутского, что закон стоимости является законом, действующим еще лишь в сфере рыночных отношений, на рынке, но отнюдь не в производстве, ибо это последнее, по его мнению, уже организовано, обобществлено. Так, он заявляет например: «Судилищем... на котором выносится решение относительно... стоимости, является рынок, является совокупный процесс обращения» [2]). Обеспокоенный как истый «социалист» этим печальным фактом существования еще стоимости в сфере обращения, Реннер решил пуститься в «исследования» рынка, чтобы проследить судьбу этой, не дающей ему спокойно спать, стоимости. И вот в результате своих «глубокомысленных исследований» он установил весьма «об'ективную» тенденцию, которая, по его мнению, должна спасти капитализм от анархии (в обращении). «Исследование обращения показало нам,— сообщает о своих результатах автор,— что эта анархия подвержена воздействию, что она помимо воли вводится в русло об'ективного порядка, что обращение из своих недр порождает изумительную организацию (!), которая охватывает весь мировой рынок и создает центры для крупного торгового и банковского капитала» [3]).

Но важно то, что эту «изумительную организацию», «уничтожающую» конкуренцию и закон стоимости в «последнем» его убежище, в обращении,

[1]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 256.
[2]) К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 289.
[3]) Там же, стр. 289, разрядка автора.

Реннер представляет как одновременный процесс, который знаменует собой переход от частного производства к общественному. «Производственный процесс,— авторитетно устанавливает наш «исследователь»,— материально осуществляется как общественный процесс, но он имеет внешнюю форму (!) индивидуального владения. Процесс обращения осуществляется индивидуальными частичными владельцами денег и товаров, но... частный индивидуальный капитал переходит в общественный совокупный капитал, и... этот совокупный капитал принимает в виде банковского капитала непосредственную и осязательно обобществленную форму» [1]), ибо,— продолжает «обосновывать» наш автор,— ...«Крупная фирма выступает как частное лицо, но в своих отношениях к публике она держит себя как публичное учреждение» (?) [2]).

На основании выведенного таким образом «закона» Реннер делает «вывод», что механизм капиталистического обращения «окольным путем осуществляет то, что необходимо обществу, а именно: перераспределяет производительные силы» на основе их «обобществления», т. е. делает то, «чтобы они более не соответствовали частным отношениям собственности, а были бы приспособлены к современному состоянию производительных сил» (?!) [3]).

Реннер конечно прав, что производственный процесс материально осуществляется как общественный процесс. Но вместо того, чтобы на основании этого сделать вывод о необходимости «фактического признания общественной природы» этого производственного процесса, т. е. необходимости раскрепощения его от капиталистических производственных отношений, от капиталистического способа присвоения, и тем разрешить основное противоречие капитализма, он болтает о том, что это противоречие заключается лишь в том, что только по «внешней форме» он (производственный процесс) как бы находится в индивидуальном владении. Так что получается, что эта индивидуальная собственность вовсе не является существенным, определяющим моментом капиталистического способа производства, а лишь формальным моментом, ибо частный капитал фактически «переходит в общественный совокупный капитал». Причем «переход» этот совершается разумеется в процессе обращения, например в виде концентрации банковского капитала, где он принимает уже «непосредственную» и даже «осязательную» обобществленную форму и следовательно, нужно полагать, сбрасывает с себя даже «внешнюю форму» индивидуального владения, которая уже очевидно «перестала» ему соответствовать. И эту хитросплетенную махинацию Реннер подсовывает как «перераспределение производительных сил» на основе уничтожения отношений частной собственности, т. е. как очередной «кусок социализма». Вот здесь-то и сказывается служебная роль меновой концепции социал-демократии, цель которой — доказать, что процесс концентрации и централизации капитала и образования монополий является процессом осуществления социализма... в недрах капитализма. Поэтому-то Реннер с самого начала главы о социализировании и определяет свою «главную задачу» как задачу доказать, что капитализм «в своих недрах подготовляет зарождение новых хозяйственных форм» (стр. 285, разрядка автора) и что «в недрах старого общества фактически созревают все элементы нового общества: капитал социализируется» (стр. 317).

Так, концентрацию и централизацию капиталов, т. е. то, что является лишь материальной предпосылкой обобществления, Реннер выдает за

[1]) К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 301, первая разрядка наша, остальная автора.
[2]) Там же, стр. 313, разрядка автора.
[3]) Там же, стр. 301, разрядка автора.

самое обобществление, за «экспроприацию, распространяющуюся непосредственно на функционирующего капиталиста» (стр. 279), ибо, по его «ученому» мнению, экспроприация не только исходный исторический пункт капиталистического способа производства, но «экспроприация стала его целью, а именно в последней инстанции экспроприацией средств производства всех отдельных производителей» (стр. 279, разрядка автора), а «концентрация и централизация совершают эту экспроприацию ежедневно и регулярно» (стр. 305). И поэтому собственность какого-нибудь капиталистического об'единения Реннером об'является как «не его собственность, а общественная собственность» (стр. 279, разрядка автора). Но мы напомним здесь Реннеру мнение Маркса, выраженное им прямым образом по этому вопросу в III томе «Капитала», а именно, что эта экспроприация «в последнем счете — экспроприация всех индивидуумов от средств производства» [1]), и что «эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими» [2]), т. е. по существу является процессом, обостряющим общественные противоречия, ибо на место большого числа мелких и средних капиталистов появляется все меньшее число крупных капиталистов, поглощающих всех остальных. «Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самих капиталистов, мелких и средних» [3]). Именно в этом заключается процесс централизации капитала.

Выдавая таким образом процесс капиталистической концентрации и централизации за процесс социалистического обобществления, у социал-демократии неизбежно выпадает самая задача действительного обобществления, и ей остается только одно: всемерно содействовать этой концентрации и поддерживать империалистические монополии, что она и делает на самом деле, конечно... под флагом борьбы за социализм.

На этом фоне совершенно ясным становится утверждение Реннера, что например акционерные общества являются фактически не частнокапиталистическими предприятиями, а обобществленной, социализированной формой собственности, экспроприированной собственностью. Имея своей целью представить обращение как решающий момент хозяйственной жизни, он говорит, что «в особенности это имеет силу по отношению к акционерному банку (стр. 279), ибо «с развитием общественного способа производства... средства производства перестают быть средствами и продуктами частного производства; они могут стать средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей. Таковыми они являются уже в наше время, правда лишь в скрытой форме» [4]). То, что эти «ассоциированные производители» в пределах капиталистического общества сами являются капиталистами-экспроприаторами, этого Реннер «не замечает».

Поэтому в развитии акционерных обществ он не видит движения капиталистических противоречий, выраженных лишь в новой форме, а наоборот, он представляет их как представителей нового способа производства, как нечто принципиально новое. Опять же, напомним Реннеру мнение Маркса — Энгельса по этому поводу: «В акционерном деле уже существует противоположность старой форме, в которой общественные средства производства выступают в виде индивидуальной собственности; но самое превращение в форму акций еще стеснено капиталистическими границами; поэтому вместо того, чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как общественного и как частного богатства, оно лишь развивает его в

[1]) К. Маркс, Капитал, т III, ч. 1-я, стр. 425, Гиз, 1924 г., разрядка наша.
[2]) Там же, стр. 426, разрядка наша.
[3]) Там же, стр. 425.
[4]) Там же, стр. 279, разрядка автора

новой форме» [1]), ибо «ни переход в руки акционерных компаний, ни превращение в государственную собственность не отнимают однако у производительных сил их капиталистических свойств. Относительно акционерных компаний и трестов это очевидно» [2]).

Следовательно, по Марксу—Энгельсу, акционерные общества являются той «новой формой», в которой получает свое дальнейшее развитие основное противоречие капитализма. Приведем к примеру хотя бы современные капиталистические монополии. Разве большинство из них не организовано в форме акционерного капитала? Но кто сможет не признать, что именно в монополиях проявляется в наиболее рельефной и резкой форме это противоречие, что именно здесь финансовая олигархия господствует над громадными общественными богатствами и общественными средствами производства, эксплоатируя колоссальные кадры пролетариата?

Реннер не согласен с такой оценкой капиталистических монополий. По его мнению, монополии, поскольку они представляют «капитал, который производит сам все, начиная с сырья и кончая готовым продуктом, который не нуждается более в торговле и который доставляет продукты прямо потребителям» (стр. 313), эти монополии являются социализированной формой производства, «продуктом автоматического социализирования». Он считает, что в лице таких монополий «в конце концов появляется, как идеал (!), новая форма капитала», ибо «перед нами универсальный капитал в общественном масштабе, продукт автоматического обращения: перед нами автоматическое социализирование» (стр. 313, разрядка автора). Опять же общественная эксплоататорская сущность капиталистических об'единений для Реннера не имеет значения, его интересует лишь организационно-техническая сторона дела, которой он постоянно подменяет социально-классовую сущность. Для него ведь, как мы уже видели, самая «социализация есть именно организационная работа» и поэтому он категорически против того, чтобы ее понимать «просто как отчуждение» (стр. 308). Точно так же и «экспроприацию,—поучает нас Реннер,—надо понимать, по крайней мере для практики наших дней, не как отчуждение собственников, а лишь как экспроприацию титулов». Этот юридический фетишизм, точнее постановка правовых моментов на место экономических, вообще стал характерным для «исследований» Реннера и последовательно проводится им на протяжении всей его книги. Эту методологию он позаимствовал не у кого иного, как у самого изощренного фальсификатора Маркса и самого реакционного буржуазного «ученого» — г. Кунова, который точно так же все экономические противоречия капитализма сводит к противоречиям правового характера (см. его книгу «Марксова теория исторического процесса»).

Для Реннера экспроприация сводится лишь к формальному моменту, к «экспроприации титулов», потому что, по его мнению, капиталистическое развитие сопровождается не уменьшением числа собственников, а наоборот, происходит все большая «справедливая демократизация собственности», ее растворение в массах. В этом процессе оказывается трудно даже узнать, где рабочий и где капиталист, ибо они то и дело постоянно «переходят друг в друга», и поэтому-то и титулы собственности сами перестают иметь какое-либо существенное значение, они самоуничтожаются, самоэкспроприируются.

«Развитие капитализма за последние полстолетия, — пишет Реннер, — далеко не представляется простым и прямолинейным, выражающимся лишь формулой: все меньшее число все более крупных капиталистов и, с другой стороны, все большее число лишенных

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 426, Гиз, 1924 г., разрядка наша.
[2]) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 263, разрядка наша.

собственности пролетариев. До такого положения вещей еще не дошли.

Доходы капиталистов тщательно выравниваются, более того, стремятся к превращению в простые дивиденды на совокупный общественный капитал и по видимости приводят к справедливой демократизации собственности. Несмотря на всяческую концентрацию, число тех, которые называют себя собственниками, не уменьшается и вместо немногих сверхкапиталистов среди бесчисленных пролетариев мы видим медленно утончающуюся кверху пирамиду из слоев различных родов капиталистов и различной величины состояний» [1]). «Логические пары: «владеющие — невладеющие классы», «трудящиеся — нетрудящиеся классы», «наемные рабочие и капиталисты» — часто меняли свои границы и переходили друг в друга» [2]).

Ленин в своей работе «Империализм» дал блестящую оценку этой мелкобуржуазной, социал-демократической демагогии насчет «демократизации капитала». «Демократизация» владения акциями, — говорил он, — от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии... «Система участий» не только служит гигантскому увеличению власти монополиста, она кроме того позволяет безнаказанно обделывать какие угодно темные и грязные дела и обирать публику» [3]).

Как Реннер и вся социал-демократия на деле помогают усилению мощи финансового капитала, мы уже видели. Неслучайно поэтому Реннер делает заключительный аккорд в виде общего вывода, который сводится к тому, что «речь идет не о разрушении данной организации (т. е. капитализма. — *И. А.*), но лишь о ее преобразовании и наполнении ее новым духом» (?) (стр. 321), ибо «легко разрушить капиталистическое хозяйство, но заменить его другой системой очень трудно» (стр. 319).

Иначе говоря, боритесь за социализм, но не смейте его осуществлять, не смейте разрушать капитализм, ибо из этого все равно ничего не выйдет и это лишь «может отбросить хозяйство на многие годы, даже на десятки лет назад» (стр. 319). Это полностью воспроизводит позицию русских меньшевиков в 1905 г., которые учили рабочих «бороться» за власть, но ни в коем случае не брать ее в свои руки, не побеждать. Именно исходя из этой установки — «не разрушать капитализм», — социал-демократия проповедует в качестве средства для социалистического преобразования общества изменение потребления, обращения, распределения и т. д., т. е. все, что хотите, но только, боже упаси, не способа производства. И это делается потому, что именно преобразование производства, производственных отношений есть главное и решающее содержание общественного переустройства. Но это последнее невозможно осуществить никаким другим путем, как только революционным низвержением капитализма, установлением диктатуры пролетариата, против чего, вместе со всей буржуазией, как раз борется международный социал-фашизм.

Маркс с исчерпывающей полнотой показал в «Капитале» в теории капиталистического воспроизводства и «всеобщем законе капиталистического накопления», что сам механизм капиталистического производства постоянно, автоматически воспроизводит вместе с материальными условиями существования и сами капиталистические отношения: капиталиста — на одной стороне, неимущего пролетария — на другой, вместе с этим воспроизведя и все клас-

[1]) К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 307—308, разрядка автора.
[2]) Там же, стр. 324—325
[3]) Ленин, т. XIX, стр. 108—109.

совые антагонизмы капиталистического общества. Причем все это происходит во все расширяющемся масштабе на основе расширенного воспроизводства. Следовательно для того, чтобы воспроизводство этих антагонистических капиталистических производственных отношений заменить воспроизводством социалистических отношений, необходима коренная ломка всей структуры капитализма, коренная ломка его производственных отношений, которая может быть осуществлена только насильственным переворотом, и никакая мирная эволюция в «перерастании» производственных отношений капитализма к социализму не может быть научно обоснованной. Пока средства производства не перестают быть капиталом, не перестают быть средством эксплоатации, до тех пор нельзя осуществить социализм, на какие бы уступки ни «шел» капитал и сколько бы реформ ни «удалось» выпросить социал-фашистам у господ капиталистов. Мы напомним здесь нашим «социалистам» из лагеря II интернационала слова Маркса, написанные как бы специально для них. Он писал, что подобный «социализм» (т. е. реформизм.—*И. А.)* на деле «старается отвратить рабочих от всякого революционного движения, утверждая, что не те или другие политические изменения, а лишь преобразование материальных условий жизни, экономических отношений может принести пользу рабочему классу. Но под преобразованием материальных условий жизни этот социализм понимает вовсе не уничтожение буржуазных условий производства, возможное только путем революции, а административные улучшения, совершающиеся на почве этой же самой организации производства, следовательно ничего не изменяющие в отношениях капитала к наемному труду и в лучшем случае только уменьшающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие государственное хозяйство»[1]).

Единственно научным обоснованием коммунизма является марксова теория революционного свержения капитализма, осуществляемого социлистическим пролетариатом. Поэтому Маркс в «Критике Готской программы» писал, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования первого во второе», а «этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»[2]). Следовательно никакой экономики переходного периода, экономики социализма не может быть, если нет диктатуры пролетариата, если нет «организованного в господствующий класс пролетариата» (Маркс, «Ком. ман.»), если нет государственной формы его господства. Самая эта переходная экономика может быть осуществлена только при наличии политической власти у пролетариата, при наличии «политического переходного периода».

Но такое понимание сущности переходного периода, с исчерпывающей ясностью показанное Марксом, никак не может удовлетворить «социалистов» от II интернационала. Поэтому они решили в корне извратить его и приспособить Маркса к образу и подобию своему.

Так, общепризнанный вождь и теоретик II, социал-фашистского, интернационала К. Каутский пишет по поводу приведенного определения Маркса: «Это положение в приложении его к вопросу о правительстве мы можем на основании опыта последних лет варьировать (!) следующим образом: «Чисто буржуазная власть в демократическом государстве отделена от чисто пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический

[1]) «Коммунистический манифест», стр. 106, разрядка наша.

[2]) К. Маркс, К критике Готской программы, стр. 69, разрядка до слова «кроме» наша, а с этого слова—автора.

период, в течение которого правительство, как общее правило, имеет форму коалиционного правительства» [1]).

Для Маркса переходный период--это революционная переделка общества которую активно осуществляет революционный класс, организованный в государственную форму диктатуры пролетариата, т. е. при полном господстве пролетариата. Для Каутского же переходный период это... просто «период времени», в течение которого на путях коалиции всех классов происходит «превращение» «чисто буржуазной» власти в «чисто пролетарскую» власть. Оно само «превращается», так сказать самотеком, ибо ведь капитализм врастает в социализм, так зачем же еще кому-то специально преобразовывать, когда этот процесс протекает совсем спокойно и плавно, без каких-либо потрясений, столь ненавистных нашему обывателю от «социализма». Между двумя «чистыми» властями у Каутского лежит тот «период времени», в течение которого происходит постепенное, сугубо эволюционное перерождение «первой во вторую» на основе «коалиционной политики», «как общее правило», в парламентской фикции. Эта власть представляет собой, по Каутскому, «полубуржуазную» и «полупролетарскую» власть, а в действительности буржуазную диктатуру, завуалированную лживой демократией, которую Каутский преподносит рабочим как подлинную «пролетарскую демократию». Иначе он не говорил бы, что «германская конституция, рожденная революцией (?!), несмотря на все свои недостатки, предоставляет социалистическому пролетариату достаточные возможности мирного завоевания политической власти» [2]). Иначе за ним не вторил бы еще более пошло другой социал-демократишка — Дитман: «Мы живем больше не в чистом (!) капитализме, но находимся уже в переходной к социализму стадии как в экономическом смысле, так и в политическом и социальном» [3]).

Социал-демократия уже давно отвергла слова «Коммунистического манифеста», что «первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса» [4]), и что эти «цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения (а не «мирным».—*И. А.)* всего современного общественного строя [5]), и что следовательно «пролетариат (только.—*И. А.)* путем насильственного низвержения буржуазии кладет основание своему господству» [6]).

Ленин писал, что «основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы» [7]). Социал-демократия вообще отрицает диктатуру пролетариата, хотя и «признает» переходный период. Но так как этот последний невозможен без диктатуры пролетариата, то поэтому и сам переходный период фактически отрицается ею.

В деле замазывания классовой борьбы пролетариата, в деле искажения путей превращения капитализма в социализм меновая концепция социал-фашизма является незаменимым теоретическим оружием в руках II интернационала, чтобы «научно» подкреплять свою предательскую практику сеяния иллюзий в рабочем классе, в которой выражается ее политика поддержки и спасения капитализма от неминуемо надвигающейся на него гибели.

---

[1]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 135, разрядка наша.
[2]) Там же, стр. 110, разрядка наша.
[3]) Магдебургский с'езд германской социал-демократии, май 1929 г. Протоколы.
[4]) «Коммунистический манифест», стр. 96, разрядка наша.
[5]) Там же, стр. 113, разрядка наша.
[6]) Там же, стр. 85, разрядка наша.
[7]) Ленин, т. XXV, стр. 5.

Каутский и „теория факторов“

Л. Арисьян

Тов. Сталин в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» со свойственной ему четкостью выдвинул задачу борьбы со всеми разновидностями троцкистских и всяческих иных извращений истории большевизма, задачу «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски» [1]). Одним из важных вопросов, на котором в этой связи следует остановиться, является конкретная характеристика центристской формы оппортунизма, главным представителем, вождем которой на Западе был Каутский. Поэтому научный, большевистский разбор теоретических позиций довоенного Каутского имеет весьма актуальное политическое и теоретическое значение, проливая свет на историю борьбы партии Ленина с центризмом во II интернационале, помогая всестороннему выяснению того пути к социал-фашизму, который проделал II интернационал, и в частности германская социал-демократия с центристским руководством во главе и наконец разоблачая всю контрреволюционную ложь троцкистов и троцкистских контрабандистов, вкупе и влюбе со всей современной социал-демократией творящих легенду об «идейном перевооружении большевизма».

Современный Каутский является самым ярым врагом революционной борьбы пролетариата. Его брызжущие ядовитой слюной «теоретические» пасквили представляют «обобщение» грязной, кровавой, контрреволюционной практики социал-фашизма всех оттенков и мастей. Каутский выступает открытым, откровенным проповедником интервенции в страну победоносного социализма, СССР, во имя укрепления расшатавшегося господства мирового империализма.

Конечно Каутский и сегодня еще пытается прикрыться именем марксизма, «марксистской» фразеологией. Если для создания условий прихода к власти Гитлера германская социал-демократия нуждается в прикрытии этого демагогическим лозунгом «бей Гитлера», то для того, чтобы помочь фашистской буржуазии, Гитлеру, Гинденбургу и фон-Папену расправиться с революционным пролетариатом и его идеологией—марксизмом-ленинизмом, ей (социал-демократии) нужно время от времени вспоминать об отдельных обрывках марксизма, прикрываться «марксистской» фразой.

Этому способствуют еще особые условия Германии.

Наличие огромной армии пролетариата с богатой марксистской традицией и большим опытом сознательной классовой борьбы; наличие большой, пользующейся поддержкой миллионов рабочих и трудящихся коммунистиче-

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 605.

ской партии, закаляющейся в упорной и систематической борьбе за завоевание большинства рабочего класса, за диктатуру пролетариата, создает особенно сложную обстановку, в которой проходит фашизация буржуазного государства в Германии. Буржуазии приходится здесь более гибко и тонко маневрировать обоими своими крылами, фракциями—национал-социализмом и социал-фашизмом,—сочетая политику открытого военно-полицейского кровавого террора по отношению к пролетарским революционным организациям с использованием так называемых «демократических» учреждений.

В этих специфических условиях фашизации Германии роль социал-фашизма является особенно опасной для революционного пролетарского движения. Согласно существующему «разделению труда» между национал-фашизмом и социал-фашизмом на долю последнего выпадает защита диктатуры финансового капитала под лозунгами борьбы за «демократию», за парламентаризм для поддержки, облегчения и подготовки «мирного» перехода к власти крайнего крыла германского фашизма.

Ясно, что «социальная» демагогия германских социал-фашистов в таких условиях особенно тщательно использовывает «марксистскую» фразеологию. В этом отношении германская социал-демократия является главным поставщиком мирового социал-фашизма, организованного во II интернационал. «Иудушка» Каутский,—как метко его прозвал Ленин,—выступает здесь главным «идейным» поводырем социал-фашизма, дающим в своих многочисленных писаниях разработку социал-фашистской теории, служащей обоснованием социал-полицейской практики.

Эту эволюцию II интернационала—его центристского руководства во главе с духовным его пастырем Каутским не понимают и извращают троцкисты и этим в форме «левой» фразы ревизуют ленинскую оценку «марксизма II интернационала». Известно, что Троцкий в своей книжке «Терроризм и коммунизм» полемизировал по существу с ленинским тезисом о ренегатстве Каутского. Немецкий ученик его, профессор Карл Корш в своей брошюре «Materialistische Geschichtaüffassung», написанной по внешности против аналогичного сочинения Каутского, говоря об оппортунизме довоенного Каутского, ссылается на выступления «таких революционных марксистов, как Роза Люксембург, Ленин и Троцкий» [1]). Протащив в тексте таким манером Р. Люксембург и Троцкого р я д о м с Л е н и н ы м, как представителей последовательного революционного марксизма, Корш, прячась в примечания, делает следующий шаг и начинает доказывать, что Ленин до конца стоял на неверных позициях в оценке довоенного Каутского, следовательно довоенной социал-демократии, и что только Троцкий правильно оценивал Каутского. При этом конечно он умалчивает перед своими читателями, что Троцкий был сам представителем центризма у нас, как Каутский — на Западе и что Троцкий при поддержке Каутского не раз направлял свое заржавленное центристское оружие против большевизма и большевистской печати. Он пишет в примечании: упомянем «—об известной политической работе Ленина против «ренегата Каутского», о работе Троцкого, особенно о последней главе из «Анти-Каутского», в которой он (т. е. Троцкий. — *Л. А.*) в молчаливом противоречии с ленинскими тезисами о ренегатстве Каутского особенно подчеркивает существенную связь между старым и новым Каутским, а также и то, что ему уже неоднократно приходилось указывать, что противопоставление ортодоксального марксизма школы Каутского оппортунизму австро-марксистской школы (Реннер, Бауэр, Гильфердинг, М. Адлер, Фр. Адлер) является полнейшим историческим извращением».

---

[1]) K. Korch. Die materialistische Geschichtsaufassung. Eine auseinandersetzung mit Karl Kaütsky, C. Z. Hirsehfeid Verlag in Leipzig, 1929.

Нынешний Каутский разумеется есть продукт развития «прошлого» Каутского. Эволюция Каутского из центриста в социал-фашиста отражает эволюцию социал-демократии в социал-фашизм. Ленин был целиком прав, называя Каутского ренегатом, т. е. отступником, изменником делу пролетариата. Различие между «вчерашним» и «сегодняшним» Каутским не есть различие «двух сущностей», «двух Каутских», как изображали меньшевиствующие идеалисты, ибо он никогда не был последовательным пролетарским революционером, революционным марксистом. Каутский был духовным вождем центризма, который, как говорит т. Сталин, представлял собою «известный вид оппортунизма» [1]). Представители его, «для виду конечно вспоминали о теории Маркса, но для того, чтобы выхолостить из нее живую революционную душу» [2]). Оппортунизм был предтечей социал-шовинизма, он был ступенью в развитии к социал-фашизму. Оппортунизм вырос и оформился давно, в тот период, когда капитализм не был еще втянут в непосредственную войну за насильственный передел мира между империалистическими акулами, когда капитализм еще не вступил в период своего всеобщего кризиса, еще до начала мировой пролетарской революции. Международный оппортунизм подготавливал социал-фашизм, был его зародышем. Центризм же как разновидность международного оппортунизма в этом деле играл гнуснейшую роль обманщика масс, роль щита для буржуазного перерождения партии II интернационала и барьера против революционизирования масс, против влияния большевизма на те слои обманутых социал-демократией рабочих, которые доверяли и все еще продолжают итти за социал-демократическим руководством.

Нынешний Каутский является законченным воинствующим теоретиком социал-фашизма. Его «Материалистическое понимание истории», своим эклектизмом отраждая и примиряя различные теории и теорийки, представляет собой энциклопедию воинствующего социал-фашизма.

Интервент Каутский является теоретиком социал-фашизма, и сознательное извращение марксизма входит в его концепцию как необходимая сторона, которая отнюдь не исчерпывает всего ее содержания и не является основной характеристикой ее существа.

Поэтому совершенно неприемлема характеристика существа каутскианской концепции как извращения марксизма. Называть теперь каутскианство просто извращением марксизма—значит занимать гнилую центристскую позицию в отношении социал-фашизма и его теории. Называть его просто ревизией марксизма — значит совершенно игнорировать эволюцию центризма в передовой отряд буржуазной контрреволюции, значит занимать по отношению к Каутскому такую же позицию, какую он в свое время занимал по отношению к открытому оппортунизму, значит стараться прикрыть тот основной факт, что концепция Каутского представляет собою буржуазное учение, буржуазную пародию на марксизм, рассчитанную на использование «марксистской» фразы для активной борьбы с революционным марксизмом. «В области теории,—говорит программа Коминтерна,—социал-демократия изменила марксизму полностью и целиком, пройдя через ревизионистский этап к законченному либерально-буржуазному реформаторству и откровенному социал-империализму».

Теоретическая борьба занимает чрезвычайно важное место в общей борьбе нашей партии и всего Коммунистического интернационала за мировую

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 604.
[2]) Там же, стр. 12.

пролетарскую революцию, против социал-фашизма — главной опоры буржуазии.

Для успешной борьбы с современным Каутским, как главным теоретиком социал-фашизма, существенно важно систематически вскрывать и разоблачать в свете истории борьбы большевизма против центристского вида оппортунизма во II интернационале оппортунистическое существо теоретических взглядов Каутского—«ортодокса».

Особо актуальное политическое значение имеет это для наших братских компартий, в частности для героической германской коммунистической партии в ее борьбе против германского капитала и его главной опоры — германской социал-демократии.

Каутский о ревизионизме и Бернштейн об „ортодоксии" Каутского

Мы намерены в настоящей статье разобрать взгляды Каутского только по одному из основных вопросов теории исторического материализма, а именно, по вопросу о его понимании общественно-исторической закономерности в полемике с Бельфортом Баксом вокруг вопроса об отношении исторического материализма к теории «факторов». Мы надеемся показать, что между концепцией, которую Каутский защищал в этой полемике, и системой взглядов, изложенных им в «Материалистическом понимании истории» существует определенная закономерная связь. Каутскианское «Материалистическое понимание истории» есть не что иное, как последовательное завершение его прежних теоретических позиций. «Не следует забывать,— говорит Сталин,—что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и между Лениным—с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II интернационала»... [1]). В осуществлении этого «безраздельного господства оппортунизма» Каутскому, как политическому и теоретическому вождю центризма, державшему в своих руках бразды правления во II интернационале, принадлежит разумеется «почетное» место. К «ортодоксу» Каутскому более, чем к кому бы то ни было другому, подходит характеристика, данная Сталиным, теоретической деятельности вождей II интернационала: «Вместо цельной революционной теории—противоречивые теоретические положения и обрывки теории, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалые догмы. Для виду конечно вспоминали о теории Маркса, но для того, чтобы выхолостить из нее живую революционную душу» [2]). Между центристом Каутским и оппортунистами не существовало принципиальной противоположности. Наоборот, центризм представлял собою как бы «умеренное крыло» оппортунизма.

«Формально, — говорит Сталин, — во главе II интернационала стояли «правоверные» марксисты, «ортодоксы» — Каутский и другие. На деле однако основная работа II интернационала велась по линии оппортунизма. Оппортунисты приспособлялись к буржуазии в силу всей своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы, «ортодоксы» же в свою очередь приспособлялись к оппортунистам в интересах «сохранения единства» с оппортунистами, в интересах «мира в партии». В результате получалось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказывалась замкнутой» [3]). В этом кроется причина того, что руководство

---

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 6, изд. 1931 г.
[2]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 11—12.
[3]) Там же, стр. 11.

II интернационала и руководство немецкой социал-демократической партии, выступая формально против оппортунизма и ревизионизма, проводили на деле их политику, проповедывали их теорию. Бернштейн поэтому смело бросал перчатку руководству, которую последнее не могло поднять. «Каутский полагает, — писал Бернштейн в своем ответе на статью Каутского в «Vorwärts» за 26 апреля 1899 г., — что дело идет не об отношении к моей личности, а к моей книге. В данном случае просто он не делает выводов, которые уже сделаны другими моими критиками, находящимися в одном лагере с Каутским. Если в партии нет места для моих взглядов, то в ней не может быть места также и для моей личности. Здесь не может быть и речи о каких-то личных соображениях» [1]). Здесь открытый оппортунист прямо ставит вопрос перед центристом Каутским и руководимым им «Правлением». Бернштейн прекрасно опознает в Каутском своего соратника. «Каутский старается доказать, — пишет он, — и конечно верит в это, — что он защищает пролетарскую борьбу, а я — какой-то этический, оппортунистический, фабианский и, бог весть еще какой, «буржуазный» социализм. Но эти подразделения существуют только в его голове и нисколько не соответствуют действительности» [2]). И действительно, несмотря на словесную «ортодоксию» и под прикрытием последней, центристское руководство германской социал-демократии и всего II интернационала проводило на деле оппортунистическую, приспособленческую к оппортунизму линию и в политике и в теории.

Ясно, что при этом не могло быть и речи о последовательной, серьезной и действительной защите марксизма со стороны Каутского, настоящей борьбы с ревизионизмом. Вот почему прав был Бернштейн, когда утверждал: «Каутский хочет установить между своей точкой зрения и точкой зрения, защищаемой мною и моими друзьями, «непримиримое противоречие двух мировоззрений». Конечно, если бы это было правильно, то раскол был бы неизбежен. Но я отрицаю существование такого «непримиримого противоречия». Существуют противоречия в отдельных вопросах, как это всегда бывает. Они не больше того противоречия, которое некогда повело к расколу французских социалистов на марксистов и поссибилистов. В настоящее время эти две фракции стоят друг к другу ближе, чем когда-либо. На практике они почти ни в чем не расходятся. Неужели немецкая социал-демократия должна повторить теперь ошибку французов 1882 года, когда последние находятся на пути к ее исправлению?» [3]).

Нет! «Немецкая социал-демократия» не повторила «ошибки» французов 1882 года. Центристское руководство германской социал-демократии не пошло на раскол с оппортунистами. Оно стало в ряд с Бернштейном и ожесточенной борьбой против революционного пролетариата Германии и его авангарда, компартии, за полное торжество гинденбурговской диктатуры и чрезвычайных декретов, своей борьбой против ударной бригады всемирной революции — Социалистической Республики Советов, показало истинное свое лицо умеренного крыла фашизма.

Впрочем, сам Каутский не рассматривал, в конечном счете, ревизионизм как буржуазное направление, как форму борьбы буржуазии против марксизма. Наоборот, он считал, что «Ревизионизм не означает ни дальнейшего развития (?!) марксизма, ни смены его другим учением; он означает, в сущности, отказ не только от марксовой, но и от всякой вообще общественной теории; и в этом отношении он так

---

[1]) Бернштейн, Очерки из истории и теории социализма, стр. 307.
[2]) Там же, стр. 306.
[3]) «Ист. материализм». Сборник, составленный под редакцией Семковского. Стр. 268, ст. Каутского «Три кризиса марксизма».

относится к марксизму, как историческая школа политической экономии — к классической школе» [1]). Господин Каутский, как видим, иезуитски увильнул от прямого определения классовой сущности ревизионизма, он отказался признать его буржуазным направлением, враждебным пролетарскому социализму, а об'явил его «не теорией» вообще (отказ «от всякой вообще общественной теории»), прикрывая таким образом буржуазный, антимарксисткий характер ревизионизма и отводя от него удары со стороны революционных марксистов. Такая центристская позиция Каутского в оценке ревизионизма дает ему формальную возможность уже на следующей странице признать право на существование ревизионизма как фракции марксизма, компетентной в известных отношениях, плодотворной и полезной в известных пределах: «Подобно тому, — говорит Каутский, — как историческая школа, хотя она означает в теоретическом отношении шаг назад, могла все-таки обогатить науку единичными ценными исследованиями, так и ревизионизм, несмотря на то, что он означает шаг назад по отношению к Марксу, может все же способствовать дальнейшему развитию общественной мысли, если она вообще имеет право считать себя особым научным направлением»... (разрядка наша. — *Л. А.*). «Ревизионизм сможет совершить многое в научном отношении, если только он будет ясно сознавать границы того, что он в состоянии выполнить, подобно исторической школе сделает центром тяжести описание хода развития и его результаты» [2]). Это «особое научное направление» представляет собой, по-Каутскому, крыло марксизма, фракцию в марксизме. В следующих за приведенной цитатой строках он пишет: «... Ревизионизм не представляет собой никакой новой и цельной теории, а лишь отклонение или искажение единственной существующей ныне в социализме теории — марксизма» [3]). Выходит, что ревизионизм был, по-Каутскому, не буржуазным антимарксистским направлением, а марксистским, хотя и с некоторым отклонением от марксизма в области теории, но все же не выходящим за пределы марксизма, за пределы пролетарского мировоззрения. Каутский не удосуживается при этом раз'яснить, как возможно правильное и полезное для пролетарской борьбы «описание хода развития и его результата», при уклонении от марксизма, искажении марксизма, который Каутский тут же признает (?) единственной революционной теорией. Ясно, что при такой оценке природы ревизионизма не имеют существенного значения заявления Каутского о том, что между ним и Бернштейном разногласия «двух мировоззрений».

Позиция Каутского отнюдь не была позицией непримиримой, последовательной борьбы против буржуазной ревизии марксизма. Она была позицией приспособления к ревизионизму, признания последнего полезным «направлением в марксизме». Она была позицией подготовки к полнейшему разрыву Каутского с марксизмом, позицией перехода Каутского на сторону идеологов воинствующей фашистской буржуазии в борьбе с пролетарской революцией и СССР.

„Борьба" Каутского против теории факторов или о каутскианской разновидности теории факторов

После этих кратких замечаний мы перейдем к собственному предмету нашей статьи, к полемике Каутского с Бельфорт Баксом.

В 1896 г. английский «социалист» Бельфорт Бакс выступил на страницах буржуазного органа «Die Zeit» со статьей «Материалистическое понимание

[1]) Каутский, стр. 269.
[2]) Там же, стр. 268.
[3]) Там же.

истории», в которой подверг последнее «критике», выставив против него как «одностороннего» свое «синтетическое» понимание истории, которое-де единственно способно преодолеть ограниченность как материалистического, так и «идеологического» понимания истории.

Сущность «синтетической» теории Бакса заключается в том, что она считает как экономику («материальные условия»), так и дух (духовную деятельность общественного человека), взятые сами по себе, только «факторами», которые лишь в своем взаимодействии и создают общественно-исторический процесс. По Баксу, люди обладают различными способностями, каждая из которых приводит к определенного рода действиям. Многообразие функций общественного человека сводится в основном к двум рядам—экономическому, направленному на сохранение физического существования, на удовлетворение материальных потребностей, и психическому, духовному, направленному на удовлетворение научных, этических, эстетических, религиозных и т. п. потребностей человека. Из взаимодействия различных видов деятельности человека, т. е. различных форм проявления человеческого духа (ибо для Бакса экономика по своему содержанию по существу тоже явление духовного порядка), каждая из которых выступает в качестве особого «фактора», и создается, складывается история человечества. Исходя из этого, Бакс отрицает основное в марксовом учении об обществе, согласно которому классовая борьба, а в конечном счете «экономика представляет собою базис общественно-исторического процесса». Наоборот, с точки зрения Бакса историческая закономерность должна быть выведена не из материальных условий производства, не из «экономического фактора», как выражается Бакс, а должна быть понята как некоторая механическая результанта взаимодействия этих различных «факторов». В отдельные периоды истории, говорит Бакс, и чем дальше вглубь истории, тем в большей мере, «экономический фактор» играет решающую роль в жизни общества. Однако в целом экономика представляет собою не базис общественно-исторического процесса, а только один из «факторов». «Разве могут, — спрашивает он, — сторонники этой теории отрицать, что человеческая природа заключает в себе синтез и постольку предполагает более чем один элемент?» [1]) Несколько дальше Бакс пишет: «Стремление свести всю человеческую жизнь к одному элементу, об'яснить всю историю на основе экономики, не считается, как я уже заметил, с тем фактом, что всякая конкретная реальность необходимым образом имеет две стороны — материальную и формальную — и следовательно по меньшей мере два основных элемента. Ибо в противоположность абстракции реальная действительность заключается в синтезе» [2]). Совершенно очевидно, что подход к человеку, как к некоему априорному синтезу различных способностей, совокупность действий которых составляет жизнь общества, направлен целиком против исторического материализма Маркса.

Эта «синтетическая» концепция, будучи направлена против учения об экономической структуре как реальном базисе общества, разумеется должна была противопоставить теорию взаимодействия принципу причинности. Конечно мы здесь имеем дело не с диалектической логикой, которая рассматривает причинность как один из моментов, одну из сторон универсальной связи и взаимодействия, а с вульгарным позитивизмом, отрицающим об'ективную материальную причинность и заменяющим познание существенных закономерностей и имманентных противоречий поверхностной эмпирией и описанием явлений.

---

[1]) Сборник «Исторический материализм» Бельфорт Бакс, Материалистическое понимание истории, стр. 9.

[2]) Там же, стр. 10—11.

«В том-то и дело, — говорит Бакс в статье «Синтетическое или неомарксистское понимание истории», — что, с одной стороны, невозможно мировые идеи вывести как следствие из экономических факторов, а с другой, невозможно свести экономические и политические образования к чисто идеологическим причинам. В первом отношении грешат, на мой взгляд, господа неомарксисты, во втором — старые идеологические историки. Что касается последних, то марксистам не стоит труда расправиться с их «избитыми фразами». Но при этом они не замечают, что и сами пользуются, подобно своим противникам, тою же категорией «причины и следствия», которая в конечном счете совершенно непригодна. Истинной категорией исторического исследования является «взаимодействие». Политические и экономические образования сами по себе не составляют самостоятельного целого, которое могло бы выступить в качестве причины, а являются лишь несамостоятельными частями единого целого. Сами по себе они не существуют. Экономические образования творят историю лишь в союзе с человеческим умом и волей, а это значит, что неомарксистское понимание истории, поскольку оно стремится свести всю человеческую историю на экономические факты как на единственную причину всех исторических изменений, стоит на ложном пути» [1]). С точки зрения этой позитивистской концепции, различные «факторы», о которых говорит Бакс, сами по существу не историчны. Они даны изначально и берут свое начало в глубинах «человеческой природы» и являются как бы реализацией ее различных функций. Поэтому и нелепо, с точки зрения Бакса, говорить о причинно-следственном отношении во взаимодействии этих факторов. По мнению Бакса, на различных стадиях исторического развития человечества те или иные из факторов приобретают более преобладающее, более важное значение, но не больше. В прошлом например «экономический фактор» играл более значительную роль в истории, но это, в целом, благодаря «бедности общества» «материальными благами». Вообще для того, чтобы «экономический фактор» мог вытеснить из сознания людей этический, эстетический и т. п. «духовные факторы», необходимо наличие более или менее многочисленного эксплоатируемого класса. В будущем же, поскольку с развитием власти человека над природой и в частности с переходом к социализму, когда не будет класса людей, в жизни которых борьба за сохранение физического существования не могла бы играть ту роль, которую она играла в прошлом, — «экономический фактор» окончательно потеряет свое значение и воцарится полное торжество «духовного фактора».

«Общество, — резюмирует свои взгляды Бакс, — имеет определенное историческое развитие, но оно обладает также определенным духовным развитием, и лишь взаимодействие обоих дает в результате социальную эволюцию в ее конкретных формах» [2]).

Таким образом против материалистического понимания истории, видящего в экономике реальный, материальный базис общества, а в политике и идеологии — определяемые им надстройки, Бакс выставляет враждебную марксизму буржуазную теорию факторов, эклектическую и насквозь идеалистическую.

* * *

Следует отметить, что критика марксизма (мы уже не говорим о том, что марксизм при этом изображался в искаженном, опошленном виде) со стороны открытых оппортунистов, ревизионистов весьма часто выступала с теорией факторов. Откровенно идеалистическая концепция (прямо заявляю-

[1]) Сборник «Исторический материализм». Бельфорт Бакс, Материалистическое понимание истории, стр. 34—35.

[2]) Там же, стр. 11.

щая о своей природе) давала оппортунистам разумеется менее «удобные» позиции для борьбы с марксизмом. Необходимость проводить свое приспособление к интересам буржуазии в области теории в более или менее прикрытой форме заставляла оппортунистов облекать свою борьбу с марксизмом в словесную форму «признания» ограниченного значения его. Поэтому идеалистические концепции, с которыми выступали оппортунисты, носили по преимуществу эклектический характер. Метафизическая «теория факторов» представляла поэтому общий фон, фундамент для разнообразных оппортунистических концепций.

Характеризуя сущность исторического материализма Маркса и Энгельса, Ленин говорил: «.. Марксизм указал путь к всеоб'емлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя суб'ективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы общественные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса (разрядка наша. — *Л. А.*).

Такое монистическое понимание истории, охватывающее и анализирующее исторический процесс как противоречивое единство, возможно было потому, что Маркс распространил последовательный, т. е. диалектический, материализм на область общественных явлений. Материалистическая диалектика — душа марксизма—является центральным ядром и марксистского понимания истории. Теория же факторов представляет собой метафизическую концепцию, противопоставляемую действительно всеохватывающей, всесторонней теории развития через движение имманентных противоречий. Исторический процесс с этой точки зрения уже не исследуется в его существе, различные стороны общественной жизни не изучаются как именно различные формы проявления основных закономерностей данной общественно-исторической формации, а берутся сами по себе, изолированно. На место действительного научного анализа движения общественных формаций выступает внешнее описание, констатация действия отдельных многообразных форм, сторон и моментов единого процесса, взятых как замкнутые в себе самостоятельные «сущности», представляющие самобытные «факторы» в общей механической совокупности истории. Собственно история как единый процесс, многообразие сторон которого базируется на определенном об'ективном материальном основании — движении производительных сил, здесь заменяется по существу теоретическим брожением атомизированных «факторов». Эта эклектическая, идеалистическая по существу, методология «теории факторов» служила центром притяжения всех и всяческих разновидностей ревизионизма, всех и всяческих форм буржуазной критики марксизма.

Раз «устанавливалось», что общественная жизнь не представляет собой целостности, базирующейся на исторически определенной экономической структуре, то получалась удобная логическая платформа для протаскивания реакционного идеализма. И в то же время можно было «отдавать должное»

«ограниченному значению», которое исторический материализм, как говорят ревизионисты, имеет как «метод для об'яснения определенных исторических периодов или отдельных явлений». Вот почему удар по марксовой теории общественно-экономических формаций, борьба за признание экономики лишь одним из факторов, результанта взаимодействия которых создает общественно-историческую жизнь, являлись первым шагом, предпринимавшимся обычно «критиками» исторического материализма. Отсюда понятно также, почему Ленин в борьбе с основной линией этой «критики» концентрировал свое внимание на раз'яснении и развитии марксо-энгельсовского учения об общественно-экономических формациях. «Теория,—говорит Ленин об историческом материализме в полемике с Михайловским,—состояла в том, что для «освещения» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях» [1]). Что Ленин считал основным в материалистическом понимании истории? В той же книге Ленин раз'ясняет, что величие исторического материализма, впервые сделавшего социологию наукой, заключалось в том, что «Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека»... «Далее,—говорит Ленин,—еще и с другой стороны, эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социалоги затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это—корень суб'ективизма в социологии) и не умели найти об'ективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне об'ективный критерий, выделив «производственные отношения» как структуру общества и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого в социологии отрицали суб'ективисты»... [2]). «Наконец,—заканчивает Ленин,—в-третьих, потому еще эта гипотеза впервые создала возможность «научной» социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом [3]). Почему же русские суб'ективисты не в состоянии были понять действительно научно общественно-исторический процесс? Ленин дает на этот вопрос вполне ясный и определенный ответ: потому, отвечает он, что они не стояли на материалистических позициях. Непосредственно вслед за приведенной цитатой, в скобках Ленин пишет: «(Суб'ективисты, например, признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию, как на естественно-исторический процесс—и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям») [4]). «Маркс,—говорит Ленин,—положил конец воззрению на общество как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающей и изменяющейся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [5]).

Как видим, Ленин вел решительную борьбу против протаскивания в какой бы то ни было форме теории «факторов». «Что такое друзья народа»

---

[1]) Ленин, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 69.
[2]) Там же, стр. 61.
[3]) Там же, стр. 61.
[4]) Там же.
[5]) Там же, стр. 62—63.

представляет генеральное выступление Ленина на заре большевизма за марксистское материалистическое понимание истории против всех и всяческих разновидностей идеалистического понимания истории и извращения марксизма также у тех «ортодоксов» из руководства II интернационала, которые сами по существу скатывались на позиции ревизионизма в своей «борьбе» с последним. Сущность теории «факторов» заключается в отрицании материалистического монизма в понимании общества, его истории, в отрицании марксистского учения об истории как естественно-историческом процессе, базирующемся в конечном счете на экономическом развитии общества и соответствующем движению его материальных производительных сил, в отрицании марксистского учения о том, что человеческое общество на каждой данной ступени своего исторического развития представляет собою определенную общественно-экономическую формацию, последним основанием движения всех сторон которой являются существенные противоречия способа производства, лежащего в основе данной формации. Своеобразие теории «факторов» как позитивистской разновидности идеализма заключается следовательно в том, что она рассматривает общественное сознание и общественное бытие как совокупность «данных нам факторов». Она следовательно прикрывает свое идеалистическое существо позитивистским признанием экономики «одним из факторов» исторического процесса. Задача марксиста в борьбе с этой разновидностью буржуазной теории, как мы это видим на примере Ленина, заключается в том, чтобы вскрыть эту идеалистическую суть теории факторов, показать действительное соотношение идеологии и экономики, вскрыть классовую, буржуазную природу этой концепции, выдвигаемой открытыми и скрытыми оппортунистами и ревизионистами в различных вариациях против марксизма.

Ленин рассматривал борьбу против теоретической ревизии, против «критики» марксизма как одну из важнейших составных частей общей борьбы революционных марксистов, партии пролетариата. В статье «Политическая агитация и классовая точка зрения» в 1902 г. Ленин писал: «Социал-демократия... должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм». В этой же статье Ленин дальше указывает прямо, что составной частью этой б о р ь б ы з а м а р к с и з м является борьба против всех и всяких форм «критики», которую выдвигают «противники» «догматического» марксизма, т. е. ревизионисты, называющие себя марксистами, но на деле являющиеся буржуазными демократами, агентами буржуазии. «Мы должны,— говорит он далее,— неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась. Названные нами выше социалисты (речь идет о российских ревизионистах-экономистах и др.— *Л. А.)* отступают от «классовой» точки зрения также потому и постольку, поскольку они безучастны к задаче борьбы с «критикой марксизма» [1]). Ленин осуществлял систематическую последовательную борьбу против всех и всяческих разновидностей оппортунизма и ревизионизма. Начиная с реферата против Струве («Отражение марксизма в буржуазной литературе»), он неустанно разоблачал истинное нутро центристских концепций. Ленинские работы: «Экономическое содержание народничества», «Что такое «друзья народа» и «Что делать?», как и работы последующего периода, являются обоснованием и дальнейшим развитием и в эпоху империализма и пролетарских революций теоретической концепции ре-

[1]) Ленин, Соч., т. IV, изд. 3-е, стр. 357.

волюционного марксизма. Они направлены по существу не только против открытых оппортунистов и ревизионистов, но и против приспосабливающихся к ним и рядящихся в костюм словесной «революционности» и «ортодоксальности» центристских руководителей всего II интернационала. Совершенно прав т. Сталин, когда он разоблачает приемы «исследования» троцкистских контрабандистов, извращающих историю большевизма, замазывающих тот основной факт, что «ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе и центризмом на Западе (Каутский) и центризмом у нас (Троцкий и др.)» [1]).

* * *

Обращаясь к Каутскому, мы видим, что в противоположность выдержанной и последовательной защите Лениным диалектико-материалистической концепции Маркса и Энгельса, Каутский как типичный центрист сам приспосабливается к оппортунисту, эклектику, идеалисту Баксу, становясь по существу на его платформу. «Защита» исторического материализма сводится у Каутского по существу к защите определенной каутскианской разновидности теории факторов, отличающейся большей завуалированностью фактического отказа от марксизма. «Таким образом,—пишет он,—экономические отношения не являются единственным фактором, определяющим «всю человеческую деятельность», «всю человеческую жизнь в целом». Но среди факторов, влияющих на человеческую жизнь, они составляют единственный переменный элемент Все остальные факторы постоянны и вовсе не меняются, а если и меняются, то только под влиянием этого переменного элемента, они следовательно не являются движущими силами исторического развития, хотя и составляют необходимые элементы человеческой жизни» [2]). Достаточно сопоставить это положение Каутского с тем, что говорит Ленин в «Друзьях народа», указывая, что Маркс свел всю сложную сеть общественных отношений к совокупности производственных отношений, а последние — к высоте производительных сил, чтобы видеть со всей наглядностью всю фальшь каутскианской «защиты» исторического материализма.

Следовательно марксово определение совокупности производственных отношений как реальной материальной базы, над которой возвышаются все политические и идеологические надстройки, является, по Каутскому, разве только красным словцом, фигуральным выражением, лишенным какого бы то ни было действительного значения. Ибо, как говорит Каутский, «всю человеческую жизнь в целом», «всю человеческую деятельность» определяют не только экономические, но и другие — «духовные», «политические» и т. п. факторы. Спор Каутского с Баксом идет следовательно не по линии защиты этого элементарного основного положения марксизма, а по линии того, как нужно себе представить специфический характер определяющей роли различных факторов в отношении общественного целого. Таким образом Каутский по существу сдает позиции в основном вопросе, становясь на точку зрения теории факторов. Спор его с Баксом — не что иное, как семейный спор.

В доказательство того, что принципиально он не отрицает теорию факторов, Каутский ссылается на свою работу о Томасе Море: «В своей работе о Томасе Море, — говорит Каутский, — я различаю три фактора, влиявшие на его деятельность. Первый и самый важный фактор — это общие условия общественной жизни его времени и его страны; их можно свести к экономическим условиям. Вторым фактором является та особая общественная среда, в которой развился Мор; сюда относятся не только особые эконо-

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 605.
[2]) Каутский, Сборник, стр. 21.

мические условия, в которых он жил, но и люди, с которыми он сталкивался (их особые идеи опять-таки можно свести к разнообразным факторам), традиции, которые он застал, литература, которая была ему доступна, и т. д. Но и всех этих элементов еще недостаточно для полного уразумения творчества Мора, например его «Утопии». Необходимо кроме того обратить еще внимание на его личные особенности.

Из этого примера нетрудно видеть, что исторические исследования марксистов не отличаются той грубой шаблонностью, которую им приписывают некоторые «критики» [1]).

Итак, даже в «ортодоксальнейших» своих работах Каутский стоял по существу на точке зрения теории факторов. Последняя служила таким образом, как бы «мостом» к открытому идеализму, являясь специфической формой идеалистического «толкования» исторического материализма не только у открытых оппортунистов, но и у центриста Каутского.

* * *

Эволюция Каутского в социал-фашиста, в апостола социал-интервенционизма сопровождалась конечно соответственной эволюцией и его теоретических взглядов.

Эволюция эта выражается в полном и открытом разрыве с марксизмом, в выработке завершенной социал-фашистской разновидности буржуазной теории общественно-исторического процесса, освящающей кровавую антипролетарскую практику современной социал-демократии, являющейся главной опорой и важнейшим орудием в руках фашистской буржуазии в деле подавления революционного движения пролетариата в капиталистических странах и подготовки интервенции в страну победившего социализма.

Хотя Каутский в дискуссии с Баксом принимал употребляемый последним термин «неомарксизм» в отношении концепции Каутского—Меринга—Плеханова, однако тогда еще центрист Каутский прикрывался маской «ортодоксии». Нынешний Каутский, главный теоретический жрец социал-фашизма, уже не стесняется открыто заявить о «с в о е м» материалистическом понимании истории. Правда, и современный Каутский старается облечь свою борьбу с марксизмом в тогу «защиты» «подлинного» марксизма от... б о л ь ш е в и з м а, и современный Каутский фальсифицирует Маркса и Энгельса,— что существенно важно для целей социал-фашизма. Все же характерным для нынешнего Каутского является именно создание завершенной позитивистской разновидности идеалистической концепции истории и более или менее прямое заявление о своем «отходе» от Маркса.

В 1 главе т. I своей книги «Materialistische Geschichtsauffassung» Каутский берется об'яснить раскол марксистов на лагерь большевизма, который продолжил и развил революционный марксизм в эпоху империализма и пролетарских революций, и на лагерь меньшевизма, ставшего окончательно на буржуазные рельсы, ставшего умеренным крылом буржуазии — социал-фашизмом. Как же об'ясняет Каутский это исключительной важности и значения явление?

Напрасно стал бы читатель искать у Каутского анализа социально-экономических, классовых основ этого раскола. Вульгарно-позитивистская, идеалистическая установка Каутского проявляется ярко и здесь. Каутский «об'ясняет» раскол как необходимое следствие индивидуальных особенностей многочисленных теоретиков, «толкователей» марксизма. Этот процесс, говорит Каутский, облегчался тем, что Маркс и Энгельс не оставили систематического курса исторического материализма: «Пока Энгельс был жив, число сторонников исторического материализма было узко, и все они находились в связи с Энгельсом, частью персонально, частью письменно, дело не доходило

[1]) К а у т с к и й, там же, стр. 42.

до принципиальной дифференциации между марксистами, хотя, естественно, каждый был самостоятельно мыслящей личностью и не каждый добытый кем-либо из них результат признавался всеми остальными. Но если бы дело на этом остановилось, то, по Каутскому, получилось бы очевидно противоречие с «естественными законами дифференциации и интеграции, «открытыми» еще Спенсером. Марксизм,— пишет Каутский,— должен был разложиться, и он действительно разложился: нельзя было ожидать, что первоначальное единство школы продолжалось бы долго. Чем больше, значительнее успехи данного всеоб'емлющего воззрения, чем многочисленнее становятся его последователи, тем разнообразнее становятся также и оттенки среди них.

Это было неизбежно во всяком случае и для марксизма. Облегчалось это тем, что Энгельс и Маркс не удосужились систематически и обстоятельно обработать свою философию истории. Как только замолкли учителя, от которых исходила эта система, быстро образовались различного рода толкования марксизма» [1]). И вот в результате этого развития марксизма согласно вечным законам эволюции мы имеем теперь, по Каутскому, уже не один марксизм, а как бы много «марксистских концепций», ни одна из которых не имеет достаточного основания претендовать на знание единственного подлинного марксизма. «Различия точек зрения среди марксистов, возникающие из индивидуальных, социальных и национальных различий, стали так велики, что нельзя ожидать, чтобы какое-нибудь понимание марксизма было бы общепризнано таким, которое покрывается (Sichdecke) взглядами Маркса» [2]).

Очевидно, что эта эклектическая теория «многих марксизмов» имеет своим назначением прикрыть окончательное буржуазное перерождение теоретиков социал-демократии, их превращение в теоретиков социал-фашизма и пытается отрицать, что марксизм нашел свое очищение от социал-демократического опошления и дальнейшее развитие именно в ленинизме. Этот основной факт Каутский стремится скрыть при помощи учения о «вечных законах» эволюции природы. В самом деле, если все дело заключается в «естественном расщеплении марксистской теории», то разумеется и Каутский должен быть признан «марксистом» в такой же мере, как и «другие». Выходит, по Каутскому, что марксизм Маркса и Энгельса уже изжил себя и уступил свое место различным направлениям, каждое из которых хотя и имеет свой исторический корень в учении Маркса и Энгельса, однако представляет собой вполне самостоятельную и самобытную концепцию: «То, что я даю в последующем, — пишет Каутский, — является обоснованием моего собственного понимания истории, которое как в основном, так и в данной форме представляет результат трудов всей моей жизни на службе марксизму.

Конечно я обязан моим великим учителям тем пониманием истории, которое я здесь развиваю. Но уже пятидесятилетней работой и применением в теории и практике этого метода я сделал его своим собственным.

Тем, что я излагаю здесь свое собственное понимание, с самого начала отпадает спор, понимаю ли я правильно то или иное положение Маркса. Никто не захочет конечно утверждать, что я самого себя искажаю». И этим он заранее оправдывает свое искажение Маркса: «так что если читатель мне возразит, что его интересует марксово, а не мое понимание истории, то я мог бы возразить, что каждый из других излагателей исторического материализма в действительности преподносит только свое собственное понимание. Мы все учились у Маркса, опираемся на его взгляды и мысли. Но каждый видит их и видит действительность собственными глазами» [3]).

[1]) Каутский, Materialistische, Geschichtsauffassung, т. I, стр. 15.
[2]) Там же, стр. 15.
[3]) Там же, стр. 16.

В «Материалистическом понимании истории» Каутский уже отбрасывает маску «борьбы» с теорией факторов. Наоборот, уже в 1-й части I тома, где говорится о «предмете исследования», Каутский декларирует свое полное согласие с этой теорией: «с тех пор, как я самостоятельно мыслю,—говорит Каутский,—я мыслю исторически. Я рано начал стремиться к определенному пониманию истории, но в начале оно связывалось для меня с естественно-научным, а не с экономическим мышлением. Вскоре, правда, социалистическая литература обратила мое внимание на значение экономического фактора. С прогрессом моих экономических знаний росло также мое понимание значения этого фактора для исторического развития, но мой интерес к естественному фактору в истории сохранился, я продолжал стремиться привести историческое развитие в связь с развитием организмов» [1]).

Из этого видно уже, что Каутский ставит своей задачей исследование характера и пределов действия различных факторов в истории, причем он рассматривает последние как результат биологического развития человека.

В наше намерение не входит разбор самого двухтомника Каутского. Мы остановимся лишь на характере построения его книги, которое с достаточной ясностью показывает, что позитивистская теория факторов является основной посылкой, руководящей нитью всей концепции Каутского.

Каутский рассматривает «человека», его «природу» по существу вне истории, хотя он и строит внешне исторически свое изложение, начиная с биологической истории человека, с его связей с животным миром и т. д. Концепция Каутского антиисторична, ибо он рассматривает историю человеческого общества, т. е. историю общественного человека, метафизически, как обнаружение, развертывание априорно заложенных в его природе факторов.

Изложив философские основы своего понимания истории, Каутский переходит к самой «истории». Но у него ключом к разрешению вопроса истории общественного человека являются законы «человеческой природы». Истоки и начало законов движения общества он ищет в «природе человека», его прирожденных инстинктах. Поэтому он начинает с анализа вопросов наследования, с рассмотрения наиболее общих вопросов биологии человека, затем переходит к рассмотрению «элементарных» инстинктов человека, как-то: инстинкта самосохранения, затем к рассмотрению некоторых сторон человека как «социального существа», «показывая» биологическое содержание и этой стороны человека; затем Каутский рассматривает человека как «сексуальное существо», с немецкой гелертерской обстоятельностью разобрав различные вопросы вроде допустимости или недопустимости кровосмешения, форм семьи, «оценки сексуального инстинкта», «возникновения сексуальной стыдливости» и т. д. После этого Каутский переходит к «другим свойствам человеческой психики», как-то: к вопросам красоты, искусства и т. д. Наконец он разбирает вопросы приспособления к природе, где «устанавливает» существенное тождество приспособления человека и животного к окружающей среде.

Далее Каутский переходит к рассмотрению человеческого общества. Но, верный своей биологической концепции, и здесь Каутский рассматривает сначала вопрос о расах, их особенностях и роли последних в истории, о мыслительных способностях людей, языка, кровной связи и т. д. После главы о расах Каутский переходит к технике и затем к экономике и заканчивает разбором марксова предисловия к его «К критике политической экономии». Замечательно, что главу о технике он также начинает с разбора вопросов антропогеографии, переходит к анализу познавательных способностей пред-

[1]) Каутский, Materialistische, Geschichtsauffassung, стр. 17.

ков человека и первобытных людей, обитавших в лесах или лугах, и отсюда только переходит он к рассмотрению техники. Последняя у него выступает как самостоятельный «фактор», действующий наряду с экономическим и другими «факторами».

Уже в изложенном нами плане работы Каутского с достаточной ясностью обнаруживается его биологическая априористская концепция истории. Социологию Каутский рассматривает как отрасль, конечную часть биологии. В биологии ищет он источника решения вопросов общества. От «человеческой природы» Каутский идет к «человеческому обществу». Человека он рассматривает как совокупность определенных инстинктов, которые как «различные сущности», «факторы» создают историю человечества.

«Человек» здесь выступает у Каутского то как «сексуальная сущность», то как «социальная сущность», «эгоистическая сущность», «духовная сущность». По Каутскому, различные стороны, различные моменты жизни и деятельности общественного человека не базируются на его трудовой производственной деятельности. Наоборот, последняя признается только одним из «факторов», действующим, проявляющимся наряду с другими и находящимися с ними в отношениях формального взаимодействия. Отсюда Каутский в противоположность Марксу считает собственность не юридическим выражением, юридической формой товарно-капиталистических производственных отношений, а тоже самостоятельным фактором: «Среди различных факторов, которые наряду с техникой и своеобразными особенностями природы какой-нибудь местности—климатом, богатством и очертанием почвы, условиями сообщения—определяющим образом воздействуют всегда на ее способ производства, важнейшим является порядок собственности, действующий в ней при данном способе производства» [1]).

Таким образом, если в дискуссии с Баксом Каутский для виду выступал «против» теории факторов, то здесь, в своем итоговом труде, он уже открыто излагает с в о ю теорию факторов под названием «своего» материалистического понимания истории.

Борьба Каутского с историческим материализмом

В основе теории факторов лежит позитивистское отрицание материалистической основы марксизма.

Бакс выступает против основы м а т е р и а л и с т и ч е с к о г о понимания истории. Он утверждает, что экономическая материальная действительность является особой группой представлений и что «экономический фактор» — это элемент целого, равнозначащий с «психологическим фактором». Это показывает, что Бакс отрицает одно из основных положений теории исторического материализма — положение о том, что общественная идеология коренится в материальных условиях производства, основывается на экономическом фундаменте.

Каутский же прикидывается простаком, «не понимающим», что теория «факторов» есть эклектическая, трусливая форма идеалистического понимания истории. Изложив возражения Бакса против основ исторического материализма, Каутский пишет:

«Действительный смысл всего этого философского глубокомыслия сводится к тому, что, по мнению Бакса, нравственность, религия, искусство, наука создаются не исключительно экономическими условиями,— необходимо еще, чтобы эти условия воздействовали на людей, одаренных известными этическими, эстетическими, спекулятивными способностями. Только из взаимодействия обоих факторов возникает общественное и т. п. движение.

[1]) К а у т с к и й, Materialistische, Geschichtsauffassung, т. I, стр. 741.

Кто станет оспаривать,— восклицает «ортодокс» Каутский,—что Бакс совершенно прав и что материалистическое понимание истории окончательно посрамлено? Но не то материалистическое понимание истории, которого придерживался Маркс и придерживались марксисты, а только то, которое изобрел сам же Бакс...» [1]).

Выходит, по Каутскому, что Бакс и иже с ним борются с собственной выдумкой, а не с марксизмом. Эта характерная для теоретиков социал-демократии манера «защиты» марксизма перед открытыми буржуазными идеологами нашла наиболее яркое выражение у Макса Адлера. Последний также уверяет своих «академических коллег» из буржуазных университетов, что марксизм ничего по существу иного и не утверждает, что и они, кантианцы. Он будто делает это только в несколько иных, «более научных» формах.

Нужно заметить, что извращение марксизма со стороны его буржуазных критиков, включая сюда и социал-фашистских теоретиков, является только определенным вспомогательным средством, облегчающим основную задачу — борьбу с сущностью марксизма. Бакс действительно извращенно, утрированно, вульгарно излагает исторический материализм, за что его здесь критикует Каутский. Но этой манерой «изложения» Бакса он только «облегчает» себе борьбу против сущности марксизма. Каутский сводит свою «защиту» исторического материализма исключительно к рассеиванию «недоразумения», будто с точки зрения исторического материализма не требуется у человека наличия сознания, чтобы создалась нравственность, искусство, религия и т. п.

Очевидно сам Каутский полагает, что общественное сознание не является отражением общественного бытия, что умственные представления людей не вытекают из их общественных отношений. Конечно Бакс клевещет на марксизм, когда пишет, будто последний «мыслительную способность» «сводит к психологическому отражению экономических условий». Разоблачая позитивистскую, идеалистическую фальсификацию исторического материализма со стороны Богданова, Ленин еще в 1909 г. в «Материализме и эмпириокритицизме» указывал на то, что исторический материализм вовсе не отрицает того, что люди, вступающие в общественные отношения, обладают сознанием. Великая заслуга Маркса, говорит Ленин, заключается в том, что им вскрыты основные об'ективные законы исторического развития, «об'ективная логика» изменений общественных явлений и «их исторического развития,— об'ективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и подчеркивает своей «теорией» Богданов), а в том смысле, что общественное бытие независимо от общественного сознания людей» [2]). Это замечание Ленина бьет не только по Богданову, открыто выступавшему с ревизией Маркса, не только по Баксу, но и по центристской позиции Каутского. Если Каутский обнаруживал у Бакса такую же фальсификацию исторического материализма, какую Ленин обнаруживал у «суб'ективистов» и эмпириокритиков, то ему надо было конечно это жульничество разоблачить, показать, что марксизм не сводит мыслительную способность к экономическим условиям, а утверждает, что все представления людей вытекают из их общественных отношений, следовательно, в конечном счете, из их экономических отношений. Вместо того, чтобы ударить по позитивистской идеалистической теории исторического процесса у Бакса, Каутский становится на почву позитивистского отрицания материа-

[1]) Каутский, Materialistische, Geschichtsauffassung, т. I, стр. 741.
[2]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, соч., т. XIII, изд. 2-е, стр. 266.

лизма, он высмеивает мысль, что нравственность, религия и искусство являются специфическими отражениями в человеческом сознании экономических условий. Он вообще против того, чтобы выводить общественное сознание из общественного бытия и принципиально согласен с Баксом, что надо исходить из априорной ценности суб'екта и об'екта, познавательной способности человека и «экономических условий», в которых приходится действовать, проявляться познавательной способности человека.

Правда, в одном месте из первой статьи против Бакса Каутский говорит, что «материальные условия» «лежат» «в основе данного общества и тем самым в основе мышления и чувств членов этого общества» [1]). Но это только словесное прикрытие, предназначенное смягчить то впечатление, которое производит на читателя явное стремление отмежеваться от основной посылки диалектического материализма — от теории отражения.

«Ни одному серьезному (?!) марксисту, — говорит Каутский в ответ Баксу, — никогда не приходило в голову говорить об отражении в социальном сознании», что бы Бакс под этим ни разумел. Мы никогда не искали «основу всех явлений» в «материальных благах»; даже «основу» всей человеческой деятельности мы ищем далеко не исключительно в «материальных благах». И не нужно вовсе быть «знатоком» литературы исторического материализма, чтобы знать, что ни один марксист не смотрит на религию, мораль, искусство как на случайные формы, проявления» [2]). Как видим из приведенной выдержки, Каутский, цепляясь за опровержение вульгарной, фальсифицирующей формы изложения исторического материализма Баксом (вроде того, что «материальные блага» лежат в основе духовной деятельности или что религия и пр. идеологии суть «случайные» формы проявления, и т. д.), отказывается от защиты существа материалистического понимания истории, от того основного положения марксизма, что «не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание» (Маркс), что это «определение» понимается в марксизме в том смысле, что исторически определенное общественное бытие порождает определенное, ему соответствующее общественное сознание.

«Материализм вообще,— раз'яснял Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме»,— признает об'ективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адэкватное, идеально точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от об'ективной истины, не падая в об'ятия буржуазно-реакционной лжи» [3]). Достаточно только сопоставить эти две цитаты Каутского и Ленина, чтобы увидеть воочию, как основательно падал «в об'ятия» буржуазно-реакционной лжи Каутский, выставляя себя в своих статьях против Бакса чуть ли не единственным представителем марксизма и вместе с тем отрекаясь от теории отражения. Совершенно не случайно поэтому, что во всей своей полемике с Баксом Каутский ни слова не говорит о диалектическом материализме, а наоборот, развивает позитивистские, механистические взгляды. Каутский никогда не понимал и не разделял материалистической диалектики. Диалектическое взаимодействие различных сторон обществен-

[1]) Каутский, Materialistische, Geschichtsauffassung, стр. 25.
[2]) Там же, стр. 13.
[3]) Ленин, т. XIII, стр. 266—267.

ной жизни на основе материальных экономических отношений, диалектический процесс развития, в котором причинность составляет хотя и существенный, однако только момент, ступень, один из узлов в общем процессе всестороннего противоречивого развития общества через скачки и перерывы постепенности, сводился Каутским к плоскому, эволюционному, к вульгарно-позитивистски понятому принципу детерминизма, что приводило к механистическому пониманию исторического процесса, движения его закономерностей. Контрреволюционная природа этой методологии обнаружилась целиком и действенно выступила в ядовитых памфлетах Каутского против пролетарской революции, против Страны советов.

Каутский, правда, много говорит о том, что исторический материализм не механистичен. Но в чем же он видит эту немеханистичность? Мы приведем одно место из его «полемики» с Бернштейном. Исторический материализм детерминистичен, говорит он, а Бернштейн смешал детерминизм с механицизмом. «Не подлежит сомнению,— говорит Каутский,— что общественное развитие отнюдь не совершается механически Оно есть равнодействующая деятельности и стремлений сознательных существ, оно не совершается машинально и всюду одинаково» [1]). Детерминизм — вот основное, с точки зрения Каутского, что характеризует марксистскую теорию в целом, а следовательно и марксову теорию общества. Как мы видели, Ленин в своей полемике с народниками утверждал, что, распространив материализм на понимание общественно-исторического процесса, Маркс и Энгельс подняли социологию на степень науки и этим сделали возможным познание всех явлений общественной жизни как закономерного продукта определенной ступени развития материальных производительных сил. Каутский же наоборот, игнорируя материализм, отказываясь от диалектико-материалистического понимания соотношения общественного бытия и общественного сознания, видит основное ядро исторического материализма в детерминизме.

«Великое деяние Маркса и Энгельса,— говорит он,— в том и состоит, что они более успешно, чем их предшественники, присоединили область исторического исследования к царству необходимости и тем подняли историю на степень науки» [2]). Отказ от теории отражения, сведение материализма к детерминизму и является для центриста Каутского трамплином для «дискуссии» с открытыми ревизионистами на их собственной территории, для построения новой разновидности позитивистской, идеалистической теории, получившей свое завершение в его современных работах и в частности в его «Materialistische Geschichtsauffassung». Отсюда между прочим и получается, что Каутский не видит ничего принципиально нового в историческом материализме Маркса и Энгельса: они, видите ли, только «более успешно, чем их предшественники, присоединили область исторического исследования к царству необходимости». Если бы это было так, то конечно мы не имели бы никакого основания для принципиального противопоставления исторического материализма как пролетарской теории предшествующим и сосуществующим с нею разнообразным буржуазным теориям, ибо конечно взятый абстрактно, сам по себе, принцип «необходимости» общественно-исторических явлений не может служить принципиальной гранью между ними. И Каутский получает таким образом возможность

[1]) Каутский, Анти-Бернштейн, стр 17.

[2]) Каутский, Бернштейн и материалистическое понимание истории. Сборник «Истор. матер.», под редакцией Семковского, стр. 152. Заметим кстати, что сведение Аксельрод (Ортодокс) Варьяшем и другими «нашими» механистами материализма к признанию абсолютного детерминизма, являющееся ревизией диалектического материализма, берет свои истоки еще в ранних работах Каутского.

и в этом вопросе бросить мост между марксизмом и враждебными ему буржуазными теориями, подготовив полный переход впоследствии на буржуазные позиции. Для Каутского материалистическое понимание истории является не специально марксистским, пролетарским учением. Он вообще не признает существенной связи теории с общественной жизнью, с массами, для него материалистическое понимание истории — «чистый» продукт развития «духа», создание «мыслителей». Каутский полагает, что существенное в материалистическом понимании истории было открыто еще до появления современного пролетариата, до Маркса и Энгельса, и последние заимствовали ее, строго говоря, у своих буржуазных «предшественников». Марксу и Энгельсу, говорит Каутский в полемиках с Бернштейном, «не было надобности открывать идею, что история определяется не только одними моральными (!) и правовыми (!!) понятиями (!!!), традициями и естественными факторами, но также (!) и способом производства. Эта идея была хорошо известна уже в XVIII веке (например Монтескье» [1]). Умри, Денис, — лучше не скажешь!

* * *

Остановимся еще на том, каково же, по Каутскому, действительное взаимоотношение между сознанием и общественным бытием, между «духовным» и «экономическим фактором». Оно сводится им к вопросу о взаимоотношении личности и общества

«Здесь,— говорит Каутский, — мы подошли к вопросу о том, какую роль играет в истории отдельный человек, или, если угодно,—человеческий дух, «психологический фактор», идея. Если для философа-идеалиста идея обладает самостоятельным существованием, то для нас, материалистов, она только функция человеческого мозга,—и вопрос, может ли — и как именно — идея влиять на общество, совпадает для нас с вопросом, возможно ли это — и как именно—для отдельной личности». Спрашивается, для чего Каутский рассматривает сознание как нечто исключительно индивидуальное, суб'ективное? Метафизик Каутский это делает для того, чтобы получить возможность рассматривать сознание биологически. Для него сознание человека само по себе не имеет существенного отношения к нему как общественному животному. Поэтому, «борясь» с теорией факторов, этой позитивистской разновидностью идеализма, Каутский ни слова не говорит об основном оположении марксизма в этом вопросе, гласящем, что сознание, мышление человека имеет существенным своим основанием его общественную практику. Рассматривая сознание как «личное дело», как простой физиологический акт индивида, оторвав его от его существенного основания, общественного бытия человека, Каутский приходит к откровенному отрицанию классовой, партийной природы науки.

Выступая в роли «главного» представителя и защитника марксизма или «неомарксизма» (то, что он охотно принимает это выражение Бакса, также служит некоторым косвенным показателем его, Каутского, «ортодоксальности»), Каутский проводит целиком оппортунистическую линию в вопросе об отношении теории к общественной жизни, отрицая за теорией Маркса и Энгельса, за марксизмом классовый, партийный характер. Раз сознание человека не есть общественное сознание, а простое проявление, функция мозга индивидуального человека, то тем самым мышление человека, как бы оно ни «ограничивалось», ни «определялось» общественным бытием, борьбой общественных классов в антагонистическом обществе, по существу своему остается «фактором» самостоятельным, в котором и человек, «личность» выступает в своей чистоте как определенное активное начало

[1]) Каутский, Анти-Бернштейн, русский перевод с предисловием Горева, стр. 20.

Мышление людей в классовом обществе могло, по Каутскому, совпадать с направлением общественного развития, и тогда «известные классы, интересы которых совпадали с интересами необходимого развития, всегда оказывались более доступны голосу истины, чем другие классы, интересы которых стояли в противоречии с этим развитием». А в результате этого, «в то время, как идеи и воззрения первых все ближе подходили к действительному разрешению проблемы, идеи и воззрения последних часто обнаруживали тенденцию все больше от него удаляться» [1]). Так представлялось Каутскому отношение теории к практике. Он конечно «связывал» марксову теорию с пролетариатом, считая, что пролетариат по своему положению в наибольшей мере способен понять и воспринять их, считая, что интересы пролетариата совпадают с установками марксистской теории, с направлением общественного развития так, как его понимает марксизм, и в этом отношении, в этих пределах он мог бы принять классовость марксистской теории. Но только в этих пределах. И оказывается, что в этом не только сила, но и слабость марксизма по Каутскому, ибо, согласно его концепции, поскольку марксизм является классовой, партийной теорией, постольку он отклоняется от об'ективности. Отсюда Каутский приходит к противопоставлению борьбы за социализм классовой борьбе пролетариата (что характерно также и для контрреволюционного троцкизма и правого уклона).

Каутский полагает, что научный социализм Маркса и Энгельса есть «преодоление» «классовой ограниченности» и пролетариата и буржуазии: ...«в действительности,— говорит он,— социализм тоже ведь основывается на преодолении классовой ограниченности. Для ограниченного буржуа социальный вопрос заключается в проблеме, как сохранить рабочих спокойными и непритязательными; для ограниченного наемного рабочего он является только вопросом желудка, вопросом высокой платы, короткого рабочего дня и обеспеченного труда». Ясно, что при такой характеристике пролетариата, его классовых стремлений и возможностей, научный социализм должен быть оторван от него, от его движения, от его борьбы и об'явлен продуктом «чистой», «научной» мысли, которая к тому же должна бороться с пролетариатом, его «классовой ограниченностью», как и с классовой ограниченностью буржуа для конструирования той «высшей цели», «высшего идеала» «человечества»— идеала социализма, который вроде кантовского категорического императива должен уже направлять его борьбу извне, сверху.

«Необходимо,— заключает Каутский приведенное выше рассуждение,— преодолеть ограниченность того и другого, чтобы понять, что разрешение социальных проблем нашего времени должно быть более широким, таким, которое возможно только при новой форме общества» [2]).

Таким образом отрыв теории от практики, отрицание классовости, партийности марксистской теории жрецом II интернационала, вопреки всему существу этой теории и прямым заявлениям Маркса, является основной, по существу идеалистической установкой, которая проводилась Каутским в его практике и теории и в частности в его теоретической «защите» марксизма против Бельфорт Бакса.

Итак, Каутский в «борьбе» с Баксом становится сам на принципиальные позиции последнего, на идеалистическую по существу теорию факторов, оставаясь на словах на позициях исторического материализма: ...«психологический фактор, приводящий сам себя в движение, хотя бы только «до известной степени», является бессмыслицей. Я охотно соглашаюсь с Баксом, что это в такой же мере относится и к экономическим условиям и что если бы нео-

[1]) Каутский, Что хочет и может дать материалистическое понимание истории. Сб. Семковского, изд. 4-е, стр. 49.

[2]) Там же, стр. 50.

марксисты утверждали, что экономические условия развиваются «до известной степени самостоятельно, без вмешательства человеческого ума и воли, то это было бы такой же нелепостью, как соответствующее утверждение относительно психологического фактора. И в том, и в другом случае все развитие, а не одна только часть его, основывается на взаимодействии, выражаясь по Баксу, внешних и внутренних факторов» [1]).

«Ортодокс» Каутский таким образом на деле отказывается от существа исторического материализма, на словах защищая его от идеалистической критики Бакса. Он утверждает, что экономика не является базисом общества, общественным бытием, независимым от общественного сознания, если «психологический фактор», т. е. общественное сознание, не обладает самодвижением. Но тут же он добавляет, что и «экономический фактор», т. е. общественное бытие, лишено самодвижения и зависит от психологического фактора. Словом, экономический фактор представляет собою один из «многочисленных факторов», которые находятся в эклектическом взаимодействии. И раз сознание человека оторвано от его общественного бытия, от его источника и основания и метафизически противопоставлено ему как самостоятельный «фактор», то принципиальный переход на позиции идеализма обеспечен. Речь тут может итти уже только о той форме, которую примет у Каутского фальсификация марксизма идеалистической трактовке.

Следует отметить, что уже в полемике с Баксом Каутский делает основные шаги в этом направлении, приводящие его к законченной идеалистической, позитивистской концепции в его «MaterialiStische Geschichtsauffassung». «Исторический материализм,— пишет он в статье «Что хочет и может дать материалистическое понимание истории»,— далекий от того, чтобы отрицать активную роль человеческого духа в обществе, дает только отличное от прежних теорий об'яснение деятельности этой силы» [2]). А это «отличие» (заметьте, исторический материализм дает только отличное, но не принципиально-противоположное идеалистическому пониманию истории об'яснение характера и роли «духа»!—*Л. А.)* заключается в том, что, с точки зрения исторического материализма, хотя историю и делает дух, но он не совсем свободен в этом своем творчестве, а ограничен «экономическими условиями»: «Человеческий дух,—пишет он там же,—приводит в движение общественно, но не как господин экономических условий, а как слуга» [3]). Экономическое развитие является продуктом взаимодействия между экономическими условиями и человеческим духом, но отнюдь не продуктом свободной и планомерной деятельности человека, распоряжающегося по своему произволу экономическими условиями» [4]). Мы видим таким образом, что экономика из существенного основания человеческого общества превращается, во-первых, в «условие» и, во-вторых, в условие, ограничивающее деятельность духа—движущего начала истории.

Каутскианское идеалистическое метафизическое извращение исторического материализма находит свое полное завершение в его книге «Материалистическое понимание истории». Она представляет собой эклектически, идеалистическую концепцию общественно-исторического процесса, выставляемую им под названием «исторического материализма», против последовательного марксова материализма, против диалектического материализма. Характерно для Каутского, что волюнтаристская, идеалистическая концеп-

---

[1]) Каутский, Что хочет и может дать материалистическое понимание истории, стр. 44.
[2]) Каутский, сборник, стр. 44.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

ция общественно-исторического процесса у него всегда сочеталась с вульгарным биологизмом. И именно в биологическом понимании истории Каутский видел и «историзм» и «материализм» своей концепции. Мы не ставим себе целью рассмотреть идеалистический характер исторической концепции Каутского, изложенной в двухтомнике, во всей ее конкретности, в целом. Мы лишь бегло остановимся на разборе одного, правда центрального, основного вопроса—решения Каутским вопроса об общественном базисе и надстройках. Присмотримся к IV разделу 3-й книги I тома его названного сочинения.

Каутский развертывает здесь свою концепцию в форме «изложения» и «интерпретации» Маркса. Процитировав известное место из предисловия Маркса к его «К критике политической экономии», Каутский раз'ясняет, что нельзя полагать, будто для Маркса «вступление» людей в производственные отношения — это простой рефлективный акт, не доходящий до их сознания. Конечно Маркс говорит не о простом «рефлективном» акте, а говорит о действии людей, обладающих сознанием. Но Маркс говорит, что люди вступают в отношения, которые от их воли не зависят, а наоборот, определяют последнюю. Каутский же, жульнически сведя вопрос в другую плоскость, начинает доказывать, что эти отношения как раз зависят от воли людей и что они только в таком случае и возможны: «Никто не пожелает конечно утверждать, что будто Маркс думал при этом о рефлективных движениях, которые «независимо от воли» людей протекают. Производственные отношения предполагают сознательное, целесообразное сотрудничество людей, что без сознательной, направленной на определенную цель воли никак невозможно» [1]).

И это, видите ли, вызывается прямой естественной биологической необходимостью: «если бы люди не имели никаких потребностей, не хотели бы удовлетворять эти потребности, они бы не производили, следовательно, также не входили бы в производственные отношения. Постольку они (т. е. производственные отношения.—*Л. А.)* определены волей людей» [2]).

Следовательно, по Каутскому, производственные отношения глубоко зависят от воли людей; они представляют собою продукт сознательных волевых действий людей, которые являются в свою очередь проявлениями «природы» «человека».

Что же касается характера производственных отношений, то они определяются совокупностью различных «естественных» и «духовных» факторов. Среди этих «факторов», создающих производственные отношения, воля выступает основной, изначально творческой силой; но раз она реализована в известной исторической культурной обстановке, которую индивиды находят готовыми, то в каждый данный период воля индивидов создает данные производственные отношения не по произволу, а вполне закономерно, приспосабливаясь к совокупности условий. И в этом смысле следует понимать,— говорит Каутский,— «независимость» производственных отношений от воли людей: «Но всякий вид этой воли независим от желания, произвола людей. Он определяется частью их врожденными потребностями, которые опять-таки наследуются от животных предков человека, частью являются приобретенными в ходе исторического развития качествами.

Определенные производственные отношения обуславливаются таким образом совокупностью преднаходимых условий и врожденных свойств индивидов и творческим началом является все-таки воля, волящий дух человека. Поэтому новые производственные отношения являются в конечном счете следствием деятельности стремящейся к жизни воли, которая проявилась в знании и практическом применении его резуль-

[1]) Каутский, Materialistische Geschitifsfassung, т. I, стр. 807.
[2]) Там же, стр. 809.

татов, «материализуется», как бы осаждается в виде в первую очередь техники, отождествляемой Каутским с «материальными производительными силами» общества: «Определенные ступени развития материальных производительных сил не могут таким образом возникать из развития природы, внешнего мира, но только из развития в людях (nur aus einer Entvicklung im Menschen), из развития человеческого знания вещей и сил природы и его способности сделать последние полезными для себя. Таким образом ступени развития материальных производительных сил вытекают, происходят из развития познания природы и технического применения этого познания» [1]).

Если следовательно дух, проявляясь в познании природы, создает «технический фактор» истории, то тот же человеческий дух, необходимым образом, параллельно проявляясь в воле к действию, создает определенные производственные отношения. И против марксова положения, что воля людей, в творчестве или их общественной жизни, определяется в конечном счете способом производства материальной жизни, Каутский выставляет свою волюнтаристскую идеалистическую концепцию: «Они,— говорит Каутский о производственных отношениях,— предписываются им (т. е. людям.—*Л. А.)* не от их воли независимой, над ними стоящей высшей силой, но (через) их собственную волю, что в конечном счете есть не что иное, как присущая каждому волящему организму врожденная воля к жизни и сохранению своего вида. Та же самая воля, формулирует Каутский свое credo, которая создает технику, создает также соответствующие ей производственные отношения» [2]). Каутский очевидно полагает, что может скрыть свой волюнтаристический идеализм, прячась за отрицанием внешнего «человеческому духу» волящего существа, какого-нибудь божества, определяющего действия людей в создании ими их общественных отношений. Но ему никак не удастся скрыть основной факт, заключающийся в том, что против основного положения исторического материализма, сформулированог в известном «Предисловии» Маркса, он выставляет свой идеалистический тезис, гласящий, что «стремящаяся к жизни» «воля людей» создает их производственные, общественные отношения.

Мы видим следовательно, что со времени дискуссии с Бельфортом Баксом, Каутский уточняет, разрабатывает и завершает свою эклектическую, идеалистическую по существу, позитивистскую концепцию.

Но если воля и анализ являются прямыми движущими силами и источником исторической жизни человечества, в чем же тогда «материализм» этого понимания истории? Материализм здесь конечно не причем. Название «материализм» в отношении своего понимания истории Каутский употребляет вполне сознательно жульнически, чтобы облегчить себе обман читателей—рабочих. На деле же «материализм» его концепции заключается в том, что осуществляющаяся в истории закономерная в себе самой человеческая воля находит определенную среду, определенные материальные условия, в которых ей приходится действовать, и что в каждый данный период истории ее деятельность определяется или скорее ограничивается, сообразуется с условиями этой данной ей среды. Как же об'яснить исторический процесс, спрашивает он в одном месте этого своего сочинения (приведя слова Бюхнера), если не из «особой спонтанности и целеустремленности» человеческого духа, из «идеалистического устремления человеческой природы», как говорит материалист, и отвечает: «не подлежит сомнению, что человеческий дух обладает особой способностью, которая приводила в движение исторический процесс и давала ему его направление» [3]).

[1]) Каутский, Materialistische Geschichtsauffassung, стр. 810.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

Теперь ясно, для чего нужна теория «факторов». Она нужна, как наиболее удобная форма протаскивания подлинно-идеалистической метафизической концепции, служащей теоретическим обоснованием контрреволюционной практики социал-фашизма под мишурой эклектической конструкции, допускающей половинчатую «материалистическую» фразеологию.

Соответствующая определенной стадии развития производительных сил общества совокупность материальных производственных отношений из реальной основы всего общественного здания превращается в один из «факторов», действующих наряду с «политическими», «эстетическими», «сексуальными», «моральными» и т. п. «факторами», причем фактором, производным от деятельности духа. Поэтому Каутский говорит, что выражения «базис» и «надстройки», это — совершенно произвольные и образные выражения, которые только наделали разных бед, вводя «в заблуждение» относительно «действительного» характера материалистического понимания истории, которое по существу принципиально не отличается от идеалистического его понимания. Как полагает Каутский, величайшая заслуга марксистской политической экономии заключается в том, что она сумела показать человеческие, т. е. духовные отношения за отношениями материальных вещей: «Совокупность этих производственных отношений, «реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и определенные общественные формы сознания», таким образом не носит ни в коем случае только «материального характера, т. е. не образован из материальных вещей внешнего мира, но он определен очень сильно духовными факторами, потребностями и познаниями людей» [1]).

Каутский обнаруживает всю глубину своей метафизики и идеализма. Метафизику Каутскому абсолютно чуждо марксо-энгельсовское диалектико-материалистическое понимание общества. Для него есть природа и дух, биологическая личность и их сознательное сотрудничество как совокупность духовных связей между индивидами. Общество как определенная качественно особая определенная ступень в развитии материального мира, не сводящееся к природе и сознанию, совершенно чуждо Каутскому. «Общественное» для него равняется своеобразному духовному [2]). Следовательно, материальные «факторы» общественной жизни, истории, представляют собою для Каутского, по существу, духовное явление, и он прямо высказывает свое возмущение по поводу того, что их «называют» материальными: «странным образом,— говорит Каутский,— эти духовные факторы называют материальными, когда они выступают в области производства. Всякий интерес, который человек ощущает, является духовным интересом. Но его экономические интересы относятся к «материальным» интересам» [3]). Поэтому, полагает Каутский, не надо понимать «материальный базис» общества и его «идеологические надстройки» «буквально».

---

[1]) Каутский, Materialistische Geschichtsauffassung, стр. 814.

[2]) Интересно отметить, как Каутский «об'ясняет марксово выражение «общественное сознание». Так как Каутский рассматривает сознание человека как простую функцию человека-индивида, так как он, не понимая общественной природы человека, в отличие от животных — не понимает и общественного характера его сознания, а следовательно, принимает сознание человека как просто физиологическое явление, просто функция мозга, то он, разумеется, должн дать какое-нибудь «толкование» марксову определению, сознания человека как общественного сознания. И он этот общественный характер человеческого сознания видит в том, что Маркс-де впервые показал, что лишь посредством взаимного общения и соглашения эти общие воззрения приобретают общественный характер и благодаря этому становятся созидающей историю силой» (там же, стр. 815).

Прямо-таки «меновая концепция» идеологии!

[3]) Каутский, Materialistische Geschichtsauffassung, стр. 814.

«Но нельзя так же, как это чаще имеет место, грубо материалистически представлять дело так, как будто базис состоит просто из материальных вещей, машин, орудий, сырья, железных дорог и т. п., и надстройка просто из лишенных сущности мыслей» [1]). Наоборот, эти «материальные блага» сами-де являются продуктом действия, приложения духовных способностей человека... «И в каждый данный момент богатство общества в значительно большей мере определяется высотой их (т. е. людей.—*Л. А.)* знаний, их духовных качеств, чем массой вещей, которые имеются в наличии для их потребления» [2]). Поэтому Каутский в заключение первого тома говорит, что он должен «п р и б а в и т ь» к предисловию Маркса от себя о роли естествознания как действительной пружины развития материальных производительных сил общества и с ними вместе всего общества в целом: «Насколько в каждый данный момент человек использовывает эти собственные способности и силы окружающей среды (в широчайшем смысле слова), превращает их в свои производительные силы, зависит от степени познания собственного существа, как и существа своей среды, следовательно, от высоты его познания природы. И она (т. е. степень познания.—*Л. А.)* есть переменный фактор в сумме наличных производительных сил» [3]).

Итак, «в о л я к ж и з н и» — вот коренное движущее начало и глубочайшее содержание общественно-исторической жизни человечества, по мнению Каутского. Воля является движущим началом, в то время как материальное производство—лимитирующим условием, причем само это материальное производство является в конечном счете о в е щ е с т в л е н н ы м п р о д у к т о м уже проявившегося в познании волящего духа. Поэтому,—говорит Каутский,—«Развитие материальных производительных сил является таким образом в основном только другим названием для развития знания природы.

Поэтому глубочайшей основой «реального базиса», «материального фундамента» человеческой идеологии является духовный процесс, процесс познания природы» [4]).

«Материализм» каутскианского понимания истории заключается следовательно в том, что волящий и познающий родовой дух человечества в каждый данный период истории, находит свое ограничение—и в этом смысле «обуславливается», с одной стороны, априорной логикой своего развития, что с силой «категорического императива» преодолевает индивидуальные стремления, произвол людей, и, с другой стороны,—теми «экономическими условиями», которые он находит готовыми, данными в каждый момент, но которые, в свою очередь являются не чем иным, как той же самой «волей к жизни», но уже овеществленной в предыдущей практической деятельности людей.

Итак, к чему мы приходим?

Каутский н и к о г д а не был последовательным, до конца революционным марксистом.

Даже в «ортодоксальный» период своей деятельности Каутский оппортунистически приспосабливался к борющемуся против марксизма ревизионизму, всячески замазывал его противоположность марксизму, подделывая марксизм.

В противоположность Ленину, последовательно проводившему и развивавшему революционную теорию марксизма, Каутский стоял на центристских, т. е. прикрытых ортодоксальной фразой, но по существу оппортунистических позициях как в политике, так и в теории.

---

[1]) К а у т с к и й, Materialistische Geschichtsauffassung, стр. 814.
[2]) Там же, стр. 864.
[2]) Там же, стр. 814.
[1]) Там же, стр. 864.

Яркой иллюстрацией этого служит его «дискуссия» с Бельфорт Баксом, дискуссия, в которой он обнаружил истинное лицо своего «материалистического» понимания истории, которое есть не что иное, как разновидность позитивистского идеализма, эклектически соединяющего в себе волюнтаристскую в основном концепцию с самыми вульгарными теориями механистического материализма, служащая в своем развернутом виде у современного Каутского теоретическим знаменем социал-фашистской контрреволюции.

Эта методология лежит в основе гнусных писаний Каутского против пролетарской революции, против СССР, против победоносного социализма и большевистской партии.

Неогегельянское обоснование фашизма Рихардом Кронером *)

М. Дынник

Последняя книга неогегельянца Рихарда Кронера «Культурно-философское обоснование политики» («Kulturphilosophische Grundlegung der Politik», Berlin, 1931) является новым красноречивейшим документом международной философской литературы фашизма.

Апология мощного эксплоататорского государства, учение о вечности классового общества и частной собственности, милитаристическая пропаганда и выпады против строительства социализма в СССР, признание бессилия науки познать реальную действительность и ханжеское вознесение религии на вершину культуры, злобные реплики по адресу философии марксизма-ленинизма, идеологический контакт с российскими белоэмигрантами, блокировка с социал-фашистами и пропитывающая всю книгу бешеная ненависть к коммунизму — таковы основные мотивы этого философического произведения господина ординарного профессора Кельнского университета, первого председателя Международного гегелевского союза.

«Культурно-философское» обоснование политики, о котором говорит Кронер, по сути дела является неогегельянским обоснованием фашистского метода, т. е. «метода непосредственной диктатуры, идеологически прикрываемой «общенациональной идеей» и представительством «профессий» (а по существу разнообразных групп господствующих классов)» (Программа Коммунистического интернационала).

То обстоятельство, что неокантианец, ученик Риккерта—Рихард Кронер перешел на неогегельянские позиции, является лишь эпизодом общего поворота послевоенной буржуазной философии к гегельянству, что в свою очередь отражает все растущую фашизацию буржуазной науки и философии в период общего кризиса капитализма. Фашизация Германии — такова социальная предпосылка все более и более распространяющегося неогегельянства, охватывающего своим влиянием представителей разнообразнейших течений современной буржуазной философии.

Те социальные сдвиги, которые произошли в Германии под влиянием империалистической войны и послевоенного кризиса, обусловили собой возникновение и дальнейший рост фашизма. Разоряющаяся городская мелкая буржуазия и затронутое кризисом крестьянство, офицерские кадры и безработная университетская молодежь—таков резервуар, откуда фашизм черпает свои силы, в отдельных случаях вовлекая в сферу своего влияния малосознательные слои отчаявшихся безработных пролетариев.

---

*) Настоящая статья представляет собой часть работы, выполняемой автором по поручению Ин-та философии Комакадемии.

Было бы однако грубейшей ошибкой считать фашизм мелкобуржуазным движением, ибо он является лишь орудием в руках монополистического капитала.

«Наряду с социал-демократией, при помощи которой буржуазия подавляет рабочих или усыпляет их классовую бдительность, выступает фашизм. Эпоха империализма, обострение классовой борьбы и нарастание, особенно после мировой империалистической войны, элементов гражданской войны, привели к банкротству парламентаризма... Процесс наступления буржуазной империалистической реакции приобретает при особых исторических условиях форму фашизма. Таковыми условиями являются: неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец постоянная угроза массовых выступлений пролетариата. Чтобы обеспечить себе большую устойчивость власти, ее твердость и постоянство, буржуазия все более вынуждается переходить от парламентской системы к независимому от межпартийных отношений и комбинаций фашистскому методу» (Программа Коммунистического интернационала).

Фашизм и социал-фашизм — это два рычага, два метода, которыми германская буржуазия послевоенного периода комбинированно пользовалась в борьбе с нарастающими темпами революции, в борьбе со все крепнущим сопротивлением пролетариата. Первые годы послевоенного периода из этих двух «близнецов» социал-фашизм был тем рычагом, которым германская буржуазия пользовалась по преимуществу. Во время германской революции социал-демократия как главный контрреволюционный фактор спасла германский капитализм и в дальнейшие годы была главным тормозом революционного движения, пользуясь как методом обмана рабочего класса и широких трудящихся масс, пропагандируя постепенное изживание капитализма при помощи парламентаризма, так и методом активного подавления рабочего движения, расстрелов тысячи пролетариев, использования всего угнетательного аппарата капиталистического государства, с которым германская социал-демократия теснейшим образом переплелась и срослась.

Однако уже в начале 1930 г. германской буржуазии стало ясно, что социал-фашистский рычаг начал давать перебои. Режим Брюнинга должен был проводить политику монополистического капитала при новой экономической и политической ситуации, социал-фашисты были сначала переведены в резерв, а затем как главная социальная опора буржуазии спасали своими голосами правительство Брюнинга, всеми мерами подлости и предательства борясь с растущим коммунистическим движением в Германии. Дело в том, что в 1928—1932 гг. Германия, как и все капиталистические страны, оказалась перед лицом неслыханного кризиса. Тягчайший промышленный кризис, переплетающийся на фоне общего кризиса капитализма с послевоенным сельскохозяйственным кризисом и усложненный крахом всей банковой системы Германии, усиленное разорение и фашизация мелкой буржуазии, затрудненное за последнее время маневрирование социал-демократии благодаря разоблачению ее перед широкими рабочими массами—все это привело к тому, что из двух своих рычагов — фашизма и социал-фашизма — германская буржуазия вынуждена была продвинуть вперед фашизм, а свою главную социальную опору— социал-фашизм — задвинуть в резерв. Президентские выборы с тремя буржуазными кандидатами, противопоставленные пролетарскому кандидату тов. Тельману, разнузданные налеты на рабочие организации гитлеровских банд при содействии полицейского аппарата, правительство фон-Папена—Шлейхера, опирающееся на национал-социалистов и «работающее» методами фашистской диктатуры — все это ярко демонстрирует тот факт, что для

перехода к непосредственной фашистской диктатуре буржуазия подготовляет для себя все больше и больше предпосылок. На долю социал-демократии в этих условиях выпала гнусная роль активной поддержки боевых фашистских организаций буржуазии, что иллюстрируется в первую очередь ее теорией «меньшего зла».

Именно эти годы резчайшего кризиса все усиливающейся фашизации немецкой буржуазии и неуклонного роста революционного настроения среди широчайших масс пролетариата, крайнего обострения всех социальных противоречий являются в то же время, если говорить об идеологическом фронте, эпохой усиленного роста неогегельянского движения как одной из теоретических основ фашизма и социал-фашизма.

Неокантианцы различных толков, гуссерлианцы, представители разнообразнейших направлений идеалистической философии спешно меняют свои вехи; неогегельянское движение насчитывает все новых и новых адептов; фашизация науки и философии отражает общую фашизацию Германии; в настоящее же время неогегельянство может праздновать конкретизацию своей «идеи» в официальной декларации правительства фон-Папена-Шлейхера, усматривающей главное зло для Германии в пропаганде «культурного большевизма» и «марксистской мысли».

Виднейшее место среди германских неогегельянцев несомненно занимает представитель «спекулятивной диалектики», бывший неокантианец, рано почуявший необходимость философской перестройки в связи с процессом фашизации Германии, ярый поповствующий идеалист, вызывающий восторги как германских контрреволюционеров, так и российских белоэмигрантов, монархист и милитарист, первый председатель гегелевского союза — профессор Кильского университета Рихард Кронер. Если уже в 1924 г. Кронер выпустил большую работу «От Канта к Гегелю» («Von Kant bis Hegel», Tübingen, 1924), где были намечены основы «спекулятивной диалектики», то именно самые последние годы (1930—1931 г.) были тем периодом его работы на пользу фашистской диктатуры, когда он, не ограничиваясь областью неогегельянской фашистской философии, поставил перед собой задачу непосредственного обоснования фашистской политики германской буржуазии («Идея и действительность государства»— «Idee und Wirklichkeit des Staates», Kiel, 1930; «Культурно-философское обоснование политики» — «Kulturphilosophische Grundlegung der Politik», Berlin, 1931), идеологически подготовляя переход от ублюдочного «демократического» режима к фашистскому правительству фон-Папена-Шлейхера.

В неогегельянстве Кронера, как и во всем фашистском движении, ярко отражается диалектическое противоречие общественного развития современной Германии: с одной стороны, это—идеологическая форма фашизма как политической надстройки загнивающего капитализма, с другой же стороны, в неогегельянстве находит свое идеологическое оружие тот же фашизм как метод наступления монополистического капитала в условиях общего кризиса капитализма.

Фашистская спекуляция на растерянности и отчаянии разорившейся, обнищавшей городской и деревенской мелкой буржуазии, безработной интеллигенции — таков агитационный прием, который всемерно учитывается и «культурно-философски» обосновывается гегельянствующим идеологом буржуазии. В своем выступлении на II гегелевском конгрессе Рихард Кронер, говоря о надвигающейся «гибели культуры», т. е. напоминая об угрожающей германской буржуазии пролетарской революции, всячески расписывал «тысячекратную зависимость человека от сил, над которыми он не имеет никакой власти и чьего господства он не может избегнуть», о «беспомощности человека перед лицом забот и смерти»; из этого состояния зависимости и

беспомощности можно выйти лишь при помощи неогегельянства — такова мораль, проповедуемая философом фашизма.

«Человек, это — создание рока, он заточен (eingekert) в мир, который он находит перед собой и который он лишь в незначительной степени может изменить. Природа и история охватывают его и даже свою свободу, свою творческую силу он может проявлять лишь в этих пределах и на ограниченной почве своей конечной сущности. Непреодолимость этих пределов наша современность показывает достаточно ясно всякому, кто ее переживает сознательно» [1]).

Из этого состояния беспомощности, продолжает Кронер, может вывести именно Гегель, ибо он учит, что в ограниченном природою и обществом человеке есть нечто безграничное, в конечном человеке — нечто бесконечное, «противодействующее гнету реальностей» («das dem Drücke der Realitäten widersteht»).

Таким образом буржуа, находящемуся в состоянии отчаяния перед лицом кризиса капиталистической системы, преподносится лавровая ветвь спасения — фашистское учение о мощном государстве, об общенациональной идее, о мировой исторической роли Германии.

Разоблачение Рихарда Кронера, этого неогегельянствующего идеолога германского фашизма, является одной из актуальных задач классовой борьбы пролетариата, в первую очередь германского.

Капиталистическое государство как саморазвивающийся дух

Поставив перед собой задачу «культурно-философского» обоснования внутренней и внешней политики фашизма, Кронер прежде всего вступает в бой с призрачной, схоластической проблемой: как сочетать «суб'ективность» политики с «об'ективностью» философии. Идеолог буржуазии, классовая физиономия которого отпечатана на каждой странице его империалистической философемы, «высококультурный» автор неогегельянской книжки, украсивший ее обложку хищной фигурой геральдического орла, по старой гелертерской привычке произносит в предисловии несколько слов об об'ективной, чуждой политике философии, как об области, «где противники скрещивают свои мечи, как чистые духи». Но так как «чистый дух» автора своей целью ставит борьбу за грязное дело капиталистической эксплоатации, поповщины и милитаризма, то искомый «суб'ективно-об'ективный» пункт об'единения политики и философии без особого труда находится им в «борьбе за власть и право», в «носителе политической воли» —фашизированном капиталистическом государстве.

Старое идеалистическое учение Гегеля о государстве как о конкретизации нравственной идеи воспроизводится Кронером в упрощенном и вульгаризированном виде; гегелевская философия права, поданная под риккертианским соусом, кладется в основу учения о государстве как о воплощении национальной идеи, прикрывающей непосредственную диктатуру буржуазии. Капиталистическое государство, это орудие классового подавления трудящихся, идеологом германского империализма превращается в саморазвивающийся дух, в некую заумную «смысловую действительность» (Sinnwirklichkeit), отличную от всего того, что говорит об этом государстве действительный опыт. Для понимания этого «смысла» государства, говорит Кронер, обычные органы восприятия, обычный интеллект непригодны; необходим особый таинственный орган восприятия, лишь при помощи которого возможно-де понять, что буржуазная диктатура осуществляет высокую цель саморазвития духа.

---

[1]) Richard Kroner, Rede zur Erröffnung des II Hegelkongresses. — «Verhandlungen des II Hegelkongresses», Tübingn-Haarlem, 1932, S. 13.

Для характеристики поповских, враждебных науке позиций Кронера следует подчеркнуть, что вопрос о происхождении государства он относит целиком к компетенции религии как вопрос «мифологический», считая его для науки неразрешимым. К этому следует добавить, что этот представитель «высокой» культуры черным по белому пишет о божественном сотворении мира. Таким образом Кронер представляет то фашизированное крыло буржуазных ученых, которые совершенно недвусмысленно заявляют о своей готовности отказаться от науки ради проведения и защиты непосредственной диктатуры буржуазии.

В дальнейшем мы остановимся на бешеных выпадах Кронера против строительства социализма в СССР, против героической борьбы за коммунизм, ведущейся под руководством ленинского ЦК ВКП(б) и вождя международного пролетариата т. Сталина, — пока же отметим, что несмотря на фразы о диалектике, хотя бы даже и об идеалистической диалектике Гегеля, важнейшей задачей кронеровского метафизического и софистического метода является превращение эксплоататорского государства в вечную «сущность», а для этой цели в первую очередь он отрицает за наукой право на изучение происхождения государства и передает этот вопрос в ведение религии. Но напрасно было бы думать, что о государстве настоящего времени Кронер говорит что-либо, хотя отдаленнейшим образом отвечающее задаче научного изучения реальной действительности.

Приведем одно из характерных мест этой книги, ярко рисующее поповскую физиономию автора, а вместе с тем отчетливо показывающее, что, спешно перевооружаясь в связи с новыми классовыми задачами, стоящими перед буржуазной Германией, Рихард Кронер в самом своем неогегельянстве сохраняет прежние риккертианские позиции—учение о «царстве смысла».

«Государство существует лишь как разрешение некоей задачи; это разрешение составляет смысл всего его существования. Оно не существует независимо от своего смысла, поэтому для глаз тех, кто не понимает его смысла, оно ненаходило и не может быть предметом опыта (unerfahrbar). Новое измерение бытия заключает «новый мир», некий мир по ту сторону мира, данного нашим чувствам и нашему чувственному рассудку; некий мир, видимый лишь тому, кто его понимает, кто обладает отвечающими его смыслу духовными органами познания (geistige Greiforgane). Государство не существует как чувственно воспринимаемое образование, но как смысловое образование, как смысловая действительность, как духовная сущность; то, что сказано было о боге, может и должно быть сказано и о государстве; это есть дух; кто его хочет познать, должен познать его в духе и в истине»[1]).

Итак, буржуазное государство с его полицией, армией, судом и тюрьмами, вся эта машина классового угнетения буржуазией пролетариата представляет собой духовную сущность, сверхчувственную идею, а потому-де вопрос о государственном строе — «должно ли оно управляться демократически-республикански или монархически-конституционно или диктаторски-абсолютично, по-фашистски или по-большевистски» — вопрос этот может быть решен лишь на основании понимания того смысла, той идеи, воплощением которой является государство, т. е., другими словами, может быть решен лишь философией, а именно неогегельянством.

Мы уже знаем, что для Кронера философия имеет своей задачей защиту религии, он сам открыто заявляет, что философия вырастает из богословия; посмотрим же, при помощи каких софических вывертов и схоластических ухищрений этот поповствующий неогегельянец защищает государство капиталистов-эксплоататоров.

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, B. 1931, S. 24.

Государство, по Кронеру, является в первую очередь нравственным сообществом (sittliche Gemeinschaft); гегельянствующий философ особенно напирает на то, чтобы представить государство как условие и продукт гармонии классовых интересов:

«Государство есть смысловая действительность (Sinnwirklihkeit) в собственном смысле слова, ибо оно разрешает некоторую задачу. Какова же задача, разрешением которой является государство? Это задача обеспечения возможности совместной жизни отдельных людей. Государство создает эту возможность, поскольку оно правовым образом связывает отдельных индивидов. Оно является связью, правовой связью отдельных индивидов друг с другом; оно является всеобщей волей, которая связывает их, так как эта воля имеет для них связывающее значение (weil dieser Will für sie verbindlich ist)».

Всякая попытка со стороны революционного пролетариата разбить государственную машину буржуазии, чтобы заменить ее своей диктатурой, имеющей целью строительство социализма, а затем и полного коммунистического общества, с точки зрения Кронера рассматривается как движение в сторону уничтожения культуры и цивилизации, как возврат к стадному состоянию, как превращение людей в животных. Буржуазное право, юридически оформляющее эксплоатацию пролетариата, для Кронера оказывается конкретизацией высшей нравственной идеи; подчинение государству должно быть сознательным; «Отношение индивида к государству это не отношение бытия, но отношение смысла, это отношение, опосредствованное сознанием». Отсюда-де вытекает нравственное сознание; преодолевая ограниченность своего Я, индивиды образуют нравственное сообщество, лежащее в основе смысловой действительности государства.

Гитлеровские банды с их кровавыми жертвами, расстрелы и избиения безработных социал-фашистскими и фашистскими полицейскими — все это прекрасная иллюстрация для той «нравственной» связи, о которой говорит Кронер. Классовый эквивалент всех этих писаний вполне ясен: если «диалектика права и насилия» идеологически подготовляет переход к непосредственной буржуазной диктатуре, мобилизуя боевой дух фашистских организаций, то этическая софистика «нравственного сообщества» имеет в виду социал-фашистский резерв, является методом дезорганизации революционного движения германского пролетариата, методом лжи, обмана и предательства, изображающим государственный аппарат классового угнетения как воплощение высокой идеи, как некую «смысловую связь» между пролетариатом и его эксплоататорами.

Софистика под маской „диалектической проблематики“

Разоблачая тайну спекулятивной конструкции Гегеля, Карл Маркс в «Святом семействе» показал, при помощи какого софистического приема немецкий идеалист превращал «земные плоды», т. е. реальную действительность, в потустороннюю идеальную сущность «плода вообще»; вместе с тем Маркс подчеркнул, что Гегель имел двойное преимущество перед своими эпигонами.

«Во-первых, Гегель путем искусной софистики умеет изобразить процесс, при помощи которого философ, руководимый чувственным созерцанием и представлением, переходит от одного предмета к другому, как процесс самих воображаемых рассудочных сущностей, абсолютного суб'екта. Но кроме этого Гегель очень часто в спекулятивной характеристике вещи дает нам ее действительную характеристику — характеристику, охватывающую самую суть дела. Это действительное под покровом

[1]) Там же, стр. 27.

спекулятивного заставляет читателя принимать спекулятивные выводы за действительные и действительные за спекулятивные» [1]).

У современного гегелевского эпигона, фашиста Кронера, софистика выступает под названием диалектики, причем кронеровская «спекулятивная диалектика» является мистическим толкованием диалектики Гегеля. Обоснование фашизма, борьба с марксистско-ленинской философией — такова основная цель этой служанки монополистического капитала. Идеалистическая диалектика Гегеля выполняла задачу идеологической подготовки германской буржуазной революции 1848 г.; взращенная великими завоеваниями французской революции, она в то же время отразила в себе противоречивую общественную роль германской буржуазии как восходящего класса в экономически отсталой «мелкобуржуазной» стране. Что же касается Кронера, то на его долю выпала роль одного из идеологов буржуазии империалистической Германии, а в качестве такового он главное внимание свое должен уделить философическому искажению реальной действительности империализма и мобилизации контрреволюционных сил на борьбу с пролетариатом, с социалистической революцией. Излюбленным идеологическим оружием буржуазии для этого дела является утонченная ложь, софистика, помогающая затушевывать реальные классовые противоречия.

Очередная задача, стоящая перед Рихардом Кронером, состоит в том, чтобы, опираясь на лживое идеалистическое учение о «нравственном сообществе» индивидов, путем софической игры спекулятивными категориями создать иллюзорное понятие государства-духа, который извне пред'являет требования индивидам. Так создается фантастическое чудовище: государство-дух; идеалистическая фикция, удобная приказчикам буржуазии для обмана трудящихся масс, для маскировки действительной эксплоататорской сущности буржуазного государства, этой материальной силы угнетения трудящихся классов. Учение о «нравственном обществе» между индивидами имеет своей целью замазать обострение классовых противоречий в эпоху империализма; апологету буржуазного общества приходится прибегнуть к жалкой софистической эквилибристике категориями гегелевской диалектики. «Диалектическая проблематика» государства, по Кронеру, состоит в следующем: уже отдельный нравственный индивид, т. е. пустое, вымышленное понятие, раздваивается на волю (содержание) и моральное сознание (форма), в государстве же это «единство противоположностей» — формы и содержания — осуществляется в политике, которая и определяет то, что может быть названо общественным благом, примиряющим в себе противоположности: об'ективность и суб'ективность, всеобщность и индивидуальность, нравственную идеальность и конкретную реальность. Как мы видим, все эти гегелевские категории служат дымовой завесой для весьма реальных идеологических махинаций. Проблема силы и права, говорит Кронер, разрешается диалектически: государственная власть, насилие, является силою« нравственного сообщества», а поэтому она же является правовой силой. Насилие буржуазного государства над пролетариатом оправдывается философом-фашистом как проявление нравственной воли, государственной совести, выражающей якобы общее желание всех граждан.

Особенно важно отметить, что софистика Кронера опирается на искажение основного закона диалектического развития природы и общества — закона единства противоположностей.

«Какой задачей для самого себя является сознание? И вообще насколько оно является задачей для самого себя? На эти вопросы само сознание дает наилучший и достаточный ответ, поскольку оно находит себя р а з-

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 82.

двоенным на противоположные полюсы сознания и стремится к единству.

Сознание находит себя раздвоенным, поскольку оно является нравственным сознанием и как таковое себе самому ставит требования и разделяется на Я требующее и Я повинующееся или неповинующееся, на голос совести и волю, действующую согласно или вопреки ему. Личная жизнь является безмолвным диалогом, который ведут друг с другом две стороны сознания, образующие вместе мое сознание, являющееся в качестве моего Я одним и тем же самосознанием. В самосознании встречаются, проникают друг в друга и раздваиваются два друг другу противоположных, но в то же время друг друга дополняющих момента; как раз то же самое показал и анализ, касающийся государства. Оба момента могут быть различнейшим образом определены, они выступают в разнообразнейших видоизменениях. Их можно определить как полюсы «духа» и «природы», «смысла» и «бытия», «ценности» и «действительности», «бога» и «животного» или абстрактнее: как полюсы «формы» и «содержания», «об'ективности» и «суб'ективности», «всеобщности» и «особенности», «задачи» и «данности» и т. д., но повсюду это одна и та же «живая сущность, которая сама в себе делится» и которая из самораздвоения стремится вернуться в свое единство, как в самое себя. В этом стремлении осуществляется задача, которою является сознание и которую оно желает разрешить своим действием; потребность в культуре есть не что иное, как это стремление» [1]).

Как мы видим из приведенного отрывка, то раздвоение и то единство, о которых говорит Кронер, характеризуют собою отнюдь не диалектическое развитие природы и общества, но относятся целиком к спекулятивному учению о сознании, самосознании, духе; Кронер все время говорит о «нравственном сознании» отдельной личности и о «нравственном сообществе», лежащем в основе буржуазного государства; вместо материальных, действительных классовых противоречий приводятся абстрактные противоположности, заимствованные из гегелевской системы и из богословия. Самое существенное во всей этой свистопляске призрачных категорий, это — подмена реальных, материальных отношений, характеризующих противоречивое развитие капиталистического общества, — подмена этого реального единства противоположностей эклектическим, попарным сопоставлением произвольно подобранных понятий. Если идеалистическая диалектика Гегеля путем искусной игры понятиями создавала хоть видимость саморазвития духа, то софистика Кронера лишена и этого формального преимущества: перед нами механическое сопоставление терминов, лишенное даже видимости какого-либо движения. Вместе с тем на первый план выпячивается идеалистическое толкование нравственности, поглощающей общественные отношения для того, чтобы послужить переходом к воинствующей поповщине.

Задачей государства, более того, задачей всей культуры, по Кронеру, является примирение противоположностей; различные области культуры — политика, народное хозяйство, наука, искусство и конечно религия — все они должны способствовать преодолению «духовного раздвоения» и притом каждая по-своему: самореализация-де духа в различных областях культуры происходит по-разному. По сути дела мысль Кронера сводится к тому, что в период всеобщего кризиса капитализма на помощь буржуазному государству в его борьбе с революционным движением пролетариата должна быть мобилизована вся культура эксплоататоров.

По словам Ленина, «диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике»; нужно сказать, что неоге-

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 42.

гельянец Кронер недолго задерживается на мостике даже идеалистической диалектики Гегеля; за фразами о диалектике скрывается софистика как метод наиболее отвечающий идеологическим задачам и общественной роли современной философии германского фашизма.

Подчинение науки религии

Марксистско-ленинскому учению о буржуазном государстве как о реальном аппарате классового угнетения, разрушить который—важнейшая задача социалистической революции, Кронер пытается противопоставить фашистскую «теорию» государства как конкретизации нравственного единения, как духа, об'единяющего раздвоенное сознание человека и подготовляющего его к высшему единству на лоне богоспасаемой церкви.

Равным образом материалистическому учению о том, что природа и общество являются реальной действительностью, существующей вне человеческого сознания и в нем отражающейся, Кронер пытается противопоставить идеалистическое утверждение о том, что природа и общество—суть продукты того саморазвивающегося духа, который в нравственности и в познании различным образом раздваивается, сам себе создавая об'екты для нравственного волевого действия и для познавательского процесса.

Так об'единяет идеолог фашизма в единое целое апологию эксплоататорского государства с идеалистической теорией познания. Метод софистического искажения единства противоположностей служит ему опорою как в том, так и в другом случае. Подобно «нравственно-волящему» сознанию, раздваивающемуся на противоположности, на противоположности раздваивается и познающее сознание; но здесь имеется и различие:

«Воля находит множественность своего содержания в себе самой, как свои побуждения и основания, напротив—восприятие и опыт испытывают впечатления «извне»: правда, последние в качестве воспринятого, в качестве опытного содержания становятся содержанием воспринимающего и опытного сознания, но при этом сознание относит их к вещам, которые оно отличает от самого себя, которые оно переживает, как стоящие перед ним, как ему противостоящие, свои «предметы». Об'единение «извне» полученных впечатлений непосредственно обозначает поэтому для сознания не самооб'единение, но скорее опытное познание связи предметов, познание единства, включающего в себя множественность предметов, познание предметного целого — предметного мира. Но если посмотреть глубже, то этот мир все же оказывается миром сознания, как раз единство, характеризующее мир как таковой, как раз то, чте делает мир именно миром (Welthaftigkeit), само по себе не вещественно, не предметно, но оно является постулатом сознания, которое стремится об'единить все свои опыты как действительные, так и возможные, стремится об'единить их в единый мир. Единство мира, его нераздельность, это—«во вне»—проецированное единство с о з н а н и я. Сознание в себе об'единяет множество своих внешних впечатлений, воспринимая их как части единого целого» [1]).

Не удовлетворяясь воспроизводством реакционного гегелевского учения о праве и государстве, Рихард Кронер восполняет неогегельянскую софистику репродукцией кантовской «трансцендентальной диалектики»; современные идеологи буржуазии готовы эклектически об'единить об'ективный идеализм с суб'ективным для того, чтобы отрицать реальность действительного мира. В данном случае получается своеобразное разделение труда

[1]) R. K r o n e r, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 44—45.

между вызванными из могилы бледными призраками Канта и Гегеля: неогегельянская софистика, играющая роль генерального метода в борьбе с диалектическим материализмом, в апологии фашизированного государства дополняется неокантианской теорией познания специально на фронте борьбы с материалистической теорией отражения» [1]).

Спешный вызов Канта на помощь Гегелю диктуется необходимостью показать, что «предметный мир в действительности является миром сознания, как предметный мир он существует не «в себе», но скорее только «для сознания» [2]).

Мы прекрасно знаем, что единство мира определяется его материальностью; история неокантианской ревизии марксизма, начиная с Конрада Шмидта и Эдуарда Бернштейна и кончая новейшими откровениями социал-фашизма, отчетливо показывает действительный социальный смысл неокантианства, в частности его выпадов против теории отражения.

Уже непосредственный предшественник и учитель Кронера — неокантианец Генрих Риккерт — изощрялся в попытках «опровержения» теории отражения, его неогегельянский продолжатель не говорит в этом смысле никакого «нового слова», он эклектически об'единяет неогегельянское «раздвоение сознания» с неокантианской «трансцендентальной диалектикой».

Представитель империалистической буржуазии отрицает самою возможность научного обоснования политики, заменяя его обоснованием «культурно-философским — на базе мистической» спекулятивной диалектики — более того, вообще отрицает возможность научного познания действительности.

По учению Кронера, благополучно транспортированному им из неокантианства в неогегельянство, наука в своем стремлении познать предметный мир, т. е. об'ективную реальность, хочет осуществить принципиально неосуществимую задачу, другими словами, науке предоставляется глупейшая роль познания непознаваемого. Недаром в своих выступлениях и печатных работах неогегельянцы усиленно подчеркивают, что гегелевское учение о научном и философском познании истины для них совершенно неприемлемо. Неогегельянская мистическая диалектика, деградировавшая до софистики, философами фашизма об'единяется с теорией познания Иммануила Канта, в свою очередь препарированной по-неокантиански, лишенной всех своих материалистических тенденций.

Таковы результаты кронеровского об'единения гегельянской софистической игры отвлеченными понятиями и неокантианской теории познания на основе «спекулятивной диалектики»; именно этих результатов и добивается Кронер, ибо принижение роли науки необходимо ему как основная теоретическая база для развития системы поповствующего идеализма.

Неогегельянская софистика как единство поповщины и милитаризма

Как это и подобает «высококультурному» идеологу методов насилия в борьбе буржуазии против пролетариата, Р. Кронер значительное место уделяет вопросам применения силы. Мы уже видели, что в самом определении государства как духа сила, насилие играет решающую роль. Различие между внутренней и внешней политикой он видит в том, что первая осуществляет

[1]) В своем выступлении на первом гегелевском конгрессе Герман Глокнер, призывая все направления германской идеалистической философии «примириться во имя Гегеля и делать общее дело», т. е. единым фронтом выступить против философии марксизма-ленинизма, в то же время заявил: «Без Канта — никакого Гегеля! Это может прозвучать парадоксом, но гегелевский вопрос в современной Германии вместе с тем является кантовским вопросом».

[2]) Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 45.

единство силы и права, вторая же в конечном итоге опирается целиком на силу; если принять во внимание, что кронеровская «диалектика права и насилия» является неогегельянским обоснованием фашистского метода, то станет ясно, что это—различие словесное, мнимое, что перед нами апологет империалистического государства, провозглашающий вооруженную силу опорой внутренней и внешней политики. Задача философского обоснования политики милитаризма играет крупную роль в неогегельянстве Рихарда Кронера. Софистическая игра диалектическими категориями, оторванными от реальной действительности, должна помочь ему соединить проповедь массового пролития крови, убийства сотен тысяч, миллионов людей, проповедь кровавой империалистической войны с ханжеской проповедью христианской любви к ближнему, всепрощения и всепримирения. Гнусный союз милитаризма с поповщиной должен получить философическое благословение от гегельянствующего фашиста; сама философия в его представлении тесно сливается с богословской схоластикой, ибо «только с этой точки зрения становится возможным понять противоположность и единство бога и человека, религии и политики» [1]).

Для того, чтобы еще ярче показать, как истолковывают философию Гегеля современные фашизированные неогегельянцы, приведем отрывок из выступления Кронера на гегелевском конгрессе, отрывок из проповеди идеализма, мистики и религии:

«Говорили о натурблагочестии (Naturfrömmigkeit) Гете, равным образом следовало бы говорить о гегелевском благочестии духа и мышления (Geist und Denkfrömmigkeit). Тайна, очарование и сила гегелевской философии не в малой степени зависят от этого благочестия, которое источается на нас с каждой страницы гегелевских писаний. Если современность снова обратится к тому убеждению, что без подобного благочестия немыслима ни духовная ни вообще человеческая жизнь, во всяком случае немыслима жизнь мысли—философская жизнь,—то в таком случае эта современность снова обретет полное понимание Гегеля и снова раскроется для его учения» [2]).

Для обоснования союза между буржуазным государством и церковью снова привлекается «идея единства противоположностей» (Idee der Einheit der Gegensätze).

Здесь с особенной отчетливостью выступает контрреволюционная суть неогегельянской софистики: основному закону материалистической диалектики философами фашизма противополагается софистическая идеалистическая игра в «единство» беспредметных, «противоположных» понятий. Вот что говорит по этому поводу Кронер:

«Только эта диалектическая идея единства противоположностей, идея в себе самом раздваивающегося на противоположности справедлива для мыслящего духа; только в этой идее находит поэтому и богословие свое истинное завершение, как это предвосхитил уже Николай Кузанский, этот великий предшественник протестантского мышления, и как это грандиозным образом развил Гегель. Ибо только в этой идее религиозное понимание человека как образа бога и религиозное понимание мира как творения бога получают наконец теологическое пояснение и оформление в понятиях. Только благодаря этой идее становится возможным понять необходимость противоречий и это понимание сделать принципом философского «мировоззрения». На основе этого понимания политика и религия получают об'яснение как ступени снятия противоречия; они друг

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Gurndlegung der Politik. S. 59.
[2]) R. Kroner, Rede zur Eröffnung des II internationalen Hegelkongresses.—«Verhandlungen des zweiten Hegelkongresses». Tübingen-Haarlem, 1932, S. 17.

другу противоречат, не теряя при этом своего смысла. Они противоречат друг другу, ибо на низшей ступени имеют значение нормы, которые для сознания высшей ступени не имеют никакого значения. Они подтверждают свой смысл, ибо религии столь же мало, как и политике, удается изначальную двойственность сознания снять абсолютно, ибо поэтому низшая ступень также и для сознания верхней не теряет своего смысла, поскольку обе они являются одним и тем же сознанием» [1]).

Итак, духовное единство противоположностей политики и религии состоит в том, что «противоречие» между лицемерной заповедью «не убий» и милитаристической пропагандой массового убийства об'является диалектическим единством снимаемых, но не снятых противоположностей; софистика становится основным методом фашистской философии, запутавшейся в неразрешимых логических противоречиях; союз креста и пушки находит себе идеологическую базу в неогегельянстве.

Противоположность политики и религии, по Кронеру, характеризуется тем, что они принадлежат к одному и тому же раздваивающемуся внутри себя, конечно-бесконечному, человеческо-божественному, суб'ективно-об'ективному сознанию; благодаря этому можно проводить кровавую внутреннюю и внешнюю политику, оставаясь в то же время высоконравственным христианином. Таково последнее достижение философского иезуитства.

Карательные и военные действия эксплоататоров, выступающих в качестве политиков, это — низшая ступень диалектического саморазвития духа, всяческая поповщина, проповедываемая теми же эксплоататорами в качестве благочестивых христиан, это — высшая ступень сознания, т. е., вы, люди реальной политики, расстреливайте демонстрации безработных, беспощадно подавляйте революционное движение пролетариата, об'являйте империалистические войны, истребляйте миллионы трудящихся, избивайте детей, насилуйте женщин, — именно этим путем вы подыметесь на высшую духовную ступень, оставаясь добрыми христианами, получая благословение от религии и идеологическую поддержку от неогегельянской философии.

Так за шелухою софистических хитросплетений обнаруживается действительное классовое ядро, реальная связь между той политикой насилия, о которой говорит Кронер, и столь усердно защищаемой им религией; действительное единство их в различии состоит в том, что они являются лишь различными, взаимно друг друга дополняющими методами классовой борьбы буржуазии против пролетариата. Религия, этот опиум для народа, по знаменитому выражению Карла Маркса, в период всеобщего кризиса капитализма берет на себя задачу «нравственной» поддержки методов прямого насилия над пролетариатом. Кронеровская же философия подводит идеологическую базу под этот союз поповщины и милитаризма.

Основные проблемы внутренней политики с точки зрения кронеровской софистики

«Государство благодаря своей рациональности оказывается противоположностью бога как абсолютного верховного главы человечества. Бог, как он открывается в священном писании, является абсолютно универсальной и абсолютно конкретной личностью, он в одно и то же время абсолютно всеобщ и абсолютно един и единственен» [2]).

Отслужив боженьке неогегельянский молебен, Кронер обращается к рассмотрению его пьедестала — фашизированного государства — для подве-

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophiche Grundlegung der Politik, S. 60.
[2]) Там же, стр. 69.

дения идеологической базы под методы прямого насилия буржуазии над пролетариатом.

Наилучшей формой государственной власти господин ординарный профессор Кильского университета считает конституционную монархию или же республику «с сильной верхушкой». Личные симпатии Кронера на стороне наследственной монархии, обладающей, по его словам, такими крупными преимуществами, как... хорошее воспитание принцев и майорат. Однако он готов согласиться и на республику, лишь бы во главе ее стоял сильный вождь, регент. Воля народа, говорит Кронер, может найти свою конкретизацию лишь в воле правителей; лишь наличие вождя или мощного регента отличает народ от кучи или массы; лишь наличие мощного государства обусловливает возможность конкретизации национальной идеи.

«Поэтому сила государства по самой сути дела не может исходить от народа, если под народом понимать государственно неорганизованную массу; если же под народом понимать государственный народ, то к нему должен быть примыслен сообразно смыслу предводитель или правитель, так что невозможно утверждать, что государственная сила исходит только от народа (а не от правителей). В действительности государственная сила исходит из идеи государства, реализующейся при помощи народа, или, иначе говоря, она исходит из временной государственной личности, в которой об'единены народ и правитель, т. е. полюсы сознания: полюс множества и полюс единства» [1]).

Фашистская суть неогегельянской теории государства здесь раскрывается с предельной откровенностью; «государственным» народом Кронер признает лишь народ, имеющий в себе «диалектическую» противоположность в виде сильного правителя; лишь совокупность двух полюсов — множества и единства — позволяет конкретизироваться государственному духу. Как идеолог буржуазии Кронер смотрит в корень вещей, когда развивает ту мысль, что основное для него, это — утверждение сильного эксплоататорского государства; вопрос же о том, будет ли это монархия или республика, он не считает принципиально существенным, его задача — подведение идеологической базы под фашистское государство, политическая же практика показывает, что в каждый данный момент целесообразнее для подавления революционного движения пролетариата: монархия или республика.

Независимо от тех или иных изменений в конституции само эксплоататорское государство вечно будет существовать под верховным божеским протекторатом, никакая революция не в силах нарушить государственного порядка — таково основное положение кронеровской «теории революции». Спрашивается в таком случае, как же расценивает этот гегельянствующий фашист факт существования на одной шестой части земной поверхности государства диктатуры пролетариата, разбившего вдребезги государственную машину эксплоататоров. Брызжа ядовитой слюной, буржуазный философ заявляет следующее:

«И даже в России, где большевистская революция создала новое государство в резчайшем разрыве с прежним порядком, государственная воля образовалась не из народа, но из организации одной партии, которая возникла еще во время старого правительства и которой лишь потому удалось захватить власть, что она существовала уже прежде, раньше, чем разразилась революция, — совершенно независимо от того, что воля этой партии вообще не представляла собой воли русского народа».

---

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 71—72.

Этот выпад против Октябрьской революции, против СССР, против ВКП(б) отчетливо показывает, какую роль играет неогегельянство в идеологической вооруженной интервенции против советских республик.

Кронер однако не останавливается на этой общей апологии государства эксплоататоров; с большим усердием этот дипломированный лакей германской буржуазии и юнкерства развивает теорию вечного существования сословий и классов.

В этом пункте он считает нужным выступить против марксистского учения о классах или, как он выражается, против «марксистской догмы». Посмотрим же, какое глубокомысленное учение о классах выдвигает философ фашизма. Оказывается, что классовое общество вечно, что без того или иного классового деления немыслим даже коммунизм.

«С философской точки зрения необходимо рассматривать как предрассудок нашего времени то обстоятельство, что вопрос о социальном разделении народа смешивается с вопросом о лучшем или справедливейшем хозяйственном устройстве... Раз'яснение этой политико-философской основной проблемы в настоящее время затрудняется марксистской догмой, утверждающей зависимость социального деления от распределения хозяйственных имуществ, особенно производительных сил. Без сомнения в этом утверждении имеется правильное зерно, но оно отклоняет внимание мышления на вопрос, который не является центральным или главным пунктом проблемы. Социальное деление обозначает прежде всего деление на основе принадлежности к сословию или классу; в обоих случаях — принадлежность к группе людей, связанных друг с другом своей профессией (Beruf), причем эта принадлежность может быть обусловлена косвенным образом — происхождением или же непосредственно и исключительно — деятельностью данной профессии (Berufstätigkeit)»[1]).

Как мы видим, «марксистская догма» не нравится неогегельянскому философу в первую очередь потому, что он фиксирует внимание на том месте, которое классы занимают в общественном производстве, на их отношении к средствам производства, а следовательно на отношениях эксплоатации: научное познание исторического развития совершенно чуждо самому методу поповствующей философии, основной задачей которой является защита эксплоататорских отношений. Нужно сказать, что слишком уж примитивна теорийка господина ординарного профессора. Наглость соединяется в ней с безграмотностью. Действительно, послушаем его откровения о вечности социальных делений: при всяком хозяйственном строе, вещает Кронер своим читателям, должно сохраняться разделение на группы по профессиям, а следовательно классовое или сословное деление; даже в «государстве с коммунистическим хозяйством» (Kommunistische Wirtschaffende Staat) должно существовать разделение на тех, чья «профессия» состоит в управлении государством, группу тех, кто работает «хозяйственно-продуктивно», и наконец группу тех, кто «творит духовные блага».

Фашистское учение о представительстве «профессий» в государстве находит таким образом в Кронере своего гегельянствующего теоретика.

Вечное существование общественного разделения на «государственных» мужей, людей «хозяйственно продуктивных» и «творцов духовных ценностей» — такова жалкая теорийка Кронера, выдвигаемая им против марксизма.

Классовый враг пролетариата стремится увековечить отношения эксплоатации: вместе с тем жалкая попытка иронически отнестись к социалистическому строительству видна в следующих его словах:

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik. S. 91.

«Даже в «идеальном», «бесклассовом» обществе должны были бы поэтому существовать сословия или классы, которые каким-либо образом должны были бы соответствовать древнему тройному делению на военное, промышленное и духовное сословие (Dreiteilung in Weher — Nähr — und Léhrstand» [1]).

Лучшим ответом на этот реакционный бред служат великие достижения социалистического строительства в СССР. Мы знаем, какую волну ненависти возбудили в международной буржуазии завоевания первой пятилетки; особую политическую выпуклость высказывания «теоретиков» в духе Кронера приобретают при сопоставлении их с основной политической задачей второй пятилетки, отчетливо сформулированной во всемирно-исторических решениях XVII конференции ВКП(б):

«Успехи в осуществлении первой пятилетки подготовили базу для дальнейшего еще более мощного роста социализма в СССР. XVII конференция ВКП(б) считает, что огромные природные богатства страны, большевистские темпы социалистического строительства, растущая активность широких масс рабочих и колхозников и правильная линия партии полностью обеспечивают такое развертывание производительных сил социалистического хозяйства во втором пятилетии, на основе которого будут окончательно ликвидированы капиталистические элементы в СССР. Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Построение бесклассового социалистического общества — такова непосредственная практическая задача, поставленная перед рабочим классом и трудящимися массами всемирно-историческими решениями XVII партконференции, решениями, которые учитывают реальный опыт победоносного завершения фундамента социалистической экономики в третьем, решающем году пятилетки, реальный опыт окончательного и бесповоротного решения вопроса «кто кого» в городе и деревне. Автор софистической «спекулятивной диалектики» своими мистическими бреднями хочет затемнить истинный смысл реальной диалектики строительства социализма, реальной диалектики уничтожения классов и отмирания государства. Уничтожение классов через ожесточенную классовую борьбу — такова реальная диалектика строительства социализма во второй пятилетке.

Фашистское учение Кронера о сильном государстве, дополненное разделом о вечном существовании классов и сословий, лежит в основе его конкретного политического идеала; таким идеалом для него является сочетание сословного и классового государства, примером чего он считает Пруссию после 1848 года. Вполне естественно, что именно разгром революции 1848 г. является для Кронера исторической эпохой, что именно прусскую сословную монархию с ее трехклассовой избирательной системой он называет как одну из наиболее приемлемых форм государственного устройства Германии.

Итак, классовое деление общества вечно и никогда не подлежит уничтожению. За этой фашистской «теорией» классов следует фашистская «теория» классовой борьбы. Основная задача Кронера состоит в борьбе с марксистско-ленинским учением о диктатуре пролетариата. В связи с этим он прежде всего стремится исказить действительный смысл классовой борьбы, ограничив ее рамки легальной политической борьбой партий; требуя для

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 92.

эксплоататорских классов мощной государственной машины подавления, ученый софист поучает пролетариат, что как класс он не должен принимать участия в политической жизни, что этой цели он может достигнуть лишь при помощи партии, действующей на основе существующего в капиталистических странах правопорядка. Здесь фашизм в лице своего теоретика подает руку своему политическому близнецу — социал-фашизму.

Перед лицом надвигающейся социалистической революции Кронер выдвигает учение о том, что классовая борьба является борьбой политической лишь как борьба легальных партий, другими словами, здесь подготавливается идеологическая база для самого жестокого, кровавого подавления в союзе с социал-фашизмом революционного движения пролетариата, каждой его попытки вооруженным путем под руководством коммунистической партии установить свою диктатуру.

«Поэтому классовая борьба становится борьбой политической лишь благодаря тому, что она становится борьбой партий, ибо класс как таковой не имеет никакой возможности политически бороться. Правда, это положение дела не признано рабочим классом, в политическую борьбу он скорее вступает в первую очередь как группа по профессии (Berufsgruppe), как «классово-сознательный пролетариат», и только во вторую очередь как партия» [1]).

Обнаружив достаточно ясно, что все выступление это покоится на сознательном искажении роли партии как передовой, наиболее организованной части класса, Кронер вспоминает, что у него про запас имеется магическая палочка неогегельянской схоластики—софистической — «единство противоположностей», о котором мы уже упоминали выше и которое снова появляется на сцене как панацея против реальной классовой борьбы.

Политическая борьба за власть, по Кронеру, должна предусматривать «диалектику» власти и права: правовая власть, а не голые (т. е. материальные) интересы, должна быть стимулом политической борьбы. Другими словами, диктатура буржуазии должна найти себе выражение в сильном государстве, опереться на методы прямого насилия, пролетариат же должен пожертвовать своими классовыми интересами ради идеи буржуазного права. А так как он на это не соглашается, то... вывод ясен: для чего же пропагандируется бронированный кулак государства?

Спрашивается однако, как же в процессе кронеровской политической борьбы за правовую власть отличать на практике интересы государственные от «голых интересов»? Здесь действует особая «диалектика государственной совести»: на страже высших, с правом совпадающих интересов стоит верховный правитель государства — монарх. Впрочем монархическая «совесть» Кронера достаточно эластична: как мы уже знаем, он до поры до времени согласен и на распубликанского главу государства, лишь бы он удовлетворял требованиям сильной власти.

Мы уже много слышали от неогегельянствующего фашиста об идеальной сущности государства, этого саморазвивающегося духа, познаваемого в «духе и истине». И все же самого главного, ради чего собственно и нагромождаются эти горы софизмов, все же самого существенного Кронер до сих пор прямо не сказал. Лишь к концу своей книжки, считая очевидно что достаточно густа дымовая завеса неогегельянской схоластики, он формулирует наконец ту задачу государства, которая и вдохновляет защитника «высших интересов».

Задача государства, по Кронеру, состоит в том, что оно охраняет собственность (das Eigentum schürzt).

---

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 80.

Частная, и особенно капиталистическая собственность, по авторитетному указанию высокоученого мужа, возвышает человека над животными: частная инициатива — единственная возможная основа развития народного хозяйства.

«Без частной собственности и без «частной инициативы», т. е. стимула, приводящего в движение индивидуальную волю, народное хозяйство не может развиваться и процветать. Мысль о том, чтобы сообщество государственного народа сделать единственным суб'ектом народного хозяйства и единственным собственником, отвечала бы требованиям справедливости только там, где бы н и к т о не получал больше крайнего прожиточного минимума, т. е. в хозяйственно примитивном состоянии, отбрасывающем общество к началу всякой цивилизации и культуры» [1]).

Острая классовая ненависть подстегивает Кронера, когда он сознательно закрывает глаза на успехи социалистического строительства в советских республиках.

Мировой промышленный кризис, переплетающийся с послевоенным аграрным кризисом на основе общего кризиса капитализма, и усложненный крахом банковой системы — такова действительность, отвечающая кронеровскому идеалу «частной инициативы».

Тем ярче на фоне острого кризиса капитализма выступают хозяйственные достижения СССР, «частной инициативе» эксплоататоров подневольного труда противопоставившего социалистическое соревнование и ударничество рабочих и колхозников — строителей бесклассового социалистического общества.

Уже в первой пятилетке Советским союзом создана собственная база социалистической крупной индустрии. Советский союз уже превратился в страну крупнейшего в мире земледелия, завершил построение фундамента социалистической экономики, окончательно и бесповоротно решил вопрос «кто кого», в основном ликвидировал паразитические классы. Великий план строительства второй пятилетки целиком учитывает реальные возможности, обеспеченные огромнейшими природными богатствами СССР, ростом материального благополучия и сознательности широчайших масс рабочих и колхозников, воплощающих в жизнь шесть условий т. Сталина большевистскими темпами строительства, правильной линией партии.

В союзе с белоэмигрантами против коммунизма

Если методологическую помощь в деле апологии методов прямого насилия Кронеру оказывает Гегель с привлечением в отдельных случаях Канта, то в тех вопросах, которые касаются коммунизма, философии марксизма-ленинизма и вообще революционного движения пролетариата, идеолог фашизма прибегает к консультации русских белоэмигрантов, высоко ценя очевидно их компетентность в методах борьбы с диктатурой пролетариата.

Небезызвестные махровые идеалисты-белоэмигранты Сергей Гессен и Федор Степун информируют Кронера о сущности коммунизма. На их грязные контрреволюционные писания опирается он в своих выпадах против социалистической революции.

Комплот германского фашиста с российскими белоэмигрантами — такова практическая подкладка неогегельянской теории.

Все строительство социализма или, как выражается Кронер, «хозяйственно-государственный социализм» основывается, дескать, на сплошном недоразумении — игнорировании границ экономики как особой области культуры, которую не следует смешивать с политикой и религией, ибо по-

[1]) R. K r o n e r, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 96.

добное смешение политически вредно. Гегелевский саморазвивающийся дух, подгримированный под Генриха Риккерта, опять спешно выволакивается на сцену; многие подробности старого гегелевского реквизита оказываются в теперешних условиях слишком громоздкими и потому излишними; с примитивной грубостью шамана софист-заклинатель вычерчивает три «смысловых» магических круга, три последовательных, а вместе с тем одновременных ступени культуры как самоконкретизация духа:

1) Ступень хозяйства — «соответственно смыслу» человечество здесь выступает в качестве самостоятельных индивидов (частная собственность).

2) Ступень политики — «соответственно смыслу» здесь выступает государственно об'единенный народ (государство эксплоататоров).

3) Ступень религии — «соответственно смыслу» человечество здесь выступает как божий народ, между тем как дух уже доконкретизировался до божества (огни разума тухнут, начинается всеобщая чертовщина).

Собственность, государство и религия — три фетиша, противопоставленные Кронером коммунизму.

Ссылаясь на контрреволюционные выступления белоэмигранта Гессена против марксизма-ленинизма как против «утопического социализма», Кронер приступает к «методологической» критике коммунизма. Послушаем дальнейшие откровения Кронера: «Идея государственного коммунизма покоится на той ошибочной вере, будто бы государство, сделавшись единственным суб'ектом народного хозяйства и собственником, в состоянии эту противоположность всеобщей и единичной, об'ективной и суб'ективной воли целиком снять и в себе примирить; на ошибочной вере, будто бы государство может разрешить эту ему трансцендентную задачу, относящуюся к области религии; будто бы исключительно хозяйственным способом оно устраняет эту противоположность самого себя и отдельных индивидов; она покоится на той ошибочной вере, будто бы божественная справедливость, ни в коем случае не осуществимая в государстве, но исключительно лишь в царстве божьем, будто бы может быть достигнута таким образом, чтобы каждому была предоставлена равная доля в хозяйственных благах; как если бы божественная справедливость вообще имела какое-либо отношение к распределению земных благ. Если бы бог при сотворении мира имел в виду подобную справедливость, то он снабдил бы всех людей одинаковыми хозяйственными талантами, он воздержался бы от того, чтобы творить художников и поэтов, героев и святых. Эта ошибка приводит тех, кто ее совершает, к надежде, что государство можно вообще устранить и на его месте обосновать идеал так называемого бесклассового общества...» [1]).

Строительство социализма в СССР, по Кронеру, покоится таким образом на вере в установление на земле божественной справедливости. По сути же дела зарапортовавшийся «профессор» прекрасно понимает, что построение полного социалистического общества окончательно уничтожит самые корни религии. Сама характеристика «божественной справедливости», независимо от суб'ективных намерений автора звучащая как едкая насмешка над религией, показывает, в каких неразрешимых противоречиях запутались идеологи империализма.

Что же касается намерения «государственного коммунизма» снять противоречие всеобщей и индивидуальной воли, то здесь перед нами яркий образец гегельянского превращения действительной проблемы в проблему спекулятивную. Действительная диалектика общественного развития путем социалистической революции уничтожает основное противоречие капиталистического общества — противоречие между общественным характером про-

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 99.

изводства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Раскрытие этого действительного диалектического смысла диктатуры пролетариата отнюдь не в интересах гегельянствующего софиста.

«На переоценке области государственно-хозяйственных задач покоится в конце концов также и упомянутая раньше тенденция рабочего класса — выступать в политическую борьбу именно как класс, а не впервые как партия, и стремиться как к конечной политической цели к вытеснению остальных классов и к исключительному господству даже к исключительному существованию своих. И здесь также сказывается ошибочное мнение, будто бы путем уничтожения классовых различий можно устранить несправедливость в распределении хозяйственных благ, существующую в классовом государстве; также и в этом случае утопическая идеология мечтает, будто бы с исчезновением классового государства может быть установлено такое общественное состояние, которое сравнялось бы с царством божиим на земле; ...Но не идеальное безгосударственное «общество» осталось бы после уничтожения всех группировок, но единственно лишь примитивное до- или подгосударственное, стадное состояние (и само стадо имеет своих «вождей», даже государство животных имеет свои «группы по занятиям»), которое совершенно не было бы в состоянии вести хозяйственную жизнь» [1]).

Итак, вторая пятилетка, согласно мудрому фашистскому комментарию, должна низвергнуть СССР в «подгосударственное стадное состояние». Спрашивается, чем отличается поповствующий неогегельянец от тех предсказателей и шарлатанов, о которых т. Молотов говорил на XVII конференции ВКП(б)?

Нужно отметить, что по поводу вопросов, связанных с этим глубокомысленным откровением Рихарда Кронера, он специально консультировал второго своего белоэмигрантского советника, Федора Степуна, который проводит аналогию между марксизмом и... ветхозаветным мессианизмом. Ненависть к теории и практике диалектического материализма легко приводит к трогательному единству русских контрреволюционеров и германского фашиста — старых друзей по редакции «культурно-философского» журнала «Логос», международного центра поповствующих идеалистов.

Неогегельянство, религия и бронированный кулак империализма.

Обращаясь к проблемам внешней политики, Кронер сначала делает несколько идеологических реверансов в сторону международного права, которое-де в отношениях между государствами, в комбинации с применением силы, должно создать некоторое подобие той «диалектики права и силы», о которой столь безнадежно софистически говорилось в разделе о политике внутренней.

Впрочем сейчас же после этого, мало заботясь о последовательности мыслей, Кронер выставляет прямо противоположное утверждение и заявляет, что в конечном счете истинным международным судилищем над государствами является мировая история с ее войнами, т. е. прямое насилие. Если сопоставить с этим заявление Кронера, что при крайнем обострении внутренних противоречий выход из положения может быть найден в гражданской войне, т. е. другими словами, в открытой буржуазной диктатуре, то становится ясным полное единство фашистского метода в «культурно-философском» обосновании как внутренней, так и внешней политики.

Пропаганда милитаризма, апология войны как орудия общенациональной идеи (той самой—«саморазвивающейся»), лозунг борьбы за свое государство до конечной победы — такова конкретизация неогегельянства в вопросах внешней политики Германии.

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 100.

Милитаризированному перу Рихарда Кронера принадлежит следующий гимн войне: «В сверххозяйственной и дорелигиозной сущности государства заключается смысл и право войны» (Sinn und Recht des Krieges). В войне отстаивает нация не только свою хозяйственную независимость и стремится возвысить не только свои хозяйственные силы, но она отстаивает идею своей культуры и стремится обеспечить ее распространение и значение в мире. Именно противоположность национальных культурных идей и их борьба за высшее место приводят к войнам, которые по существу формируют историю. Этот вопрос может быть разрешен лишь войнами» [1]).

Итак, неогегельянская система выступает во всей своей неприглядной классовой наготе: на экономической ступени саморазвивающийся дух навеки фиксируется в частной собственности; на второй ступени вневременной конкретизации этого духа выделяется опять-таки вечно существующее государство эксплоататоров, силой охраняющее «высшие» интересы капиталистов и юнкерства; и наконец высшую и последнюю ступень саморазвития духа образует религия, благословляющая весь аппарат насилия над трудящимися и стоящая на-страже божественной защиты капиталистической собственности и капиталистического государства.

Таким образом неогегельянство Рихарда Кронера яснейшим образом выявляет свое двойственное фашистское лицо: это — теоретическое обоснование судорожной попытки монополистического капитала выйти из кризиса путями самого капитализма, звериная морда фашизма в идеалистической философии неогегельянства, находящего обоснование непосредственной диктатуры буржуазии.

«Культурно-философское обоснование политики» имело своей задачей обосновать переход от политики подготовки фашизма правительством Брюнинга к методу открытой фашистской диктатуры правительства фон-Папена — Шлейхера.

Необычайное обострение экономического кризиса, усугубляемое в Германии тяжестью версальского ига, рост международных противоречий, усиление шовинистических настроений — такова обстановка, в которой германский фашизм превратился в государственную политическую силу, стоящую во главе реакционной империалистической буржуазии; временные успехи фашизма на президентских выборах и на выборах в Пруссии позволили монополистическому германскому капиталу образовать фашистское правительство фон-Папена — Шлейхера, опирающееся на массовые национал-социалистические организации, армию и местные национал-социалистические правительства Фашистская политика, «обоснованная» Рихардом Кронером, проводится правительством фон-Папена — Шлейхера, представляющим в первую очередь интересы рейнской тяжелой промышленности и восточно-померанского юнкерства. Программа германского фашистского правительства—это об'явление открытой войны пролетариату, программа усиленной эксплоатации, кровавой расправы, дальнейшего обнищания масс. Так реализуется тот «смысл» государства, о котором говорит Рихард Кронер: «Государство существует лишь как разрешение некоей задачи; это разрешение составляет смысл его существования». Правительство фон-Папена — Шлейхера легализировало гитлеровские банды и намерено тесно связать их с рейхсвером. Такова земная, классовая основа кронеровской божественно-поповской «диалектики права и насилия»; отныне насилия гитлеровских молодчиков будут легализованы и правовым образом обоснованы. Если Кронер борется с «марксистской догмой», то и правительственная декларация глав-

[1]) R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 103.

ное зло для Германии видит в пропаганде «марксистской мысли». Кронеровская «смысловая связь» между эксплоатируемым и эксплоататорами должна найти себе выражение в уничтожении страхования от безработицы, в отмене коллективных договоров, в усиленном снижении заработной платы рабочих и служащих, в установлении принудительной трудовой повинности и т. п. мероприятиях наступающего фашизма.

Тот «смысл и право войны», которым Кронер поет милитаристический гимн, являются отражением новой внешней политики Германии: борьба с версальской системой, обострение национальной проблемы (Мемель, Данциг, Силезия, Польский коридор), попытка антисоветского сговора с Францией — все это ярко рисует действительный смысл неогегельянского обоснования политики.

Таким образом разоблачение неогегельянствующего идеалиста Рихарда Кронера является одной из задач партийной борьбы на базе марксистско-ленинской теории против фашистских теорий идеологов монополистического капитала. Эта борьба способствует усилению красного фронта германского пролетариата против фашистского террора, против непосредственной диктатуры германской буржуазии.

Аграрный кризис в Индии

Б. Дониях

Аграрный кризис в Индии принял катастрофический характер для крестьянства страны. Особо мучительные для трудящихся условия, в которых развивается кризис в Индии, вырастают на почве империалистической эксплоатации, задерживающей экономическое развитие страны на фоне господства феодальных пережитков, консервируемых и укрепляемых империализмом. Развитие капиталистических отношений наряду с господством отношений феодального средневековья в индийской деревне обрекает трудящееся крестьянство на полуголодное существование и в относительно «бескризисные» годы. Оно приводит к массовому голоду и вымиранию целых деревень в условиях кризиса, который всей своей тяжестью в первую голову ложится на обнищавшее крестьянство. «Почему в России, — писал Ленин, — сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации? Потому, что новый вампир — капитал — надвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим, помещичьим царским самодержавием» [1]).

Капиталистические отношения все более внедряются в колониальную деревню Индии при таких условиях, когда империализм, опирающийся на все остатки средневековья, максимально способствует вовлечением крестьянской продукции на мировой рынок росту крепостнической и ростовщической кабалы. Естественным результатом этого является непомерная распространенность «низших и худших форм капитала, торгового и ростовщического» (Ленин). Преобладающее влияние этих «низших и худших» форм капитала в индийской деревне создает особо мучительные условия существования индийского крестьянства.

Высокая товарность индийского сельского хозяйства не является признаком столь же высокой организации и механизации хозяйства. Она, как общее правило, является результатом империалистического колониального режима, который, опираясь на помещичье землевладение, через свою торгово-ростовщическую агентуру, сложную систему налогов, ренты, поборов и ростовщической кабалы принуждает земледельца продавать не только добавочную продукцию, но и значительную часть необходимого продукта.

Опутанный по рукам и ногам различными видами поборов и повинностей индийский крестьянин не только не может в какой-либо мере улучшить свое хозяйство, но из года в год все резче выступает деградация с.-х. страны, что в частности проявляется в резком падении урожайности. Непрерывно увеличивается раздробленность крестьянских земельных участков. Получая огромные барыши от товаризации сельского хозяйства и имея возможность присваивать себе всеми способами принуждения благодаря монополии на боль-

[1]) Собр. соч., т. XV, стр. 415.

шую часть возделываемой земли львиную долю продуктов крестьянского труда, помещик, как общее правило, не проявляет никакого желания переходить к организации крупного капиталистического хозяйства.

Крепостник-помещик предпочитает продолжать дробление своей земли на мелкие и мельчайшие участки, раздавая их на кабальных условиях крестьянам-арендаторам. Высокая рента с крестьян-арендаторов, которая колеблется от половины до двух третей урожая, дает ему возможность при дроблении земли еще больше повысить свой доход [1]).

Недавно закончившая свою работу (1931 г.) очередная «обследовательская» так называемая банковская комиссия приводит следующие данные: «общая площадь посева в 1927/28 г. составляла около 220 млн. акров, что составляет примерно 1 акр на душу сельского населения или около 6 акров на семью в 5 душ. Этот средний размер участка не может дать крестьянской семье всего самого необходимого при существующих в настоящее время в Индии экономических условиях». По подсчетам той же банковской комиссии, средний доход крестьянина Британской Индии не поднимается выше 42 рупий или 3 фунт. стерлингов, доход на душу населения в Великобритании составляет 95 фунт. стерл. (гл. IV, § 58). К этим расчетам банковской комиссии надо внести существенную поправку, заключающуюся в том, что при исчислении ценности урожая для крестьянской семьи комиссия исходит из рыночных цен соответствующего года. Между тем разница между рыночными ценами и реальной суммой, которую получает крестьянин за проданный товар, весьма велика, и доходит зачастую до 30—40 проц. Ибо между крестьянином-земледельцем и местным рынком находится целая свора посредников, перекупщиков, кредиторов, ростовщиков,—ростовщиков-лавочников, которые забирают себе львиную долю стоимости крестьянской продукции. Так например в Бомбейской провинции только 3 проц. крестьян продают свою продукцию непосредственно оптовым фирмам, 12 проц.—на местном рынке, а 85 проц.—деревенским скупщикам-ростовщикам.

Естественно, что крестьянин, связанный с рынком через ростовщика-скупщика, не может использовать даже временной благоприятной кон'юнктуры рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию. В то же время неблагоприятная кон'юнктура цен, а особенно катастрофическое падение цен на сельскохозяйственную продукцию в условиях кризиса ложится своим бременем целиком на трудящееся крестьянство. Непрерывно увеличивается число земледельческого населения, что является результатом разорения кустарного ремесла и неспособности города благодаря относительно ничтожно развитой промышленности поглотить эти массы. Цена на землю, взвинченная спекуляцией земельными участками, все возрастает, ибо в условиях господства кабально-крепостнических отношений и политики колониального режима империализма скупка земли с последующей сдачей ее мелкими и мельчайшими участками на кабальных условиях в аренду является наиболее выгодным способом помещений капиталов. Все это привело к небывалому расцвету громадного паразитического слоя рентополучателей, образующих гигантскую пирамиду тунеядцев-паразитов, состоящую иногда из 12 различных звеньев субарендаторов, живущих за счет крестьянского труда. Королевская сельскохозяйственная комиссия приводит следующие данные о росте этого паразитического слоя. В Мадрасе на каждую тысячу крестьян, непосредственно работающих на земле, в 1901 г. приходилось 20 не обрабатывающих землю, а в 1921 г.—77. В центральных провинциях и в Бераре количество земле-

[1]) По данным переписи 1921 г. средний размер хозяйства в отдельных провинциях выражается в следующих цифрах: Ассам — 2,96 акра; Бенгая — 2,5; Бухар и Ориеса — 3,09, Мадрас — 4,91, Соед. провинции — 2,51; Пенджаб — 9,18.

дельцев уменьшилось за 20 лет на 161.000 человек, или на 2 проц., а число рентополучателей увеличилось на 52 проц. [1]). Угрожающий для крестьянского хозяйства рост этого паразитического слоя отмечается по всем без исключения провинциям Индии.

Степень закабаленности индийского крестьянства ярче всего выражается в его задолженности. По недавно опубликованным данным банковской комиссии приблизительный подсчет общей задолженности всех провинций, по данным провинциальных докладов, дает 9 миллиардов рупий. По отдельным провинциям картина задолженности рисуется в следующе виде: Бенгалия—1.000 млн. рупий, Бомбей—810, Берар и Орисса—1.500, Пенджаб—1.350, Соединенные провинции—1.240 млн. рупий.

Пенджабский комитет той же комиссии подсчитал, что общая сумма сельскохозяйственной задолженности возросла с 900 млн. рупий в 1921 г. до 1.350 млн. рупий в 1929 г. Бремя задолженности является в действительности гораздо более тяжелым, о чем можно судить по ее общему росту в рупиях, если принять во внимание, что цены на сельскохозяйственную продукцию упали с 1921 г. (данные относятся к 1930 г.)—на 50 проц. Чтобы уяснить всю действительную тяжесть этого бремени, следует принять во внимание например, что увеличение сельскохозяйственной задолженности в Пенджабе с 900 млн. рупий в 1921 г. до 1.350 млн. в 1929 г. в действительности означает 2.700 млн. рупий в 1930 г. [2]). Дальнейшее падение цен в 1931 и в 1932 гг. еще больше усилило бремя задолженности индийского крестьянства.

Придавленный тяжелым ярмом задолженности по ростовщическим процентам, вовлеченный в мировой рынок на почве сохранившихся еще в значительной мере феодальных условий эксплоатации и средневековых условий производства индийский крестьянин влачит полурабское, полуголодное существование, будучи совершенно бессильным против произвола помещиков—ростовщиков и торговцев. В Индии весьма часто все эти перечисленные эксплоататорские группы персонифицируются в одном лице. «Финансирование помещиком своих арендаторов — обычное явление. Помещики-заимодавцы являются наиболее злостными кредиторами, так как они приобретают в этом случае вдвое большую власть над арендатором. Если арендатор платит процент по долгу, но не платит ренты, помещик преследует его через подходный суд. Но что всего хуже, помещик может, если пожелает, прибавить к долгу все следуемые ему с арендатора платежи и таким образом держать своего арендатора на положении недоимщика по ренте. Это означает переход урожая последнего в руки помещика, что дает право помещику, если он пожелает, изгнать своего арендатора. Арендаторы земельных участков бывают часто вынуждены продавать себя помещику в рабство для ликвидации своих долгов».

Рост товарно-денежных отношений наряду с вовлечением продукции сельского хозяйства Индии в мировой оборот дал крупный толчок к развитию капиталистических отношений наряду с господством феодальных методов эксплоатации. К помещичьему гнету прибавился еще гнет капитала. Власть денег обрушилась на полукрепостного-полуколониального крестьянина, заставив его приспособить свой труд к нуждам мирового капиталистического рынка. Деньги понадобились для уплаты все возрастающих налогов и

---

[1]) Королевская сельскохозяйственная комиссия констатирует: «На обычном рынке берет перевес торговец, а земледелец не имеет никакого влияния в деле контроля работы рынка, никакого значения в вопросе установления рыночных цен, и незначительные или даже никаких возможностей узнать цены, существующие на других рынках» (стр. 388).

[2]) The Indian Central Banking Committee, 1931 г., гл. V, § 77.

поборов, для покупки самого необходимого из изделий городской промышленности, которая давно уже разрушила домашнее производство крестьянина. Власть денег однако не только придавила, но и расколола крестьянство. Все резче и отчетливее выделяются в Индии на одном полюсе довольно тонкий по количественному об'ему, но со значительным эксплоататорским удельным весом слой деревенских кулаков и на другом полюсе—миллионные массы обезземеленных и обездоленных крестьян, кочующих из деревни в деревню в поисках работы на полурабских и рабских условиях, если удается избегнуть долгового рабства в своем родном селе. Эта огромная армия, насчитывающая около 28 миллионов обезземеленных, пауперизированных крестьян, является наиболее разительным результатом переплетения средневековой феодальной эксплоатации, консервируемой империализмом, со все возрастающим влиянием капиталистических отношений. Разоренный и обезземеленный крестьянин становится в лучшем случае наемным рабочим в условиях сохранения крепостнических кабальных отношений, а чаще всего пожизненным рабом своего кредитора.

Господство крепостнических пережитков приводит к чрезмерной распространенности такого типа кулака, который прежде всего и больше всего представляет низшие и худшие формы капитала —торгового и ростовщического. В Индии наряду с тончайшим слоем деревенской капиталистической буржуазии, главным образом в районах, производящих экспортные культуры, преобладает тип кулака-ростовщика, торговца. Индийский кулак в большинстве случаев становится собирателем крестьянской земли не для улучшения условий производства, не для развития и интенсификации сельскохозяйственного производства на новой машинной базе. Кулак в подавляющем большинстве случаев мобилизует крестьянскую землю с тем, чтобы вновь отдать ее крестьянину, но уже на кабальных арендных условиях. Это положение можно проследить по всем провинциям Индии. Попытки англо-индийского правительства насадить в районах орошаемых земель кулацко-фермерские хозяйства часто приводят к тому, что кулак, получив крупные участки земли, дробит ее, раздавая в аренду обезземеленным крестьянам на условиях издольщины и отработок. Накопленный капитал деревенский кулак предпочитает, за редким исключением, вложить в торговлю и ростовщичество, ибо последнее обеспечивает ему более крупный, а главное—получаемый без всякого труда—барыш, что выгоднее чем переход на основе новых вложений к современным условиям производства на своей собственной земле. «Деревенский заимодавец,—как сообщает отчет банковской комиссии,—занимается торговлей и коммерцией; кроме предоставления займов он занят также и сельским хозяйством Он дает взаймы земледельцу как деньги, так и продукты». Авторы отчета меланхолично добавляют: «Отношения между деревенским заимодавцем и сельским займодержателем теперь не так хороши, как в старое время, когда структура деревенского общества обеспечивала дружеские чувства и взаимное доверие...» [1]).

Крепостники-помещики, ростовщики и посредники-торговцы вкупе с деревенским кулаком образуют важнейший рычаг империализма, при помощи которого регулируется производство различных культур в крестьянском хозяйстве, его товарность и в значительной степени и цены продуктов. Империализм, опираясь на строй, основой которого является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней, системой долгового рабства и личной зависимости разоренного крестьянства направляет с.-х. производство своей колонии по тому пути, который больше всего обеспечивает ему максимальную монополию на сырьевые ресурсы. Ибо чем выше раз-

[1]) The Indian Central Banking Committee. 1931 г., гл. V, § 108.

витие капитализма, тем сильнее чувствуется недостаток сырья и тем отчаяннее конкурентная борьба за монопольное владение ее источниками. Эта тенденция к монополизации источников сырья в колониальных и полуколониальных странах находит свое наиболее яркое выражение в империалистической политике специализации и районировании своих колоний по отдельным культурам. Политика специализации и районирования, организация целых районов монокультурья в условиях колониальной Индии проводится при помощи налогового пресса государства, а также при помощи крепостнической и торгово-ростовщической агентуры империализма. Методы прямого принуждения дополняют в значительной мере основные экономические рычаги империализма. Индийский крестьянин на мелких и мельчайших участках в большинстве случаев арендованной земли втягивается в водоворот мирового рынка, выращивая те культуры, которые больше всего и лучше всего обеспечивают монопольное господство в этой области страны-поработительницы.

Посевная площадь по главнейшим культурам в Индии с 1924/25 по 1927/28 гг. изменилась следующим образом:

	1924/25 г.	1927/28 г.	Изменение по сравнению с 1894/95 г. в %
	(в тыс. акр)		
Вся посевная площадь	196 601	223 862	+ 13
Из этого количества:			
под хлебными злаками	181 576	196 678	+ 8
„ хлопком	9 717	14 804	+ 52
„ джутом	2 275	3 294	+ 45
„ чаем	414	743	+ 79 [1])

Если за 33 года посевная площадь увеличилась на 13 проц., то под продовольственными культурами всего на 8 проц. Посевная площадь под экспортные технические культуры дает крупнейший скачок на 79 проц. под чаем, 52 проц. под хлопком и 45 проц. под джутом. Специализация по районам привела к тому, что в отдельных провинциях существование крестьянства было поставлено в полную зависимость от уровня цен и экспорта на внешние рынки соответствующих культур сельского хозяйства. Пенджаб—это пшеница и отчасти хлопок, Бенгал—джут, Бирма—рис, Бомбей и Ассам—хлопок, и т. д. В специализации и районировании находит свое выражение в большой мере политика империализма по превращению колонии в свой аграрно-сырьевой придаток.

Все вышеприведенные особенности аграрного строя и сельского хозяйства Индии необходимо учесть при оценке влияния нынешнего мирового экономического кризиса, переплетенного с мировым аграрным кризисом, на сельское хозяйство и крестьянство Индии. Эти особенности сказываются в том, что кризис связан с развитием хищнических форм финансового капитала, опирающегося на туземный феодализм, с широко распространенным типом монокультурного хозяйства, ставящего колониальную экономику в полную зависимость от колебаний хозяйственной кон'юнктуры в империалистических странах, «с особенно резким падением цен на колониальное сырье, обгоняющим понижение цен на все другие промышленные и сельскохозяйственные продукты» [2]).

[1]) По данным переписи 1921 г.

[2]) Резолюция расширенного президиума ИККИ, февраль 1930 г.

Еще задолго до нынешнего мирового экономического кризиса начался процесс перераспределения сельскохозяйственных рынков между аграрными странами. Это перераспределение произошло в первую голову за счет колониального крестьянства, особенно индийского, наиболее отсталого в техническом отношении сельского хозяйства. Процесс вытеснения Индии с мирового рынка обнаруживается по данным экспорта и по ценам на экспортные культуры. Доля пяти важнейших экспортных культур Индии (хлопок, джут, чай, рис и пшеница) составляла в 1923/24 г. 56 проц. всего сельскохозяйственного экспорта; в 1925/26 г.—54 проц., в 1927/28 г.—47 проц.,—падение доли этих культур взято в ценностном выражении, физический же об'ем этих культур дает даже повышение (в 1.000 рупий — 1923/24 г. — 1.943.370; 1925/26 г.—2.018.989). Анализ цен на с.-х. экспортное сырье за два-три предкризисных года еще резче рисует картину перераспределения мирового рынка за счет индийского крестьянина. Так например, если взять индекс цен конца июля 1914 г. за 100, то цены на сырой джут составляли: в 1925 г.—154, в 1926 г.—120, в 1927 г.—93; на хлебные злаки соответственно: в 1926 г.—110, в 1927 г.—139, в 1928 г.—133; на хлопок: 1925 г.—210, 1926 г.—173, 1927 г.—159, 1928 г.—159 [1]). Приведенные цифры достаточно красочно рисуют падение цен на колониальное сельскохозяйственное сырье, еще в предыдущие годы вытесняемое с мирового рынка продукцией капиталистических стран.

В годы кризиса падение цен на колониальное сельскохозяйственное сырье усилилось настолько, что крестьянин—производитель экспортных культур, как общее правило, вынужден сдавать свою продукцию перекупщику и ростовщику—по ценам значительно ниже себестоимости.

Рассмотрим влияние кризиса на одну из наиболее важных экспортных культур Индии, дающую монопольное господство британскому империализму на мировом рынке,—на джут. Джутовые изделия представляют 55 проц. всего экспорта из Бенгальской провинции. Падение цен на джут за первые два года кризиса по данным «Timis of India» рисуются в следующем виде. Если в 1929/30 г. 767.348 тонн джута стоили 26 крор рупий, то в 1930/31 г.—600.315 тонн были проданы за вдвое меньшую сумму 12½ — 13 крор. Стоимость экспорта джута сырого и обработанного вместе дают следующую картину понижения:

апрель—июнь—1929/30 г.—23 кроры рупий
» » 1930/31 г.—16½ » »
» » 1931/32 г.— 9 » » [2])

Декабрьские цены 1931 г. на джут были на 67 проц. ниже соответствующих цен декабря 1925 г.

Чтобы получить еще более наглядное представление о катастрофическом падении цен на джут, приведем следующие данные: если взять индекс цен к концу июля 1914 г. за 100, то 1919 г.—высшая точка для джутовых цен в послевоенные годы—даст 154. Апрель 1929 г.—97, апрель 1930 г.—80, апрель 1931 г. — 49, наконец апрель 1932 г. — 45 [3]). Цены на джут в апреле 1932 г. составляют 45 проц. относительно низких цен 1914 г. По последним данным, последующие месяцы после апреля 1932 г. дают дальнейшее резкое снижение. «Цены на джут упали с 32 рупий в апреле к 25 рупиям на 13 июня 1932 г. Падение цен все еще продолжается» [4]).

Надо еще учесть, что в Бенгалии, в местах, «где преобладает система dadar земледелец не может свободно продать свою продукцию на рынке.

[1]) «Indian Trade Journal», 12/V 1932 г.
[2]) «Times of India», 10/X 1931 г.
[3]) «The Indian Trade Journal», 26/V 1932 г.
[4]) «Times», 18/VI 1932 г.

Иногда по авансам взимается от 2,4 до 75 проц., и кроме того цены, по которым земледелец обязан продать свою продукцию, часто на 15—20 проц. ниже цен, ожидаемых на рынке».

Гибельное значение для трудящихся крестьян этого стремительного падения цен еще усугубляется тем, что земледельцам джутовых районов приходится отдавать за бесценок продукцию своего труда, чтобы купить по повышенным ценам необходимейшие средства питания. В районах монокультурья, вроде джутовых районов Бенгалии, крестьянское хозяйство исключительно товарное. Джут крестьянину приходится продавать по любой предлагаемой ростовщиком и перекупщиком цене, чтобы не умереть с голоду. Помимо всех бедствий, вызванных катастрофическим падением цен на экспортные культуры, колониальному крестьянину приходится еще раз терять и на разрыве оптовых и розничных цен.

Вот несколько примеров, заимствованных нами из материалов индийской буржуазной прессы, дающих некоторое представление об условиях жизни индийского крестьянства в джутовых районах за последний год: «Толпы голодающих бродят по дорогам, выпрашивая милостыню. Сообщают о ряде случаев голодной смерти и самоубийств. Крестьяне тысячами являются в город Брахманбарна из близлежащих районов просить о помощи; многие из них с трудом передвигаются от истощения» [1]). «Крестьянство выгоняет скот со дворов, предоставляя ему итти куда угодно, так как хозяева не в силах прокормить своих коров...» «Число самоубийств в результате голодовок угрожающе растет» [2]). Опутанный крепостническими поборами и ростовщическими долгами, низведенный до уровня голодной смерти падением цен на свой единственный источник существования,—крестьянин все чаще выступает на революционную борьбу против вековых угнетателей. В 1931 г., а особенно в 1932 г., поднялась высоко волна крестьянских выступлений. Множатся сообщения о случаях революционной расправы с помещиками, ростовщиками и полицией. Крестьяне, несмотря на репрессии, силой добиваются самых необходимых средств существования. Вот например «в Гакхайли-Базаре, Модиапур (в Бенгалии) крестьяне собрались вопреки запрещению полиции для выпарки соли. На отказ разойтись полиция ответила огнем, так как пущенные в ход палки не смогли заставить крестьян прекратить свое дело» [3]).

Падение цен на другие сельскохозяйственные культуры в Индии дают такую же примерно катастрофическую для крестьянства картину. Приведем сводную таблицу.

Некоторое повышение цен в январе 1932 г. по сравнению со средней цифрой 1931 г. вызвано отменой золотого стандарта. Последующие месяцы I квартала 1932 г. дают снова резкое понижение цен. Последние данные говорят о дальнейшем резком снижении цен. Так например цены на рис в Паитне упали с 16/II с. г. по 15/VI с. г. с 26 ф. ст. за тонну до 24 — 10 ф. ст. В Борме за тот же период с 11 — 10 ф. ст. за тонну риса — до 10 — 10 ф. ст. Земляные орехи упали в цене с 16/III по 15/VI с. г. с 17 — 15 ф. ст. до 13 ф. за тонну [4]).

Для большей наглядности приведем данные о самой высокой точке цен за послевоенные годы по различным культурам (цены 1914—100). Хлебные злаки: в 1919 г.—163, в апреле 1932 г.—66; стручковые овощи: в 1919 г.—180, в апреле 1932 г.—83; масляничные семена соответственно: 198—71;

---

[1]) «Bengal», 20/XI 1931 г.
[2]) «Bombay Chronic», 23/VIII и 11/VIII 1931 г.
[3]) «Times of India», 1/IV 1932 г.
[4]) «Times», 18/VI 1932 г.

джут—в 1925 г.—154, в апреле—45; хлопок: 1918 г.—219, апрель 1932 г. — 891 [1]).

Гибельное значение такого падения цен для закабаленного долгами колониального индийского крестьянина совершенно исключительно. Чтобы уплатить земельный налог, который буквально силой выколачивается при помощи военно-полицейских отрядов правительством помещиков и империалистов, чтобы купить по спекулянтским ценам несколько фунтов риса и хлеба,— крестьянин отдает за любую цену, которая гораздо ниже себестоимости, продукцию своего труда. Уже год назад при относительно более высоких ценах на с.-х. продукцию индийское крестьянство продавало на 50 проц. ниже себестоимости. Вот данные выборочного обследования по пяти округам Соединенных провинций:

Индекс цен на июнь 1914 г. = 100

	Хлебные злаки	Стручковые овощи	Чай	Масляничные семена	Джут сырой	Джут обработанный	Хлопок-сырой
1914 г.	100	100	100	100	100	100	100
1928 г.	133	157	154	142	100	151	167
1930 г.	100	119	114	127	63	88	91
1931 г.	78	89	86	82	49	76	83
1932 г. январь	76	106	61	81	52	82	103
„ февраль	72	95	62	84	51	82	106
„ март	70	86	60	72	49	76	89
„ апрель	66	83	59	71	45	71	89 [2])

Последние месяцы еще больше ухудшили положение крестьянства. Но это не все. Индийскому крестьянству в условиях кризиса еще в большей степени приходится терять на разрыве цен между сельскохозяйственными и промышленными товарами. По данным калькутской товарной биржи, разрыв цен между промышленными товарами и предметами колониального сырья рисуется в следующем:

Округ	Средний размер х-ва в бигхах (1 бигх = 2/3 акра)	Общ. стоимость обработки в рупиях, включая ренту	Рыночная цена продукции	Убыток
Аллахабад	13	143	73,3	69,7
Рао-Барели	16	137	59,8	77,2
Султанпур	7	73	30	43
Уч-с	6,7	58	36	22
Гораклур	47	24,5	12,3	12,2
Среднее для 5 округов	9,48	81,1	42,3	44,8 [3])

Цены 1914 г. = 100.

	Товары с.-х.	Прочие товары	Разрыв
Высшая цена в 1928 г.	128	132	4
Март 1932 г.	90	118	46

[1]) «Indian Trade Journal», 12/V 1932 г.
[2]) Таблица составлена на основе данных «Indian Trade Journal» от 12/V 1932 г.
[3]) «Liberty», 30/V 1931 г.

Характерно то, что особенно резко понижаются в цене товарные группы, которыми обслуживается экспорт. Наоборот, цены на импортные товары держатся сравнительно довольно прочно. Так например сахар, которым Индия отчасти снабжается из-за границы, находится на 47 проц. выше цен 1914 г., чай, который является важнейшей экспортной культурой, упал в цене на 41 проц. по сравнению с уровнем цен 1914 г., металлы—на 7 проц. выше уровня 1914 г. [1])

Вышеприведенные цифры не нуждаются в комментариях. Они достаточно красноречиво показывают, как империалистическая Англия вкупе с феодалами-ростовщиками и индийской буржуазией перекладывает издержки кризиса на плечи разоренного крестьянства и обнищалых индийских рабочих. Это обнаруживается в громадном растворе ножниц между ценами промышленных товаров и ценами продукции сельскохозяйственного производства. При ценах 1914—100—сырой джут к апрелю 1932 г. упал на 65 проц., обработанный джут—только на 29 проц., хлопок необработанный упал на 11 проц., хлопчатобумажные ткани сохранились в цене на 27 проц. выше уровня 1914 г. [2]). Между розничными и оптовыми ценами существует разрыв, который целиком ложится на скудный бюджет индийских трудящихся.

О гигантском разрыве розничных цен и оптовых красноречиво говорят следующие цифры: оптовые цены на чай упали на калькуттской бирже (если принять индекс цен июня 1914 г. = 100) к марту 1932 г. на 40 проц., розничная цена чая в марте 1932 г. в Бомбее выше на 90 проц. цен 1914 г., в Карачи—на 125 проц., в Ахмедабаде—на 100 проц., в Шолапуре—на 120 проц., в Пооне—на 200 проц. Розничная цена на рис в марте 1932 г. была в Бомбее 112 (1914=100) при падении оптовых цен на рис к тому же периоду до 74. Средний индекс розничных цен сохранился в Бомбее к 12/III 1932 г. — на 35 проц. выше цен 1914 г.—при снижении оптовых цен на продовольственные культуры на 30—35 проц. Разрыв—в 65—70 проц. между оптовыми и розничными ценами целиком ложится на индийский пролетариат и разоренное крестьянство [3]).

Падение цен как непосредственный результат мирового экономического кризиса, усугубленный в условиях колониальной Индии господством феодальных пережитков и империалистической кабалой, стремительно обрушилось на крестьянство страны и уже привело к массовым голодовкам. Более глубокие процессы, чреватые в будущем еще большим ухудшением жизненных условий крестьянских масс Индии, выявляются при анализе посевных площадей и урожайности в годы кризиса. Окончательных данных о размерах всей посевной площади за 1932 г. у нас еще не имеется, но данные по отдельным культурам за 1932 г. [4]) уже имеются, что дает даже теперь возможность наметить существенные сдвиги в индийском сельском хозяйстве, сдвиги происшедшие под влиянием кризиса.

Вся посевная площадь под пшеницу охватывает в 1932 г. 33.768.000 акров по сравнению с 32.031.000 акров за прошлый год, что составляет увеличение в 5 проц. Английская империалистическая печать пытается представить увеличение посевной площади под пшеницу как показатель начала оздоровления индийского хозяйства. Но при мало-мальском внимательном рассмотрении данных по посевной площади под пшеницу выявляется совершенно иная картина. В основном пшеничном районе Индии, производящем на

---

[1]) «Indian Trade Journal», 12/V 1932 г.

[2]) Там же.

[3]) «Labour Gazette», апрель 1932 г., «Indian Trade Journal», май, 1932 г.

[4]) Данные пока ориентировочные, но, судя по отдельным сообщениям из различных провинций, опубликованные цифры, если и не точны, то в сторону увеличения размеров посевных площадей и урожайности.

экспорт,—Пенджабе—посевная площадь сократилась на 250.000 акров, что составляет понижение на 2 проц. по сравнению с прошлым годом [1]). Однако процент сокращения посевной площади по Пенджабу еще не так разителен,—характерно, что урожайность по сравнению с прошлым годом пала на 10 проц. [2]). Если мы обратимся к рассмотрению, в каких провинциях значительно выросла площадь посева под пшеницу, то окажется, что посевные площади под пшеницу возросли в тех районах, основные площади которых были в прошлом заняты производством технических экспортных культур, за счет резкого сокращения посева последних. Вот некоторые данные: Центральные провинции и Берар (по преимуществу хлопковый район), в котором посевная площадь под пшеницу в прошлом году занимала всего 11,1 проц., в 1932 г. площадь под пшеницу выросла на 14 проц., или на 455.000 акров; Бомбейская провинция (хлопковый район), ее площадь, засеянная под пшеницу, в прошлом году составляла 1,7 проц., дает в этом году рост на 68.000 акров; Центральная Индия (хлопковый район), площадь посева под пшеницу в прошлом году занимала 5,9 проц., в этом году дает увеличение на 11 проц., или 209 тыс. акров; Гвалиор, посевная площадь под пшеницу в прошлом году занимала 3,9 проц., в этом году увеличилась на 32 проц., или на 364 тыс. акров [3]).

Сокращение посевной площади под пшеницу в Пенджабе—провинции, производящей на экспорт,—и одновременный рост посевных площадей под пшеницу в районах, не экспортирующих пшеницы, говорит о чрезвычайно болезненном для индийского крестьянства процессе перехода от производства технических культур, не обеспечивающих в условиях кризиса даже голодного прожиточного минимума, к производству культур, могущих в натурально-продовольственной форме служить минимальной страховкой от голодной смерти. Это явление об'ясняется еще и тем, что живущий «по милости» помещика индийский крестьянин-арендатор или крестьянин-«собственник» земли, участок которого трижды заложен и перезаложен ростовщику-кредитору, вынужден сеять, чтобы не быть прогнанным со своего земельного клочка. Естественно, что крестьянин в районах технического монокультурья предпочитает застраховать себя пайком в натурально-продовольственном виде.

Более яркую картину деградации сельского хозяйства в Индии дают данные о катастрофическом падении урожайности с единицы посева пшеницы в Индии. Если вся посевная площадь под пшеницу увеличилась на 5 проц. по сравнению с прошлым годом, то валовой урожай снизился на 1,3 проц. Цифры по отдельным провинциям еще более красноречивы:

Провинции и штаты	Урожай с акра	
	1931/32 г.	1930/31 г.
	(в англ. фунтах)	
Пенджаб	685	747
Соединенные провинции	750	788
Центральные провинции	437	459
Дели	492	589
Гвалиор	490	539

[1]) 1930/31 г. — 10.571 тыс. акров, 1931/32 г. — 10.321 тыс. акров.
[2]) 3.154 тыс. тонн в этом году по сравнению с 3.524 тыс. тонн в прошлом году.
[3]) Данные заимствованы из «Indian Trade Journal», 26/V 1932 г.

Если с акра посева пшеницы по всей Индии снималось в 1930/31 г. 647 англ. фунтов, то в 1931/32 г.—606 фунтов [1]).

Падение урожайности с акра посева наблюдается в Индии из года в год как один из показателей деградации всего сельского хозяйства страны. Кризисный 1931/32 год, усиливший истощение крестьянской земли, рабочего скота и жизненных сил самого работника, резко снизил даже в сравнении с предыдущими кризисными годами урожайность крестьянских полей. Если среднее падение урожайности за последние 5 лет равнялось 1,7 проц. по Британской Индии, то в 1931/32 г. урожайность снизилась на 3,3 проц., т. е. в 2 раза [2]).

Незначительное—в 2 проц.—увеличение в 1931/32 г. дает посевная площадь под рис, важнейшая продовольственная культура индийского крестьянства. Посевная площадь под рис в первые два года кризиса все время сокращалась: 1928 г.—33.690 тыс. акров, 1929 г.—32.568 тыс., 1930 г.—29.988 тыс., 1931 г.—31.334 тыс. акров, увеличение площади под рисом в 1931 и 1932 гг. об'ясняется также попыткой крестьянина застраховать себя продовольственной культурой от гибели.

В Бирме—монокультурном рисовом районе—площадь, засеянная рисом, сократилась на 5 проц., урожай—на 13 проц., тогда как в Бенгалии, монокультурном джутовом районе, посевная площадь под рисом в 1931/32 г. увеличилась на 22 проц., а урожай—на 4 проц.

Причины относительно небольшого увеличения посевных площадей под рисом и пшеницей, основных продовольственных культур Индии, за текущий год станут совершенно ясными, если мы обратимся к рассмотрению состояния посевных площадей по техническим культурам.

Посевная площадь под индиго сократилась в текущем году на 16 проц. по сравнению с прошлым годом; валовой урожай — на 20 проц. Посевная площадь под земляными орехами сократилась в текущем году на 15 проц.; под хлопком посевная площадь сократилась всего на 1 проц., а валовой сбор урожая сократился на 22 проц. Вот данные, рисующие падение урожайности хлопка с акра посева в Индии:

Средний урожай хлопка с акра	в САСШ	за пятилетие 1924/25—1928/29 гг.	163 ф.
„	в Индии	„	88 ф.
„	в САСШ	в 1930/31 г.	148 ф.
„	„	в 1931/32 г.	200 ф.
„	в Индии	в 1930/31 г.	82 ф.
„	„	в 1931/32 г.	68 ф.[3]

Аграрный кризис в Индии особенно остро выявил всю гниль, все средневековые рабства, столетиями сохранявшиеся внутри индийской деревни. Феодальный и ростовщический гнет под защитой английского империализма, превративший Индию в свой аграрно-сырьевой придаток и перекладывающий на индийских трудящихся бремя кризиса; поборы и произвол английских чиновников и туземных феодалов, миллионная армия паразитов и тунеядцев—рентополучателей,—уродливый ублюдок теснейшего переплетения архикрепостнической эксплоатации с новейшими капиталистическими отношениями—все это привело к тому, что кризис кричаще выявил наружу сложнейший переплет противоречий колониального аграрного строя. Резкое, неслыханное по своей стремительности падение урожайности по всем куль-

[1]) Данные заимствованы из «Indian Trage Journal», 26/V 1932 г.

[2]) Доказательство деградации с. х. в Индии и нищенское положение крестьянства страны дает сопоставление вышеприведенных цифр с данными об урожайности с акра посева в САСШ за три года кризиса. Средний урожай пшеницы с акра в САСШ в 1929 г.—13,0 бушеля; 1930 г.—14,0 бушеля; 1931 г.—16,2 буш. «Yearbook of Agriculture», 1932 г., Waschington.

[3]) «Yearbook of Agriculture», 1932 г. 14/VIII, Waschington.

турам в годы кризиса является непосредственным результатом тройного гнета, который давит на индийское крестьянство. Карликовый участок земли, на котором копошится индийский крестьянин, не знает удобрений, ибо навоз—единственное средство удобрения земли, доступное крестьянину, уходит на топливо; падает и погибает рабочий скот, который нечем кормить. Буйвол—основной вид рабочего скота крестьянского хозяйства в Индии—истощен настолько, что не пашет, а царапает землю, как об этом свидетельствуют многочисленные обследовательские [1]) комиссии английского империализма; вконец изголодался и измучился сам работник; у него просто нехватает физических сил как следует обработать почву; соха и мотыга до сих пор еще остаются главными средствами производства трудящегося индийского крестьянина.

Все это сулит неисчислимые бедствия индийскому крестьянину, продуктивность труда которого резко снижается по сравнению с аграрными капиталистическими странами. Кризис донельзя снизил конкурентноспособность продукции индийского крестьянства в сравнении с канадским, австралийским и американским [2]).

При анализе посевных площадей в Индии за 1931/32 г. выявляется ряд других характерных черт, являющихся непосредственным результатом аграрного кризиса. Рост посевных площадей под продовольственными культурами идет за счет резкого снижения посевных площадей в районах, производящих технические культуры на экспорт. Этот сдвиг в агрикультуре страны, пока лишь намечающийся в качестве тенденции, об'ясняется тем, что колониальный крестьянин, потеряв все в связи с падением цен, естественно пытается обеспечить себя на будущее минимумом продовольствия путем засева пшеницы и риса. Тем самым он застраховывает себя и семью от голодной смерти. В то же время эта тенденция частичного перехода к посеву продовольственных продуктов в районах, приспособленных империализмом за последние десятилетия для производства экспортных технических культур, об'ясняется попыткой колониального крестьянина отгородиться от разоряющего его мирового рынка и стремлением укрыться от стихии кризиса за своей деревенской околицей. К этому же его подталкивает и торговая буржуазия, которая пытается поднять цены на сырье уничтожением запасов и сокращением посевных площадей. Так например бенгальская коммерческая палата ассигновала крупную сумму денег для разброски с аэропланов листовок, призывающих крестьян сократить посевы джута в восточной и северной Бенгалии.

Стремление колониального крестьянства укрыться от мирового рынка, проявившееся в посевах текущего года, еще подтверждается и тем, что в районах продовольственных культур, но производящих на экспорт, как например в рисовых районах Бирмы и пшеничных округах Пенджаба, посевные площади заметно сократились.

Все это является непосредственным результатом кризиса, характерным вместе с тем, как яркий показатель деградации и регресса индийской деревни Развитие торгового земледелия,—писал Ленин,—состоит очень часто в переходе от одних продуктов к другим. В переходе от натурального земледелия к торговому и выражается рост капитализма в земледелии. Особо мучительные условия этого перехода для индийского крестьянства обуславливаются господством феодальных пережитков и наличием ростовщического закабаления, которые еще в большей мере усилились в связи с переходом к торговому земледелию. Теперь в связи с кризисом намечается обратное явление, т. е. частичный возврат к натурализации хозяйства. Разоренное кризисом и импе-

[1]) За счет индийских трудящихся.

[2]) См. вышеприведенные сравнительные данные. «Yearbook of Agriculture», Waschington.

риалистско-ростовщической кабалой колониальное крестьянство стихийно пытается «внести поправку» в агрикультурный облик своей страны; оно стремится ослабить свою зависимость от мирового рынка.

Стихийный переход к посеву продовольственных культур, специализированных на экспорт, с.-х. районов Индии грозит в будущем колониальному крестьянству еще бо́льшими лишениями и бедствиями. Ибо при малейшем временном изменении мировой кон'юнктуры цен на с.-х. сырье на индийское крестьянство снова обрушится весь империалистско-феодально-ростовщический аппарат давления и принуждения, чтобы заставить его вновь переключиться на сплошное монокультурье, на производство технических культур в соответствии с потребностями мирового рынка. Последствия такого явления для крестьянского хозяйства очевидны,—оно будет окончательно разорено.

В условиях господства феодальной и полуфеодальной системы аграрных отношений, каковыми являются аграрные отношения в Индии,—земельная рента при падении цен в кризисные годы становится абсолютно невыносимым бременем для крестьянства. Земельная рента и арендная плата не снизились во время кризиса, несмотря на катастрофическое падение цен на с.-х. сырье. Наоборот, они растут из года в год. Вот свидетельства, исходящие от индийской буржуазной прессы: «Кривая цен в Соединенных провинциях дошла до уровня 1896 г., тогда как арендная плата выросла в среднем по провинции на 200 проц.» [1]). Арендная плата, как правило, по всей Индии собирается при помощи военно-полицейских карательных отрядов, ибо ни помещик, ни его агенты не в состоянии что-либо вырвать от крестьянина, при всяких попытках сделать это он рискует быть растерзанным голодной толпой крестьян. Чтобы получить несколько рупий земельной ренты, продается с молотка крестьянское хозяйство. Тюрьмы Индии переполнены крестьянами-неплательщиками. Приведем весьма длинную, но очень красноречивую выдержку из докладной записки эксперта по сельскому хозяйству А. И. Мак-Даугалла, представленной банковской комиссией и датированной 19 марта 1931 г. Мак-Даугалл обследовал арендные отношения в нескольких деревнях Пенджабской провинции и выяснил следующее:

«Помещик не проживает в своем имении, он не смеет явиться в деревню лично. Ренту в его пользу собирает его агент, который также не может показаться в деревне, иначе как только в сопровождении других агентов. Помещик не только получает свою законную ренту, но также принуждает различными способами крестьян платить добавочный сбор в свою пользу, так как им приобретен новый автомобиль. Арендаторы принуждаются тем или иным способом платить добавочные суммы. В среднем помещик получает на 50 проц. больше следуемой ему суммы. В случае, если рента или добавочные сборы не уплачивались, крестьяне избивались, а в некоторых случаях применялись истязания. Например крестьян заставляли стоять на двух кирпичах, поставленных далеко друг от друга под палящими лучами солнца в течение долгого времени» [2]).

Картина выколачивания земельной ренты и произвола помещика, описанная экспертом банковской комиссии, не заинтересованным в сгущении красок, является типичной для индийской деревни в годы кризиса. Это подтверждается и цифрами дохода индийского бюджета за 1931/32 г. По официальным данным, доходная часть индийского бюджета снизилась по сравнению с 1930/31 г. почти по всем статьям. Только две статьи дохода дают прирост. Это земельный налог и налог на соль. Если с 1 марта 1930 г. по 1 марта 1931 г. [3]) было собрано земельного налога 354.860 тыс. рупий,

[1]) «Pionir», 22/VIII 1931 г.
[2]) The Indian Central Banking Enquiry Committee, 1931 г.
[3]) В Индии бюджетный год исчисляется с 1 марта.

то с 1 марта 1931 г. по 1 марта 1932 г. этого налога было собрано 378.006 тыс. рупий; соляной доход составлял в 1930/31 г. 68.231 тыс. рупий, в 1931/32 г.—86.282 тыс. рупий [1]). Легко представить себе, какой режим террора и репрессий установлен английским империализмом в Индии, если в 1931/32 финансовом году в условиях жесточайшего кризиса и повсеместных голодовок крестьянства удалось получить земельного налога на 24 млн. рупий больше чем в предыдущем году и почти на 20 млн. увеличить доход соляной монополии.

Чудовищно выросла задолженность крестьянства за время кризиса. Разумеется, получить хотя бы приблизительные цифры по этому вопросу почти невозможно. Однако некоторые отрывочные данные достаточно красочно говорят об этом. По материалам банковской комиссии, относящимся к 1930 г., «в Бомбейской провинции задолженность в 15 раз превышает размер налогового обложения,—именно на акр посева 26 рупий и на акр всей возделываемой земли — 20 рупий» [2]).

Черносотенная англо-индийская печать льет крокодиловы слезы по поводу тяжелого положения... ростовщиков, которым не удается собрать даже процентов по долгам. Крестьянского же скарба, продаваемого с молотка, едва ли хватает на покрытие долгов по ренте и налогу,—естественно, что ростовщику, несмотря на все ухищрения, попросту не удается выжать хотя бы одну копейку с голодного крестьянина. Неудивительно, что ростовщики повсеместно отказываются ссужать деньги крестьянам, несмотря на чудовищные проценты, которые порой доходят до 100 за 3—4 месяца.

Известным отражением высокой ренты являются повышенные цены на землю. В крепостнической Индии, при громадной земельной ренте, колеблющейся от половины до двух третей крестьянского урожая, резко возрастают цены на землю. Несмотря на стремительное падение цен в годы кризиса, цена земли дает лишь сравнительно небольшое снижение. В приведенной докладной записке имеются следующие данные по Пенджабской провинции. Если в 1928 г. продажная цена земли для провинции в целом превышала годовой доход земли в 279 раз, то в 1929 г., при громадном падении цен на хлеб, продажная цена земли в 245 раз превышала годовой доход с нее. Залоговая стоимость акра земли почти не изменилась за этот период. Средняя ее стоимость за акр в 1928 г. — 174 рупии, в 1929 г. — 172 рупии. Не говоря уже о том, что столь высокие цены на землю являются абсолютно запретительными для подавляющей массы индийского крестьянства, аграрный кризис привел к массовому захвату крестьянских земель ростовщиками и торговцами. Это в свою очередь должно было привести к еще большему разрастанию паразитического слоя рентополучателей, подкармливающихся за счет крестьянского труда. Попытка англо-индийского правительства специальным законодательством запретить мобилизацию крестьянских земель еще больше ухудшает положение крестьянина. Ибо «при сколько-нибудь сносных условиях жизни никогда крестьянин не продаст своей земли. А если нужда... заставляет продать, то никакой закон не удержит. Законы всегда будут обходить, и запрещения только ухудшат условия продажи земли» [3]).

---

[1]) «Capital», 5/V 1932 года.

[2]) Гл. V, § 78.

[3]) Ленин, т. XVI, стр. 294. Характерны рассуждения по этому вопросу Ману Субедар, члена банковской комиссии, оставшегося при особом мнении и написавшего отчет меньшинства. Являясь певцом свободно-кулацкого развития Индии, он пишет: «Ограничение права отчуждения земли, якобы имеющее в виду интересы земледельца, неприемлемо принципиально, так как они мешают подвижности имущественных капиталов, что в свою очередь затрудняет свободное движение денежных капиталов». The Indian Central Banking Enquiry Committee, 1931 г., part II, Minoriti Report., стр. 475.

Особая острота аграрного кризиса в Индии об'ясняется еще и тем, что английские империалисты пытаются за счет своей главной колонии выкарабкаться из тупика кризиса. Колониальная Индия, по их расчетам, должна послужить базой для сговора с доминионами. Это означает, что за счет индийских трудящихся будут еще шире раскрыты двери индийского рынка для залежавшихся товаров Канады, Австралии и Южноафриканского союза. В то время как экспорт индийской пшеницы сократился в 1931/32 г. до 20 тыс. тонн по сравнению с 196 тыс. тонн прошлого года, — 110 тыс. тонн австралийской пшеницы было продано на индийском рынке [1]). Весь нехитрый механизм открытого грабежа колониальной Индии, осуществляемый в целях сговора с австралийским доминионом, английским империализмом, легко раскрывается при рассмотрении транспортной тарифной политики англо-индийского правительства. «Политика цен на транспорте,—читаем мы в уже цитированном банковском отчете,—сильно снижает способность продукции сельского хозяйства страны успешно конкурировать с товарами, ввозимыми из других стран. Выяснено, что в настоящее время фрахт монда (1 монд равняется 100 английским фунтам) из Австралии до Калькутты равен 6 ана, а железнодорожный фрахт от Лайэльпура до Калькутты—1 рупии и 3 слишком аны» [2]). Этим весьма просто раскрывается «секрет» успешной конкуренции австралийской пшеницы с индийской в Индии. Хлеб, который за бесценок отбирается у голодного пенджабского крестьянина, гниет (так как индийские трудящиеся не в состоянии его покупать и по удешевленной цене) к выгоде наживающихся австралийских купцов.

Такая же картина и по отношению к другим товарам [3]).

Имперская конференция в Оттаве созывается в частности и для того, чтобы оформить и этот грабеж колониальной Индии.

Нынешний мировой кризис, который «совпал по времени с кризисом сельскохозяйственным, охватывающим производство всех видов сырья и продовольствия в основных аграрных странах» (Сталин), особенно резко сказался в колониальной Индии. Империалистическая политика Англии, превратившая Индию в свой аграрно-сырьевой придаток и установившая систему монокультурья, специализации и районирования с.-х. сырья, привела к тому, что падение цен в специализированных отраслях вызвало глубочайший кризис всего сельского хозяйства страны и всей национальной экономики. В результате кризиса сузился до крайних пределов внутренний рынок. Ничтожная покупательная способность масс, еще более сократившаяся под влиянием кризиса, приводит к застою туземную промышленность. Резкое падение цен на продукцию крестьянского двора, непрерывный рост налогов и поборов, ростовщическая задолженность, выросшая до чудовищных размеров за годы кризиса—на фоне средневековой, феодальной эксплоатации и империалистической кабалы, — поставили многомиллионное индийское крестьянство перед непосредственной угрозой голодной смерти. Громадный раствор ножниц между ценами на промышленные товары метрополии и ценами с.-х. сырья в колонии, между оптовыми и розничными ценами дополняет картину бедствия и лишений, обрушившихся на индийский пролетариат и крестьянство.

---

[1]) «Indian Trade Journal», 1932 г., стр. 475.

[2]) Гл. IV, § 54.

[3]) Тот же банковский отчет сообщает, что «стоимость провоза костяной муки и калиевой селитры, добываемых на месте, выше стоимости импортных искусственных удобрений», § 64.

Под жесточайшими ударами кризиса растет и крепнет революционная борьба индийских трудящихся. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся кровавые крестьянские восстания в Соединенных провинциях, Бенгалии, Пенджабе. Об этом свидетельствует и подлинно революционная война, которую вот уж долгое время ведут против английских империалистов и отечественных ростовщиков и помещиков крестьянские массы в Бирме, в Кашмире, в северо-западной пограничной провинции. Об этом свидетельствуют и ожесточенные стачечные бои индийского пролетариата. На нестерпимый гнет индийское крестьянство отвечает плебейской расправой со своими угнетателями. Англо-индийская печать полна сообщениями из разных районов страны о массовых случаях расправы с помещиками, ростовщиками и полицейскими чиновниками. Размах антифеодальной борьбы, непосредственно вызванной ударами кризиса, вместе с тем знаменует собой новую, более высокую ступень в развитии индийской революции. Ныне борьба против феодалов, помещиков достигает уровня борьбы, ведущейся против империалистов. Эта существенная черта революционного под'ема крайне суживает маневренные возможности предательского Нацконгресса. Его нынешние «оппозиционные» маневры по отношению к английскому империализму имеют своей целью обмануть трудящиеся массы и в то же время выговорить себе более выгодные условия компромисса с тем же британским империализмом.

Растет и множится число подлинных вождей крестьянского движения, вышедших из низов деревенской бедноты, из рабочей массы. Черносотенный «Civil and Military Gazette» сообщает, что в результате специального обследования выяснилось, что среди арестованных командиров краснорубашечников 70 проц. неграмотных. «Такие обещания,—читаем мы в этом сообщении,—как равные права для всех, перераспределение земли, сейчас же привлекли голытьбу — сельских мастеровых, парикмахеров, мясников, ткачей...

Эти люди, не имея земли, ничего не теряли, вступая в это движение,— напротив, они приобрели деньги (!), славу и власть» [1]). Насчет денег продажная империалистическая газета соврала, чтобы оклеветать революционных рабочих, но в остальном эти рассуждения недалеки от истины.

Слабая сторона революционного движения — это относительное отставание организующей роли коммунистической партии Индии в сравнении с гигантскими задачами борьбы.

Проблема пролетарского руководства крестьянским движением встала теперь в Индии с такой остротой, как никогда раньше. Ибо забитое веками, угнетаемое средневековой эксплоатацией и разоряемое империалистическим грабежом голодное индийское крестьянство, поднимаясь на борьбу, может найти и находит своего подлинного вождя, до конца преданного делу борьбы, только в лице пролетариата, руководимого крепко спаянной коммунистической партией.

---

[1]) 4/II 1932 г.

Принципы философии Гендрика Де-Руа

Б. Быховский

I

Де-Руа [1]) был философом-борцом. Его философский путь насыщен непрестанной жгучей и острой борьбой. Не только жестокое, звериное преследование разворошенного осиного гнезда схоластических идеологов, «гиперортодоксальных теологов» и «профессоров божьей милостью», но и злобную, грязную клевету прежних друзей встретил на своем философском пути де-Руа. Ибо он не только с большей, нежели Декарт, смелостью и решительностью возвещал принципы новой, антисхоластической философии, но, преодолевая личные симпатии и дружеские связи, сделал последовательные выводы из этой философии, став в оппозицию к идеалистической метафизике картезианства. Вслед за Декартом и вместе с ним де-Руа боролся за новую физику, одновременно борясь против метафизики Декарта. Приняв и развивая учение о природе, де-Руа отверг учение о познании, человеке и боге; последовательно развивая физику Декарта, он оказался в оппозиции к его метафизике.

Де-Руа изведал в борьбе с ортодоксальной кальвинистской теологией все отравленное и ржавое оружие, применяемое реакционными классами против носителей новой идеологии: травлю и клевету, осмеяние и злобное улюлюкание, шпионаж, осуждение, конфискацию произведений и запрет преподавания. Один за другим воскресают перед нами со страниц пожелтевших книг лики хранителей и ревнителей религиозной ортодоксии — все эти Племпиусы, Примерозиусы, Стратенусы, Шокиусы и Ревиусы, а впереди всех, организуя и направляя борьбу, — Воэций-отец с Воэцием-сыном («Воэций-дитя», по выражению Декарта), напыщенные, педантичные, невежественные и амбициозные. То не была ссора педантов, а «одна из фаз вечной борьбы новаторов против обскурантов, старых заблуждений, противостоящих наступлению молодых истин, последние конвульсии кончающегося аристотелизма, заключившего чудовищный брак разума с церковью, и который должен был уступить место картезианству, представлявшему новый разум до тех пор, пока, вследствие повторения вещей, последний сам не сделался палладиумом реакции» [2]). То была страстная схватка на арене идеологии издыхающего феодализма с развивающимся капитализмом.

По мере того как развертывались взгляды де-Руа, его соратники обнаружили в своем стане материалиста, человека, порывающего с дуализмом и рациональным богословием, вчерашние друзья обернулись врагами. Когда «вместо того, чтобы поступать так же, как в том, что касается

---

[1]) Hendrik de Roy (Henricus Regius) — таково было, как явствует из официальных актов и записей, подлинное имя мыслителя, известного под именем Анри Леруа.

[2]) Gustave Cohen, Ecrivains français en Hollande dans la première moitié du XVII siècle. Paris, 1920, p. 535.

физики, где он (де-Руа) в точности следовал всему тому, что он считал соответствующим моим (Декарта) взглядам,... он поступает наоборот в том, что касается метафизики, и... утверждает прямо противоположное тому, что я писал в своих «Méditations» [1]), ... тогда де-Руа из «первого мученика картезианства», из «тонкого и проницательного ума» превращается в «отступника и врага», «плагиатора» и невежду. Когда де-Руа в теории познания, психологии и теологии «осмелился не согласиться с диктатором» [2]), тогда картезианцы, а вслед за ними и вся идеалистическая историко-философская традиция принялись безудержно чернить и пятнать его. «Пожалуй, Аристотель не проявил столько неблагодарности по отношению к своему учителю Платону. Едва ли Максим-циник третировал когда-либо своего учителя Григория Назианского с большей наглостью. Неблагодарность и дерзость всегда были возмещением, которым лучшие учителя оплачивались изменниками-учениками», негодовал апологет Декарта Байэ, из работы которого черпала свои сведения о де-Руа вся идеалистическая история философии [3]).

Несмотря ни на что, де-Руа остался верен своим убеждениям. Он пронес свой материализм сквозь строй врагов, хулителей и клеветников.

II

Формирование воззрений де-Руа и его научная деятельность относятся ко времени штатгальтерства Фридриха-Генриха и отчасти правления де-Витта. Это было время, когда приобретшие независимость Соединенные нидерландские провинции достигли вершины своего торгового расцвета. Это был «золотой век» нидерландского капитализма. Нидерланды не только освободились от испанской зависимости, но и заняли место Испании в мировом хозяйстве, — они стали центром международной торговли и первой в тогдашнем мире морской державой.

Мореходство — морская торговля и транспорт — было основой экономической мощи Нидерландов. Мореплавание, говорится в одном докладе 1637 года, «является настоящим элементом нашей жизни, субстанцией и сущностью нашего государства, душою всего отечества, наилучшей опорой в войне, нервом нашей мощи, истинной опорой наших интересов и, до сих пор, вслед за богом, нашим единственным спасением» [4]). К 1670 году Нидерланды по тоннажу судов в 6 раз превышали Англию и Германию. После закрытия для Нидерландов в конце XVI века Лиссабонского порта, бывшего посредническим центром торговли с Индией, начинает быстро развиваться их прямая и непосредственная торговля с Индией, очень скоро приведшая к вытеснению португальской торговли. В 1602 году основывается знаменитая Ост-Индская компания, дивиденды которой достигают в 20—30-х гг. 20 и более процентов. Во второй трети XVII века голландская Ост-Индская компания является уже гегемоном всей азиатской торговли. В 1620 году организуется Вест-Индская компания, в операциях которой каперство играет отнюдь не меньшую роль, чем торговля с Америкой. В середине XVII столетия начатая еще в предыдущем веке колониальная экспансия Нидерландов достигает своего апогея. На внутриевропейских морских путях Нидерланды достигают

---

[1]) Письмо Декарта к Мерсенну от 5/X 1646 г.

[2]) Выражение Х. Гюйгенса в письме к Мерсенну от 21/VIII 1646 г.

[3]) A. Baillet, La Vie de M-r Des-Cartes. Paris, 1691, II partie, p. 271. Эта до крайности пристрастная и недостаточно и односторонне осведомленная о де-Руа работа послужила основным источником для статьи т. Карева о Леруа («Под знаменем марксизма» № 8—9 за 1923 г.).

[4]) Цит. по P. I. Blok, Geschichte der Niederlände (Gotha, 1910). Bd. IV, S. 448—9

в эту пору также решающих успехов. Они завоевывают, вытесняя Ганзу, первенство на Северном и Балтийском морях, не оставаясь в стороне также и в средиземноморской торговле. Рыбой и сельдями, хлебом, строительными материалами, сукнами, колониальными товарами, — чем только ни торговали Нидерланды. «Эта горсточка людей, — говорил Ришелье, — владеющих клочком земли, состоящим из вод и выгонов, снабжает европейские народы большею частью нужных им товаров» [1]). При этом «главный барыш приносит не вывоз продуктов из собственной страны, а посредничество при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и эксплоатация этих других стран производства» [2]). Амстердамский порт перенял роль, какую до того исполнял Антверпен, а амстердамская биржа сделалась центральным мировым рынком капитала.

Вполне понятна выдающаяся роль города в этих условиях. Уже с XV века «города представляли ключ к дальнейшему развитию этой страны. Влияние сельскохозяйственных областей... по сравнению с ними отступает далеко на задний план... Вместе с тем и дворянство далеко отступает теперь в своем практическом значении. Купец и промышленник задают отныне тон и обуславливают ход политических и хозяйственных событий» [3]).

Было бы ошибкой недооценивать значение собственной промышленности Нидерландов интересующего нас периода. Будучи подчиненным торговле элементом хозяйственной жизни и тесно связанная с ней (например рыбные промыслы и судостроение), промышленность тем не менее представляла существеннейший фактор нидерландской экономической действительности. «Голландия XVII века... образец мануфактуры в собственном смысле слова» [4]). На началах мануфактуры совершалось развитие разнообразных отраслей нидерландской промышленности: текстильной, в которой совершался в этот период технический переворот (ее центрами были Лейден и Роттердам), шелковой, сахароваренной (Амстердам), пивоваренной (имевшей до последней трети века, когда развилось употребление чая и кофе, очень большое значение) и т. д. Гильдии в рассматриваемое время утеряли свое былое значение и имели незначительное влияние. Тем не менее они сохранились в большинстве отраслей промышленности (в том числе и в текстильной), но их стеснительные притязания были к тому времени весьма ограничены. Но рядом с гильдейскими формами уже развились и свободные от цеховых стеснений мануфактуры в некоторых отраслях промышленности (в пивоваренной например).

«Наряду с растущим благосостоянием зажиточной буржуазии и высших сословий следует указать на весьма дававшую о себе знать относительно большую бедность среди многочисленных ремесленников и на более неравномерное распределение имущества, чем до перемирия (речь идет о перемирии с Испанией 1609 г. — *Б. Б.*). Кто читает, что в 1621 году в Дренте господствовала форменная голодная нужда и люди умирали от отсутствия средств к существованию, что они должны были употреблять камыш с домовых крыш как корм для скота, в то время как господствующая в этой маленькой местности эпизоотия погубила 2.500 лошадей, 10 тыс. голов рогатого скота и 50 тыс. баранов; что треть пахотной земли здесь оставалась необработанной из-за отсутствия удобрений, в то время как $^5/_6$ жителей были аренда-

---

[1]) Цит. по И. Кулишеру, История экономического быта Западной Европы, т. II, стр. 178 (изд. 1931 г.).

[2]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 305 (изд. Орнштейна).

[3]) E. Boasch, Holländische Wirtscheftsgeschichte (Jena, 1927), S. 8.

[4]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 345.

торами; кто подумает о тяжелейших эпидемиях чумы, повторно посещавших голландские города, но особенно в 1625 и 1635 гг., и погубивших многие тысячи; кто слышит о повсеместно растущем бремени нищих, требовавшем «тяжелых издержек»; кто прислушается к жалобам на все более увеличивающееся в стране бродяжничество, особенно во время вздорожания зерна, имевшего место в 1626—1630 годах; кто примет во внимание высокие расходы гильдейских касс в городах на многочисленных бедных гильдейских братьев; кто слышит, что число получающих воспомоществование достигает в Амстердаме около $^1/_7$, в Лейдене до $^1/_8$ жителей; если он также учтет, что там и в Гаарлеме, в этих больших фабричных городах, жило относительно наибольшее число бедняков, тот будет знать, что одной из характернейших черт этого времени было наличие рядом с большим богатством многих глубокой нищеты еще более значительного числа жителей» [1]).

Так, на почве тяжелой нужды и нищеты десятков тысяч сограждан и жесточайшей хищнической эксплоатации колоний совершался расцвет молодого нидерландского капитализма. Глубоко прав был Маркс, когда советовал Гюлиху добавить к его описанию экономического могущества, достигнутого Голландией ко времени Мюнстерского мира, что «народные массы Голландии уже в 1648 году более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы» [2]).

Успехи нидерландского капитализма и завоевание им международного экономического первенства сопровождались не только обострением указанной социальной поляризации, углублением экономического неравенства между производящим и имущим классом, но и внутренними противоречиями среди господствующих классов. Эти последние противоречия получили свое политическое выражение в борьбе оранжистской и голландской партий.

Буржуазные историки в понимании этой борьбы, заполняющей политическую жизнь Нидерландов интересующего нас периода, не идут дальше противопоставления централизаторских тенденций Нассауской династии федералистским стремлениям возглавляемых Голландией провинций или — миролюбия Голландии воинствующей партии оранжистов. Но действительные корни этой борьбы лежат глубже. Они находят свое об'яснение в свете новых задач, вставших перед нидерландским капитализмом. Оранский дом, возглавлявший борьбу Нидерландов за национальную независимость, осуществлял политические задачи нидерландского торгового капитала на стадии первоначального накопления. Но в рассматриваемый период первоначальное капиталистическое накопление в Нидерландах завершается. Капитализм не только вызрел, но и завоевал мировую гегемонию. Перед ним возникли новые, более широкие задачи, требовавшие новых политических и идеологических форм. Выразителем этих новых прогрессивных задач нидерландского капитализма являлась просвещенная буржуазия голландской провинции, возглавлявшая борьбу против консервативных сил, организовавшихся вокруг Оранского дома. На одной стороне была часть буржуазии отсталых провинций, дворянское офицерство и кальвинистское духовенство, демагогически опиравшееся на отсталых гильдейских ремесленников и крестьян. На другой — крупная торгово-промышленная буржуазия передовых провинций, руководимая просвещенными патрициями-рантье. Буржуазия Голландской провинции, дававшей 58 проц. всех государственных доходов, была ее авангардом. Амстердам—столица тогдашнего капитализма — был ее естественным центром. То были, по выражению D. Ogg,—нидерландские «тори» и «виги» [3]). Вполне понятно, что реакционные силы Европы поддерживали оранжистов, что последние были сторонника-

[1]) P. I. Blok, цит. соч., т. IV, стр. 456.
[2]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр 714—5.
[3]) D. Ogg, Europe in the XVII. Century (London, 1925), p. 419.

ми союза с Францией Людовика и всячески поддерживали реставраторские стремления Стюартов в Англии, в то время как голландская партия поддерживала дружественные отношения с английским парламентом и Кромвелем (что конечно нисколько не ослабляло в то же время ее экономической борьбы с Англией).

«Голландцы» в действительности столь же мало были федералистами, как и оранжисты. Правление де-Витта показало это достаточно ясно. Они были против централизации лишь постольку, поскольку не они были руководящим центром, поскольку централизм был направлен против их интересов. Они были не менее воинственны, чем оранцы, когда это было в интересах действительного укрепления их коммерческой мощи, но были против экономически-нецелесообразной, расточительной войны, тормозившей развитие торговли. Оранжисты стремились продолжать войну с традиционным историческим врагом — с Испанией. Но исторический враг уже перестал быть реальным экономическим соперником. Голландскую партию занимала борьба с новым врагом, — с Англией, вступившей в борьбу против Нидерландов за морскую гегемонию, и затем с Францией (растущая мануфактура которой становилась угрозой Нидерландам), стремившейся к непосредственной торговле с Пруссией.

Таковы были основные политические партии. Разумеется «победила ли бы партия оранских или истинных республиканцев, как себя называли защитники самостоятельных провинций, народ попрежнему продолжал бы быть страдающим лицом...» (Вальд) [1]). Но тем не менее нельзя забывать, что крупная голландская буржуазия — «mercator sapiens» — олицетворяла прогрессивные тенденции социального развития. «Великий пенсионарий» представлял движение капитализма вперед.

Каково было отношение борющихся партий к религии и церкви? Господствующей церковью была кальвинистская. Протестантизм является антифеодальной религией поднимающейся буржуазии, буржуазии эпохи первоначального накопления. «Кальвинизм и капитализм были связаны, так как кальвинизм был не чем иным, как религией буржуазии, создаваемой с ростом капитализма. Добродетели и пороки, характерные для кальвинизма, являются добродетелями и пороками, естественными для среднего класса. Трудолюбие, бережливость, благоразумие, экономия, сдержанность манер, домашняя добродетельность необходимы для успеха в промышленном обществе: они являются добродетелями, особенно подчеркиваемыми кальвинизмом. Лицемерие, алчность, узколобая и ограниченная ненависть к удовольствиям, к общественным украшениям, а равно и к искусству, — суть пороки, наиболее способные к процветанию на этой почве» [2]). Другой стороной, обусловившей социальное значение кальвинизма, являлась его враждебность к католицизму, папизму — понятия, тождественные для нидерландцев с Испанией.

В рассматриваемый период ортодоксальный кальвинизм прочно укрепил свое господство в Нидерландах. Борьба с ремонстратами-арминианами была в прошлом. После разгрома ремонстрантов на основе решений Дордрехтского национального ора (1618 — 1619 гг.), казни Ольденбарневельдта и эмиграции других руководителей движения (в том числе и Гуго Гроция) правоверные хранители «строгого кальвинизма» — гомаристы — прочно занимали положение государственной церкви. Они были надежнейшим оплотом оранской партии. Передовая крупная буржуазия, голландская партия, не могла более удовлетворяться идеологией антипапизма и пуританизма первоначального накопления. Изменились международные отношения. Изменились эконо-

[1]) Цит. по С. Лозинскому, История Бельгии и Голландии, стр. 60.
[2]) P. Smith, A history of modern culture... (Lonodon, 1930), p 376.

мические отношения: буржуазия переросла уровень «среднего класса», боязнь роскоши перестала быть экономической необходимостью, свобода торговли требовала религиозной терпимости, развитие промышленности нуждалось в процветании естественных и точных наук.

Передовая буржуазия, не порывая открыто с кальвинизмом, умеряет религиозное рвение гомаристов, выступает за подчинение церкви государству, стремится к религиозному миру, заботится о веротерпимости, покровительствует развитию наук и искусств. Лучшие, наиболее культурные ее представители от толерантности переходят к индиферентизму и даже религиозному скептицизму. Характерно, что вождь голландцев Ян де-Витт не только оказывал покровительство коллегиантам и картезианцам, но и сам был знатоком математики и автором серьезных работ о свойствах кривых и по теории вероятностей [1]).

Но перед расцветшей буржуазией встала и новая, более глубокая идеологическая задача. Протестантизм хотя и был буржуазной религией, однако новое классовое содержание облек в старые идеологические формы. Новое социальное содержание не уничтожило старых религиозных, схоластических, перипатетических форм мышления. Протестантизм дал этическую систему и культ, соответствующие классовым интересам молодой буржуазии, но он при этом сохранил неприкосновенными косную феодальную схоластическую логику и дряхлое аристотелическое понимание природы. Перед окрепшей буржуазией стала огромная задача создания новой логики и нового понимания природы, адэкватных достигнутому культурному уровню и отвечающих требованиям растущих производительных сил. Эта задача, осуществлявшаяся в жестокой и острой борьбе с ревнителями феодальной идеологической трухи, была выполнена механистической философией XVII века — учениями Бэкона, Гассенди, Декарта, Гоббса, де-Руа и Спинозы.

III

Гендрик де-Руа родился в 1598 году в Утрехте в семье почтенного пивовара. В Утрехте он получил профессуру (1638). Здесь протекала вся его научная деятельность. Здесь же он умер в 1679 году. Поэтому, принимая во внимание разнородность социально-политической обстановки в различных провинциях, следует в нескольких словах отметить положение в Утрехте. В той провинции соотношение политических сил отнюдь не благоприятствовало прогрессивным идеям. В отличие от Голландии и Зеландии, где дворянство было крайне малочисленно и почти окончательно утратило политическое влияние, в Утрехте оно было еще значительно и продолжало играть заметную роль в политической жизни провинции. В то время как в провинциальных штатах Голландии единственному представителю дворянства противостояло 18 представителей городской буржуазии, в утрехтских штатах буржуа и дворяне имели равное представительство. Здесь вместе с тем было особенно сильно духовенство. В этом старом епископальном городе церковь сохранила свое политическое значение. Духовенство в этой провинции было представлено в штатах как особое сословие, на равных правах с двумя другими. Таким образом каждому представителю буржуазии в руководящем правительственном органе противостояли феодал и поп. Немудрено, что здесь классовая борьба передовой буржуазии приобретала особенную остроту и идеологическое новаторство встречало особенно яростное сопротивление.

Типическим олицетворением реакции был главный организатор борьбы против де-Руа — Гизберт Воэций. То был завзятый оранжист, преданный

[1]) См. G. Edmundson, History of Holland, Cambridge, 1922, p. 198, и P. I. Blok, цит. соч., т. V, стр. 113.

Нассаускому дому, бывший духовник в военном лагере Фридриха-Генриха (1629), ученик богословия «самого Гомара» в Лейдене, «строгий» кальвинистский ортодокс, схоласт-аристотелик, поп-демагог и ректор-интриган. Таков был неугомонный вдохновитель травли де-Руа, выполнявший в своей научной и философской деятельности «социальный заказ» передовой крупной буржуазии середины XVII века.

В философии де-Руа сочетаются характерные черты материализма XVII — XVIII столетий: механицизм и сенсуализм. Первый из них делает его продолжателем физики Декарта, второй — противопоставляет его картезианскому рационализму и роднит с английским материалистическим движением, нашедшим свое первое выражение в номиналистических тенденциях. В отношении синтеза обеих этих черт де-Руа является предтечей французского материализма XVIII века, где механицизм с наибольшей полнотой раскрывается в натур-философии Гольбаха и в «Человеке-машине» Ламетри, а сенсуалистическое учение о познании с вытекающим из него выводом о врожденном равенстве и непорочности людей в своих кульминационных проявлениях вплотную подводит к социалистическим и коммунистическим идеалам.

Если Декарт в своей физике воплощает одну из указанных черт (механицизм), но умаляет другую (сенсуализм), а Бэкон прочно стоит на позиции эмпиризма (отнюдь не исключающего у него рациональной обработки опытных данных), но не дает еще законченной механистической концепции природы, то в философских воззрениях де-Руа с полной четкостью выражены обе струи. В их сочетании де-Руа не одинок среди материалистов XVII века (мы не говорим уже о XVIII веке). В строго механистической системе Томаса Гоббса (умершего в том же году, что и де-Руа) мы имеем также попытку синтеза сенсуализма с рационализмом. Но учения Гоббса и де-Руа возникли и развивались независимо одно от другого. Первое — под влиянием Бэкона и Галилея, второе — Гассенди и Декарта. Их сходство коренится не в заимствовании друг от друга, а в однородности той социально - культурной среды, порождением которой они были. Правда, уже у Гассенди, оказавшего несомненное влияние на учение де-Руа, противостоящее влиянию Декарта, мы имеем сочетание сенсуализма с механическим материализмом, но у него сенсуализм еще сочетается с реставрацией старого атомистического механицизма, а не с механицизмом в той его форме, которая явилась выражением нового естествознания.

Антикартезианские выступления де-Руа (1645—1647 гг.) предшествуют опубликованию Гассенди «commentarius de vita, moribus et placitis Epicuri» (1649 г.) и «Левиафана» Гоббса (1651 г. «De Corpore» вышла четырьмя годами позднее), но де-Руа несомненно был знаком с возражениями обоих материалистов Декарту, опубликованными в «Meditationes de prima philosophia» в 1641 г. В сущности своим разрывом с Декартом де-Руа примкнул к материалистической оппозиции Гассенди и Гоббса.

В известном своем «Плакате» 1647 года [1]) де-Руа дал принципам сенсуализма следующее отчетливое выражение: «Дух не нуждается во врожденных идеях, понятиях или аксиомах; для выполнения им его действий достаточно одной только его способности мышления» [2]). «Поэтому все свойственные духу общие понятия имеют своим началом или наблюдение вещей, или предание» [3]).

---

[1]) Те же идеи изложены уже в «Fundamenta Physices», вышедшей годом раньше (Amster., 1646), p. 251.

[2]) «Explicatio mentis humanae sive animae rationalis, ubi explicatur quid sit et quid esse possit», thes. XII.

[3]) Там же, thes. XIII.

Вот как развивает эти принципы де-Руа за 32 года до локковского «Опыта»: «Никакие идеи, воспринимаемые духом, обладающим способностью мышления и подвергающемуся при посредстве органов воздействию об'ектов через идеи, произведенные в них (органах) действием об'ектов,—не являются врожденными духу. Что никакие понятия или идеи чувственного не являются врожденными, видно на примере тех, кто от природы глух или слеп, в этом случае явствует, что они никогда не могут сопоставлять в своем мышлении того, что относится к об'ектам слуха или зрения, или что-либо об этом представить. И конечно, так как в духе никогда нет идей воспринятых предметом, если они прежде не были произведены внешними духу об'ектами, то ясно, что эти идеи, каковы бы они ни были,— схожие или несхожие с об'ектами, отчетливые или смутные,— не врождены духу; и всех их следует назвать привходящими и отличными от способности мышления. Но если все идеи духа являются привходящими и отличны от врожденной способности мышления, то, мне кажется, ошибаются те, кто отождествляет некоторые идеи с самим духом или врожденной способностью мышления... Все запечатленные в нас понятия (notiones), обычно называемые общими, как-то: целое больше своей части, что совершено́, не может стать не совершившимся, одно и то же не может одновременно быть и не быть... и все другие подобные мы либо узнали от других, либо уразумели из наблюдения вещей при помощи одной индукции... Этому не противоречит, что эти идеи называются всеобщими, а наблюдения вещей были единичными. Для того, чтобы эти идеи были приобретенными, а не врожденными, достаточно того, чтобы они были произведены в нашем духе через восприятие и собирание единичного при участии умозаключения индукции. Я считаю, что нет ничего удивительного в том, что из собирания немногих единичных (явлений), наблюденных нами, могут выводиться всеобщие понятия. Так как эти понятия, собранные и приобретенные посредством индукции из наблюдения многих единичных (явлений), лишь постольку являются всеобщими, поскольку они, вследствие сходства с любыми другими единичными (явлениями), которые не были нами наблюдены посредством ощущений, совпадают со всеми, т. е. с любыми, подобными единичными (явлениями). И это неудивительно. Всеобщее есть всякое единичное без признаков индивидуальности, рассматриваемое как э т о, т е п е р ь и з д е с ь, подобное которому находится (или по крайней мере может находиться) в другом...» [1]. Де-Руа опровергает известное рассуждение Платона в «Меноне» об изолированном от мира мальчике [2]. Он является приверженцем понимания духа как tabula rasa [3]. Его понимание происхождения общих понятий нераздельно связано с сенсуализмом. «Разум или способность мышления, присущая человеку, не нуждаются для того, чтобы мыслить, ни в каких врожденных идеях, понятиях или аксиомах, непосредственно с ним созданных такими, какими мы их находим в результате восприятий и памяти, полученных от об'ектов и суждений, которые мы отсюда вынесли; а благодаря органам тела, с которыми душа соединена, будучи соответствующим образом расположена, она способна сама производить все мысли как исходные, так и последующие безо всякой помощи, привнесенной ею в момент творения...»

Составными элементами познания де-Руа считает восприятие и суждение. К первому относится ощущение, воспоминание и воображение. «Все эти акты мышления... суть, собственно, ощущения или, лучше, их следствие... Чувства являются началом всякого знания и других действий мышления».

---

[1]) «Brevis explicatio mentis humanae sive animae rationalis...» Editio postrema. Trajecti ad Rhenum, 1657, thes. XII et XIII.

[2]) «Philosophie Naturalis». Ed. secunda (Amster., 1654). Цит. по франц. пер. «Philosophie Naturelle». Utrecht, 1686, p. 450.

[3]) Там же, стр. 449.

Воспоминание есть не что иное, как воспроизведение прежнего ощущения благодаря следам в мозгу. Воображение точно так же представляет собою вторичное и производное по отношению к ощущению образование, оно «есть восприятие, состоящее в изменении или различном смешении следов в мозгу и в определенном расположении и движении животных духов, благодаря которым образуются новые идеи, представляющиеся духу... Так мы образуем в нашем воображении химеру, соединяя вместе образ огня, головы льва, груди и живота козла и хвоста змеи». «Так как этими способностями интеллекта могут быть об'яснены все его действия, то нет никакой необходимости в присоединении к ним чистого интеллекта или чего-либо другого» [1]).

Суждение, каким оно представляется Регию, весьма далеко от intellectia pura. Суждение лишено всякой спонтанейности и творческой инициативы, оно пассивно регистрирует комбинации восприятий, вбирает входящие сочетания ощущений, запечатлевая при этом присущие им сходства и различия. Способность суждения, согласно де-Руа, не является, как утверждает Декарт, функцией воли, а лишь — заключительным звеном деятельности рассудка. По мнению де-Руа, суб'ект выполняет страдательную роль в процессе познания. Де-Руа умаляет значение суб'екта в мыслительном процессе, активное формирование познания переносится на об'ект. Эмпирическая концепция де-Руа характеризуется тем, что в противоположность Декарту, приписывающему духу имманентное содержание, разуму — созидающую роль, суб'екту — деятельные творческие функции, его строптивый «ученик», с достаточным основанием преодолевая картезианскую метафизику и идеалистический суб'ективизм, при этом однако лишает суб'екта активности, рассматривает действительность лишь «в форме об'екта», а процесс познания—как созерцание, «а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не суб'ективно».

Сенсуализм де-Руа носит ярко выраженный созерцательный, пассивный, характер. Ведь и Локк не в состоянии был подняться до преодоления противопоставления об'ективизма активности суб'екта. Он пошел по пути эклектического компромисса между материализмом и идеализмом, развивая свое учение о рефлексии в направлении отхода от последовательного сенсуализма. Лишь в диалектическом материализме вторичность разума не влечет за собой принижения деятельной роли суб'екта. Из вторичности суб'екта по отношению к об'екту не следует представление о суб'екте как об апатичной tabula rasa. Эмпирические приобретения подвергаются рациональной переработке, самый же разум исторически возникает из эмпирических же аккумуляций. Об'ект и суб'ект познания находятся в диалектическом взаимодействии. Примат первого не умаляет активности второго.

Что касается воли, то хотя она, согласно де-Руа, и свободна (что нарушает единство его психологических воззрений), но, находясь по ту сторону суждения, не нарушает очерченных нами особенностей его воззрений на генетику познания, отчетливых сенсуалистических воззрений.

IV

Та тесная с в я з ь, которая существует у Декарта между учением о врожденных идеях и доказательством бытия божия, между идеалистической, исходящей из суб'екта теорией познания и убеждением в существовании всесовершеннейшего существа, сохраняется mutatis mutandis и в учении

[1]) «Brevis explicatio...», thes. XIX.

Регия. У Декарта, как известно, врожденность идей и суб'ективный критерий познания являются основоположениями обновленного им онтологического доказательства. При этом связь между этими воззрениями настолько тесна, что бытие бога и его совершенство в свою очередь являются совершенно необходимыми постулатами картезианской теории познания, без которых она лишается всякой прочности; причем вместе с теорией познания лишается прочности и убеждение в существовании об'ективно-реального мира. Из отвержения врожденных идей, из обоснования об'ективной сенсуалистической теории их происхождения у де-Руа непосредственно вытекает также и отказ от картезианских представлений об идее бога, а это в свою очередь требует дальнейшей модификации теории познания.

Де-Руа, вполне последовательно развивая свои основоположения, считает идею бога одной из многих присущих нам идей и распространяет на нее те же принципы, которые относятся ко всем иным идеям. Эта «идея бога внедрена в наш дух (menti insita est) или божественным откровением, или преданием, или наблюдением вещей» [1]). Божественное откровение здесь, как и всюду у де-Руа (мы в дальнейшем остановимся на этом вопросе),—не более, как неизбежный поклон в сторону консистории и ни в какой связи с развиваемым далее де-Руа учением не находится. Идея бога возникла как абстракция от всего совершенного [2]). «Посредством бесконечного умножения совершенств, которые мы наблюдаем в других вещах, и путем отделения от них их недостатков, мы можем постигнуть нашим воображением идею вполне совершенного существа» [3]). «Ибо, — поясняет свои воззрения де-Руа, — и в величайшем существе, которое мы называем богом, человеческий дух не усматривает ничего иного, кроме некоторых благ, которые каждодневно наблюдаются в человеке. Таковы — мудрость, справедливость, милосердие... Эти черты нами бесконечно увеличиваются, и из них, посредством деятельности разума, отвлекаются нами всякие недостатки. Таким образом идея совершенного существа или бога производится непосредственно нашим воображением или фантазией и, будучи нами произведена, передается нами другим или сообщается нам другими» [4]). Механизм образования идеи бога тождественен возникновению любой другой идеи. Подобно тому, как мы образуем идею химеры, точно так же, «когда мы отделяем телесную протяженность от действующего или существующего существа, мы образуем идею бестелесной вещи, как бог, ангелы, дух; а искажая например очертания или образ рожденного, мы воображаем уродца» [5]). Таким образом идея совершенного и имматериального бога является производной по пути двойной абстракции: элиминирования несовершенства наблюдаемого мира и отвлечения от его материальности. Любопытен вышеприведенный контекст: идея бога располагается между идеей химеры, с одной стороны, и уродства—с другой. Едва ли этот контекст случаен, едва ли де-Руа случайно не пользуется в данной связи примерами истинных и положительных идей. Дело в том, что ему предстоит не возведение доказательства бытия бога на сенсуалистической основе, а опровержение в с я к о г о рационального доказательства этого бытия.

Концептуалистические и сенсуалистические воззрения де-Руа не являются конечно только лесами вокруг опровержения картезианской аргументации в пользу бытия божия, эти воззрения имеют самостоятельную ценность. Борьба с онтологической аргументацией является о д н и м их приложением, но приложением необходимым.

---

[1]) «Explicatio mentis...», thes. XIV.
[2]) «Philosophie naturelle», p. 452.
[3]) Там же, стр. 454.
[4]) «Brevis explicatio...», thes. XIV.
[5]) «Philosophie naturelle», p. 506.

Каким же образом доказывает мыслитель безосновательность убеждения в существовании бога на основании наличия в нас его идеи? В критике онтологического доказательства де-Руа пользуется отличным от Гоббса оружием и, следует признать, более острым. Он не направляет удара в предпосылку онтологического доказательства — в самый факт наличия идеи бога; он, в отличие от Гоббса, принимает его и подвергает атаке те богословские выводы, которые делаются на основании наличия в нас этой идеи. Де-Руа не требует доказательства того, что в нас есть идея бога, он усматривает ложность обновленного и развитого Декартом августиновского доказательства в самой его сердцевине — в заключении от идеи к бытию. «Ведь не все то,— пишет он,— существует, понятие о чем имеется в нас» [1]). Де-Руа является действительным автором того опровержения онтологического доказательства, приоритет на которое обычно ложно приписывается Канту. Такое искажение историко-философской действительности основано на господствующем среди идеалистических историков философии пренебрежении к материалистической мысли и незнании и искажении ее развития, а также на стремлении максимально оправдать разделение истории философии на философию «до Канта» и «от Канта».

Де-Руа следующими словами формулировал основное заблуждение онтологической аргументации: из того, «что в этой идее или понятии бога постигается его необходимое и действительное существование... не следует, что бог также необходимо и действительно существует, но только то, что если он действительно существует, то существует не случайно, но необходимо...» [2]). Не бытие бога следует из наличия его идеи, а наоборот, сама идея истинна лишь в том случае, если бог существует; ибо атрибуты идеи вещи образованы разумом истины лишь постольку, поскольку самая вещь действительно существует [3]). Здесь мыслитель обнажает методологические корни расхождений, противопоставляя теоретико-познавательным посылкам онтологического доказательства об'ективное материалистическое понимание отношения истины к об'ективной реальности.

Но, по замыслу Декарта, свою силу онтологический аргумент приобретает благодаря нашему сознанию своего несовершенства, благодаря большему совершенству и степени реальности, присущим идее бога, по сравнению с нами самими. Де-Руа следует в своей критике за противником до конца, он подвергает анализу и аргументы о степени совершенства. Де-Руа не замечает, правда, что с точки зрения внутренней логики картезианской системы доказательство при помощи принципа причинности является недопустимым и догматичным, так как самый этот принцип должен лишь в будущем при помощи бога приобрести свою познавательную ценность, он не замечает далее, что у Декарта нет и тени доказательства истинности схоластического принципа «степени реальности», но он направляет свои критические удары против утверждения, что идея бога содержит более совершенства, нежели человек, и вследствие этого мы не можем быть ее причиной. Его доводы по данному вопросу тесно смыкаются со всей его материалистической установкой.

«Я признаю, — писал он, — что причина не может произвести действия, превосходящего ее самое...», что «вселенная и бог по своему превосходству выше разума». Но идея вещи не есть сама представляемая вещь, а лишь «образ, представляющий вещь в разуме» [4]). Всякая идея есть продукт способности мышления, порождение деятельности разума, акциденция духа. Разум не может создать вселенную или бога, превосходящие его, но он в состоянии

[1]) «Explicatio mentis...», thes. XV.
[2]) «Brevis explicatio...», thes. XV. Разрядка моя. — Б. Б.
[3]) «Philosophie naturelle», p. 452.
[4]) Там же, стр. 454—56.

образовать какие угодно идеи, в том числе и и д е ю бога. Последняя не совершеннее разума, так как является лишь его акциденцией, произведением. Таким образом разумом нельзя об'яснять б ы т и е бога, но его совершенно достаточно для об'яснения и д е и бога. Здесь перед де-Руа встает вопрос: каким образом об'яснить эмпирически возникновение идеи совершеннейшего существа, так как разум не из себя самого извлекает идею, а отражает в идеях об'ективно существующее. С ответом де-Руа на этот вопрос мы уже знакомы: эта идея — продукт суб'ективной переработки опытных данных. «Будучи в состоянии бесконечно увеличивать совершенства, наблюдаемые в других предметах, и отвлекаясь от их несовершенства, мы можем образовать нашим воображением подобное понятие всесовершеннейшего существа. Так как неверно, что об'ективная, или обозначающая об'екты и представляющая их духу, реальность требует обнаружения причины наших идей, в которой эта же реальность заключалась бы не только об'ективно, но и формально, или эминентно... Так как для образования какой-либо идеи, которою какая-либо вещь представляется или обозначается, ничего другого не требуется кроме того, чтобы дух был наделен подобною способностью мышления или подобною силою образования идей, обозначающих или представляющих вещи, хотя сам дух или нечто другое, отличное от него, что является причиной такой идеи, не имеют сами по себе или от других — совершенств вещи, обозначаемых или представляемых идеей, ни эминентным образом, ни формально. Вследствие этого, посредством соединения, умножения и разделения идей наблюдаемых предметов и других действий воображающего духа, многие образовали в своем духе идеи бесчисленных миров, пандоры, одаренной всяческими совершенствами, абсолютного оратора, совершенного государства и многого другого, хотя бы вещи, обозначенные или представленные этими идеями, никогда не существовали» [1]). Таков ответ Регия, пытающийся сочетать признание большего совершенства разума по сравнению с его идеями с об'ективно-сенсуалистическим пониманием генезиса идей,— ответ целиком и полностью порывающий с кругом принципов, обосновывающих бытие бога на основании атрибутов, характеризующих его идею. Де-Руа не только со всей отчетливостью понимал, что совсем не одно и то же «иметь сто талеров» и «иметь идею ста талеров», он понимал и безосновательность выделения идеи бога, как идеи sui generis, из которой якобы вытекают следствия, не могущие быть выведены изо всякой иной идеи. Идея бога приобретается эмпирически, точно так же как и все остальные; точнее, она — идея воображения. Совершенства в ней отнюдь не более, чем в других идеях: следует различать идею совершенного от совершенства идеи. Будучи идеей совершеннейшего существа, идея бога является крайне несовершенной, неясной, расплывчатой идеей этого существа. Де-Руа разграничивает степень совершенства об'екта, данного в идее, и степень совершенства самой идеи [2]). Идея бога является тем менее совершенной, тем менее адэкватной, чем совершеннее мыслимый в ней об'ект, чем более высокую и отвлеченную степень дистилляции и об'ективной переработки опыта он представляет. Онтологическое доказательство доказывает лишь то, что его сторонники совершают недопустимое смешение «акта разумения представляемой вещи и образа, представляющего вещь в разуме» [3]).

V

Как известно, сенсуализм сам по себе еще не является критерием философского учения. Он сам нуждается в критерии, так как получает совершенно

[1]) «Brevis explicatio...», thes. XV.
[2]) Там же.
[3]) «Phiolosophie naturelle», p. 456.

различный смысл и направленность в зависимости от того, как понимается опыт, ощущение, в зависимости от того, в каком отношении рассматривается опыт к двум полюсам философских систем,— к об'ективной реальности и мыслящему суб'екту. Каков же ответ нашего мыслителя на основной вопрос всякой философии — на вопрос о взаимоотношении бытия и познания, об источнике опыта, о соотношении между восприятием об'екта и об'ектов восприятия? Тем или иным решением этого вопроса необходимо определится и понятие истины и ее критерий.

Де-Руа не является одним из представителей того философского течения, которое, определившись у Декарта, получает полное развитие у Канта, — де-Руа, он был «догматическим» материалистом. Регий находится в решительной оппозиции к дуализму Декарта, который, будучи механистическим материалистом в физике, в области теории познания сделал суб'ект исходным, опорным и центральным пунктом своей системы, приходил к об'екту, отправляясь от суб'екта, достигающему физики, исходя из идеалистической метафизики, движущемуся от сознания к бытию. Для де-Руа суб'ект не является ни отправным пунктом философии, ни ее «архимедовой точкой». Он исходит от об'ективной реальности, от внешнего мира и не выходит за пределы этого мира. Он — об'ективист, натуралист. Бытие, физическая действительность является первичной, основоначальной; суб'ект, создание, познание — производны и вторичны по отношению к об'ективной природе. Де-Руа ставит знак равенства между физикой и философией. «Естественная философия, обычно именуемая физикой и физиологией, есть познание естественных вещей». Никакой другой философии он не признает. Сверхестественное, не относящееся к телесности, не есть об'ект физики, оно — вненаучно. Философская система начинается не с суб'екта, не с теории познания, не с сомнения, а с бессомненного, с об'ективной реальности, с учения «о принципах естественных вещей, их общих свойствах и их различиях», с учения о материи, форме, протяжении, движении.

Физический мир у де-Руа, в противоположность Декарту, с самого начала не задача, не путь, не цель, а данное, изначальное, почва под ногами. И наоборот, теория познания есть финал, итог, вывод. Она вырастает из развития психологии, в свою очередь являющейся этапом учения о человеке и далее о животном. Теория познания находит свое место при изучении высших психических способностей человека, при анализе восприятий и разума. «Уже самое подразделение указывает на глубоко идущие отличия от учителя. Регий помещает впереди материальное, Декарт начинает с психологии...» [1]). Это — полный переворот системы Декарта [2]). И конечно поэтому Декарт сказал, что «Основания физики»—«запутанная книга», так как «то, что помещено в начале, может быть доказано лишь тем, что находится в конце» [3]).

Единственный путь познания — опыт, единственное орудие для приобретения опыта — органы чувств, единственное, что воздействует на органы чувств,—внешний материальный мир. Об'ективная материальная действительность, конечный источник всякого познания, является и единственной реальностью, телесное бытие — единственное бытие. Мы видели в предыдущей главе, что де-Руа с полной четкостью различает представляемую вещь и ее образ в сознании. Представляемая вещь, которая не есть представление вещи, а его внешняя причина, обладает единственно реальным бытием, и «прежде

[1]) D-r M. I. A. de Vrijer. Henricus Regius. Een «cartesiaansch hooglecraar aan de utrechtsche hoogeschool (s'Gravenhage, 1917), blz., 168. Из этой обстоятельной монографии мы заимствуем все новые фактические данные биографии де-Руа.

[2]) Ch. Adam et P. Tannery. Oeuvres de Descartes. v. XI, p. 674.

[3]) Письмо Декарта к принцессе Елизавете от 15/III 1647 г.

чем вещь существует (очевидно, телесно существует, вне духа.—*Б. Б.*), хотя бы мы о ней образовали идею в нашем духе, это — не более чем чистое ничто» [1]). Таким образом для де-Руа как материалиста бытие отнюдь не значит бытие в восприятии, esse для него — не percipi, а corpus esse.

Главы, в которых излагается его психология, в которых настойчиво и многократно описывается физический путь от внешнего мира через человеческую организацию к познанию, со всей непреложностью убеждают в том, что его понимание вопроса об об'ективной реальности было строго материалистическим.

Однако де-Руа, как и все современные ему материалисты, понимавшие примат материальной об'ективности, не стряхнул с себя теологической оболочки. И в его учении мы находим богословский appendix. В отличие от Спинозы, где атеистическое по существу учение дано в пантеистической облицовке, у де-Руа бог не фигурирует под псевдонимом природы, а сохраняется в качестве ненужного (ненужного с точки зрения внутренней логики учения, но необходимого в социально-идеологической обстановке XVII века) привеска. Бог есть конечная причина сотворения мира. Мы, правда, можем встретить у де-Руа оборот «universum vel deus» [2]), но он тотчас же уступает «universi et dei». Но после данного богом первого толчка непосредственной действующей причиной развития мира является бурное движение материи [3]). И этого движения материи в научных теориях де-Руа совершенно достаточно для об'яснения всех физических процессов.

Материалистическая позиция в вопросе об отношении бытия и мышления предопределяет и материалистическое понятие истины как согласия представлений с об'ективной действительностью и задачей науки делает приведение наших представлений к такому согласию, по крайней мере возможное приближение к нему. Рассматривая критику де-Руа онтологического доказательства, мы видели, что именно таково его понимание истины. Он считает недопустимым утверждение, что идея заключает в себе существование, так как, напротив, идея верна лишь постольку, поскольку отражает действительную вещь, существующую самое по себе. Здесь диаметральная противоположность его воззрений идеализму выражается со всей ясностью: идея не самодостаточна для того, чтобы определиться как истина, свою истинность она приобретает в зависимости от отношения к об'екту. Идея нуждается в санкции об'ективности, чтобы быть истинной идеей.

Но возможно ли истинное познание, осуществимо ли согласие идей с действительностью, познаваем ли внешний мир таким, каков он в реальности? Этой проблеме, столь занимавшей Декарта, уделяет значительное внимание и Регий

Говоря об идее совершеннейшего существа, мы видели, что разум может обладать несовершенными и неадэкватными идеями об'ектов и, во-вторых (что в данной связи особенно важно), что не все его идеи являются истинными, так как он способен образовать воображаемые, ложные идеи. Но если так, если дух может находиться во власти воображаемых вещей, то «возникает сомнение, воспринимаем и осмысливаем ли мы духом истинные или неистинные вещи» [4]). Далее, движения тел «могут, как показывает нам опыт с очевидностью, вызвать в духе различных людей с разными темпераментами различные восприятия и различные суждения, вследствие чего эти люди имеют различные мысли». Строго механическое понимание природы побуждает де-Руа делать различие между движениями тел, являющимися действительной и

[1]) «Philosophie naturelle», p. 453.
[2]) «Brevis explicatio...», thes. XV.
[3]) «Philosophie naturelle», p. 89.
[4]) Там же, стр. 441, Ср. «Brevis explicatio...», thes. IX.

единственной причиной восприятий, и «неясными качествами», воспринимаемыми нами вместо движения. Таким образом «обозначения или представления» вещей отнюдь не являются их копиями в духе. Между движениями об'ектов и вызываемыми ими идеями нет полного согласия, а лишь (в силу того, что идеи приобретаются от об'ектов) некоторое смутное подобие».

«В духе производятся различными действиями об'ектов, действующих различным образом сообразно различным их движениям, идеи, которые часто вовсе не имеют отчетливого сходства с об'ектами» [1]).

На почве всех этих сомнений вырастает «естественный пирронизм» де-Руа [2]). «И так велико это сомнение в безусловной достоверности, что делает возможными в душах правильно философствующих противоположные предположения даже в самом очевидном...» [3]). Это сомнение распространяется даже на логические и математические аксиомы. «Так как мы не знаем с достоверностью ни всего, ни части, ни круга, ни центра, ни треугольника, ни сущности, ни существования... и познание всех этих вещей зависит лишь от правдоподобия наблюдаемого чувствами, то очевидно, что мы никогда не можем говорить о достоверном и бессомненном» [4]). Более того, «так как дух испытывает одинаково воздействие как воображаемых, так и истинных вещей, то естественно подлежит сомнению, воспринимаются ли действительно нами какие-либо тела» [5]).

С достоверностью мы знаем лишь «мышление и видимость вещей» [6]) — таков скептический вывод, вытекающий из приведенных соображений.

Из этих скептических мотивов рождается учение о двух родах достоверности: безусловной, аподиктичной, и вероятной, или моральной [7]). Наука знает лишь второй вид достоверности, она имеет дело не с абсолютной истиной, а с правдоподобным, не с бессомненным, а с вероятным. Безусловная достоверность—вне возможностей науки. Она дается лишь божественным откровением. Введением этой последней достоверности де-Руа предохраняет себя от обвинений в неверии и скептицизме по отношению к «священному» писанию. Но для себя, для философии, он оставляет лишь вероятность. При этом он полагает, что ее вполне достаточно «для управления всеми человеческими делами. Для них ничего иного не требуется, кроме моральной, или вероятной, истины или достоверности познания, как этому учит сам опыт» [8]).

Несомненно некоторые мысли, высказываемые де-Руа по вопросу о познаваемости, обнаруживают влияние Декарта, отдельные формулировки воспроизводят мотивы картезианского dubitatio. Тем не менее ход мыслей и выводы в обоих случаях совершенно различны. Заимствуя, часто в ущерб стройности своего учения, отдельные картезианские формулировки (напр. о достоверности души), де-Руа переключает их в концепцию, не только отличную от картезианского сомнения, но стоящую к нему в явной оппозиции. Картезианское сомнение представляет собою обходный маневр против эмпиризма. Этот маневр ставит целью утверждение идеалистической методологии и суб'ективно-рационалистической теории познания. Его выводы лишены скептицизма. Скептицизм же де-Руа, наоборот, вырастает в борьбе против рационализма Декарта, против врожденных идей, против абсолютной доста-

---

[1]) «Brevis explicatio...», thes. XII.
[2]) «Philosophie naturelle», p. 445.
[3]) «Brevis explicatio...», thes. IX.
[4]) «Philosophie naturelle», p. 444.
[5]) «Brevis explicatio...», l. c.
[6]) «Philosophie naturelle», l. c.
[7]) «Brevis explicatio...», l. c
[8]) Там же.

точности критерия ясности и отчетливости. Он не приходит, подобно Декарту, к полному преодолению скепсиса, но наибольшая правдоподобность, по мнению де-Руа, достижима лишь путем умножения и расширения опыта. «Clare et distincte» не является критерием безусловной истины. «Если нам многие восприятия или многие суждения представляются весьма очевидными, это лишь довод за их вероятность, а не за окончательную достоверность» [1]). Хотя ясность и отчетливость и являются необходимым условием истины суждения, но они недостаточны, они не обеспечивают полной достоверности. «Наш дух судит лишь по видимости, когда мы достаточно ясно поняли предмет и достаточно его исследовали». Мы видели уже на опровержении онтологического аргумента, что рационалистический критерий истины Регием отвергается. В пределах правдоподобия, не выходя за границы вероятности, высшим критерием он считает показания органов чувств, опыт. Выводы, сделанные правильно на основании свидетельства чувств, заслуживают наибольшего доверия. Мы должны удовлетвориться нашими основанными на видимости суждениями до тех пор, пока опыт не докажет нам обратного...» «Легко понять, сколь прочного и надежного доверия заслуживают наши приобретенные из опыта суждения, полученные чувствами, наблюдением вещей и традицией. Несомненно лишь, по моему мнению, что нельзя будет извинить тех, которые в будущем посмеют отнять у кого-либо доверие к ним и к делаемым из них выводам» [2]). De Vrijer справедливо замечает в данной связи: «Хотя слова звучат тождественно, но как далеки мы здесь от «ясного и отчетливого восприятия» Декарта» [3]).

Но в учении Декарта критерий ясности и отчетливости также не является сам по себе абсолютным гарантом истинности. Он становится таковым, опираясь на совершенство бога, который не может быть обманщиком. «Deus deceptor» поколебал бы достоверность рационалистического критерия истины, пошатнул бы устои преодоления сомнения. Де-Руа — этот весьма своеобразный «картезианец» — не останавливается перед тем, чтобы выступить и против этого картезианского принципа. Он утверждает, что совершенный бог может обманывать, и потому не противоречит нашей вере в совершенство бога, «если то, что нами воспринимается, было бы не истинными телами, а только воображаемыми предметами» [4]). Бог может обманывать не в ущерб своему совершенству, подобно тому, как обманом пользуются врачи и отцы семейств,—благодетельно или в наказание. Таким образом и последний оплот достоверности, прокламируемый Декартом, не приемлется де-Руа. Его скептицизм оказывается более устойчивым и не преодолим идеалистически-рационалистическими доводами. Механистическое понимание природы утверждает отличие восприятий от об'ектов, отрицание врожденных идей выявляет наличие образов воображения, борьба с идеалистически-рационалистической методологией Декарта подтачивает прочность критерия ясности и отчетливости, допущение возможности обмана богом усугубляет сомнения. Опыт остается среди этих волн сомнения единственным убежищем познания, но и он не дает полной истины, а лишь приближение к ней, правдоподобие [5]).

---

[1]) «Philosophie naturelle», p. 441.
[2]) «Brevis explicatio...», thes. IX.
[3]) M. I. A. de Vrijer. Op. cit., blz. 193.
[4]) «Brevis explicatio...», l. c.
[5]) Между учением о заблуждении обоих мыслителей, кроме сказанного в тексте, имеется еще одно различие. Де-Руа, как и Декарт, считает, что ощущения сами по себе не обманывают «при полноте условий» («Phil. nat.», p. 505), а заблуждение коренится в легкомысленности и несовершенстве суждений (там же, стр. 443). Но в отличие от Декарта, считающего суждение проявлением свободной воли и на этом основании пытающегося снять с бога ответственность за наши

Де-Руа не сумел побороть стихию сомнений. Сумев вызвать их к жизни, он не в состоянии был овладеть ими. В его учении осталась трещина между «правдоподобием» и «необходимой сущностью» [1]). Ссылка на откровение и богоподобие человека [2]) не может быть принята как серьезное решение и научное убеждение. Созерцательный материализм де-Руа не в силах справиться с проблемой. Он не делает выводов, напрашивающихся из его системы, согласно которой познание—лишь часть природы, подчиненная единым с ней законам. Он не извлекает необходимых уроков из своего утверждения, что выводы опытной науки оказываются вполне пригодными в человеческой практике. Он в метафизическом бессилии останавливается перед противоречием между абсолютной истиной и ограниченностью, относительностью человеческого познания. Его материализм оказывается недостаточно совершенным для преодоления скепсиса, его методология неспособна разрешить сомнение на единственно приемлемой для него материалистической почве, он не в силах решить проблему единства относительной и об'ективной истины и обнаружить достаточно надежный критерий об'ективной истины.

При всей своей дефективности это учение, не надо забывать, направлено против картезианского решения проблемы. Оно отвергает идеалистическое преодоление скептицизма, не будучи в силах дать свое. Более того, когда вчитываешься в рассуждения нашего мыслителя, самый скепсис иной раз неожиданно поворачивается к вам своей прогрессивной стороной, неожиданно обнаруживает свою научно-революционную сущность. Так например на вершине скепсиса, в бесплодном богословском рассуждении о «боге-обманщике», неожиданно сверкает луч, освещающий сокровенный смысл рассуждения. «Так например, — поясняет де-Руа, — бог не есть уже обманщик от того, что делает так, что из-за вращения земли, вращающейся вокруг своей оси, солнце по видимости всходит и заходит, вследствие чего очень многие, обманывающие себя ложным суждением, приписывают солнцу истинное движение восхода и заката, а земле — истинный, а не видимый покой» [3]). Разрушение слепого доверия к восприятиям и признание законности сомнений оказываются методологическими лесами вокруг прогрессивных научных идей, они своим острием направлены против очевидных, общепринятых, наивных и ложных убеждений.

Можем ли мы однако согласиться с тем, что «Регий — прототип агностика, отвергающего метафизику» [4]), что он должен занять место в ряду предшественников позитивизма [5]), а не среди первых материалистов нового времени? Нет, не можем, это было бы искажением историко-философской перспективы, извращенным пониманием смысла его учения.

В отличие от идеалистических современников великих материалистов прошлого, которые bona fide, как умели, боролись с враждебными учениями, стараясь изо всех сил искоренить безбожные и «враждебные обществу» теории, и от простодушных историков философии, не скрывавших своей ненависти к материалистам, с некоторых пор у идеалистических историков философии завелась новая тактика. Они отрицают материализм всякого сколько-нибудь выдающегося философа, они пытаются убедить, что все значительные

заблуждения. де-Руа считает суждение делом не воли, а рассудка (там же, стр. 510, «Br. expl.», thes. IX) и таким образом лишает и в данном случае разум безупречности, приписываемой ему Декартом.

[1]) Там же
[2]) «Explicatio mentis», thes. IX; «Philosophie naturelle», p. 442.
[3]) «Brevis explicatio...», l. c.
[4]) De Vrijer. Op. cit., blz. 107.
[5]) Там же, стр. 200.

мыслители, все, оставившие след в истории философии, все, чьи теории вошли необходимым оружием в арсенал науки, — что среди них не было материалистов. Материализм при этом изображается вульгарным, плоским воззрением, представители которого окрашиваются в единый серый тон. И всякий мыслитель, который не разделяет т а к о г о — вульгарного и бесцветного — материализма, который в ту или иную сторону отклоняется в своих воззрениях от созданного идеалистической философией дубоватого трафарета, материалистического «жупела», — тот всеми правдами и неправдами выдается за предтечу одной из разновидностей идеализма. Этим путем превращения материалистов в идеалистов воспитывается убеждение в бесплодности материализма в истории науки, в том, что материализм не имеет истории развития, что это мировоззрение—удел лишенных остроты мысли вульгаризаторов науки. При помощи подобной фальсификации стараются «уничтожить» богатую историю материалистической мысли, полную блеска индивидуальностей, яркости разновидностей, жизни, движения, борьбы и прогресса. Все те доказанные последующей историей знания, достижения, которыми наука обязана материализму, новейшая лже-история философии стремится впрячь в колесницу идеализма. Демокрит превращается в предшественника Лейбница, Абдеры становятся родиной монадологии (Кассирер), Брошар отрицает материализм Бэкона, Томаса Гоббса пыжатся подстрич под кантианскую гребенку (Наторп, Кассирер, Хёнигсвальд), Дидро либо маскируется под скептика-позитивиста (фон-Роретц, Эвальд), либо гримируется под виталиста (Жанэ), Фейербах выдается за позитивиста (Иодль, Равидович), даже Маркс исключается из числа материалистов (М. Адлер). Звание материалистов сохраняется только за Бюхнером и Молешоттом.

Стоило буржуазной истории философии заняться де-Руа (только через двести с лишком лет буржуазии удостоила первой монографии с в о е г о мыслителя), как он немедленно превращается в агностика-позитивиста. При этом по-своему добросовестный биограф Регия руководствуется безусловно благим желанием сказать лестное о философе, ввести его в «приличное философское общество». Вынужденный добросовестным ознакомлением с воззрениями де-Руа признавать его материалистом, он оговаривается, что имеет в виду материализм «не в вульгарном смысле» [1]), а... как род кантизма [2]).

Регий признавал существование внешнего мира. Этот мир он понимал, как телесный, материальный мир. Он был защитником первичности материи, физического, об'ективного. Его механистическое понимание природы выводило по ту сторону суб'екта. Истину он понимал как согласие идей с внешним миром, т. е. «метафизически». Суждение истинно, когда, «поняв ясно и отчетливо и исследовав со всем возможным старанием, мы судим, следуя разуму, и когда оно нам кажется с о г л а с н ы м с р а с с м а т р и в а м ы м о б ' е к т о м...» [3]). И и в соответствии с таким пониманием истины он расценивает задачи и возможности познания. Наука не отстраняет «метафизических» задач, не отказывается от постижения об'ективной действительности, не замыкается в суб'ективности, не становится «имманентной», а напротив, степень «правдоподобия», вероятности определяется в зависимости от согласия с об'ективностью, а достижение все большего правдоподобия является руководящей целью философии.

---

[1]) De Vrijer, Op. cit., blz., 199.

[2]) Впрочем, у de Vrijer нет на этот счет вполне определенной позиции. Рассматривая в одних случаях де-Руа как позитивиста, он в других говорит о нем как о предшественнике Бюхнера и Геккеля (там же, стр. 83), в третьих—Спинозы и Канта (стр. 180).

[3]) «Philosophie naturelle», p. 511. Разрядка моя.—**Б. Б.**

Де-Руа не только был «метафизиком» в этом смысле, причем его «метафизика» была материалистической, но он был им вдвойне. И именно потому, что он был метафизическим (в марксистском значении слова) материалистом, его теория познания не в силах справиться с поднятыми им сомнениями. Его материализм, не будучи в состоянии возвыситься до понимания познания как деятельности, не постигает значения человеческой практики как критерия об'ективности познания. Несовершенный метафизический материализм не может разрешить антиномии об'ективности и относительности познания, понять единство сущности и явления. Де-Руа не справился с задачей не потому, что он не материалист, а потому, что он, ограниченный уровнем знаний современной ему эпохи, представляет определенную — ограниченную, несовершенную — форму материализма. И в этом де-Руа не одинок среди материалистов-метафизиков. Этот порок он разделяет вместе с целым рядом не только современных ему, но и последующих метафизических материалистов.

Де-Руа, как и материалисты XVIII века, отнюдь не был агностиком-позитивистом. Он был материалистом. Но его созерцательно-метафизический материализм ставил его втупик перед проблемой познаваемости. Его скепсис доказывает не его нематериализм, а лишь ограниченность представляемой де-Руа формы материализма. Своим глубоко принципиальным замечанием об ошибке А. М. Деборина, не понявшем противоположности «скептических» мотивов у французских материалистов идеалистическому агностицизму Канта, Ленин указывает единственно правильное решение занимающей нас проблемы. Как ни далека теория познания де-Руа от правильного диалектически-материалистического решения вопроса об относительности познания, она тем не менее принадлежит к материалистической линии в философии и противостоит бесплодной позитивистской «неметафизичности».

VI

Материализм де-Руа родился в неразрывной связи с естествознанием нового времени. Его философия представляет собою попытку создания учения, адэкватного требованиям новой космографии, физики и биологии, развившихся на почве новых, капиталистических форм хозяйства. Его методология есть теоретическое обобщение, сделанное на основе современных ему великих естественно-научных учений, и выражает «дух» этих учений, пламенным пропагандистом и смелым защитником которых был Регий. Несмотря на неоспоримую зависимость его физических воззрений от Декарта, несмотря на то, что его физика и физиология были ортодоксально-картезианскими, учение Регия все же отнюдь не тождественно с учением Декарта. Философия Декарта, также выросшая из новых учений о природе, по самому существу своему является философией компромисса. Его теория познания представляет собою попытку примирить переворот в естествознании с идеализмом, дать идеалистическое обоснование материалистическому по своей действительной методологической природе новому естествознанию. Его система представляет собой опыт возведения идеалистического мышления на новую ступень, ассимилирующую великие достижения новой науки. Он, развивая в своей физике новую науку, своей метафизикой старается «обезвредить» ее от материалистических выводов. Де-Руа же делает из естествознания XVII века механически-материалистические выводы, т. е. действительно соответствующие уровню этого естествознания. Порывая с идеализмом, он делает выводы, требуемые самим современным ему естествознанием. Для осуществления своей задачи Декарт точкой отправления берет методологию рационалистической математики, де-Руа же исходит из

опытной физики, физиологии и медицины. Но и в его учении имеются элементы компромисса.

Несмотря на личную связь де-Руа с Декартом, несмотря на несомненное влияние на него последнего, несмотря на то, что он был ревностным адептом картезианской физики и «первым мучеником за картезианство» [1]), его учение должно быть признано конгениальным учению не Декарта, а другого великого его современника — Томаса Гоббса. Враждебность перипатетической физике и последовательное проведение механистического понимания природы являются тем, что было общего в учении всех трех названных мыслителей. По своему математическому рационализму Гоббс даже ближе к Декарту, нежели де-Руа. Но,—и это-то сближает Гоббса и Регия и противопоставляет их Декарту,—рационалистические, механистические воззрения сочетаются у них с сенсуализмом, причем сочетаются на почве материализма. Философские учения Гоббса и де-Руа, при всем их различии, являются двумя вариантами развития материализма Бэкона и Гассенди. Это развитие в обоих случаях заключается в ассимиляции материализмом нового механического понимания природы. При этом ни тот, ни другой не сумели создать совершенный, глубокий синтез эмпиризма с рационализмом. Гоббс осознал эту задачу и пытался разрешить ее в учении об именах, о словах. У де-Руа же мы не находим теоретически осознанного стремления достигнуть большей прочности сочетания эмпирического учения о познании с рационализмом механистического понимания природы. Концептуализм де-Руа дает новые по сравнению с номинализмом Гоббса возможности для установления связи эмпирического и рационалистического элемента, но де-Руа ими не воспользовался. В отличие от Гоббса, отправляющегося от эмпиризма и переходящего к рационализму механической теории, де-Руа исходит непосредственно из механического понимания природы. Включение эмпиризма совершается в философии де-Руа при переходе от учения о природе к учению о человеке и его ощущениях, ибо «наш разум постигает различные идеи в зависимости от различия движений, которые воздействуют на органы» [2]).

О Бэконе напоминают в учении де-Руа его взгляды на форму и материю. Учение Бэкона о формах никоим образом не является сохранением аристотелевской теории. Формы Бэкона отнюдь не представляют собой нечто имматериальное, источник жизни и движения инертной материи. Субстанциональным формам перипатетиков Бэкон враждебен не менее, чем механисты [3]). Де-Руа в такой же мере бэконианец, как и картезианец, когда отвергает субстанциональные формы, скрытые качества и сущности. А он отвергает их решительно, открыто и настойчиво с самого начала своей научной деятельности. «...Можно вполне отбросить эти субстанциональные формы, которые считаются субстанциями или составляющими часть субстанции естественных вещей (êtres) ... которые считаются наконец причинами всех акциденций и всех свойств, хотя в то же время их считают непознаваемыми и необ'ясними» [4]). В своем отрицательном отношении к перипатетической физике он отличается от Декарта лишь тем, что свободен от оппортунизма последнего. Уже в письме, написанном в самом начале борьбы с Воэцием (24 января 1642 г.), Декарт поучал де-Руа: «К чему открыто отвергать субстанциональные формы и реальные качества? Вы можете припомнить, что в моих «Метеорах»... я в четких выражениях говорил, что я вовсе их не отвергаю и не

[1]) A. Baillet, цит. соч., стр. 271.
[2]) «Philosophie naturelle», p. 459.
[3]) Об этом см. в моей статье «Бэкон и его место в истории философии» («ПЗМ» № 6 за 1931 г., стр. 83, 84, 89 и сл.).
[4]) Об этом см. в моей статье «Бэкон и его место в истории философии» («ПЗМ» № 6 за 1931 г., стр. 59)

отрицаю, но только не считаю их необходимыми для об'яснения моих взглядов. Если бы Вы придерживались такого поведения и т. д...»

Что же представляют собой «формы», признаваемые де-Руа, и каким образом их признание совмещается с борьбой против схоластических воззрений? «Материя естественных вещей есть природа, существующая в вещах, рассматриваемая просто и вообще: то, что иные называют — тело, как тело» [1]). Это — «математическая материя». А «форма естественных вещей есть образующая естественные вещи их природа (la nature de laquelle elles sont composées), благодаря которой они отличаются от остальных». Они — активный источник многообразия вселенной. Таким образом под формами де-Рура, как и Бэкон, разумеет качество вещей, определенность их бытия. Каким же образом сочетается в его учении такое понимание форм с механическим мировоззрением, требующим абсолютного тождества материи? Нужно, писал он, бросить первоматерию вульгарной философии, так как «невозможно понять, как эта материя, сама или в соединении с другими вещами, которые не суть тела, может образовать естественное тело, ибо ничто не может дать другому то, чего оно не имеет само ни в действительности, ни в возможности, как говорят» [2]). Но отвергая дуалистическую философию, он признает самодостаточную, деятельную, но все же абсолютно гомогенную материю механистов. По его мнению «имеется лишь единственная и тождественная материя всех вещей. Каждая вещь может стать иною, какой бы она ни была, лишь бы действующая причина имела достаточно силы для зведения формы в материю, так как все естественные вещи... отличаются между собою только движением, покоем, фигурой и положением». Понятие «всеобщей или материальной формы» заключает, согласно де-Руа, лишь движение, покой, фигуру, положение и величину. Таким образом бэконовские формы в учении де-Руа уже растворяются в механических принципах и на последующее развитие конкретных отделов физики и физиологии не оказывают никакого влияния. Там «... mensura, quies, motus, positura, figura sunt, cum materia, cunctarum exordia rerum».

Бэкон в схоластическое слово «формы» вложил новое содержание. Де-Руа принял «формы» в бэконовском смысле лишь на словах. «Формы» у него становятся всеобщими и неизменными, это—универсальные свойства тождественной материи, отличающиеся в различных естественных вещах только количественно, геометрически-механически. Таким образом своим противопоставлением оформленной материи математической материи он отмежевывается от дуализма, но отнюдь не возвышается над механическим пониманием материи. Наряду со «всеобщей формой» де-Руа вводит «частную форму», не могущую быть сведенной к движению и фигуре, но он допускает лишь единственное ее применение — в человеческой душе», т. е. там, где кончается его механицизм. Но «форма» как качественная определенность может быть только «частной». Вот почему, несмотря на прокламирование форм, учение де-Руа о природе остается строго механическим. Материальные «формы», сохранившиеся у де-Руа, отнюдь не занимают в его учении того положения, каким характеризуется их место в своеобразных аналитически-материалистических воззрениях Бэкона. Они, подобно тени, проскальзывают в учении Регия, не задевая его. Здесь снова сказывается то место, которое занимает де-Руа в истории материализма, — промежуточное положение между Бэконом и Гассенди, с одной стороны, и Гоббсом — с другой. У последнего уже нет и тени бэконианских форм.

В остальных вопросах физика Регия последовательно придерживается метафизического механического материализма. Сущность тела—в протяжен-

[1]) «Philosophie naturelle», p. 3.
[2]) Там же, стр. 59. Разрядка моя. — Б. Б.

ности. Протяженность и есть телесность. Все вещи возникают из материи путем простого перемещения ее частей. Единственное движение—перемещение, все остальные сводятся к нему. Покой, положение, форма (figura) и величина частей достаточны для об'яснения всего сущего [1]). Происхождение есть соответствующее расположение частей. Тепло, влажность и другие качества суть перемещение неощущаемых частиц. Живые существа, так же как и остальные, подчинены закону сохранения движения. Живые тела характеризуются той особенностью, что их беспрерывно расточающаяся субстанция восстанавливается благодаря питательным сокам, приготовляемым в теле. Принципом, обуславливающим все жизненные акты, является присущий живым телам естественный жар, производимый сердцем, который есть не что иное, как огонь без света. Распределение питательных соков, благодаря которому сохраняется тело, и есть то, что называется жизнью. Ощущение и движение, присущее животным телам, об'ясняются также механически. Животные уподобляются автоматам. Все акты их об'ясняются движением крови и животных духов, расположением пор и клапанов. Как и у Гоббса и Декарта, широко применяется открытие Гарвея и сохраняются, играя большую роль в физиологии, галеновские «животные духи», которые являются «главным инструментом почти при всех функциях, так как без духов тело никоим образом не действует». Духи эти понимаются как «жидкие части, состоящие из тончайших паров крови», идущие от сердца к мозгу и служащие механическим двигателем. Ими расширяется мозг и нервы подобно тому, «как бурный ветер раздувает все снасти судна». Животные движения в результате такого понимания весьма напоминают движения автоматов или машин, гидравлических или движимых посредством ветра. Вот пример того, как об'ясняет де-Руа явления из области высшей нервной деятельности: «Когда собаке холодно и она замечает вдали огонь на кухне, этот об'ект отрывает поры ее мозга, располагая их по направлению к мускулам ног, побуждающих ее бежать к этому огню...» Перед нами предшественник... Леба.

Не менее четко явствует метафизически-механическая форма материализма де-Руа, если обратиться к рассмотрению понимания им всеобщей закономерности, господствующей в природе. Исходя из того принципа, что всеобщее свойство природы — покой при отсутствии внешних влияний, так как нет в природе ничего противоречащего самому себе. Регий неоднократно подчеркивает постоянство и неизменность законов природы. В понимании случайности он полностью предвосхищает «самоновейшие» воззрения «наших» механистов: «Люди допускают случай или судьбу лишь потому, что не знают связи вещей. Судьба — неожиданное стечение причин, необходимых для произведения действий. Таким образом все естественные вещи суть необходимо то, что они суть по отношению к причинам, действующим тем или иным образом, хотя часто их называют, или их можно называть, случайными по отношению к человеку, который не обнаруживает стечения причин производящих их или действующих совместно с ними» (разрядка моя. — *Б. Б.*).

Регий по праву должен войти в историю философии как представитель метафизического механического материализма.

VII

Прежде чем заняться психо-физическим учением де-Руа, рассмотрим, каково в его мировоззрении соотношение науки и религии, каково в системе нашего ревностного пропагандиста и продолжателя великих научных открытий XVI — XVII веков соотношение веры и знания, разума и откровения.

[1]) Де-Руа добавляет: «исключая разум», но об этом речь будет ниже.

Де-Руа неоднократно твердит «верую, господи», неоднократно выражает свое почтение к «священному» писанию и осторожно обходит религиозные догматы. Он признает бытие бога, отдает ему должную словесную дань в своих произведениях, проявляет необходимый пиэтет к христианским догмам и почтительно склоняется перед божественным откровением. И тем не менее недаром его противники обвинили Регия в подрыве христианских устоев, инкриминировали ему атеизм, вопреки его формальной лойяльности. Де-Руа не был вполне последовательным материалистом, он не отшвырнул от себя неизбежный для его эпохи и класса религиозный привесок. Но под религиозной оболочкой в его системе бьется живая научная мысль, острием своим направленная против религиозных традиций. Он со смиренным видом доброго христианина подкапывается под корни религии, подрывает ее догмы. Безразлично, каково было его суб'ективное отношение к своей непоследовательности, — верил ли он в совместимость его учения с признанием бога или он сознательно маскировал свое учение в обязательную для XVII века форму, — по своему об'ективному смыслу философия де-Руа, несмотря на этот привесок, была прогрессивным этапом на пути освобождения научной мысли от богословского ига.

Само по себе отвержение де-Руа картезианского онтологического доказательства бытия божия, еще не может служить доказательством его оппозиции к богословию. Противники Декарта справа, теологи-воэцианцы, с не меньшей решительностью отвергли картезианскую аргументацию [1]), но они при этом руководствовались стремлением оградить традиционное, принятое церковью «космологическое» доказательство. Это обстоятельство позволило де-Руа со всей откровенностью развернуть свою аргументацию против картезианской теологии. Мотивы его при этом диаметрально противоположны целям приверженцев Воэция. Если смыслом выступлений последних было доказательство достаточности докартезианской теологии, то де-Руа вскрывал недостаточность даже и более совершенной картезианской рациональной теологии. Но на опровержении предложенного Декартом доказательства кончались «легальные возможности» де-Руа. Он отвергает доказательства, но сохраняет подлежащее доказательству. Символ веры должен остаться неприкосновенным. Задача материалиста XVII века, поскольку он не смел и не мог сделать по отношению к религии последовательных материалистических выводов, заключалась в том, чтобы, сохранив бога, обезвредить от него научное мышление, обеспечить независимое от религии развитие знания.

Отношение науки и религии в философии де-Руа представляет собою вариант учения о двойственной истине. В своей исторической диалектике учение о двойственной истине служило выражением двух противоположных тенденций: оно было либо охранительным движением богословия, спасавшего все, что можно было спасти, от наступления научной мысли, либо наоборот, выражало ступень в развитии науки, закреплявшей достигнутые завоевания и ограждавшей их от богословия. Оба эти случая являются выражением компромисса, договора о взаимном невмешательстве, но компромисса на различной основе и с различной направленностью своего содержания, с различными тенденциями.

Характерной чертой взглядов де-Руа, роднящей его с Бэконом, является стремление изгнать религию из области научного познания, сделать ее внешней и безвредной по отношению к науке. Он во всех случаях старается следовать логике опыта и разума, закрепляя достигаемые на этом пути истины, как бы к ним ни относилась религия и какие бы последствия они ни влекли по

[1]) См. об этом у de Vrijer, цит. соч., стр. 197—198.

отношению к религии. Де-Руа, признавая бога, не только не нуждается в нем в своих научных построениях и исканиях, но и не считается с ним. Он, сознавая непримиримость показаний опыта со словом божьим, тем не менее следует до конца требованиям научной методологии, доводя до предельного обострения несовместимость знания и веры. Он не скрывает этого противоречия, а разоблачает его. Он никогда не отрицает бытия божия, но не знает доказательств его. Он благоговейно склоняется перед словом божьим, но изгоняет бога из теории познания. Он во всех случаях стремится, не сдав ни одной научной позиции, не поступившись ни единым естественно-научным открытием, обойти при этом религию. И чем больше религиозных заблуждений он растаптывает на пути, тем более он при этом извиняется и заверяет церковь в своих лучших чувствах. Так, ценой теологической непоследовательности де-Руа стремится оградить свои научные воззрения.

Наиболее четким выражением учения о двойственной истине в философии де-Руа является упоминавшееся нами его признание аподиктической истины, противополагаемой истине вероятной или моральной. Нам задана вероятная истина, священным же писанием дана безусловная. Но наука — уже не служанка теологии. Ее функция — уже не в рациональной интерпретации иррационального откровения. Наука идет своим автономным путем. Регием не дан рациональный modus vivendi между религией и наукой. Ведь если истина действительно уже дана в откровении, то остаются неоправданными научные искания, ревнителем которых был де-Руа, искания, не ориентирующиеся на откровение и не отправляющиеся от него. У де-Руа выражены одновременно два непримиримых принципа: признание необходимости сожительства веры и знания и убеждение в их несовместимости. Абсолютная истина религии совершенно оторвана от относительной истины науки. Она служит не пределом, зенитом ее, а ее границей, тупиком. Божественное откровение и священное писание противостоят познанию вещей соответственно их природе [1]), а не венчают это познание. Он верит, хотя это неразумно, и он продолжает познавать, хотя это противоречит вере. Религиозные убеждения нельзя отвергать, хотя и нет оснований их признавать. Такова дань, отдаваемая в его учении богословию.

На двух важнейших научных проблемах с особенной отчетливостью обнаруживается истинный смысл учения де-Руа о двойственной истине: на проблеме вращения земли и на психо-физической проблеме. Как поступает де-Руа, когда перед ним встает необходимость согласовать учение Коперника с несовместимыми с ним библейскими текстами? Как поступает он в этом случае, где знание и откровение сталкиваются лицом к лицу? Де-Руа не подвергает сомнению «вероятную достоверность» знания перед светом «абсолютной истины» откровения. Его научное убеждение ни в малой мере не колеблется. Он ни на иоту не ослабляет уверенности в истинности учения о вращении земли. Он идет не по линии приспособления знания к требованиям писания, а напротив, оставаясь непоколебимо на почве науки, он старается приспособить тексты писания к ее потребностям. В своей брошюре «Conciliatio locorum s. scripturae cum diurn et anhua telluris circumrotatione [2]), в «Физике», «Естественной философии» и в ответе на возражения Декарта он истолковывает библейские тексты как якобы не выражающие истинное воззрение, а пользующиеся популярными, обычными, фигуральными оборотами речи, согласно видимости, а не действительности, метафорически. При всем сходстве позиции де-Руа по этому вопросу с позицией Декарта он не делает даже той уступки, которую сделал Декарт в «Принципах филосо-

[1]) «Explicatio mentis», thes. IV et IX.
[2]) Trajecti ad Rhenum, 1658.

фии», жонглируя понятием движения и ослабляя противоречие религии усиленным подчеркиванием гипотетичности теории вращения земли («Я не претендую вовсе на то, чтобы она была принята как вполне соответствующая истине, а лишь как гипотеза или предположение, могущее быть ложным» [1]). Де-Руа, в отличие от Декарта, считает эту систему «единственной истиной» [2]). Компромисс, заключаемый в учении нашего философа между верой и знанием, отнюдь не отдает знания на полный произвол веры.

Чрезвычайно интересно противопоставление знания и откровения в связи с рассмотрением психо-физической проблемы в «Плакате». Здесь рядом друг с другом и вперемежку излагаются исключающие одно другое научные и религиозные воззрения. Их антитетичность предельно обнажается. С одной стороны, развертывается цепь доводов в пользу модальности или атрибутивности духа, с другой — ей сопутствует покорное повторение догматов о субстанциональности духа. Регий здесь преклоняется перед авторитетом иррационального «священного» писания с тем, чтобы... в дальнейшем научном исследовании развивать принципы, отвергаемые писанием. Таким образом под покровом правоверности он вскрывает иррациональность идеалистической концепции и выявляет, что религия — антипод науки. Но обнаружив, что религия — противник науки, он тем самым превращает науку в оружие против религии.

Метафизика Декарта выражает собою компромисс с религией, основанный на честной взаимности. Между союзниками устанавливается органическая связь. Бог подкрепляет истинность науки, а наука охраняет истинность бога. У де-Руа союз по видимости сохраняется, но органическая внутренняя связь разрывается. Наука и религия не нуждаются друг в друге, а служат помехой одна другой. Этот вариант двойственной истины знаменует канун разложения учения о двойственной истине. Де-Руа еще не поднялся до уровня Спинозы, он еще не атеист, он не достиг даже и той ступени независимости от религии, которая характеризует учения Гоббса с его утилитарно-социальной функцией бога. Он стоит ближе к учению Бэкона и Гассенди, сохраняя теологическую непоследовательность. Но его материализм созрел настолько, что ему явно тесно под одной крышей с верой, он таит в себе недвусмысленные агрессивные тенденции.

VIII

За два года до отречения Галилея, 10 ноября 1631 года, перед консисторией в Амстердаме предстал де-Руа, бывший в то время в Нардене ректором Латинской школы. Он должен был дать ответ на 16 вопросов, предложенных ему консисторией. Эти вопросы касались его веры в бессмертие души, воскресение мертвых, в божественность личности христа и его миссию, веры в проведение и предопределение, в первородный грех и т. д. На все заданные вопросы де-Руа ответил утвердительно. Как сообщает летопись, все собрание было чрезвычайно удивлено этой неожиданной перемене. Удивление собрания становится понятным из предыдущей записи летописи [3]), из которой видно, что, отказавшись подписаться под установленными синодом для учителей канонами и будучи кроме того обвинен в еретических воззрениях, он на угрозу пастора, что церковь вынуждена будет принять по отношению к нему соответствующие меры, отвечал: «могут делать, что им угодно» [4]). Вслед затем де-Руа обратился в Нарденскую консисторию с пись-

[1]) Descartes, Principia philosophiae, chap III, § 19.
[2]) «Philosophie naturelle», p. 174.
[3]) «Acta classis Amstelodamensis». Цит. по de Vrijer, op. cit., bijlage II.
[4]) Запись от 11/VII 1631 г.

мом, полным обвинений и насмешек по адресу пастора Антонида. Будучи приглашен в консисторию, он отказался явиться. Явившись на второе приглашение (6 октября 1631 года), он «ответил относительно пункта о бессмертии души, что признает его, а будучи спрошен, каким образом, ответил, что не знает этого, а просто придерживается священного писания». В таком же духе были его остальные ответы. Не будучи удовлетворена ими, консистория передала дело в Амстердам. Первый из предложенных ему 16 вопросов гласит: «верит ли он, что человеческая душа представляет особую сущность (haer eijgen wesen heeft), отличную от сущности тела, сохраняющуюся и остающуюся в живых после смерти. Что при этом душа верующих, будучи отделена от тела, наслаждается небесным блаженством, а душа неверующих, напротив, действительно испытывает муки в аду» [1]). Таковы имеющиеся у нас свидетельства, доказывающие, что проблема души и тела, которой принадлежит исключительное место в воззрениях де-Руа, занимала его задолго до знакомства с Декартом и картезианцем Ренерием, впервые познакомившим Регия с учением Декарта. С самого начала его деятельности, еще до научной работы в Утрехте, его взгляды на сущность души и ее отношения с телом вызывали беспокойство и серьезные подозрения.

Сведения, которыми мы располагаем о взглядах де-Руа, не являются достаточными, чтобы утверждать, что «когда Регий в 1638 году вступил в соприкосновение с Декартом, он был человеком, развитие которого достигло полной зрелости. Его психология и в соответствии с нею его теология имели прочную форму, которая укрепилась благодаря соприкосновению с Декартом, но отнюдь не возникла благодаря ему» [2]). В дальнейшем мы выясним, что взгляды де-Руа претерпели длительную и содержательную эволюцию. Но то, что начало этой эволюции предшествовало знакомству с картезианством и что руководящая тенденция, в направлении которой эта эволюция шла, характеризовала мышление де-Руа уже до 1638 года, является несомненным.

Дальнейшие сведения о развитии психо-физического учения де-Руа, которыми мы располагаем, относятся к 1640—1641 гг., т. е. к первым годам университетской деятельности в Утрехте. Эти сведения содержатся в переписке де-Руа с Декартом, ревностным приверженцем которого слыл уже тогда де-Руа. Из этой переписки мы узнаем, что де-Руа был в ту пору сторонником учения о троичности души. По его мнению, высказанному в письмах и тезисах, посланных Декарту в апреле или мае 1641 года, человеческая душа состоит из мышления (mens), растительной силы или способности ощущения (vis vegetativa) и двигательной силы животных духов (vis motrix animalium spirituum). Последние две общи человеку с остальными животными. В своих ответных письмах Декарт решительно оспаривает такую постановку вопроса. Он признает лишь одну душу — мыслящую — и отрицает допустимость считать душою чувствительность животных, так как душа как мыслящая субстанция принципиально противоположна всяким телесным проявлениям, в том числе и вегетативной силе и двигательной силе животных духов. «Так как дух или разумная душа принципиально отлична от тела, то мы правильно даем лишь ей одной имя души» [3]).

Каков смысл учения о троичности души и каково место этого учения в истории материалистической философии? В этих взглядах де-Руа не был исключением среди материалистов XVII века. Заимствовал ли он свои воззрения у Бэкона или Гассенди или независимо от них сформулировал однородную теорию, во всяком случае типичность подобных взглядов для ранних

[1]) Запись от 13/X.
[2]) De Vrijer, цит. соч., стр. 29.
[3]) Письмо Декарта к Регию от мая 1641 г.

материалистов XVII века вне сомнения. Ф. Бэкон учил о двойственности души. Он различал рациональную душу и вполне материальную по своей природе, иррациональную, чувствительную (sensibilis) душу, общую нам с животными. Вопросами, подлежащими изучению для постижения чувствующей души, Бэкон считал вопрос о произвольном движении и вопрос о чувствительности [1]). Этим двум вопросам как раз и соответствует рассматриваемое деление де-Руа нерациональной души. То, что у Бэкона носит фрагментарный характер, получает развернутое выражение в учении «реставратора эпикуреизма». «Человеческая душа,—писал Гассенди,—состоит из двух частей: одна неразумная, об'единяющая вегетативную и сенситивную, телесна, приобретается от родителей и является как бы некоторой средой или связью, соединяющей разумную душу с телом; другая — разумная, или интеллектуальная, которая бестелесна, сотворена богом...» [2]). Двигательная же сила животных духов представляет собою концепцию, весьма родственную физическому учению Гассенди о влечении (appetitus).

Каков же смысл этих учений о троичности и двоичности души? Все они представляют собой хотя и половинчатое, но тем не менее недвусмысленное материалистическое наступление на традиционное понятие души. Их значение заключается в том, что они, не отваживаясь противостоять открыто, со всей последовательностью, до конца, идеалистически-богословским учениям о душе, прокладывают путь материалистической психологии. Не осмеливаясь изгнать окончательно теологию из учения о душе, они все же до некоторой степени делают душу предметом материалистического, физического изучения. В этих учениях материалистическая мысль вторгается в психологию и упрочивает за собою отправные позиции для дальнейшего наступления. Учение о троичности души пытается устранить принципиальный разрыв между душой и телом, между человеком и животным. Душа низводится до физиологии или, вернее, физиология поднимается до души. Таков смысл этого учения: сделав уступку теологии, сохранив место для ее принципов, дать возможность материализму проникнуть в учение о душе, включить ее хотя бы отчасти в цепь физических процессов, составляющих предмет научного материалистического познания, уменьшить пропасть между животным и человеком. С этими-то материалистическими тенденциями компромиссного учения о троичности души не мог мириться Декарт, против них и направлял он острие своей критики. Декарт в своих возражениях де-Руа старался углубить различие души и тела, души и телесной чувствительности, человека и животных. Он всячески отгораживал психологию от материалистического проникновения в нее.

Что такое толкование взглядов де-Руа на троичность души является верным, подтверждается и другими моментами из его писем этого периода, которые также убеждают, что смыслом психологических воззрений де-Руа была их материалистическая направленность. В цитированном письме Декарт полемизирует против одной формулировки де-Руа, согласно которой «поступки суть действия, совершаемые человеком силою души и тела» (actiones esse operationes ab homine vi animae et corporis factas). Декарт недоволен словами «и тела», так как он считает, что хотя тело и участвует в некоторых функциях души, но оно бессильно сколько-нибудь помочь познанию нематериальных вещей, а может лишь этому познанию повредить. И в этом случае Декарт стремится оттеснить из психологии вводимые в нее де-Руа материалистические элементы.

---

[1]) F. Bacon, De dignitate et augmentis scientiarum, l. IV, chap. III.
[2]) P. Gassendi, Syntagma philosophica. Physica, Sect. III, м. II, l. III, c. IV.

Уже за год до того, в мае 1640 года, Декарт оспаривал взгляд де-Руа о преждевременных, ускоренных суждениях. Как известно, Декарт приписывал воле ошибочность, необоснованность суждений. Де-Руа, ознакомившись с рукописью «Метафизических размышлений», отметил, что ускоренность наших суждений зависит от склада, состояния (tempérement) тела, врожденного или приобретенного вследствие привычки. Декарт справедливо отмечает, что так думать—значит отвергать свободу воли и ограничивать пределы ее деятельности. Опять, как и в ранее приведенных случаях, мы встречаемся с настойчиво проводимой де-Руа материалистической тенденцией: он постоянно стремится противопоставить идеалистическому об'яснению психических процессов материалистическое, стремится при всякой возможности внедрить физическое понимание в психологию.

Развитие психо-физического учения Регия не остановилось на теории троичности души. Последующие годы были годами дальнейших исканий и колебаний. Возможно, что это об'ясняется недостаточностью и отрывочностью сохранившихся от этого времени материалов для суждения о развитии воззрений де-Руа, но эти материалы оставляют впечатление неопределенности, нерешительности, противоречивости этих воззрений. Отдельные высказывания этого периода (конец 1641 г.—1643 г.) плохо вяжутся друг с другом, не создают убеждения в оформленности и определенности взглядов де-Руа. Повидимому это были годы сомнений и самоопределения, период формирования той концепции, которая изложена в основных произведениях мыслителя. С этой точки зрения поддаются осмысливанию разрозненные данные, относящиеся к этому периоду.

Мы выделяем этот период, имея в виду комплекс высказываний и суждений, связанных с той горячей борьбой, которая развернулась вокруг тезисов, защищенных де-Руа на диспуте 8 декабря 1641 года и подвергшихся жестокой атаке схоластов. Девятый тезис де-Руа утверждал, что человек есть случайное существо (ens per accidens), т. е., что «из соединения души и тела возникает не необходимое, а случайное единство (non fit unum per se, sed per accidens)». Десятый тезис смягчал это утверждение, считая, что эти субстанции (т. е. душа и тело) являются неполными по отношению к тому сложному целому, которое образуется их соединением (т. е. к человеку). Хранители схоластических традиций открыли огонь по девятому тезису как открыто расходящемуся с общепринятым в теологии взглядом на связь души и тела как необходимую с пониманием человека как ens per se. Между де-Руа и Декартом происходит энергичный обмен мнений по вопросу о том, как отразить атаку воэцианцев.

Что значит утверждение, что связь души с телом является акциденталной? Оно значит, что душа и тело могут существовать и сохраняться друг без друга, что существование одного из них не требует необходимо существования другого, что из природы тела не вытекает необходимость его сочетания с душой и обратно. Субстанциональность души в тезисах де-Руа не отрицается. Смысл тезиса заключается в ослаблении связи тела и души, в фиксации их независимости, самостоятельности.

Признание случайности сочетания души и тела в человеке не может быть с первого взгляда поставлено в прямую связь с учением о троичности души как дальнейшая разработка его. Напротив, это утверждение как будто основано на принципах, противоположных теории троичности души [1]). Если последняя означает стирание граней между душой и телом, проникновение

[1]) Гассенди придерживался того взгляда, что человек в отношении связи души и тела, а также душа в отношении связи «рационального» и «иррационального» ее элемента есть «unum per se» («Syntagma», Physica. S. III, м. II, l. III, c. IV).

телесного в душевное, частичное растворение духовного в материальном, то принцип «ens per accidens» выражает разобщение обеих субстанций, закрепляет их субстанциональность. Повидимому рассматриваемый период характеризуется неудовлетворенностью де-Руа своими воззрениями и попыткой их пересмотра под сильным влиянием картезианства. Любопытно, что Декарту приходится всячески смягчать тезисы Регия не только в силу оппортунистических соображений, но он и по существу полемизирует с де-Руа, осуждая чрезмерное разобщение последним души и тела. «Душа реально и субстанционально соединена с телом не благодаря своему положению и расположению (par sa situation et sa disposition), как вы говорите в своем последнем письме, что по-моему ошибочно и заслуживает порицания,— но она, говорю я, соединена с телом действительной связью, такою, какую отмечают все философы, хотя и не об'ясняют, какова эта связь, чего и вы не взялись об'яснить» [1]).

Нам представляется, что де-Руа, продумывая картезианскую концепцию, нащупал ее слабейшее звено — противоречие между субстанциональным различием души и тела и их субстанциональным единством—и попытался преодолеть этот дефект, делая последовательные выводы из учения о различии души и тела, доводя до логического конца принципы картезианства. Декарт, сознавая, что последовательное проведение этого принципа заводит в тупик, сдерживал де-Руа, стремясь сохранить равновесие между друг друга исключающими принципами — принципом различия и принципом связи. Декарт лавировал между «ens per se» и «ens per accidens», он говорил, что «человек есть лишь в некотором роде, а не абсолютно (en quelque facon et non absolument parlant) акцидентальное существо» [2]), и всячески подчеркивал десятый тезис де-Руа, истолковывая его в смысле признания субстанционального единства души и тела.

Однако даже и здесь де-Руа не порывает с материализмом. Тяготение к материализму сказывается даже в том, как он понимает независимость души и тела. В проекте ответа Воэцию Декарт очевидно под влиянием замечания Регия о том, что душа связана с телом лишь благодаря своему положению, раз'ясняет, что связь души и тела отлична «от тех связей, которые основаны на положении, форме и других чисто телесных модусах, так как она относится не исключительно к телу, но также и к душе, которая бестелесна» [3]). Де-Руа «забывал» об этом, он акцидентальную связь мыслил в плоскости односторонней материальной связи, он отрицал активную и определяющую роль души в этом соединении. Для него повидимому существенна была одна сторона его тезиса—акцидентальность души по отношению к телу; противоположная сторона — акцидентальность тела по отношению к душе — им оставляется без внимания. Ему повидимому важно признать привходящий характер души, независимость от нее телесных актов, ему нужно обеспечить возможность об'яснения телесных проявлений из них самих.

Такая постановка вопроса напоминает по своей методологии учение о двойственной истине в той форме, в какой оно сохраняется у Бэкона, Гассенди и де-Руа. Подобно тому, как учение о двойственной истине признает и чтит все прерогативы и претензии откровения, однако принципиально отмежевывает от него знание, гарантируя этим возможность автономного развития последнего, так и тезис об акцидентальности связи души и тела признает и чтит все права «рациональной души», однако, отрицая существенную необходимость их связи, гарантирует этим возможность автономно-

[1]) Письмо Декарта Регию от января—февраля 1642 г.
[2]) Письмо Декарта от декабря 1641 г.
[3]) R. Descartes, Rèponse d'Henri Regius etc. à l'appendix... de M. G. voetius, ad VII thesim.

физического исследования актов человеческого тела. А если это так, то противоречие между учением о троичности души и тезисами 1641 года оказывается мнимым. Эти тезисы формулируют такой modus vivendi вегетативной и двигательной души с мышлением, при котором обеспечивается материалистическое познание не только физиологических процессов в тесном смысле, но и чувствительности и реакций человека.

Наше замечание о том, что рассматриваемый период был для де-Руа периодом исканий и сомнений, остается в силе, но повидимому не в смысле сомнений в материализме, а в смысле поисков формы материалистического решения психо-физической проблемы.

Изложенная нами попытка найти приемлемое решение на пути углубления картезианского дуализма не удовлетворяла де-Руа. Недаром он впоследствии говорил о пустоте деления на «être par soi» и «être par accident» [1]). Он вскоре предпринимает другую попытку — решения проблемы на пути преодоления дуализма, отказа от субстанционального различия души и тела, развивая вторую сторону картезианской антиномии — сторону связи души и тела. Уже десятый тезис 1641 года давал повод к этому.

Преодоление внутренних противоречий системы Декарта шло, как известно, либо по пути закрепления дуализма и избавления от проблемы связи посредством божественного вмешательства (окказионализм), либо наоборот по пути закрепления единства материи и духа, отказа от субстанционального разрыва их (Мальбранш дает идеалистическое, Спиноза—в основном материалистическое понимание их единства). Мы познакомились с попыткой де-Руа установить материалистический по своей устремленности компромисс на пути, приведшем Гейлинкса к окказионализму. Но в то же время де-Руа не чужда и мысль о возможности преодоления картезианства диаметрально противоположными средствами. Идя по этому пути, де-Руа предвосхищает до известной степени учение Спинозы [2]).

В письме от 3 июня 1642 года Декарт писал Регию: «Я отмечаю, во-вторых, что из того, что вы признаете мышление атрибутом субстанции, не содержащим протяжения, а что протяжение, напротив, есть атрибут субстанции, не заключающий мышления, следует, что вы должны признать также и то, что субстанция, которая мыслит, отлична от той, которая протяженна. Ибо у нас нет другого признака для познания отличия одной субстанции от другой, кроме того, что мы можем понять одну независимо от другой... Но мы можем ясно постигнуть мыслящую субстанцию, которая лишена протяжения, и протяженную немыслящую субстанцию, что вы признаете. Из того, что бог в состоянии связывать и соединять эти субстанции, нельзя отрицать его всемогущества и отвергать его силу разделить их так, чтобы они оказались разрозненными». Отсюда мы можем заключить, что уже в 1642 году де-Руа, признавая атрибутивное различие души и тела, отрицал при этом их субстанциальную раздвоенность. «Регий здесь прелюдирует в материалистическом тоне Спинозе, превратившему протяжение и мышление в атрибуты единой субстанции» [3]). Весьма любопытно, что если в предыдущих возражениях Декарт отрицал возможность раздельного существования души и тела в пользу принципа «ens per se», то в данном случае, когда де-Руа попытался разрешить картезианскую антиномию в противопо-

---

[1]) «Philosophie naturelle», p. 87.

[2]) Об отношении между учением де-Руа и Спинозы см. Dunin-Borkowski, Der junge Spinosa (Munster, 1910), S. 305—306. De Vrijer сообщает, что в библиотеке Спинозы не оказалось сочинений де-Руа. Но этим вовсе не исключается возможность прямого влияния работ де-Руа. Ведь и в библиотеке Воэция не оказалось произведений Регия, а он то во всяком случае был с ними знаком.

[3]) De Vrijer, цит. соч., стр. 134.

ложном направлении, Декарт вынужден для сохранения равновесия доказывать, что единство души и тела не является существенно необходимым.

Итак, 1641—1643 гг. были годами, когда де-Руа формировал свои психофизические воззрения. Первоначальный, неразвернутый материализм, с которым он пришел к Декарту, подвергся переработке и углублению в свете тех проблем, которые были поставлены учением Декарта. Де-Руа подвергся сперва влиянию картезианского дуализма. Неудовлетворенный теми выводами, к которым это его привело, де-Руа формирует свое психо-физическое учение на пути отхода от картезианства, отказа от субстанциального дуализма. В дальнейшем, как мы увидим, этот отход непрерывно продолжался, учение Регия развертывалось во все более продуманную и углубленную материалистическую концепцию.

Свидание де-Руа с принцессой Елизаветой в 1643 году, о котором нам известно из ее переписки с Декартом, является подтверждением нашего понимания философского развития де-Руа. В разговоре с Елизаветой де-Руа раскрыл те непреодолимые трудности, которые вызывает об'яснение взаимодействия души и тела с точки зрения субстанциального дуализма. Де-Руа со всей остротой поставил проблему непримиримости субстанциального разобщения души и тела с признанием их воздействия друг на друга. Сомнения, навеянные Регием, произвели на принцессу большое впечатление. Она настойчиво и повторно требовала от Декарта разрешения сомнений. Отсюда ясно, что де-Руа в ту пору прекрасно осознал критичность этой проблемы для картезианства. Де-Руа уяснил Елизавете связанные с этой проблемой трудности, но отказался дать их разрешение, рекомендуя обратиться к Декарту, бессилие которого с особенной четкостью обнаружилось в его ответах принцессе. Повидимому де-Руа уже понял, что сочетание субстанциального различения с взаимодействием невозможно. Он искал, как мы видели, выхода в сохранении одной из сторон антиномии: aut—aut. Он пошел в одну сторону, допустив, что человек есть ens per accidens и, неудовлетворенный, пошел в противоположную—по пути низведения субстанционального различия до атрибутивного, что с неизбежностью привело к разрыву с Декартом. «Прежде,—упрекал его впоследствии Декарт,—рассматривая душу как отличную от тела субстанцию, вы писали, что человек есть случайное существо. Теперь вы считаете наоборот, что душа и тело тесно связаны в том же человеке...» [1]).

Не приходится удивляться, что психо-физическая проблема занимает столь выдающееся место в воззрениях де-Руа, проходя красной нитью через все его философское развитие. Ведь эта проблема была не только стыком медицинских и философских занятий де-Руа, но и критическим пунктом картезианской философии. Развитие механического материализма, преодоление дуализма Декарта, обязывало прежде всего материалистически разрешить эту проблему.

IX

При первом ознакомлении с важнейшими произведениями де-Руа, вышедшими после разрыва с Декартом, в которых его психо-физические воззрения окончательно сформировались, создается впечатление крайней, бьющей в глаза, обнаженной внутренней противоречивости. В этих произведениях диаметрально противоположные утверждения перемежаются; их несовместимость бросается в глаза. Однако при ближайшем рассмотрении, и именно благодаря неприкрытой противоречивости, с полной ясностью вырисовываются два исключающих друг друга течения, уживающихся в одной

[1]) Письмо Декарта к Регию от 15/VII 1645 г.

и той же работе. Оба они, перемежаясь, не смешиваются друг с другом, сохраняют свою независимость и внутреннюю логику, — словно две вперемежку набранные книги, где островки одной не нарушают и не изменяют развития мыслей другой. Более того, де-Руа не заинтересован в смягчении существа противоречий, он нарочно противопоставляет непримиримые тезисы, как бы сталкивая лбами противоположные утверждения. Первое из этих течений— настойчивая научная, опытная, материалистическая мысль, второе—упрямая, нетерпимая, властная религиозная традиция.

В своем последнем письме к Декарту Регий писал: «Многие разумные и почтенные люди часто мне свидетельствовали, что они слишком хорошего мнения о совершенстве вашего ума, чтобы верить, что в глубине души вы не имеете мнений, противоположных тем, которые появляются в публике под вашим именем» [1]). Сам де-Руа, не будучи в состоянии в силу своей теологической непоследовательности, о которой мы уже говорили, освободиться от этой противоположности, предпочитал ее по крайней мере выявлять. Он, воздавая богу божье, не скрывал, что воздает науке научное. В его произведениях протекают параллельно, но не сливаясь, рациональная и опытная теория и иррациональная, основанная на благочестии, догма. Первая доказывает и развивает материалистическое учение о психике, вторая повторяет учение о субстанциальности и бессмертии души. Рациональных доказательств и опытных доводов в пользу субстанциальности души учение де-Руа не знает. Он неоднократно подчеркивает, что эти воззрения иррациональны, не могут быть разумно обоснованы, хотя, разумеется, непреложны. «Я Вам не сказал там (в «Основаниях физики». — *Б. Б.*) ничего иного, — писал он Декарту,—кроме того, что разумная душа есть бессмертная субстанция; но что это невозможно доказать никакими естественными доводами и что ничто не препятствует тому, чтобы она могла быть так же и модусом тела, как и субстанцией, реально отличной от него» [2]). Для доказательства второй из этих возможностей у Регия имеется сколько угодно естественных доводов. Де-Руа не дает основания для упрека его в недостаточном религиозном пиэтете, забвении церковных догматов и пренебрежении божественным откровением. Напротив, чем откровеннее становится его материалистическая аргументация, чем резче он расходится с теологической традицией, тем больше он вслед за этим отвешивает поклонов «священному» писанию, тем чаще мелькают охранительные благочестивые вставки. Вот например типичный для него ход изложения. После антиидеалистического рассуждения следует: «Что однако в действительности душа есть не что иное, как субстанция, т. е. существо, реально отличное от тела, действительно от него отделимое и могущее существовать отдельно, само по себе,— это нам ясно открыто священным писанием...» И здесь же продолжает: «Человеческая душа, *хотя* и является субстанцией, реально отличной от тела, *однако* тем не менее *органически* существует в теле», чему следует ряд материалистических иллюстраций из медицинской практики (апоплексия и др. [3]). А в «Плакате» без труда можно отделить тезисы богословские от тезисов еретических [4]).

Декарт совершенно прав, утверждая: «Я замечаю в том, что он говорит, две взаимно противоположные вещи. Одна из них—что человеческий дух есть субстанция, реально отличная от тела, и я признаю, что наш автор

---

[1]) Письмо Регия к Декарту от 23/VII 1645 г.
[2]) Там же.
[3]) «Eundamenta Phisices», p. 246, «Philosophie naturelle», p. 434; «Expl. menti, thes. IV et VI. — Разрядка моя.
[4]) К первым относятся тезисы IV, VII, XI и др.

открыто говорит об этом, но своими доводами он отговаривает, насколько может, от того, чтобы верили этому, и придерживается взгляда, что это может быть доказано одним лишь свидетельством священного писания. Другая — что этот же человеческий дух во всех своих действиях органичен (est organica) или служит лишь инструментом, вовсе не действующим сам по себе, а обслуживающим собою тело, как это происходит со строением органов тела и других телесных модусов. И таким образом, если он и не произносит прямо этих слов, он все же утверждает в действительности, что дух есть не что иное, как модус тела, ибо разве не расположил он все свои доводы для доказательства именно этого? Но эти две вещи так явно противоречивы (т. е. что человеческий дух есть субстанция и модус), что я не думаю, чтобы этот автор заботился о том, чтобы читатели доверяли им обоим вместе, хотя он их преднамеренно перемешал таким образом, чтобы удовлетворить простаков и ублаготворить как-нибудь теологов авторитетом священного писания, но однако сделать это так, чтобы более проницательные могли бы понять, что он вовсе не искренен, когда говорит, что дух или душа отлична от тела и что в самом деле его мнение таково, что она — не что иное, как модус» [1]).

В нашем дальнейшем анализе постараемся быть среди «более проницательных» и оставим вне рассмотрения явно вынужденную дань де-Руа богословию [2]).

Корень несостоятельности психо-физического учения Декарта отнюдь не в том, что им различается душа и тело, а в том, что это различие является абсолютным. Бессилие теории познания Декарта состоит в том, что, рассматривая душу и тело как абсолютно противоположные субстанции, он в то же время пытается обосновать их единство. Для выхода из картезианского тупика необходимо было перевернуть соотношение единства и различия, понять первичность и основоположность единства физического и психического и рассматривать их различие на основе этого единства. Разумеется, это исходное единство должно быть материалистическим, ибо иначе отрезывается путь для понимания различия: единство превращается в тождество.

Мы видели, рассматривая процесс формирования психо-физических воззрений де-Руа, что уже за несколько лет до «Оснований физики» он пришел к такой антикартезианской постановке проблемы, что нашло выражение в понимании души и тела как двух различных атрибутов единой субстанции. В его зрелых работах первичность единства не только сохраняется, но и составляет важнейшую тему его произведений. Здесь случайным представляется не единство души и тела, — оно является естественным и неизменным законом природы, — а их разобщение, допускаемое лишь в результате чуда. «Единство, посредством которого дух находится в соединении с телом, состоит

---

[1]) R. Descartes. Notae in Programma...», ad thesin VI.

[2]) Картезианская история философии пытается об'яснить отход де-Руа от Декарта тем, что де-Руа якобы стремился примириться со своими противниками — богословами и обеспечить себе мирное пользование кафедрой в Утрехте (см. например Baillet, op. cit., p. 268), в то время как в действительности сам Декарт и его ближайший соратник в борьбе против де-Руа — Тобий Андрэ неутомимо упрекали де-Руа в непримиримости его взглядов с христианством. «Никогда он не убедит никого, кроме стоящих вне церкви и лишенных спасительной веры... Он оставил широко раскрытой дверь к атеизму для всех стремящихся через нее ко всякого рода нечестивости» («Brevis replicatio reposita brevi explicationi mentis humanae» a Tobia Andreae» Amstel., 1653, ad lectorem).

в неизменном законе природы, согласно которому каждая вещь находится в присущем ей состоянии до тех пор, пока она не будет выведена из него другою... И поэтому после того, как бог однажды создал человеческое тело, об'единив их для деятельности, оно должно необходимо и естественно пребывать в этом единстве согласно незыблемому закону природы и не может быть разделено ничем, кроме иного сверх'естественного закона» [1]). Таким образом единство души и тела признается необходимым, естественным, от века данным. Декарт справедливо указывает в своих «Замечаниях», что «это равносильно ответу, что вовсе не следует искать другую связь, которой она (душа) с ним (телом) соединена» [2]), так как эта связь принимается имманентной самой природе вещей. Декарт конечно понимает, что дело здесь не в законе неизменности, а в естественности единства, так как «вещи, которые раз'единены, совершенно так же, как и те, которые соединены, сохраняются в тождественном состоянии, пока ничто его не изменяет» [3]). Вопрос заключается в том, от чего отправляется философия — от единства или различия. Декарт исходил из второго, благодаря чему перед ним вставала неразрешимая задача уяснения соединения души с телом; де-Руа — из единства, что обязывало понять его раздвоение. Де-Руа считал, что «заблуждаются те, которые утверждают, будто мы ясно и отчетливо сознаем, что дух необходимо (или актуально) реально отличен от тела» [4]), «наш дух соединен с телом теснейшим образом в одну субстанцию...» [5]).

Но для понимания внутренне различного единства необходимо не только отказаться от идеализма духовной субстанции, но и от механицизма. Механистическое понимание материи требует идеалистического дополнения в том случае, когда понимают специфическую природу психического. Механистический материализм не может понять своеобразия психического, ибо признание своеобразия психического ведет либо к дуализму (как это было у Декарта), либо к высшей, преодолевающей механицизм форме материализма. Психо-физическая проблема неразрешима для Декарта не только вследствие его дуализма, но и вследствие его механицизма. Механицизм находит в данном случае в дуализме себе дополнение. Лишь преодоление механицизма приводит материализм до такого уровня, когда возможно понять своеобразие психического, не изменяя материализму.

Когда де-Руа пытался последовательно развить дуалистическую сторону учения Декарта, когда он утверждал, что человек есть ens per accidens, он, как мы отмечали, понимал соединение души и тела чисто механически, через ее положение и расположение. Это было либо нелепо, либо подрывало различение тела и души, превращая последнюю в механический модус. В зрелых работах, прочно став на позицию первичности единства, де-Руа вместе с тем отходит и от механического понимания этого единства, формы связи. Механическое понимание соединения уступает место органическому,— душа органична, она функционирует в теле органически. («Mens humana tamen est... quamdiu in corpore existit, organica» [1]). «In omnibus tamen actionibus...

---

[1]) «Fundamenta Phisices», p. 250; «Philosophie naturelle», p. 446; «Explicatio mentis», thes. X.

[2]) R. Descartes, Notae in Programme. ad thes. X et XI.

[3]) Там же.

[4]) «Explicatio mentis», thes. III.

[5]) «Brevis explicatio», thes. IX.

[6]) «Fundamenta Physices», p. 246; «Philosophie naturelle», p. 434.

est organica» [1]). Де-Руа не возвращается от «ens per accidens» к «ens fer se», которые считает «пустыми», а формулирует принцип органичности души.

Подходя к психо-физической проблеме, де-Руа упирается в несостоятельность механицизма. Покой, положение, форма и величина частей материи недостаточны для об'яснения духа [2]). Рассматривая де-Руа как приверженца механического материализма, мы видели, что он внешне сохраняет бэконовское понятие формы, но вкладывает в него механическое содержание. Признавая всеобщность форм, ограничивая формы механическими свойствами, он придерживается механического тождества физического мира. Но подходя к проблеме психического, он вводит наряду с понятием «всеобщей формы» понятие «частной формы» естественных вещей. «Частная форма есть такая, которая присуща только человеческому роду. И это собственно,— человеческий дух или разумная душа. Ибо благодаря именно ей, соединенной со всеобщей формой, существующей в теле, человек есть в действительности то, что он есть» [3]). Таким образом механическое однообразие материального мира нарушается качественно своеобразной душой, которая при этом есть не особая субстанция, а органически присущая человеку форма, т. е. качественная определенность материи.

Необходимо отметить, в каком направлении продвигается здесь де-Руа по сравнению со своими взглядами о троичности души. Тогда «рациональная душа» оставалась недоступной для его материализма, она была границей его материализма. Здесь же совершается материалистическое постижение как раз «рациональной души», устанавливается форма включения и ее в материалистическую концепцию.

Понятие частной формы, не разрывающее материального е д и н с т в а мира, не подрывающее органичности связи души и тела, есть вместе с тем и условие для понимания специфичности психики, для р а з л и ч е н и я физического и психического. А это раздичение, заимствованное у Декарта, сохраняется в материалистической теории Регия, но как различение на почве единства, притом единства на материалистической основе.

Де-Руа, как впоследствии Спиноза, как все материалисты, кроме «вульгарных», не сводит мышления к протяжению, а отчетливо различает их. Давая механические об'яснения действиям животных, понимая их наподобие автоматов, де-Руа замечает: «но никто не должен тем не менее отсюда заключать, что все животные действия, за исключением наших, происходят в других людях безо всяких мыслей и знания, посредством одного лишь движения духов (spiritus) и раздражений, производимых об'ектами в органах чувств. Ибо, во-первых, мы знаем сами по себе, что сознаем многие наши действия, и другие люди, будучи нам подобны, также сознают производимые ими действия» [4]). Таким образом мыслитель различает об'ективные действия организма и их сознание суб'ектом, внешние реакции и внутреннее состояние реагирующего. «Мышление или дух человека, обычно называемый разумной душой, есть тот внутренний принцип, или та способность, из которой происходят непосредственно действия мышления в человеке. В этом определении р о д о м является внутренний принцип или с п о с о б н о с т ь, которая обща душе со способностью двигаться, оставаться в покое и множеством других. Все остальное принимается за ее видовое отличие, посредством которого она

---

[1]) «Explicatio mentis», thes. VI. В русском переводе «Плакат»: «она ограничена (?!) во всех действиях» (Столпнер и Юшкевич, «История материализма», ч. I, стр. 228).

[2]) «Philosophie naturelle», p. 58.

[3]) Там же, стр. 57.

[4]) Там же, стр. 416.

отличается от всех других способностей... Действиями мышления являются те, которые дух сознает» [1]).

Философ вполне сознательно и с не оставляющей сомнений четкостью формулирует свое понимание соотношения души и тела как внутренне различного единства. Он не приемлет ни тождества психического и физического, ни их абсолютной противоположности. Для него их связь есть единство различного или содержащее различия единство. «И никакого значения не имело бы заключение, при котором мы заявили бы, что если мышление и протяжение могут находиться вместе в одном и том же предмете, то можно сказать, что мысль тогда будет длинной, широкой, глубокой, четырехугольной или круглой и что протяженность будет способна утверждать, отрицать, видеть и слышать. Ибо, хотя эти атрибуты находились бы в одном и том же предмете, каждый из них не переставал бы однако сохранять свое особенное отличие, вследствие чего протяженность не сделалась бы мышлением, а мышление — протяженностью, и таким образом свойства одного не могли бы быть приписаны другому. Но самый предмет, в котором оба эти атрибута находились бы, мог бы вполне быть назван долгим, широким, круглым и четырехугольным в отношении своей протяженности и ее модусов и в то же время ему можно было бы приписать утверждение, отрицание, разум и волю в отношении мышления, которое в нем было бы» [2]). Это не мешало бы усвоить и кое-кому из наших современников.

Воспроизводя картезианское различие души и тела, противополагая мышление протяжению как два различных атрибута, де-Руа понимает их материальное единство. «Душа человека — внутренний телесный принцип, так как без тела чувства, представления и другие восприятия не могут возникать» [3]). В этом—вся суть расхождения между психо-физическими учениями де-Руа и Декарта. В основе противоположения протяжения мышлению лежит их материальное единство. При всем различии души и тела вследствие того, что душа органически существует в теле, «в зависимости от различных состояний тела, различны и мысли духа (cogitationes mentis» [4]).

Хотя де-Руа признает мышление свойственным лишь человеку, тем не менее в его произведениях явственно осуществляется стремление преодолеть разрыв между животным и человеком, характерный для картезианства. «Человек есть животное...» [5]). Это животное отличается от остальных тем, что состоит из тела и души. «Животное есть или зверь или человек» [6]). За первым из них отрицается мышление, сознание своих действий, разумность. Однако хотя «разум и не содержится в идее животного, иначе зверь был бы разумным животным, но он тем не менее не исключается как некоторая противополож-

---

[1]) В своем переводе Н. А. Карев совершенно не понял этого рассуждения. Де-Руа говорит здесь о том, что мышлению и движению общо то, что и одно и другое есть некоторая способность; их различает то, какова эта способность, способность чего. Таким образом genus здесь — способность вообще, differentia specifica — мышление движение и т. д. В переводе же Карева: «genus (т. е. мышление)», а «способность двигаться» заменяется «способностью видеть (?!)» («Книга для чтения по истории философии» под ред. А. Деборина, т. I, стр. 213). В переводе «Плаката» у Столпнера и Юшкевича в § 1 опущено решающее слово «непосредственно (primo)», хотя де-Руа специально его оговаривает: «Dicitur primo ad excludenda instrumenta cerebri quibus illae non primo. Seed secundo, sive instrumentaliter, perficiuntur» («Brevis Explicatio», thes. I).

[2]) «Philosophie naturelle», p. 430.
[3]) «Fundamenta Physices», p. 1; «Philosophie naturelle», p. 2.
[4]) «Explicatio mentis», thes. VI.
[5]) «Fundamenta Physices», p. 245; «Philosophie naturelle», p. 462.
[6]) «Philosophie naturelle», p. 420.

ность и вследствие этого есть несколько животных, одаренных разумом, подобно людям».

Но если «разумная душа»—все же специфическое отличие человека от остальных животных и к материалистическому пониманию этой отличительной способности устремлено психо-физическое учение философа, то «растительная душа» и «чувствительная душа» являются общими в равной мере всем живым существам. В поздних работах де-Руа не устраняется принцип троичности души. То новое, что они вносят, есть попытка включить в науку и третью, последнюю, «душу» наряду с ранее включенными в нее первыми двумя. В своих основных произведениях де-Руа пространно говорит о «растительной душе» как принципе, из которого происходят все жизненные акты, понимая ее как «естественное тепло» (там же, стр. 277), и «чувствительной душе», обуславливающей способность ощущения и движения, понимаемых чисто физиологически. Мыслитель насчитывает три функции «чувствующей души»: восприятие об'екта, чувственное тяготение (appetit sensitif) и естественное движение. Эти акты, лишенные суб'ективного отражения, не сопровождаемые мышлением, отнюдь не являются присущими лишь одним «зверям», и «сам человек совершает весьма часто подобные действия без сознания и мышления». Де-Руа дает обстоятельные физиологические характеристики всех проявлений «чувствующей души»: восприятия, т. е. ощущения, воспоминания и воображения, — влечения, страсти и естественного движения, останавливается на отличии сновидения от бодрствования и т. д. В сущности здесь мыслителем развертывается физиологическая психология, основанная на механическом понимании физиологических процессов. Различные психические акты рассматриваются как разнообразные движения «животных духов», нервов, мозга, органов чувств и мышц.

Но человек не есть существо, обладающее только способностью движения и ощущения, как бы расширительно ни понимал их де-Руа. Человек—животное мыслящее, рассуждающее, сознающее свои действия. Задача де-Руа заключается в том, чтобы понять мышление как акт sui generis, но тем не менее зависимый от телесной организации. Этому посвящены многие страницы его произведений, свидетельствующие о напряженном исследовании и настойчивом размышлении в этом направлении. Особенно любопытны в данном отношении соображения о различии людей между собой. Этому вопросу посвящена последняя (XII) глава «Естественной философии». В ней рассматриваются причины, вследствие которых различные люди мыслят, судят и чувствуют неоднородно. Уже в «Explicatio mentis humanae» он говорит о том, что «различными движениями (тела) может быть вызвано в духе мышление различных восприятий и суждений и что опыт очевидно сохраняется у людей, одаренных различным темпераментом (т. е. конституцией мозга.—*Б. Б.)* и мыслящих вследствие этого по-разному» [1]). Здесь же (в XII главе) он ставит вопрос шире. Причинами психологических различий мыслитель считает различие людей по полу, возрасту, обычаям и привычкам. Он говорит и о том, как смена времен года и различие климата обуславливают изменения в мышлении. «Так же, как различия конституций (темпераментов) мозга, обуславливающих различия суждений, близки к бесконечности, так и человеческие суждения, относящиеся к людским делам, бесконечно различны» [2]).

Рассматриваемая глава интересна также в том отношении, что здесь с особенной ясностью обнаруживается неразрывная связь между его материалистическим пониманием природы мышления и эмпиризмом, между материали-

[1]) «Explicatio mentis», thes. IX.
[2]) «Philosophie naturelle», p. 564.

стическим психо-физическим учением де-Руа и его сенсуалистической теорией познания. Мышление определяется мозгом благодаря воздействию на него внешнего мира. «Тело,—говорит он в одном месте,—всегда протяженно без помощи какой-либо иной вещи, а дух, когда он в теле, не может мыслить действительно, если занимающие его об'екты или их образы не представляются ему органами» [1]).

Это же положение защищалось одним из учеников Регия — Иоганном Шер. Следует иметь в виду, что де-Руа, как и другие его коллеги, неоднократно высказывал свои воззрения устами своих учеников. Даже и 21 тезис, составившие впоследствии текст «Плаката», первоначально были намечены к защите преданнейшим учеником де-Руа Петром Вассенаром (Petrus Wassenaer).

«Акты Утрехтской академии» [2]) сообщают: «Один из его (де-Руа) учеников Иоганн Шер (Iohannes Scher) из Мидельбурга защищал 28 сентября (1668 г.) медицинскую диссертацию о подагре. Один из корольлариев гласил: душа есть мышление [3]). Когда кто-то возразил, Шер сказал, что «душа мыслит благодаря тому, что она связана с телом, а будучи отделена от тела, не может мыслить». Эти положения звучат уже прелюдией к принципу: «об'ект независим от суб'екта, но нет суб'екта без об'екта», не всегда последовательным, но несомненным приверженцем которого был де-Руа.

В начале главы мы отмечали, что Регий маскирует свой материализм, соблюдая внешнюю лояльность к церковной догме, строго блюдя религиозный декорум. С этой точки зрения только и может быть понята весьма своеобразная теория равновозможности субстанциальности, атрибутивности и модальности души, в которую облекает свои воззрения де-Руа. Он никогда прямо не отрицает субстанциальной души так же, как открыто не признает, что единственно верным является, по его мнению, принцип атрибутивности. Он выражается осторожно, нерешительно, компромиссно. Он становится в позу об'ективного, беспристрастного излагателя всех возможных теорий души, всех вероятных решений психо-физической проблемы. Дух может быть либо субстанцией, либо атрибутом, либо модусом. «Дух может быть какой-нибудь из вышеуказанных вещей» [4]). Де-Руа не заявляет о своем выборе, не выражает открыто своего предпочтения одному из членов трихотомии. Он старается относиться к ним, как к равновозможным. Он указывает, что общим, родовым для всех трех пониманий является признание того, что «дух есть способность мыслить». Тем, как эта способность мыслить понимается, определяются видовые отличия всех трех воззрений. Альтернативизм — такова та форма компромисса с традицией, которую избрал де-Руа для своего психо-физического учения. Конечно по существу никакого безразличного альтернативизма, нейтрализма у него нет. Так, он считает признание души субстанцией иррациональным, а другие воззрения — рациональными. Заявляя о непреложности и бесспорности теологических утверждений, он все время стремится доказать, что понимание души как атрибута или модуса не менее правдоподобно, т. е. обосновывает равноправие основанной на разуме теории с утверждениями «священного» писания. Все силы своего ума, все усилия своих исследований де-Руа отдает доказательству, укреплению и развитию одной из этих возможностей. И эта возможность — не субстанциальное понимание души.

---

[1]) Philosophie naturelle, p. 564.
[2]) Cod. I, fol. 234. Цит. по de Vrijer, цит. соч., стр. 63.
[3]) Дословно: состоит в мышлении (bestaat in denking).
[4]) Brevis explicatio, thes. II. — Курсив мой.

Какую же из двух рациональных возможностей считает истинной философ? Полной ясности по этому вопросу у де-Руа нет. Нельзя достоверно установить, предпочитает он понимание мышления как одного из атрибутов человека или как модуса материи. То, что Декарт в своей полемике постоянно говорит о модальном понимании психики Регием, не является надежным критерием, так как не исключена возможность, что Декарт делает это с целью дискредитации взглядов де-Руа. Декарт возможно руководствовался убеждением, что понимание де-Руа атрибутивности мышления низводило атрибут до уровня модуса. Если де-Руа считал мышление особым атрибутом, то он не умозаключал подобно Декарту от атрибута мышления к особой, мыслящей субстанции. В противоположность Декарту он полагал, что «дух может быть некоторым атрибутом, свойственным вместе с протяжением одному и тому же суб'екту, хотя ни один из них не содержится в понятии другого» [1]). Обосновывает он это положение указанием на то, что различие протяжения и мышления не является контрадикторной противоположностью и наличие в субстанции одного из этих атрибутов отнюдь не означает отсутствия другого. «И хотя идея одного не заключает идеи другого и обратно, они однако взаимно не исключают друг друга, как если бы они были противоречивы и противоположны, и таким образом они вполне могут существовать вместе в одном и том же предмете» [2]).

Хотя с наибольшей силой и убедительностью де-Руа доказывает атрибутивность духа, но тем не менее психо-физическая проблема формулируется им не как дилемма (субстанция — атрибут), а как трихотомия (субстанция—атрибут—модус), и он настаивает на вероятности также и третьего допущения [3]).

От четкого и последовательного понимания мышления как атрибута, каким оно является у Спинозы, де-Руа отличается тем, что по его мнению мышление присуще не всякому предмету, оно—не атрибут, наличный во всяком бытии, а является свойством лишь одного рода предметов — человека (и, как исключение, некоторых животных). Там, где имеется мышление, его отношение к протяжению по мнению де-Руа всего лучше может быть охарактеризовано как отношение двух атрибутов единой субстанции. Но мышление имеется не всюду, где есть протяжение, оно присуще лишь некоторым протяженным существам, людям. Таким образом де-Руа рассматривает мышление не как всеобщий атрибут материи, но и не как вид материи, а как свойство некоторого вида материи — человеческой организации.

Всего вероятнее, что де-Руа, убежденный в ложности субстанциального понимания души и истинности материалистического решения психофизической проблемы, не пришел к окончательному выбору формы материалистического решения, колебался между модальным и атрибутивным пониманием мышления.

Де-Руа чужда идея развития. Ему непонятно возникновение различий в процессе саморазвития единой материи. Он далек от мысли о возникновении новых свойств в процессе имманентной диференциации движущейся материи. А понимание необходимости возникновения мышления возможно только при диалектическом миропонимании. Для Спинозы не существовала проблема возникновения мышления. Оно было необходимым, но никогда не возникало. Де-Руа отрицал всеобщую необходимость мышления. Он поэтому должен был разрешить проблему его возникновения. Но материализм его был метафизическим. Душа, с его точки зрения, существует

[1]) Explicatio mentis, thes. II.
[2]) Philosophie naturelle, p. 423.
[3]) Например в обосновании тезиса V.

в человеке не благодаря развитию природы, а в силу закона неизменности природы. Вот почему для него отрезаны пути к пониманию необходимости появления мыслящих существ. Мышление носит случайный, акцидентальный характер.

Таков основной недостаток психо-физического учения де-Руа, недостаток, вытекающий из метафизичности его материализма. Другой, также исторически необходимой, отрицательной стороной этого учения являются его нечеткость, двусмысленность, нерешительность, компромиссность. Наконец материалистическим понимание психики у де-Руа является лишь в смысле естественно-научного материализма, но отнюдь не в смысле исторического материализма, хотя сенсуализм де-Руа и открывал перспективы такого понимания. Как бы неудовлетворительно, непоследовательно, ограниченно ни было учение де-Руа, все же грубейшей историко-философской ошибкой, утерей исторической перспективы было бы за всей этой непоследовательностью и ограниченностью просмотреть материалистическую сердцевину его учения и недооценить его положительное значение в развитии механического материализма.

X

Одинокий и всеми покинутый скончался де-Руа 19 февраля 1679 года. Забыта его могила в Екатерининской церкви на Lange Nieuwstraat в Утрехте. Все члены его семьи умерли раньше его. У де-Руа не было даже человека, которому он мог бы завещать свое состояние. Множество раз переделывал он завещание, распределяя средства между академией, нищими и своей домашней работницей Юдифью. В академии, где он проработал десятки лет, где дважды был ректором, с большим трудом, после долгих поисков, спустя почти два месяца, нашли человека, согласившегося произнести траурную речь. Власти предержащие ничем не увековечили память одного из старейших ученых города, одного из утрехтских заложников, взятых Францией в 1673 году. Сперва оклеветанный и поруганный теологами и философами, он был впоследствии присужден идеалистической историей к высшей мере исторического наказания — к забвению [1]). Его главный труд «Естественная философия» не читался и не разрезывался, например в Лейдене, в течение более 250 лет [2]). «Регий остался в памяти как «безрассудный спорщик, хуже того, предатель, плагиатор» [3]). Почему же буржуазная философская память оказалась столь несправедливой к одному из лучших представителей прогрессивной буржуазии XVII века? Потому, что он был «антиметафизиком», потому, что он был зачинателем возникшей на основе преодоления картезианского дуализма школы механического материализма [4]). Достраивая заложенную Марксом и Энгельсом и возведенную Лениным историю философии как часть диалектико-материалистической теории познания (Ленин) и одно из проявлений истории классовой борьбы, необходимо, вскрыв непоследовательности и ограниченности философии де-Руа, отдать ему должное как одному из основоположников материализма нового времени.

---

[1]) В своей пространной «Истории новой философии» «марксист» А. Варьяш честно следует этой идеалистической традиции. У него достаточно места для Гейлинкса, но нет ни слова о де-Руа. Что Варьяшу до истории материализма, что ему до указаний Маркса!

[2]) Ch. Adam et P. Tannery. Oeuvres de Descartes, v. XI, p. 678.

[3]) De Vrijer, цит. соч., стр. 180.

[4]) К. Маркс, Святое семейство, Соч., т. III, стр. 154.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Маневры теоретика „левого“ социал-фашизма

Социал-демократия представляет собою в настоящую эпоху основную социальную опору буржуазии. Ее главная задача состоит в том, чтобы посредством обмана и насилия подчинить рабочий класс диктатуре финансового капитала, превратить рабочие организации в органы фашистского закабаления масс, придать «социалистическое» обличие капиталистическим путям выхода из кризиса и фашистским формам господства буржуазии. В центре ее деятельности стоит борьба с большевизмом как в собственной стране, так и в особенности с растущим социализмом в Советском союзе.

Но кризис капитализма влечет за собой и кризис социал-демократии. Падению ее влияния в пролетарских массах соответствует все более презрительное отношение к социал-фашистским лакеям со стороны их господ, со стороны финансового капитала. Поэтому перед «теоретиками» социал-фашизма встает с особенной настоятельностью двойная задача: привлечь к себе рабочих обманчивой маской «социалистических» или даже «марксистских» фраз и в то же время еще яснее доказать буржуазии лойяльность, деловую компетентность, полезность социал-демократии в борьбе против большевизма и за спасение капитализма. Правые социал-демократы — поскольку они вообще занимаются, помимо полицейской техники, еще и «теорией», — ограничиваются большей частью второй из этих двух задач. Методическое же об'единение обеих задач и марксистская фразеология составляют специальность «левых». При этом они доходят до самых отвратительных форм псевдомарксизма и маскировки фашизма.

Рецензируемая книга Отто Бауэра выдает этот свой характер с самого же начала. В первой строке предисловия автор заявляет: «Международному социализму необходимо ориентироваться в новом мире, возникшем из войны» (стр. 5). На красной обложке книги напечатано: «Предприниматели, рабочие и служащие найдут в этом сочинении ответ на важнейшие экономические вопросы». Это обращение издательства к предпринимателям трезвее, деловитее и бесспорно более соответствует содержанию книги, чем пышные фразы автора.

1 Чем Отто Бауэр интересуется и чем не интересуется

Книга распадается на 4 отдела, посвященных технической рационализации, рационализации и интенсификации труда, рационализации производства и наконец «рационализации и общественному строю».

---

[1]) D-r Otto Bauer. Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg, I Band—«Rationalisierung—Fehlrationalisierung, Iena, 1931 г.

Первые десятки страниц дают в сжатой форме как будто об'ективную картину фактов. Цифры выстраиваются в стройные колонны, технические нововведения детально раз'ясняются с обильными ссылками на специальную литературу, перед читателем развертывается богатый материал, как будто удовлетворяющий требованию материалистической диалектики — выводить общие законы из движения самого предмета.

Однако после первого же отдела все уловки г-на Бауэра становятся совершенно прозрачными. Ссылки на литературу представляют собою пустое щеголяние заглавиями книг. Автор решительно нигде не входит в разбор содержания буржуазной литературы по рационализации. Развертывание всего столь солидного на первый взгляд материала оказывается блефом. Автор нагромождает факты, чтобы произвести впечатление, как на выставке товаров в большом магазине, их массой. Бауэр рассказывает о передаче электрической энергии и сжигании угольной пыли, о теплотехнике и двигателях внутреннего сгорания, о посевных культурах и искусственном удобрении, о гидратизации угля и химии металлов; он описывает работу токарного станка, холодную обработку металла без стружек, нагнетательный способ литья, работу на конвейере, опыты Тэйлора. Он погружается в науку и технику, в биотехнику, психотехнику, в исследования об орудиях труда и профессиях, в кон'юнктуроведение и теорию фабрично-заводского хозяйства, в анализ рынка, в изучение функции спроса, в науку о рекламе и т. д. «Сочащийся кровью и грязью» эксплоататор предстает здесь в виде энтузиаста—ученого и инженера; сущность капитализма—в виде развития науки и техники. Слово «эксплоатация» не встречается ни разу на 266 страницах книги. Мнимая об'ективность Отто Бауэра оказывается рафинированной фальсификацией фактов. Нагромождение «товара», показ отдельных интересных подробностей, выставка всех модных вещей от «инженерного мышления нашего века» (стр. 82) и «физики поля, квантов и электронов» (стр. 20) до «энергетической» теории заработной платы (стр. 166), от «биотехнической рационализации» (стр. 82) до «бихевиористской психологии» (стр. 156),— все это имеет целью отвлечь внимание читателя от того, чего он не найдет у Бауэра. Сотни страниц об успехах техники, но ни строчки об обнищании рабочих в результате капиталистической рационализации, о перегруппировке различных слоев пролетариата, о положении многомиллионной массы работниц и молодых рабочих! Большой цифровой материал о работе электрических заводов, подсчеты продажных цен фабрикантов, но ни одной цифры относительно движения заработной платы и рабочего времени, ни одной цифры по вопросу о несчастных случаях, заболеваниях и смертности среди «рационализированного» пролетариата!

Бауэр развертывает перед читателем все «достижения» капитализма (причем для большего эффекта он говорит о вещах, вовсе не относящихся к «периоду рационализации», как например о развитии универсальных и специальных машин, об их автоматизации и т. д., стр. 46 и сл.). Он рассказывает, как современная наука о труде освобождает работающий организм от возможно большего количества ненужной работы, как она борется с усталостью посредством введения коротких перерывов и целесообразного оборудования, посредством надлежащего освещения и проветривания рабочих помещений, как она «бережно обращается» с рабочей силой и т. д.

На самом же деле это не об'ективный отчет, а насквозь лживая апология капиталистической рационализации, капитала вообще.

Бауэр просто приравнивает капиталистическую рационализацию по-

следнего десятилетия к техническому прогрессу, повышение производительности человеческого труда представляет как сущность рационализации. Но кто знаком с действительными фактами, тот знает, что это неверно. Если мы возьмем даже только те стороны капиталистической рационализации, которые действительно означают изменение методов производства, то и здесь преобладающую роль играет интенсификация труда. Рационализация даже в Германии выразилась прежде всего в интенсификации труда. Этот характер капиталистической рационализации еще яснее обнаруживается, если мы возьмем такие страны, как Чехо-Словакия, Польша, а также Франция.

Было бы неправильно искать сущность вопроса только в количественных величинах, в которых выражается техника в капиталистической рационализации. Даже если бы технические вырезки, которыми оперирует подкупленная капиталом пропаганда рационализации, были правильны, то изложение сущности рационализации Отто Бауэром отнюдь не стало бы правильнее. Речь здесь идет о решающем вопросе, о «качественной» роли техники в капиталистической рационализации при капитализме вообще. Он с неисчерпаемой фантазией рисует те облегчения, которые она несет рабочему. В действительности же техника в капиталистической рационализации, как это охарактеризовал Маркс, является самым сильным орудием борьбы против рабочих.

Капиталистическая рационализация является прежде всего жестоким, рафинированным походом капитала за более усиленное выжимание рабочей силы. Результаты этого наступления известны: огромное повышение производительности труда, с одной стороны, и скачкообразно повышающаяся массовая безработица—с другой [1]).

Рационализация сопровождалась установлением рабской дисциплины на предприятиях, введением системы премий и штрафов, организацией слежки за рабочим коллективом, жестокой борьбой против революционных профсоюзов и коммунистических ячеек на производстве, увольнением революционных или «подозрительных» рабочих, организацией на производстве фашистских групп из мелкобуржуазных и люмпенпролетарских элементов в виде «рабочих» союзов и заводских спортивных клубов, организацией системы подкупа (Батя, Ситроен и т. д.) и наконец подавлением забастовок при помощи социал-фашистской профсоюзной бюрократии и полиции... Все это вместе показывает истинное лицо капиталистической рационализации.

Отто Бауэр скрывает все это. Он ничего не говорит о позиции реформистской профсоюзной бюрократии и социал-демократии, о ее поддержке рационализаторского похода капитала! Ему также нечего сказать и о сопротивлении пролетариата, о скачкообразно возрастающем количестве забастовок, о больших массовых забастовках 1924—1928 гг. Действительно, издательство право, когда в первую очередь оно рекламирует книгу предпринимателям.

II. Новая форма теории «организованного капитала»

Мы должны обратить внимание на три ложных утверждения, которые Отто Бауэр выдвигает и пытается доказать в трех первых главах своей книги:

---

[1]) Здесь речь идет даже не о кризисе, который во много раз увеличил количество безработных, а о периоде, предшествовавшем кризису.

во-первых, что капиталистическое развитие военных и послевоенных лет представляет собой «в развитии техники революционную фазу развития» (стр. 10);

во-вторых, что капиталистическая рационализация улучшает условия труда, означает «крупный, многообещающий шаг вперед»;

в-третьих, что капиталистическая рационализация превратила усовершенствование техники и производства в задачу коллективной, организованной работы всех предпринимателей и таким образом преодолела конкуренцию [1]).

Во всех трех вопросах Бауэр ставит факты на голову. Возьмем первое утверждение. Если бы Бауэр сказал, что военные и послевоенные годы являются периодом революционного развития, то был бы конечно прав. Это — годы всеобщего кризиса капитализма, годы победоносной пролетарской революции в России, мощных массовых революционных движений пролетариата капиталистических стран и эксплоатируемых масс колоний. Но Бауэр говорит нечто совершенно иное. Он говорит о революционном периоде «в развитии техники». На место пролетарской революции он ставит «техническую революцию» и таким образом, маскируясь «революционными» фразами, делает в конце концов капитал подлинным революционером настоящего времени. Этот фокус не нов, он часто применялся в медовые месяцы рационализации социал-демократическими теоретиками, которые стремились придать ему большую достоверность посредством параллели между послевоенной капиталистической рационализацией и промышленной революцией в Англии конца XVIII и начала XIX века. Действительно, если изобретение маленького ткацкого станка вызвало «промышленную революцию», почему не может этого сделать сооружение гигантского блюминга? Подбирать такие примеры, которые имеют отношение к принципиально совершенно различным процессам и эпохам, является, как говорит Ленин, методом всяческих софистов.

В чем заключалась сущность промышленной революции? Не в размерах или мощности ее машин. В свое время машина в руках капитала (как и сам промышленный капитал) играла революционную роль, потому что она окончательно решила победу крупного производства над мелким, фабрики над ремеслом, молодого прогрессивного буржуазного общества над остатками средневековья. Какова же в настоящее время роль машины в руках капитала? Она играет ту же роль, что и сам капитал. Она является уже не орудием проведения нового, прогрессивного способа производства, а орудием сохранения загнивающего, гибнущего. Она является орудием не только феодального общества, а орудием против социализма. С 1917 г. борьба между капиталистическим миром и социалистическим Советским союзом, между капиталистическим и социалистическим способом производства является «осью» мировой истории. Капиталистическая рационализация играла в этой борьбе определенную контрреволюционную роль не только с точки зрения пропаганды («процветание» Соединенных штатов в противоположность «хозяйственному развалу» большевизма), но и в экономической и политической практике.

Новая техника наряду с тем, что она служит орудием капиталистической рационализации (а мы знаем, что она была не единственным, а в боль-

---

[1]) «В прежнее время отдельные предприниматели скрывали свои улучшения от других предпринимателей, чтобы одолеть их в конкурентной борьбе. Однако с развитием и организацией промышленного сотрудничества отпадает и эта преграда. Усовершенствование хозяйственного (!) труда становится теперь общественной задачей, над которой совместно работают инженеры, химики, организаторы производства, какому бы предприятию они ни служили, и итоги их работы могут быть использованы всеми предприятиями» (стр. 128).

шинстве предприятий даже не главным орудием рационализации), вместе с тем оказывает еще и другое действие. Новая техника в конце концов сильно обостряет противоречия самого капиталистического способа производства и накопляет взрывчатые вещества. В этом смысле можно, пожалуй, и в настоящее время говорить о революционной роли техники при капитализме.

Впрочем и само техническое развитие из-за тенденций загнивания, присущих империализму, вовсе не таково, как это выглядит под пером апологетов капитализма, смазывающих эти тенденции. Было бы конечно ошибкой утверждать, что техника вовсе не развивалась. Наоборот, она развивалась очень быстро, а в некоторых отраслях промышленности и в некоторых странах даже быстрее, чем когда-либо раньше при капитализме. Но этот сильный рост техники охватывал даже в самых передовых странах лишь незначительное меньшинство предприятий и незначительную часть рабочих. Больше того: наряду с бешеными успехами техники в одних отраслях мы видим относительный застой технического развития в других отраслях производства (текстильная промышленность, промышленность, производящая продукты потребления, сельское хозяйство). Мы видим также относительный застой и в определенных странах (Англия). Обо всем этом Бауэр умалчивает. Все это — неизбежное следствие монополии, которая дает капиталисту «хозяйственную возможность искусственно задержать технический прогресс» (Ленин). Примеров подобного рода мероприятий капиталистов достаточно. Время от времени мы видим прямой регресс технического развития в решающих областях, например регресс в отношении приводных моторов в немецкой промышленности. Монополии, особенно в послевоенный период [1]), все больше и больше тормозят развитие производительных сил даже тогда, когда они частично развиваются абсолютно быстрее, чем раньше. Особенно убедительно это доказывается сравнением с темпами экономического развития в СССР. Смешно говорить о «промышленной революции» в капиталистическом мире даже только в узкотехническом смысле наряду с гигантским переворотом в области техники в Советском союзе.

Возьмем второе утверждение Бауэра: капиталистическая рационализация кладет конец хищнической эксплоатации благодаря улучшению условий труда. Достаточно привести несколько цитат и цифр из буржуазной литературы о болезнях и несчастных случаях, чтобы опровергнуть гнусную ложь Бауэра. Так например фабрично-заводской врач Тельский пишет в католической газете «Der Deutsche» от 9 октября 1929 г. о росте заболеваний в рейнской металлургической промышленности: «Новая работа с новыми орудиями и веществами ведет между прочим к тяжелым нервным, мышечным, суставным и ревматическим заболеваниям. Поспешность в работе, потрясения, влияния брудий, топки, сварочных и точильных машин, железных сооружений являются причиной этого». «Число несчастных случаев (в немецкой промышленности) с 1914 г. беспрерывно из года в год нарастало. В общей сложности количество заявленных несчастных случаев с 1924 по 1929 г. равнялось 6 млн., т. е. за этот период на каждого занятого в производстве рабочего приходился приблизительно один случай. Из этих 6 млн. 3 миллиона падают на последние годы. В 1929 г. было заявлено приблизительно

---

[1]) См. Вл. Войтинский, Труд и машина в немецком хозяйстве, «Die gesellschaft», 1928, I, S. 137.

Отто Бауэр имеет наглость рассматривать именно войну с ее огромным уничтожением материальных производительных сил как период «революционного» развития техники отчасти потому, что к этому времени относится открытие ряда суррогатов, отчасти потому, что недостаток рабочих рук заставил САСШ вводить машины для производства боевых припасов.

вдвое больше несчастных случаев, чем в 1913 г., и больше чем вдвое по сравнению с 1924 г.».

У Отто Бауэра мы и намека на это не находим. Этот пронырливый «социалистический» лизоблюд капитала интересуется всевозможными техническими и психотехническими модными вопросами, но о фактах, иллюстрирующих капиталистическую рационализацию, о н у м а л ч и в а е т. В действительности благодаря своим «научным методам» рационализация возвела хищническую эксплоатацию рабочих при капитализме на неведомую до сих пор высоту.

Мы переходим теперь к третьему тезису Отто Бауэра. Здесь, как и в обоих предыдущих пунктах, Бауэр берет действительные факты, удаляет все противоречия и затем ставит их на голову.

Факты, которыми пользуется Бауэр для своих софистических фокусов, Ленин еще в 1914 г. охарактеризовал следующим образом: «Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности, обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований» (Ленин, «Империализм, как высшая стадия капитализма», стр. 89).

Означает ли это «обобществление технических открытий и усовершенствований» посредством капиталистической монополии также устранение конкуренции? Ни в коем случае. Н а о б о р о т, именно это «обобществление» и вместе с тем быстрый рост технического развития «несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов» (там же, стр. 92). Он расширяет и углубляет основное противоречие капитализма, противоречие между растущим обобществлением труда и частным присвоением.

Если Бауэр находит, что технические и экономические журналы и конгрессы, государственные нормировочные комиссии и т. д. прорвали рамки отдельных предприятий, то то же самое можно утверждать и о государственных железных дорогах, о почте, о пожарном деле и об общественных уборных. Все это разумеется весьма умножилось. Но это ни в каком отношении не устранило и не сократило границ монополизации технического прогресса частным капиталом. Для нашего времени характерно наоборот огромное усиление этой монополизации, почти полное подчинение даже исследовательской и изобретательской деятельности капиталистическим трестам, их конкурентной борьбе, их политике секретного ведения дел и покупки патентов.

Итак, во всех трех своих утверждениях Отто Бауэр ставит факты вверх ногами. Но самые эти утверждения далеко не новы. Не фальсификация фактов, как таковая, интересует нас здесь. Мы привыкли уже ко многому со стороны Отто Бауэра. Значение его книги для «дальнейшего развития» социал-фашистского псевдомарксизма заключается в совокупности трех его тезисов и в тех выводах, которые он из них делает. Мы имеем здесь перед собой н о в у ю форму теории «о р г а н и з о в а н н о г о к а п и т а л и з м а».

Родоначальником теории «врастания в социализм» является Бернштейн. Он опирался при этом, как вообще ревизионизм в начале века, на открытую ревизию марксизма, на отрицание всеобщих законов капиталистического накопления, причем он отрицал не только обнищание пролетариата, но и концентрацию капитала. Ввиду расцвета монополистического капитализма (не говоря уже о других причинах) эта форма ревизионизма сделалась непригодной. Теория «организованного капитализма» и была создана как раз теми людьми, которые выступили в свое время «в защиту» марксизма и теории концентрации против Бернштейна, т. е. Каутским, Гильфердингом, Отто Бауэром. Но они взяли при этом т о л ь к о о д н у с т о р о н у марксова закона

капиталистического накопления, именно концентрацию и централизацию капитала (выбросив из нее внутренние противоречия, т. е. связав ее со старыми гармонистическими теориями), и всячески затушевывали и отвергали другую сторону — обнищание пролетариата. На этой основе было затем построено все остальное. Монополизм изображался как преодоление конкуренции и кризисов, как переход к «организации» и плановому руководству производством, как «социалистический принцип» и т. д.

Мировой экономический кризис наших дней, глубочайший из кризисов, когда-либо переживавшихся капитализмом, разбил эти теории в пух и прах. Но он отнюдь не привел социал-демократических теоретиков к отказу от их коренного извращения марксизма. Теория организованного капитализма не умерла, — она только меняет свою форму. Книга Отто Бауэра и есть первая «крупная» попытка в этом направлении.

Исходным пунктом, первоначальной формой этой теории была открытая, еле замаскированная марксистскими фразами гармонистическая теория. Капиталистические производственные отношения должны «сами из себя» преодолеть противоречия; концентрация и централизация должны уничтожить анархию производства, устранить кризисы. Теперь Бауэр отказывается от этой концепции. Он не может проповедывать теорию «организованного капитализма» в открытой форме. Он ищет другого опорного пункта и находит его «по ту сторону социально-экономических отношений», а именно в технике. «Революционное» развитие техники — вот что характеризует нынешний этап капитализма. «Техническая революция понижает... издержки производства, понижает и цены (!), она делает доступными для масс также товары и услуги, которыми прежде могло пользоваться только незначительное меньшинство» (стр. 117). Техника «онаучнивает» трудовой процесс («бережное обращение» с рабочей силой и т. д.) и ведение предприятия, она создает в конце концов «промышленное сотрудничество» и переход к научному руководству хозяйством, — словом, техника творит новый мир.

«По мере своего роста капитализм, вступивший в организаторский период своего развития, пришел к тому, что создал новые системы норм, упраздняющие суверенность отдельных предприятий и вновь подчиняющие их общественным нормам» (стр. 138).

«Правда, этому обобществлению творческих умственных сил все еще противоречит факт конкуренции... это препятствие отпадает лишь тогда, когда предприятия об'единяются в деловые союзы, которые обмениваются своими патентами, или когда они растворяются в концернах и трестах, монополизирующих рынок. Коллективизация творческой умственной работы может поэтому делать дальнейшие успехи (!) только в связи с концентрацией и организацией (!) капитала. Она представляет собой частичное проявление перехода от старого индивидуалистического капитализма, покоящегося на свободной конкуренции, к современному, организованному, монополистическому капитализму» (стр. 128).

Тут перед нами основная суть теории «организованного капитализма», но в иной форме. Противоречие, анархия капитализма формально допускаются, но лишь для того, чтобы показать, как «независимое от общества» могущество техники преодолевает их. Техника, рационализация вообще, освобожденная от своей капиталистической формы, от своего классового характера, — вот, по Бауэру, та сила, которая, порождая «инженерное» мышление и восходя от фабрично-заводской техники к фабрично-заводскому

хозяйству и к хозяйству в целом, научно «элиминирует» эксплоатацию и, «выйдя за пределы техники, подчиняет себе и преобразует также и всю остальную хозяйственную деятельность» (стр. 163), — словом, планомерно организует капитализм, превращая его в социализм. Решающую роль играет при этом буржуазное государство.

Но пока «мы стоим только в начале этого развития» (стр. 163). Отто Бауэр осторожен. Он не забывает даже отметить в конце отдельных глав своей книги разные «противоречия» в этом развитии, а в особом отделе он раз'ясняет предпринимателям их ошибки. Не будем останавливаться на количественном несоответствии между этими немногими заключительными строчками, в которых говорится о «противоречиях», и апологетической сутью всего предшествующего изложения. Принципиально важно то, что под этими «противоречиями» Бауэр понимает отнюдь не то же самое, что Маркс и Ленин, не основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, между обобществлением труда и частным присвоением его продуктов, не закон движения буржуазного общества. У Бауэра это противоречие в экономической структуре общества превращается в «противоречие» между какой-то сверхисторической «техникой» и «наукой рационализации», с одной стороны, и «общественным строем»—с другой, как бы не поспевающим за бешеным темпом техники. Марксово противоречие порождает классовую борьбу пролетариата, взрывающую капиталистические отношения, т. е. капиталистический «общественный порядок». Бауэровское же «противоречие» приводит к тому, что «мыслительный механизм, давным-давно хорошо известный промышленной технике», начинает распространяться «и на решения, относящиеся... к процессу обращения капитала» (стр. 163), — оно приводит к «рационализации общественного порядка» (стр. 200).

«Максимальный под'ем хозяйственности требует освобождения общественного производительного аппарата (!) от оков, налагаемых самим общественным строем на реализацию этого аппарата, на придание научного характера его использованию и на его развитие. Он требует рационализации самого общественного строя» (стр. 200).

Общественным строем вообще оказывается капиталистический строй. Рационализировать его — значит сохранить его и развивать его дальше. Другими словами, Отто Бауэр выступает здесь за программу «планирования» капитализма, которая в последнее время, под огромным впечатлением кризиса капитализма и социалистического строительства в СССР, была провозглашена целым рядом буржуазных экономистов и министров и которая, маскируя собой закабаление, хищническую эксплоатацию пролетариата, особенно характерна как раз для фашистских методов господства финансового капитала.

Но Отто Бауэр действует осторожно. Он крайне озабочен сохранением псевдомарксистской видимости. Он изображает дело так, будто его «промышленное сотрудничество» есть лишь дальнейшее развитие того, что Маркс называет «обобществлением труда». Маленькая разница лишь в том, что, по Марксу (и на самом деле), обобществление труда приводит к углублению противоречий капитализма, а у Бауэра — наоборот. Еще грубее псевдомарксизм Бауэра там, где он старается придать себе «материалистический» вид. Он исходит из техники—ведь это поразительно материалистично! Техника воздействует на мышление, а это последнее переносит технический «мыслительный механизм» на общество. За материалистической видимостью здесь скрывается самый вульгарный механицизм на общем фоне плоского идеализма.

Германский социал-фашизм охарактеризовал на лейпцигском партийном с'езде свою нынешнюю роль такими словами: «мы — врачи капитализма». Отто Бауэр у них терапевт и «теоретик» (есть среди них и хирурги, работающие без особой теории и с большим кровопролитием). В рецензируемой книге он дает не только теоретическое обоснование этой врачебной деятельности, но, как мы сейчас увидим, и диагноз болезни и рецепт для ее исцеления.

III. Диагноз экономического кризиса и рецепт

Мы уже говорили о том, с каким бесстыдством Бауэр прикрашивает капиталистическую рационализацию и ее последствия для рабочего класса. Мы находим у него все, что повергает в трепет мещанина, лежащего на брюхе перед капиталистом,— от «качалок и спортивных площадок для работниц» до «уютных крупповских рабочих домов», от предложения «включить» в марксизм «достижения новой индуктивной эры американской политической экономии» (стр. 156) до расшаркивания перед величием Гувера как вождя на пути «планомерной организации и планомерного использования промышленного сотрудничества» (стр. 125).

Но рассмотрим теоретическую суть вопроса. Бауэр определяет капиталистическую рационализацию следующими словами: «Цель всякой рационализации — под'ем производительности труда» (стр. 192). «Сущность рационализации вообще... заключается в том, чтобы сберечь возможно большее количество труда, не необходимого для требуемого полезного эффекта, и чтобы использовать освободившуюся таким образом рабочую силу для увеличения этого эффекта» (стр. 81).

Здесь перед нами—основная суть теоретической путаницы, умышленно создаваемой Бауэром, суть его лакейского прикрашивания эксплоатации. С шулерской развязностью он подставляет вместо капиталистической рационализации «рационализацию вообще», вместо экономического анализа — чисто технический подход к делу, вместо марксистского подхода, открывающего за «техническими» формами проявления сущность, классовый характер капиталистической рационализации,—тот вульгарно-фетишистский взгляд, который заклеймен Марксом в «Капитале» как метод защитников капитализма.

«Рационализация вообще» есть здесь совершенно бессмысленная абстракция. Перед нами в действительности два принципиально различных факта: капиталистическая и социалистическая рационализация. Мы имеем капиталистическую рационализацию в буржуазной Европе и Соединенных штатах и социалистическую рационализацию в Советском союзе. Первая совершается на базе анархического, противоречивого, неравномерного капиталистического развития, вторая — на базе социалистического планового хозяйства, на основе быстрой индустриализации и организации крупных социалистических хозяйств в деревне. Первая главным образом заключается в реорганизации старых отсталых предприятий; вторая, наряду с реорганизацией и реконструкцией старых, в бурном строительстве новых предприятий. Первая исходит прежде всего из интенсификации труда при удлинении рабочего дня до 9, 10 и большего количества часов и снижения зарплаты; вторая, наоборот, исходит из технического переворота во всем производственном процессе, сочетая повышение интенсивности труда с сокращением рабочего дня до 7 и меньшего количества часов и с постоянным повышением зарплаты. Первая выбрасывает миллионы рабочих на улицу и вызывает постоянно растущую массовую безработицу; вторая вовлекает ежегодно миллионы новых рабочих в произ-

водственный процесс и совершенно ликвидировала безработицу. У первой все время скачет вверх цифра несчастных случаев, болезней, смертности; вторая, наоборот, содействует ее постоянному снижению. У первой рабочий является об'ектом рационализации, чья инициатива и творческая сила сковываются, чьи классовые организации подавляются; у второй рабочий—суб'ект рационализации, его работа получает новое содержание, у него в форме соцсоревнования и ударничества развивается еще не имевший места в истории производственный энтузиазм и т. д.

Совершенно ясно, что смешивать эти вещи, ставить их в ряд, отождествлять — невозможно. Отто Бауэр ввиду полной невозможности этого вынужден сделать следующую оговорочку. Он пишет: «Рационализация (всякая?!) развивается в капиталистическом обществе, хозяйственная деятельность, переводимая на научную базу, служит капиталу, его стремлению к максимально высокой прибыли» (стр. 164).

Ложь! Мы имеем здесь дело не с бесклассовой, так сказать, «рационализацией вообще», которая только «служит» капиталу, чтобы, как мы уже слышали от Отто Бауэра, обратить его в конце концов на путь «рационализации общественного строя», а имеем дело с капиталистической рационализацией, которая с самого начала по своему существу является эксплоататорской. Утверждать, что самая цель капиталистической рационализации заключается в «под'еме производительности труда», значит просто надувать рабочих. Ее цель—повысить прибыль, усилить эксплоатацию. Этот факт налагает свою печать на все отдельные черты капиталистической рационализации. Это одна из элементарнейших истин, тысячу раз подтверждавшаяся картиной развития последних лет. Ее отрицание приводит Бауэра к прямому насилию над фактами.

Примером может служить его «об'яснение» интенсификации труда. Уже в вышеприведенном определении капиталистическая рационализация об'ясняется как средство «сбережения труда». Несколькими страницами ниже интенсификация труда изображается так, словно она «только использует энергию, сбереженную благодаря физико-технической рационализации; общий расход энергии не увеличивается, и рабочая сила не подвергается таким образом хищнической эксплоатации» (стр. 94). Это — беспощадное искажение фактов, отлично известных Отто Бауэру. Конвейерная система «заставляет вводить для рабочих облегчения, без которых они вообще не могли бы выполнять столь тягостную работу» (стр. 85), — говорит Бауэр и дает затем на 20 страницах благоговейное описание этих методов, «облегчающих» рабочим их труд. О колоссальнейшем же расхищении рабочей силы, которое фактически производится капиталистической рационализацией посредством повышения интенсивности труда и т. д., Бауэр не упоминает совершенно. «Облегчение» труда рабочих есть наглая ложь. Но пусть даже оно действительно имело бы место. Тогда успехи техники, облегчающие солдату ношение оружия, были бы, по этому бауэровскому «методу» рассуждения, доказательством прогрессивности империалистической войны; людоед, вооруженный ножом и вилкой, был бы живым доказательством прогрессивности каннибализма...

Другим блестящим достижением Бауэра в деле затушевывания эксплоатации является его «энергетическая теория заработной платы». «Рабочий,—говорит Отто Бауэр,—расходует энергию в процессе жизни и в процессе труда». Пока он работает, предприниматель «должен» выплачивать ему в заработной плате цену обеих этих энергий, и получаемая рабочим плата «должна» дать ему возможность восстанавливать эти энергии (стр. 166). Но когда рабочий теряет работу, тогда общество «должно» «дать возможность и безработному сохранить свою трудоспо-

собность... оно должно поэтому обеспечить (!) ему пособие по безработице... достаточное для возвращения телу энергии... расходуемых в процессе жизни» (стр. 166).

Эта «марксистски» подмалеванная теория представляет собой на деле клубок грубейших ошибок и заведомых измышлений в интересах эксплоататоров. Во-первых, заработная плата есть цена рабочей силы, которой при благоприятных условиях определяется стоимость этой силы, а не «расходуемыми» энергиями в отличие от курьезных представлений Бауэра, будто рабочему возмещается «расход его энергии на деятельность пищеварительного аппарата» (буквально!). Процесс жизни есть процесс воспроизводства рабочей силы, а не протекающий наряду с трудовым процессом «в собственном смысле» какой-то другой трудовой процесс, входящий особой составной частью в заработную плату. В основе этой теории Бауэра лежит вульгарный буржуазный взгляд на заработную плату как на «цену труда».

Во-вторых, капиталист вовсе не «должен» платить рабочему столько, чтобы тот мог полностью воспроизводить свою рабочую силу. В действительности он этого «по большей части и не делает» (как указывает Маркс, «Капитал», т. II, ч. 1-я, стр. 486), и «прямое расхищение необходимого потребительского фонда рабочего» играет очень важную роль в фактическом движении заработной платы («Капитал», т. I, стр. 563, 566). Не говоря уже об обесценении рабочей силы во время кризисов, массовая безработица, падение заработной платы ниже ее стоимости суть постоянные сопутствующие явления капитализма, принявшие как раз в наши дни необычайные размеры. «Забыть» об этом — значит бесстыдно прикрашивать капитализм.

В-третьих, безработный рабочий вовсе не «должен» получать пособие. Такого экономического закона не существует, как хотел бы втолковать своим читателям Бауэр, разделяя с этой целью заработную плату на две части (оплата трудового процесса и процесса жизни). И действительно, за всю историю капитализма пособие по безработице выдавалось только в тех исключительных случаях, когда рабочий класс сам завоевывал его себе. Но и в этих случаях пособие выплачивается безработным вовсе не «в виде компенсации за расход энергии в процессе жизни». В этой теоретической фразе таится двойная подлость. Утверждение, что выдаваемое пособие «должно» быть достаточно высоким для поддержания жизни рабочего и его семьи, хотя бы только в смысле элементарнейшего прожиточного минимума, представляет собой просто ложь, тысячу раз опровергнутую фактами. Что же касается приводимого Бауэром доказательства, что рабочий может воспроизводить свою рабочую силу и в том случае, когда получаемое им пособие равняется не стоимости этой рабочей силы, а только расходуемым в «процессе жизни» «энергиям», то тут мы имеем дело с гнусным теоретическим обоснованием голодного пособия, «достаточного, чтобы не умереть, но недостаточного, чтобы жить», с выступлением в пользу сокращения пособия по безработице. Поистине книга для предпринимателей!

Изложенная теория заработной платы является однако в сущности только отправной точкой для перехода к венцу книги, к теории «ошибочной рационализации». Отто Бауэр писал свою книгу, как он сам сообщает в предисловии, с неоднократными перерывами. Если в первых ее главах еще отражаются, несмотря на позднейшую ретушировку, иллюзии буржуазии времен «периода рационализации», то последняя глава отражает уже горькое похмелье после разразившегося кризиса. Бауэр берет мрачные тона и ставит — подумать только! — прославляющее период рационализации словечко «революционный» в кавычки. Среди широких масс рабочих связанные с ра-

ционализацией иллюзии потерпели полное крушение. Чудовищный рост эксплоатации и обнищания очевиден. Но вместо того, чтобы об'яснить эти факты, явившиеся необходимым результатом капиталистической рационализации, эксплоататорским характером последней, вместо того, чтобы призвать массы к борьбе против разбойничьей капиталистической рационализации и эксплоатации вообще,—вместо этого Бауэр изобретает новый метод ее защиты, лучше приспособленный к новому положению. Виновата не капиталистическая сущность рационализации, а некоторая ошибка. Рационализация «вообще» превращается в ошибочную рационализацию «вообще».

Бауэр делает вид, будто исходит из факта противоречия между интересами предпринимателей и «общественными интересами». Рационализация уменьшает, по его словам, издержки производства отдельного предпринимателя на величину, равную сбережению рабочих сил минус повышение «твердых издержек», но она увеличивает тем самым издержки на «прокормление, переобучение и переселение рабочих, потерявших работу в результате технического переоборудования» (стр. 172). Эти издержки Бауэр присчитывает к действительным, т. е. капиталистическим, издержкам производства и называет получившуюся сумму «общественными издержками производства» в противоположность «капиталистическим издержкам».

Мы имеем здесь образцовый пример той смеси софистики и невежества, которая характерна для современных социалистических «теоретиков». Что представляют собой эти «общественные издержки производства» у Бауэра? Полную бессмыслицу. В капиталистическом способе производства, являющемся товарным производством, основывающимся на частной монопольной собственности на средства производства, нет места этой категории общественных издержек производства.

У Бауэра слова «общественные издержки производства»—только пустая фраза.

«Пауперизм, — пишет Маркс, — создает инвалидный дом активной рабочей армии, мертвый груз промышленной резервной армии. Появление пауперизма является составной частью относительного перенаселения, его неизбежность коренится в ее неизбежности, с ней вместе он образует жизненные условия капиталистического производства и развития богатства. Он относится к faux frais (мнимым издержкам) капиталистического производства, которые капитал большей частью сбрасывает с себя на плечи рабочего класса и небольших промежуточных групп» («Капитал», т. I, стр. 609).

Пауперизм, т. е. нищета, безработных является таким образом не неприятным следствием, а условием существования капитализма. С ростом аккумуляции и богатства на одном полюсе растет перенаселение и нищета масс—на другом. Таким образом Бауэр пытается превратить противоречия действительности в чисто арифметическую ошибку. «Было ошибкой,—говорит он, обращаясь к буржуа, — так обогащать себя, ибо теперь приходится раздавать большие милостыни». Бауэр пытается «научно» прикрыть этот забавный счет. Он это делает для одурачивания читателя путем сложных алгебраических формул. Выражение «общественные издержки производства» он принимает буквально и делает смешную попытку вычесть так называемые «общественные» прибавочные издержки из капиталистических сверхприбылей, чтобы выяснить «с общественной точки зрения» смысл и целесообразность рационализации. «Если общественная прибавочная затрата на безработных больше, чем сбережения, достигаемые отдельным предпринимателем посредством технического переоборудования, то это последнее оказывается с общественной точки зрения ошибочной рационализацией» (стр. 172).

Отто Бауэр в действительности хочет превратить здесь прибыль в «общественный» масштаб для оценки целесообразности рационализации. Вычет затрат на безработных из прибылей может иметь смысл лишь постольку, поскольку предприниматели в целом покрывают налогами, взносами в страховые кассы и т. д. расходы на пособие безработным. Но в действительности это нигде не имеет места: ни в Германии, ни в Англии, ни во Франции, несмотря на различные формы, в каких безработным оказывается (или не оказывается) поддержка. Повсюду рабочие сами наряду с мелкой буржуазией покрывают значительнейшую часть этих расходов посредством уплаты страховых взносов или налогов, т. е. посредством поддержки безработных родственников и т. д. Бауэр же пишет, что «добавочная затрата на поддержку безработных... возлагается на предпринимателей, отнимает у них выгоды от рационализации и обнаруживает таким образом ошибочность этой последней» (стр. 175).

Итак, предпринимательский «социалист» Бауэр льет «чисто научным способом» воду на мельницу живодеров—промышленников, которые под теми же предлогами урывают у безработных их пособие. Действительная причина, лишающая предпринимателей выгод от рационализации, заключается конечно в перепроизводстве, в недостаточном использовании предприятий, в самом капиталистическом способе производства с его противоречиями, а вовсе не в поддержке безработных.

Капиталистическая рационализация возложила на пролетарские массы и безработицу и поддержку безработных (не говоря уже об интенсификации труда, снижении заработной платы, удлинении рабочего дня). Отто Бауэр ухитряется «пропустить» при подсчете предпринимательских прибылей налоговую обремененность широких масс и нищету безработных, составляющую основу этих прибылей, и, проделав эту шулерскую передержку, он с научной миной болтает вздор об «ошибочной рационализации»!

Что Бауэр действительно берет прибыль за мерило целесообразности рационализации, выясняется тотчас же, как только мы выразим его расчет обычным языком, а не в замаскированном виде. Рационализация по Бауэру имеет положительное значение лишь тогда, когда экономия на заработной плате, т. е. прирост прибыли, превышает дополнительные «твердые издержки» плюс пособие безработным. И этот расчет называется «общественным», «социалистическим»? Да ведь это чисто капиталистический расчет! Единственным представителем «общественной» точки зрения является при нынешнем капиталистическом строе пролетариат, противостоящий классу капиталистов. Но Бауэр противопоставляет друг другу не два этих класса, а «отдельное лицо» всему «обществу», т. е. на деле отдельного предпринимателя—капиталу в целом. Поэтому он не противопоставляет капиталистической рационализации социалистическую, но противопоставляет «ошибочную рационализацию» рационализации в интересах всех капиталистов. Он выражает это так: «Ошибочная рационализация увеличивает прибыль отдельного предпринимателя, но уменьшает чистый доход общественного целого» (стр. 167). Читай: она понижает норму прибыли для всех и уменьшает в конце концов благодаря неизбежному кризису совокупную прибыль.

«Общественная точка зрения» Бауэра разоблачается как точка зрения капитала в целом. Здесь перед нами обнаруживается в области экономической теории политическая роль социал-фашизма, который свою защиту интересов всего капитала в целом против отдельных капиталистов или отдельных капиталистических слоев выдает за «борьбу против капитала», тогда как на самом деле он представляет интересы капитала во всех его формах против пролетариата. «Общественная точка

зрения» Отто Бауэра в вопросе о капиталистической рационализации и о кризисе есть таким образом не что иное, как дополнение и так сказать «экономическое обоснование» для социал-фашистской выдумки о «надклассовом» государстве. Несколькими страницами ниже появляется и само это государство как та сила, которая должна устранить эту ошибочную рационализацию.

Но прежде чем обратиться к разбору предлагаемого здесь Отто Бауэром рецепта, скажем несколько слов об отделе «Границы рационализации», отделе, который непосредственно следует за «Ошибочной рационализацией» и посвящен теоретическому и «социалистическому» обоснованию и даже «марксистской» маскировке этого рецепта. Отто Бауэр дает здесь в корне неверное «техническое» об'яснение промышленного цикла и кризисов.

«Последняя причина этого промышленного цикла заключается,—пишет Бауэр,—в том, что капиталистическое общество не может планово и равномерно распределить обновление, расширение, техническое усовершенствование своего производственного аппарата по отдельным годам, а всегда концентрирует эту работу на несколько лет, чтобы затем на несколько лет прервать ее».

Действительная причина кризисов — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения и вытекающее отсюда стремление к неограниченному расширению производства при ограничении потребления прогрессирующим обнищанием масс — обходится здесь полным молчанием в угоду такому моменту, который является не причиной кризисов, а лишь следствием кризисов.

Бауэр цитирует следующие места из «Капитала» как оправдание своей теории:

«В этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собою оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» (Маркс, Капитал, изд. 1931 г., стр. 122).

Итак Бауэр и здесь искажает Маркса. Во-первых, изменение постоянного капитала есть не просто техническая, а экономическая категория; во-вторых, она является не причиной кризисов, а только материальной основой их периодичности. Развитие техники является фактором, который воздействует на продолжительность промышленного цикла. Только невежда или софист может считать его причиной кризиса.

Немецкие трестовики и подкупленные ими профессора политической экономики значительно изменили свое отношение к технике. Когда-то, во время расцвета рационализации, она рисовалась ими в розовых красках, изображалась, как путь к новой жизни, к хозяйственному «миру», чтобы заставить рабочих терпеливо относиться к усиленной эксплоатации. Теперь, когда кризис разразился, она рисуется в мрачных красках как непосредственная причина кризиса. Если прежде наступление капитала было выражением несущей всем неисчислимые блага, «стоящей над классами техники», то теперь не капитала, а именно техника является причиной кризиса.

Тот же переход от опьянения к глубокому унынию находим мы у социал-демократических лакеев. Теоретики немецкой социал-демократии никогда не понимали марксову теорию кризисов. До войны она интерпретирова-

лась как теория недопотребления, как теория диспропорциональности и т. д. (Каутский, Гильфердинг и пр.). После внезапного краха иллюзий «организованного капитализма», когда разразился кризис, стало ясно, что не только теория «организованного капитализма», но и теория кризисов оказались банкротами перед лицом фактов. Отсюда попытка Бауэра сконструировать новую «марксистскую» теорию кризисов, путем выведения кризисов из техники, из темпов рационализации. С ловкостью фокусника умудряется Бауэр выставить главным козлом отпущения самое развитие техники, которое он сам сначала столь усиленно восхвалял. На сцену появляется модная теперь «техническая» теория кризисов. Не капитал, а техника, «темп» технического прогресса в период под'ема несет ответственность за опустошающее действие разразившегося кризиса.

Обнищания масс для Бауэра не существует. Жизненный уровень широких масс, по его мнению, повышается, только не тем же темпом, как производительность труда. И это последнее обстоятельство об'ясняется вовсе не эксплоатацией, а расточением рабочей силы. Рабочая сила расточается прежде всего в производстве средств производства, которые затем годами или даже навсегда могут остаться без употребления (стр. 187). Вследствие изменения цен или размеров продукции «оказывается, что значительная часть построенного оборудования повысила общественные издержки производства, а не понизила их, что она понизила, а не повысила чистый доход общественного труда» (стр. 192). Это — ошибочная рационализация также и с общественной точки зрения, говорит Бауэр (стр. 190).

Итак, капиталистические производственные отношения вместе с кризисом, монополией и т. д. Бауэр принимает за такие же готовые данности и основы для своих «социалистических» подсчетов, как выше он это сделал с безработицей. По Бауэру, развитие производительных сил понизило производительность человеческого труда! Виновным оказывается убитый, а не убийца!

Но вот исцеляющий рецепт «врача» капитализма! Deus ex machina, за который цепляется Бауэр,—это государство, т. е. буржуазное государство, которое для Отто Бауэра так же стоит «над классами», как техника, и «по ту сторону капитализма» и социализма, как рационализация. В государстве Отто Бауэр нашел панацею в том, чтобы «инженерообразное» мышление перенести на общество и «рационализировать общественный строй». Книга Отто Бауэра появилась еще за полгода до новейших с.-д. теорий госкапитализма, которые прославляли миллиардные подарки немецкого и австрийского правительства обанкротившимся банкам как начало новой «госкапиталистической» эпохи. Зачатки этих маневров обнаруживаются уже в его книге. В чем заключается, по мнению Отто Бауэра, выход из кризиса? В... огосударствлении!

«Источник ошибочных рационализаторских процессов иссяк бы только при таком общественном строе, при котором предприятия принадлежали бы государству, и государство должно было бы в то же время нести расходы по поддержке безработных и т. д. Здесь мы имели бы вместо капиталистической общественную калькуляцию издержек производства» (стр. 176).

Что это государство Отто Бауэра есть буржуазное государство, совершенно ясно из следующего:

«Государство, — пишет он, — лишь тогда было бы заинтересовано в мероприятиях по рационализации, если бы сбережения на издержках производства в отдельных предприятиях превышали расходы на пособия безработным (включая сюда расходы по переселению, по переподготовке), которые потеряли работу благодаря рационализации» (стр. 176).

Бауэр, таким образом, просто переносит на государство роль предпри-

нимателей, капиталистов. Совершенно ясно, что даже самая высокая ступень огосударствления капиталистического производства не в состоянии уничтожить анархию капиталистического производства и кризисы, а наоборот, только обострила бы внутренние противоречия этого способа производства.

Но посмотрим, что представляет собой сам бауэровский госкапитализм и его «общественная рационализация».

По существу и способ производства и капиталистическая рационализация остаются без всяких перемен. Попрежнему при этом бауэровском «социализме» рабочие теряют работу из-за машины. Изменились лишь расчеты по пособиям безработным. Попрежнему производство регулируется прибылью, которая только «справедливее» распределяется между всеми капиталистами. В чем же разница? Отто Бауэр отвечает: «Рационализация производилась бы тогда медленнее, но непрерывно. Производимая лишь по мере того, как освобождающиеся рабочие силы можно было бы перебрасывать в другие отрасли общественного производства, рационализация уже не оплачивалась бы в социалистическом обществе длительной безработицей масс» (стр. 176).

Если отвлечься от внешних прикрас, то сказанное сводится к двум словам: рационализировать медленнее! Бауэр хотел бы затормозить техническое развитие. В этом рецепте ярко обнаруживается — после лживого прославления техники в первых главах — подлинная, насквозь реакционная сущность социал-фашистского мелкого буржуа, который в качестве лакея монополистического финансового капитала выдает в момент кризиса его настоящую экономическую программу — удушение общественных производительных сил в интересах прибыли. Бауэровская формула «рационализации общественного строя» наполняется таким образом вполне конкретным содержанием.

Понятно само собой, что Бауэр не пропагандирует эту программу открыто, а маскирует ее всяческими аксессурами. Так он уверяет, что он отнюдь не за задержку рационализации, а только за «освобождение ее дальнейшего развития от преград» (стр. 201). Та же самая маскировка и в вопросе о «рационализации общественного строя». Бауэр говорит, что она может быть достигнута только «в классовой борьбе рабочего класса против класса капиталистов» (стр. 226). Но в сущности все эти фразы доказывают только, что Бауэр за, а не против капиталистической рационализации, как и те буржуа, которые сами пугаются результатов своего хозяйничанья. В этих противоречиях Бауэра отражается противоречие самого капитала.

Неудивительно после всего этого, что Отто Бауэр ни единым словом не касается вопроса о революционной борьбе против капиталистической рационализации, вопроса, который как в политической, так и в профсоюзной борьбе пролетариата имел и имеет решающее значение. О роли социал-демократии как поборницы капиталистической рационализации не упоминается совершенно. Борьба революционного пролетариата против этой рационализации характеризуется на мелкобуржуазный и интеллигентский лад как «бессильное и бесплодное нытье» (стр. 201).

IV Новая платформа антисоветской борьбы

В последнем отделе своей книги Бауэр ставит вопрос о выходе из кризиса. Он начинает в мелодраматическом тоне: «Посреди капиталистического окружения советское государство борется с 1917 года за свое существование...» Может почти показаться, что здесь действительно ставится основной вопрос современности, вопрос о борьбе двух систем в мировом масштабе — строящегося и стремительно развивающегося социализма в Советском союзе и снисходящего, гибнущего капитализма в остальном мире. На самом деле весь подход Отто Бауэра к вопросу о Советском союзе представляет собой

только особенно утонченную и подлую форму замазывания названной борьбы.

Бауэр применяет при этом свои уже знакомые читателю методы. Во всех главах своей книги он говорит о социалистической рационализации в Советском союзе как о части «рационализации вообще», т. е. капиталистической рационализации. А в заключительном отделе, где он специально занимается Советским союзом, он приходит после кое-каких отговорок к тому выводу, что советский путь есть только один из путей к социализму наряду с демократическим путем, на который, мол, вступила Западная и Средняя Европа, причем советский путь он называет путем «невероятнейшей бесхозяйственности в деле социалистической перестройки общества при данных исторических и структурных условиях Советского союза» (стр. 219). Пока что там господствуют, по его словам, только «террористическая диктатура» и «государственный капитализм», но даже если этот последний превратится, после замены диктатуры демократией, в «социалистическую организацию общества», то и в этом случае рабочие «промышленных государств Европы и Америки» должны были бы «итти к социализму совсем другими путями» (стр. 223).

В частности мы находим у Бауэра все лживые измышления о Советском союзе, имеющиеся в арсенале социал-демократии и троцкистов. Ударные бригады — это понукатели и снижатели заработной платы (стр. 116). Страхование безработных отменено, чтобы принудить безработных к выселению (стр. 207). Свобода передвижения уничтожена, жизненный уровень рабочих «часто ниже, чем у безработных в Западной и Средней Европе»; пятилетний план рабочим пришлось «одолевать ценою голода» (стр. 209). В действительности русские рабочие приносят жертвы не ради социализации, а ради индустриализации. Эта индустриализация есть точь в точь то же самое, что было проделано Англией в конце XVIII и в первой половине XIX века, а Японией и Индией (!) — в последние десятилетия (стр. 209). В заключение мы находим здесь все политические аргументы—от «террористической диктатуры над пролетариатом» до возможности свержения «доведенными до отчаяния массами» (стр. 220).

Бауэр отличается от остальной социал-демократии, в том числе и от стоявшей до сих пор на «левом» фланге, большей гибкостью, ясным пониманием того, что грубые методы антибольшевистской кампании наталкиваются на ожесточеннейший отпор со стороны рабочих и что поэтому необходимо обратиться к более тонким методам. В чем же заключаются эти более тонкие методы Бауэра? Прежде всего в том, что он якобы стоит на точке зрения встревоженного друга, высказывающего свои антибольшевистские аргументы только как опасения или как факты, о которых «приходится сожалеть» «в интересах самого дела». Во-вторых, Бауэр допускает возможность развития социалистических производственных отношений в СССР, но рассматривает при этом диктатуру пролетариата как помеху на этом пути и открыто борется против нее. В-третьих, он применяет свой великолепный «общественный» расчет капиталистической рационализации к развитию советского хозяйства. Отто Бауэр доходит до вершин глупости и наглости, «доказывая», что коллективизация сельского хозяйства есть «ошибочная рационализация» (стр. 218), потому что она, мол, ведет «к экстенсификации хозяйства, причем освобождающиеся рабочие сили не используются в других производствах»; «производительность всего русского труда в целом едва ли от этого повышается». Над этой болтовней рассмеется каждый рядовой колхозник.

Наконец Отто Бауэр перенимает «тонкие» аргументы контрреволюционных классов и слоев внутри Советского союза, нашедших свое идеологическое выражение у нас в стране в лице правого уклона в ВКП(б). Террори-

стическая диктатура парализует, мол, по его словам, инициативу технической и хозяйственной интеллигенции; проблема использования буржуазных специалистов «под общественным контролем» не разрешена (стр. 212) и не может быть разрешена диктатурой, потому-де, что эта последняя «порабощает все буржуазное население» (стр. 213). Итак, по Бауэру, разрешению этой проблемы препятствует диктатура пролетариата! По мнению Отто Бауэра, социализм нужно строить совместно с буржуазией!

И то же самое в вопросе о сельском хозяйстве. Бауэр хнычет по поводу «беспримерно жестокого истребления деревенской верхушки» (стр. 216), т. е. кулаков. Ведь в результате колхозной политики из строя выведены как раз «наиболее крепкие сельскохозяйственные работники»! Впрочем, по Бауэру, строительство социализма можно было бы осуществить «и не прибегая непременно к коллективизации крестьянских хозяйств» (стр. 219).

Революционный пролетариат капиталистических стран (в Советском союзе подобные высказывания могут вызвать только смех у рабочих) не даст ввести себя в заблуждение этим лицемерием Отто Бауэра. Это — отравленное оружие контрреволюции, которой он руководит.

Исчерпав все обычные аргументы антибольшевизма, он вынужден признать, что может быть и даже вероятно пролетариату СССР удастся выполнить пятилетку и построить социализм (стр. 280). Героическое выполнение великих планов первой пятилетки — вот что вырвало у заклятого врага это признание. Не последнюю роль сыграло тут и восторженное сочувствие, с каким рабочие капиталистических стран следят за ходом социалистического строительства. Отто Бауэр оказался мало-по-малу припертым к стене. Он извивается, как змея. Со слащавой миной он вынужден признать то, что он еще так недавно отрицал.

Революционный пролетариат не соблазнится ни в малейшей мере маневрами Отто Бауэра, наоборот, он использует его отступление, чтобы тем сильнее ударить на врага и уничтожить социал-фашизм. Ибо,—об этом свидетельствует вся книга Отто Бауэра, — «левые» социал-фашистские вожди прибегают к этим маневрам только для того, чтобы тем успешнее вести борьбу против Советского союза, против назревающей революции в Европе.

Бауэр допускает возможность удачи социалистического строительства в СССР только для того, чтобы потребовать в интересах этой цели отмену пролетарской диктатуры. Он допускает ее для того, чтобы противопоставить этому «русскому» социализму социализм «европейский». Но революционные рабочие разглядят в бауэровском плане «демократического» пути к социализму ту самую социал-фашистскую политику, которая фактически привела к фашизму, обрекла рабочих на неслыханную эксплоатацию и угнетение. Бауэровская «рационализация общественного строя» означает не что иное, как фашизацию классового господства буржуазии, точно так же, как капиталистическая рационализация фабрики вылилась в фашизацию предприятий. И Муссолини прославляет свое корпоративное государство как рационализацию совместного существования «сословий», потому что в этом государстве нет места забастовкам. Разница только в том, что Муссолини высказывает это открыто, а Отто Бауэр облекается в мишуру социалистических фраз как и подобает социал-фашисту. К. ШМИДТ

PS. Дискуссия, происходившая между Каутским, О. Бауэром и Ф. Адлером вокруг последней главы рецензируемой нами книги и последняя резолюция II интернационала по вопросу о войне подтвердили, что книга Отто Бауэра явилась новой платформой антисоветской борьбы и новых маневров с.-д. в деле интервенционистской политики против СССР. *К. Ш.*

По биологическим страницам „Sozialistische Monatshefte"

Вырождение социал-демократической философии, полный разрыв социал-фашизма с марксизмом, переход на идеалистические, преимущественно кантианско-махистские, позиции — достаточно известны. Это относится как к общим основам мировоззрения и методологии, так в особенности к общественным наукам.

Менее известны теоретические позиции социал-демократии в естествознании, в частности в биологии. Между тем социал-демократы, особенно германские, уделяют вопросам естествознания немалое внимание. Особенно выделяются в этом отношении «Sozialistische Monatshefte»,— старый руководящий орган ревизионистов,— регулярно печатающие биологические обзоры, в последнее время некоего Ганса Гауштейна (Hans Haustein), а иногда дающие и статьи по отдельным вопросам биологии. На биологическом участке теоретического фронта реакционное лицо социал-фашизма выступает с чрезвычайной яркостью.

Нельзя упрекнуть г-на Гауштейна в отсутствии интереса к основным проблемам современной биологии. В двух обзорах (майская и январская книжки журнала за 1931 г.) он ставит проблемы сущности жизни и специфического отличия организмов от неорганической природы, сущности эволюционного процесса, каузальности и телеологии в органическом мире. Проблеме сущности и телеологии посвящен майский обзор «Понятия цели», облеченный в форму реферата, статьи недавно умершего лидера итальянских виталистов Евгения Риньяно (Eugenio Rignano) в VII томе «Biologia Generalis». Риньяно установил, как торжественно возвещает г-н Гауштейн, такое понятие целесообразности, из которого окончательно изгнаны всякие следы антропоморфизма и суб'ективизма и которому подчинены все явления органического мира. Если бы это было так, витализм конечно торжествовал бы победу по всему фронту. Присмотримся однако поближе к умопомрачительной победе виталистического Мальбрука.

Риньяно заменяет аристотелевское определение цели («цель есть то, к чему направлено действие») [1]) следующим положением: «Цель есть такой, всегда остающийся постоянным, конечный результат, к которому определенные процессы ведут нормальным путем, но к которому они ведут также, если они при измененных условиях реагируют иначе». Как доказательство того, что такому понятию цели подчинены все органические явления, приводятся явления регенерации и регуляционного дробления — старый, неоднократно опровергнутый материалистами аргумент Дриша и К°. Раз, заявляет Риньяно, при ампутации зачатка какого-нибудь органа, или даже сформированного органа, мы тем не менее получаем организм нормальной формы, то следовательно эта форма есть цель, к которой организм стремится сквозь все «перипетии судьбы». Ведь иногда, дескать, орган регенерирует даже совсем из другой ткани, чем та, на которой он был вначале нормально образован. Точно так же поясняет г-н Гауштейн, если человек в мороз одевается в шерстяное платье и отапливает свое жилище, а летом проветривает его и ходит в легкой одежде, то это также подходит под определение Риньяно — ибо мы тут имеем дело с неизменным конечным результатом — сохранением постоянной температуры организма. «Этим положением,— восторгается референт,— устанавливается между живой и неживой материей всеобщий отличительный признак, который совершенно об'ективен и ни в каком отношении не антропоморфичен и позволяет подразделить все явления внешнего мира на две категории: телеологических и ателеологических явлений».

Всякому ясно, насколько «об'ективен» сей «всеобщий отличительный признак живой материи». Формулировка Риньяно ни к понятию цели, ни к жизненным

---

[1]) У Аристотеля, как известно, это определение тоже имело идеалистическое содержание: он считал, что именно цель играет ведущую роль, определяет те процессы, которые приводят к ней.

явлениям не имеет ни малейшего отношения. Сказать, что «цель есть конечный результат, остающийся постоянным при изменяющихся внешних условиях», или, иными словами, что всякий саморегулирующийся процесс телеологичен в себе — значит сказать совершенную чепуху. Саморегулирующиеся процессы встречаются и в неорганическом мире—разве гг. Риньяно и Гауштейн ничего не слыхали о регенерации кристаллов? Конечно это явление принципиально совершенно отличное от биологической регенерации, но под определение Риньяно оно вполне подходит,— кристалл всегда восстанавливается из маточного раствора в одной и той же характерной для него форме. И разве почтенный член СДПГ никогда не видел саморегулирующихся, автоматических станков? Если в республике Гинденбурга — Вельса кризис достиг уже такой остроты, что там невозможно увидеть технически передовой станок за работой, то мы можем пригласить г-на референта в СССР ознакомиться хоть с германскими станками «Индекс» на московском автозаводе им. Сталина. Конечно автоматический станок целесообразен, но он целесообразен ведь потому, что служит для изготовления определенного изделия в том же смысле, в каком целесообразен обыкновенный топор, никакой саморегуляцией не обладающий. Так что витиеватое риньяновское определение цели, столь умилившее Гауштейна, имеет один маленький недостаток — оно как раз понятия цели ни в каком смысле и не определяет. Но оно имеет и другой, более значительный недочет: оно совершено не охватывает ни всех, ни даже большинства явлений органического мира. Миллионы искалеченных в 1914—1918 гг. при активной поддержке партии г-на Гауштейна могли бы убедительно показать ему, что регенерация отнюдь не является универсальным законом жизни. Конечно кое-какие ткани регенерируют и у человека, которому оторвало ногу, но вряд ли можно признать «конечный результат» (Endergebnis) до и после такого ранения неизменным. Правда, Риньяно оговаривается, что его закон наиболее применим к ранним стадиям эмбриогенеза (странный же это универсальный закон жизненных явлений!), и ссылается на случаи регуляционного дробления. Но и эта увертка не спасает его. На процессы дробления для обоснования витализма ссылался уже Дриш, не замалчивавший однако как Риньяно, дробление, известное под названием мозаичного. А оно-то как раз и добивает Риньяно. Общеизвестно, что яйца очень многих групп беспозвоночных (так называемые — мозаичного типа) способностью регуляции не обладают, изолированная клетка зародыша на двухклеточной стадии дает лишь половину нормальной личинки, на четырехклеточной—четверть, и т. д. до $^1/_{16}$; в других случаях удалением отдельных клеток предотвращается развитие определенных органов. А Риньяно и Гауштейн толкуют о «неизменности конечного результата, в особенности в развитии эмбриона как основном признаке органического»! Впрочем, только Гауштейн вследствие своей полной неосведомленности в истории философии может воображать, что Риньяно, с его «не-суб'ективной, не-антропоморфической, не-произвольной» целесообразностью открыл Америку, что он внес нечто новое, что может так или иначе повлиять на дальнейший ход развития науки. Имманентная телеология имеет очень почтенный возраст. Уже Гегель выдвигал представление о внутренне присущей процессам природы, никем суб'ективно не ставящейся цели. Причем у великого об'ективного идеалиста, как между прочим—si licet parva componere magnis—и у Риньяно, имманентная телеология служила для преодоления дуализма. Но не всякое повторение является выражением прогресса. «Все великие всемирно-исторические события и лица появляются в истории, так сказать, два раза... в первый раз как трагедия, во второй раз как фарс» (Маркс). Впрочем, Риньяно имеет предшественников в провозглашении имманентной телеологичности органической природы и в смысле фарса. Дюринг тоже говорил, что «отношение между средством и целью отнюдь не предполагает сознательного намерения» и даже что природа «должна каждый раз сызнова приводить в порядок вещественный мир»[1]).

[1]) Цит. по Энгельсу, Анти-Дюринг, ГИЗ, 1928 г., стр. 59—64.

Последняя формулировка по смыслу вполне совпадает с риньяновской, ибо что такое дюринговское «приведение сызнова в порядок вещественного мира», как не риньяновские «процессы, при измененных условиях ведущие к тому же конечному результату»? Оригинальности Риньяно хватило только на то, чтобы в качестве примера, которым обосновывается имманентная телеологичность органического мира, привести не инстинкт (пример, приводимый Дюрингом вслед за Гегелем), а регенерацию. Впрочем, и это «оригинальность» не столько Риньяно, сколько нео-виталистов вообще. Ничего принципиально нового этой «оригинальностью» не вносится. Если у Гегеля, как указывал Энгельс, «внутренняя цель» служила для того, чтобы «привести более или менее в гармонию отдельное живое существо с его понятием» [1]), то у Риньяно точно так же «процессы, при измененных условиях реагирующие иначе», «приводят отдельное живое существо более или менее в гармонию» с единым предустановленным типом этого живого существа, т. е. именно с тем, что Гегель назвал бы понятием данного организма. Вся концепция Риньяно имеет совершенно последовательный идеалистический характер.

Тем же методом, как «цель», трактуют наши автор и референт «память». Они согласны с Герингом и Семоном, что «память», «мнема» — также непременное свойство всего животного, только для «увязки» Риньяно дает «память» такое определение: «Мнемоническая способность заключается в повторном проявлении по внутренним причинам самых общих биологических и физиологических явлений, для возникновения которых первоначально требовалось воздействие внешнего мира». Таким образом всякое повторное проявление материальных биологических процессов (от развития эмбриона до мышления гения — поясняет г-н Гауштейн) «охватывается» понятием «памяти». Нам вспоминаются слова Энгельса: «Если я охвачу сапожную щетку понятием «млекопитающее»—от этого у нее не вырастут млечные железы». Материальное об'является функцией психологического и на этой основе Риньяно при поддержке Гауштейна провозглашает ликвидацию дуализма духа и тела. Ликвидация — да, но на вполне идеалистической основе.

Что мы имеем здесь дело не со случайным совпадением личных взглядов Гауштейна и Риньяно, а с господством виталистической концепции среди теоретиков социал-демократии — ясно и из того, что г-н Гауштейн не одинок в своих виталистических восторгах. Философский обозреватель «Soz. Monatshefte» Христиан Германн, излагая последнюю книгу Дриша о «Путях философского исследования» (H. Dzeisch, Philosophische Forschungswege. Leipzig. E. Reinicke), где вождь современного витализма развивает основные принципы своей концепции, заявляет: «Не подлежит никакому сомнению, что Дриш в своей критике в основном прав». «Здесь говорит представитель высокой философской культуры»... и т. д. Это относится к программной философской работе витализма, в которой рассыпаны перлы, вроде например такого: «Рассматриваться может только сущность первично-значимого и его связи, т. е.: порядок, связь, это, такое, потому, что, все, наряду, тогда и подобное. Это есть «заранее данное», но ни в коем случае не специфическое в действительном мире». В этой же работе, по собственным словам референта, Дриш заявляет, что-де «глубокое философское значение имеет только второй способ феноменологического исследования («охватывающий сущность значения».—В. В.), который однако охватывает значение только эмпирически существующего, а не априорного».

---

[1]) Приводим полностью соответственное место из «Диалектики природы»: «Внутренняя цель в организме проявляется, по Гегелю, V, стр. 244, в инстинкте. Pas trop fort. Инстинкт должен привести более или менее в гармонию отдельное живое существо с его понятием. Отсюда следует, насколько вся эта внутренняя цель является идеологическим определением. И однако в этом заключается Ламарк». Это место представляет особый интерес в связи с марксистской разработкой проблем эволюционной теории. В особенности его следовало бы иметь в виду некоторым товарищам, имеющим тенденцию сползать к ламаркизму.

Если перевести это на нормальный человеческий язык, то за терминологической тарабарщиной мы найдем утверждение, что действительно существуют и заслуживают изучения лишь формальные понятия (их идеалисты называют «эмпирически существующими»), а никакого материального мира в действительности нет, его существование об'является «априорным». С этой философской программой и солидаризируются «Sozialistische Monatshefte».

Вернемся к г. Гауштейну. Выше мы упоминали, что в январском обзоре он рассматривает проблемы эволюции органического мира, касаясь в частности вопроса о каузальности в эволюции. Большая часть этого обзора посвящена изложению истории спора Э. Жоффруа Сент-Илера с Кювье, затем кратко излагается Гете, упоминаются натурфилософы Тревиранус, Окен, Оуэн, Карус. О дарвинизме говорится следующее: «По видимости столь простое об'яснение борьбой за существование оставляет совершенно скрытыми глубже лежащие основания, которые только и могут сделать эту борьбу возможной и таким образом отнимают основание у здания, по видимости столь прочно построенного». Итак, дарвинизм отвергается. Но во имя чего? Каких «глубже лежащих оснований» эволюции требует социал-демократическая биология? На этот вопрос г. Гауштейн отвечает нам в конце статьи. Он призывает вернуться от Дарвина к Жоффруа Сент-Илеру, причем перечисляет те принципы Сент-Илера, которым, по его мнению, должна следовать современная биология. Это: «1. Химическое сродство топографических единиц. 2. Реакция организма в основном определяется его конституцией и лишь проявляется под действием внешних влияний. 3. Следует целиком и полностью сосредоточить наше внимание на возникновении скачков. 4. Биологические отношения не (подчеркнуто Гауштейном) могут быть окончательно поняты каузально».

Конец венчает дело. Четвертый пункт сразу об'ясняет нам, почему с.-д. биолог недоволен Дарвином и в каком смысле следует понимать второй пункт. Если бы в п. 2 шла речь о том—бесспорном для каждого, для Дарвина не меньше, чем для Ж. Сент-Илера — факте, что разные организмы по-разному, соответственно своей природе, реагируют на влияния одной и той же среды, то это не требовало бы никакого «поворота в биологии» и с п. 4 стояло бы в вопиющем противоречии. П. 2 можно понять только как утверждение автогенеза—в этом лишь смысле можно «пред'являть требования» к современной биологии и говорить о некаузальности эволюционного процесса. Если же мы вспомним о союзе Гауштейн—Риньяно с их «телеологичностью органического», то станет абсолютно ясной позиция теоретиков социал-фашизма в основных вопросах эволюции и сущности жизни. Эта позиция есть позиция виталистического автогенеза. Но это—собственная позиция г-д Дриша, Германна, Гауштейна и Риньяно. Старик же Жоффруа в ней повинен не больше, чем в измене 4 августа 1914 г. Ни автогенетиком, ни отрицателем каузальности он никогда не был. Наоборот, именно он придавал наибольшее значение прямому, непосредственному влиянию внешней среды, гораздо больше, чем например Ламарк с его «психическим фактором». И если Гауштейн утверждает как раз противоположное, то это либо подлог, вызванный стремлением подкрепить идеалистическую позицию с.-д. биологии каким-нибудь «историческим авторитетом», либо просто незнакомство с предметом, о котором автор взялся судить.

Впрочем, по части знакомства с предметом с биологов «Sozialistische Monatshefte» вообще много спрашивать не приходится. В февральской книжке журнала некий г. Георг Вольф (Georg Wolff) взялся писать о проблемах евгеники («Das Qualitätsproblem in der Bevölkerungspolitik»). Мимоходом коснувшись вопроса о наследовании приобретенных признаков, сей герой, ничтоже сумняшеся, заявляет: «...Наследование приобретенных признаков ныне большинством исследователей наследственности, на основе биологических экспериментов, отвергается. Столь простой ответ однако едва ли приемлем с теоретико-познавательной точки зрения (sic!), так как тогда априори дано постоянство видов». Сболтнуть все можно, а ра-

зобраться, что к чему, т. е. о каком наследовании — адэкватном или неадэкватном, каким путем приобретенных признаков идет речь, — это г-н Вольф очевидно полагает излишним.

Но к Вольфу мы еще вернемся. А сейчас следует обратить внимание вот на какое обстоятельство. Если 2-й и 4-й принципы г. Гауштейна носят витали-стический характер, то п. 1 явно механистичен. Это конечно гораздо ближе к историческому (а не фантастическому) С.-Илеру, чем витализм. В частности и понимание каузальности у него было в значительной мере механистично — именно постольку, поскольку он, в противовес гауштейновскому извращению фактов, придавал решающее значение непосредственному, контактному действию внешней среды (и конечно признавал и каузальность биологических процессов, как в этом можно убедиться даже, внимательно прочитав изложение самого запутавшегося г-на референта). Тем не менее весьма достопримечательно, что с.-д. биология соединяет витализм с механистической методологией. (Кстати, г. Гауштейн и в проблеме пространственной ориентировки организмов стоит на тех же принципиальных позициях, что и механисты Леб, Дженнингс, Кюн, хотя и не солидаризируется полностью ни с одним из этих авторов). Что подобное эклектическое соединение вообще часто встречается — бесспорно. Но у современной германской социал-демократии биологический механицизм, отрицание специфичности качества играют особую, непосредственно классово-служебную роль. Механистические концепции в биологии становятся орудием агитации за буржуазное государство и буржуазную демократию и средством теоретической смычки с национал-фашизмом. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть реферат того же Гауштейна в августовской книжке «Soz. Mon.»—«Биосоциология» и вышеупомянутую статью Вольфа о евгенике.

«Биосоциология» Гауштейна—документ в своем роде замечательный. Недостаток места не позволяет нам привести его целиком. Об этой заметке даже нельзя сказать, что по ней рассыпаны «перлы», ибо это сплошной перл реакционнейшей биологизации социальных явлений. Названная заметка написана по поводу X тома «Forschungen zur Völkelpsychologie und Soziologie» (Leipzig. C. L. Hirschfeld; herausgegeben von R. Thurnwald), содержащего между прочим статьи на следующие темы: «Демократия в государствах муравьев и термитов» (иезуит E. Wasmann); «Деспотия в социальной жизни птиц» (T. Schjelderup Ebbe); «Из социологии водяной лягушки» (он же); далее, там, пользуясь словами Гауштейна, «исследуются социальные отношения животных в их применимости к науке о человеческом обществе и одновременно излагается отношение социологии животных к познанию тела и души» и т. д. И вот по поводу этой новейшей, наиболее обширной попытки проституировать биологию в интересах оправдания классового господства буржуазии, где механистическая методология неразрывно связана с апологетикой капитализма, Гауштейн приходит в неменьший восторг, чем по поводу виталистических откровений Риньяно. «Мы совершенно согласны с издателем в том, что социология и биология требуют взаимного дополнения и имеют общие интересы в разрешении множества отдельных вопросов из области явлений общественности у растений, животных и человека. В предлагаемом томе нижеперечисленные работы (некоторые из них мы перечислили выше.—В. В.) дают обстоятельный обзор современного состояния биосоциологии. Благодаря успехам исследования социологии животных и растений для социологии как науки о характере явлений человеческой общественности является необходимость в синтезе». В заключение — реферируемая работа «настоятельно рекомендуется» как «чрезвычайно ценная».

Мы не требуем конечно от ретивого биолога из «Sozialistische Monatshefte», чтобы он был марксистом,—марксизма от этого журнала требовать то же, что от козла молока; но немного здравого смысла мы в праве требовать от рецензента. Не мешало бы ему напомнить знаменитую обезьяну полковника Торренса, которая, сбивая палкой с деревьев плоды, положила «начало капиталу», над чем так изде-

вался Маркс. Пример этой обезьяны мог бы об'яснить Гауштейну, что приклеивание одинаковых этикеток к явлениям, принципиально совершенно различным, не вносит в них никакого действительного единства. Даже с узкобиологической точки зрения организация насекомых отлична от организации человека настолько, что ни о каких одинаковых психологических основаниях общественной организации тех и других говорить невозможно. И если автор статьи о «муравьиной демократии» иезуит Васманн «доказывает» например, что у муравьев господствует «правосоциалистическая аристократическая демократия», вследствие высокого развития у них головного мозга и «высокой психической пластичности», а у термитов имеет место «последовательнейший коммунизм» и «господство не развитого пролетариата», потому что у них чрезвычайно мал головной мозг и вся их психическая жизнь представляется механическим повторением однообразного шаблона, если далее уменьшение мозга, психическая деградация об'является предпосылкой коммунизма и в человеческом обществе, то элементарный смысл мог бы подсказать Гауштейну, что раз люди такой вздор в с е - т а к и говорят, значит отстаивать подобные, явно абсурдные, положения их заставляют прямые классовые интересы.

Сочувствие же Гауштейна той биологизации общественных явлений, которой занимаются Васманн и другие, показывает лишь полную тождественность классовой установки того и другого. Демократия у муравьев и деспотия у птиц нужны им для того же, для чего Торренсу нужен был капитал у обезьян, именно, чтобы доказать, что господство буржуазии (у Торренса—экономическое, у Гауштейна и его подзащитных профессоров—политическое) не может быть уничтожено, ибо оно покоится на вечных законах биологии. Борьба коммунистов против буржуазного государства бессмысленна, ибо это—борьба против законов природы—вот смысл рассуждений Гауштейна. Только элементарная безграмотность в социологической литературе заставила г-на референта открыть в рецензируемом двухтомнике Америку, давно «открытую» буржуазными биосоциологами — Спенсером, Шэффле и др.

О методологии современной с.-д. можно сказать, по аналогии с известными словами Ленина о тактике белогвардейцев в дни кронштадтского мятежа («Немножко вправо или немножко влево, лишь бы передвижка власти от большевиков). к идеализму или к механицизму—всякая передвижка о т диалектического материализма служит в руках социал-фашистов оружием в борьбе против коммунизма, против пролетарской революции.

Наконец статья Вольфа «Проблема качества в политике народонаселения». Эта интересная работа замечательна не столько полным непониманием проблемы качества—именно различия между биологическим и общественным,—сколько как чрезвычайно яркая иллюстрация в области биологии того положения т. Сталина, что «социал-демократия есть умеренное крыло фашизма».

Ф о р м а л ь н о статья направлена против фашистской евгеники, против теории о том, что лишь командующие классы и расы капиталистического общества являются биологически полноценными и заслуживают заботы о сохранении их со стороны общества, трудящиеся же и эксплоатируемые вытесняются естественным отбором. Ф а к т и ч е с к и же г. Вольф з а щ и щ а е т эту теорию, пытаясь лишь облечь ее в более умеренную, более удобную для обмана рабочего класса форму.

Социал-фашистский евгенист вполне согласен с тем, что «принципиальные данные учения о наследственности имеют большое значение для социальной гигиены, потому что на основании их должен решаться вопрос о том, в какой степени индивидуумы, более слабые вследствие биологической неполноценности, должны быть предметом общественной заботы и даже должно ли общество сохранять их для размножения». Излагая уменьшение смертности вследствие успехов социальной гигиены за истекшее полустолетие, г-н Вольф заявляет: «чтобы устранить дисгеническое действие гигиены (!!!—**В. В.**) и вместе с тем ухудшение наследственного

достояния всего народонаселения, евгеника как качественная наука о народонаселении должна дополнить количественные данные гигиены». Это как раз то, чего требует Гитлер. Но «реакционеры не болтуны, а люди дела»,—Гитлер уже перешел от слов к делу и издал приказ о том, что «наци» имеют право вступать в брак только с разрешения своего партийного начальства, после того, как оно убедится в том, что жених и невеста — чистопородные, потомственные немцы; Вольф же и его партия пока только болтают, подготовляя рабочий класс к признанию приемлемости фашистских теорий и фашистских методов управления. Именно в такой подготовке, путем облечения фашизма во внешне более умеренную форму и состоит, как известно, одна из основных служебных функций с.-д. Таково же назначение и статьи Вольфа. Прямо рекомендовать рабочим спокойно согласиться на голодное вымирание, ибо они, как «неполноценные», не заслуживают общественной заботы, рискованно, это оттолкнет их от социал-демократии. И вот г-н Вольф бормочет о том, что фашистские евгенисты, школа Гальтона и Пирсона, «односторонни», так же как «односторонни» и те, кто признает решающее влияние общественных условий на заболеваемость и смертность. И те и другие, по словам г-на Вольфа, перегибают палку. На чью сторону он становится фактически, мы сейчас увидим.

Решающий теоретический аргумент этого господина нужно выписать дословно, он занимает всего две строчки: «... его (гальтон-пирсоновского принципа естественного отбора в человеческом обществе.—В. В.) применение на практике противоречит элементарным основным положениям этики, библейской любви к ближним (разрядка моя—В. В.), так же как всяким другим законам нравственности». Это все. Тем, кто не считает библию и законы нравственности решающими аргументами, предоставляется соглашаться с фашистской евгеникой, как с ней уже раньше согласился г. Вольф. Какие же практические методы с.-д. евгеники предлагает Вольф? Они—это тоже метод одурачивания рабочих—кое в чем «отличаются» от методов Гитлера. Г-н Вольф предлагает признать семьи, в которых 2—3 ребенка оказались нуждающимися в помещении во вспомогательную школу, биологически неполноценными и... разрешить им аборты. Параграф 216 германского уголовного кодекса должен остаться неприкосновенным. Ведь он и сейчас—этот ужас миллионов пролетарок Германии—допускает аборты в случае медицинской необходимости. Так и должно остаться. Только к списку болезней, дающих право на аборт, должно быть прибавлено: «Наследственная неполноценность, выражающаяся в наличии в семье не менее двух детей, нуждающихся во вспомогательной школе». Вот и вся разница между практическими предложениями национал- и социал-фашизма. Работницы, которых на аборт толкают голод и безработица, должны быть попрежнему лишены этого права.

Самый критерий неполноценности у г-на д-ра Вольфа не возбуждает никаких сомнений. Он рассуждает так: если 2—3 ребенка в семье отстают в школьной учебе—это признак наследственного вырождения; ведь в республике Гинденбурга и Брюнинга, Брауна и Зеверинга нет никаких социальных условий, которые бы препятствовали проявлению природных способностей пролетарских детей; ведь дети шести миллионов безработных, дети голодных батраков Померании, горняков Рура, металлистов Берлина могут учиться так же хорошо, как дети буржуазии и социал-фашистских бонз; а если они учатся хуже, значит они—наследственные выродки.—Такова фашистская физиономия социал-демократического доктора. Таково его истинное отношение к голодающим пролетариям, его холуйское раболепство перед «высококультурными» буржуа [1]).

[1]) Г-н Вольф конечно не одинок в своем холуйстве. Г-н Гауштейн, рассказывая о крупнейшем берлинском Институте по изучению мозга (Kaiser Wilhelm institut für Hirnforschung), старательно подчеркивает, что существование и развитие этого Института «стало возможным благодаря помощи семьи Круппа и Рокфеллера».

В своей солидарности с фашистами этот социал-демократ перещеголял даже многих из буржуазных профессоров. Известно, что ряд буржуазных биологов, как например Боас (Boas), Холдэйн (Haldane), Хогбен (Hogben) и др. отвергают фашистские теории о естественном отборе в человеческом обществе. Когда некий дипломированный фашист г-н Холмс (Holmes. Natural selection in man. Eugenics Review, XXII, 1930) в статье об «Естественном отборе у человека» заявил, что «естественный отбор благоприятствует белым путем более высокой смертности негров», то даже буржуазный референт А. Фридеманн (Adolf Fridemann) в «Berichte über die wissenschaftliche Biologie» (XV, 1930) не утерпел и иронически заметил в скобках: «Причем, как известно, этому «естественному» отбору весьма благоприятствуют социальные факторы в САСШ». Впрочем удивляться тому, что социал-фашист в своей контрреволюционности перещеголял демократического буржуа, не приходится, ведь общеизвестно, что «Форвертс» в злобной травле коммунизма далеко оставил позади многие буржуазные газеты.

Кроме разрешения абортов «неполноценным» г. Вольф предлагает еще применение особо рекомендуемых национал-фашистами брачных советов. Ну чтож,— умеренное крыло фашизма действует советами, а Гитлер—еще и прямым запрещением. Один дополняет другого; рука руку моет.

На этом месте мы можем наконец выбраться из авгиевых конюшен социал-фашистской биологии на свежий воздух. Мы касались в своем обзоре только собственно биологических статей, напечатанных в «Sozialistische Monatshefte» за 1931 г., да и те рассмотрели лишь в самом кратком очерке. Мы не касались смежных областей—психоневрологии, антропогеографии, гигиены и др., которым «Sozialistische Monatshefte» также уделяют значительное внимание. Но и изложенное является достаточным материалом, чтобы определить принципиальную позицию теоретиков социал-демократии в биологии. И если мы захотим кратко сформулировать это определение, то оно будет гласить: идеалистический конгломерат витализма и прямой поповщины, соединенный с механистическими теориями, в особенности в тех вопросах биологии, где эти теории могут быть использованы как прямое орудие контрреволюционной, фашистской пропаганды.

В. ВЕНДРОВСКИЙ

За большевистскую партийность в теории пролетарского атеизма

(По поводу «антирелигиозных» работ проф. Фаворского)

Борьба против механицизма и меньшевиствующего идеализма, проведенная за последние два года под руководством партии на философском фронте, дала толчок теоретической антирелигиозной мысли, повысила среди философов интерес к вопросам атеизма. Философская дискуссия сломила безразличие к антирелигиозной работе, культивировавшееся деборинской группой, обратила серьезное внимание на разработку и реализацию атеистического наследства и завещания Ленина.

В свете письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» еще ярче и яснее стали итоги философской дискуссии, в частности ее значение для антирелигиозного фронта. Тов. Сталин показал огромное международное значение ленинизма, призвал нас к партийной воинственности и бдительности на фронте идеологической борьбы.

Задача социалистического перевоспитания широких трудящихся масс, задача преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей во второй пятилетке, поставленная XVII партконференцией, диктует необходимость мобилизации всех работников антирелигиозного движения и еще более настороженной классовой чуткости на антирелигиозном фронте, который является одним из наиболее боевых участков общего идеологического фронта классовой борьбы пролетариата.

Задача борьбы с религией, с этим глубоким пережитком эксплоататорского строя, в настоящее время приобрела особую актуальность, особенно остро ставится задача борьбы за чистоту марксо-ленинской теории пролетарского атеизма, борьбы за большевистскую принципиальность и непримиримость на антирелигиозном фронте. Привлекая к антирелигиозной работе материалистов из лагеря некоммунистов, мы должны им всемерно помочь в деле изучения и усвоения марксистско-ленинских взглядов на религию и революционного понимания методов борьбы с ней. Работая совместно с материалистами некоммунистами, мы не должны забывать задачи руководства последними в области антирелигиозной работы. Мы не можем и не должны проходить мимо встречающихся в их подходе к делу, в их работе тех или иных ошибок и недочетов, уклонов от линии последовательного, т. е. диалектического материализма, а должны помочь путем товарищеской критики исправить эти ошибки, раз'ясняя и вскрывая корни этих ошибок. Вместе с тем необходимо решительно бороться с уклонами от марксистско-ленинской теории атеизма в наших собственных рядах, разоблачая все, что есть антиленинского, небольшевистского в антирелигиозной теории и практике. Всяким попыткам обосновать пролетарский атеизм, исходя из иных каких-нибудь установок, нужно дать решительный отпор.

В практике нашей антирелигиозной работы приходится еще нередко встречаться с фактором непонимания и, более того, сознательного игнорирования ленинской теории атеизма, с попытками сузить антирелигиозное движение и втиснуть его в рамки буржуазного атеизма.

Одним из таких образчиков явного извращения марксистско-ленинского понимания антирелигиозной пропаганды являются последние работы украинского антирелигиозника проф. Фаворского, который и раньше в вопросах теории и практики атеизма скатывался на механистические, а также идеалистические позиции, нередко смыкающиеся с явной поповщиной.

В данной статье мы имеем в виду рассмотреть те работы проф. Фаворского, которые были им написаны и опубликованы во время дискуссии на философском фронте или когда философская дискуссия была в основном закончена.

Среди относительно небольшого числа теоретических антирелигиозных произведений на Украине работы проф. Фаворского имели известный удельный вес в антирелигиозной литературной продукции. Сам. Фаворский одно время работал в научно-методическом секторе Центрального совета воинствующих безбожников Украины, а также вел кафедру по истории религии в Харьковском институте комобразования. Его ошибочные установки в вопросах атеизма могли получить известное распространение в некоторых прослойках антирелигиозных работников Украины. Поэтому критический разбор его работ и вскрытие имеющихся в них ошибок становятся неотложным делом.

Коренная причина всех теоретических блужданий и шатаний проф. Фаворского заключается в непонимании сущности марксистско-ленинского учения о классовой природе религии и эксплоататорских функциях религиозных организаций в классовом обществе, в непонимании ленинского наследства в развитии пролетарского атеизма. Откровенно проф. Фаворский развил свое антиленинское понимание религиозной идеологии в статье «Что такое религия», написанной им, когда в основном уже прошла дискуссия на философском фронте и были раскри-

тикованы неправильные, ошибочные по своей сущности установки Плеханова в вопросах атеизма. В указанной статье Фаворский писал:

«Определение, данное Плехановым религиозной идеологии, может быть положено в основу взглядов марксизма на сущность религиозной идеологии» [1]). Плеханов, как известно, определял религию, «как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий» [2]). Обойдя главное в определении религии ее классовую эксплоататорскую сущность, — он подчеркивал лишь внешние формальные признаки, присущие не только религии, но также и всякой иной идеологии, если отвлечься от их конкретного классового содержания.

В плехановском определении религии, с которым всецело соглашается проф. Фаворский, считая его вполне марксистским, нет и намека на специфичность религиозной идеологии и на главное в ней, а именно, на ее классовую эксплоататорскую сущность. Религия, которую Маркс—Энгельс—Ленин определяли, как «опиум народа», «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования, на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [3]), в определении Фаворского стала «чистой» идеологией, лишенной конкретного классового содержания.

Для Фаворского религиозная вера «представляет из себя один из видов психики общественного человека» [4]) и только. С таким определением религии могут всецело согласиться все представители рафинированной поповщины. Такая постановка вопроса снимает потребность в непримиримой борьбе с религией. Не видя в религии эксплоататорской сущности, проф. Фаворский вполне последовательно приходит к соответствующим культурническим методам борьбы с нею.

В статье «Состояние и перспективы научно-исследовательский антирелигиозной работы на Украине» [5]) (июль 1931 г.) он всецело в духе буржуазного культурничества формулировал задачи борьбы с религией. Задачи борьбы с религией проф. Фаворский сводит к одной только критике, а работу среди масс — к распространению знаний. По Фаворскому выходит, что например подрыв экономических корней религии или задача втягивания масс в соцстроительство — это не имеет отношения к антирелигиозной работе. По Фаворскому выходит, что антирелигиозные задачи не подчинены задачам политической борьбы рабочего класса. По мнению Фаворского достаточно ограничиться идеологической критикой поповской и сектанской «деятельности» и их проповедей, не ведя революционной борьбы по подрыву и ликвидации экономической базы, за которую держатся носители религии, поддерживающие эксплоататорские классы и проповедующие повиновение к этим классам. По мнению Фаворского можно успешно бороться с религией и не мобилизуя трудящиеся массы на полное уничтожение капитализма, на борьбу с остатками капитализма в экономике и в сознании людей, не вскрывая истинной роли религии как орудия в руках реакционных классов, как идеологии капиталистической реставрации.

«По отношению к нашим классовым врагам (на антирелигиозном фронте, церковной и сектантской верхушке, — пишет проф. Фаворский, — нужно развернуть критику их контрреволюционной буржуазно-кулацкой сущности и деятельности, а что касается религиозности масс, то тут нужна глубокая культурная работа, пропаганда естественно-научных и социально-экономических знаний» [6]). Он дает совет безбожникам вести дискуссии с попами и сектантскими руководителями, критиковать их, вместо того чтобы бороться с ними как с идейной опорой кула-

---

[1]) «Безвірник», 1930 г., № 24.
[2]) Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 197.
[3]) Мысли В. И. Ленина о религии, изд. 3-е, стр. 112.
[4]) «Безвірник», 1930 г., № 24, стр. 12.
[5]) «Безвірник», № 11—12 и 13—14 за 1931 г.
[6]) «Безвірник», 1931 г., № 11—12, стр. 36.

чества и нэпманов, вместо того чтобы сделать антирелигиозную пропаганду «тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства» [1]). Он советует вести среди широких трудящихся масс, еще не освободившихся от религиозного дурмана, только культурническую работу, не увязывая пропаганды естественно-научных и социально-экономических знаний с разоблачением классовой сущности религии, не поднимая трудящиеся массы на борьбу за устранение социальных корней религии, за победу социализма. Такой чисто культурнический подход в антирелигиозной работе свойственен лишь буржуазным радикалам и не мелкобуржуазным «революционерам», никогда не доводящим свой «атеизм» до признания необходимости уничтожения социальных корней всякой религии, до признания диктатуры пролетариата как орудия уничтожения капитализма и классов вообще, орудия уничтожения экономических причин, порождающих классовые разделения, эксплоатацию и все виды политического и духовного гнета, в том числе и религию. С подобными попытками сузить антирелигиозную пропаганду до голого мелкобуржуазного «культурничества» марксизм всегда вел решительную борьбу.

Проф. Фаворский не понимает марско-ленинской точки зрения на задачи борьбы с религией как одной из форм классовой борьбы пролетариата. «Борьбу с религией, — писал Ленин, — нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди. Эту борьбу надо поставить в связь с конкретной попыткой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии» [2]).

Борьба с религией в наших условиях есть в то же время и борьба с кулаками и нэпманом «В борьбе против религии — борьба за социализм» — этот лозунг СВБ очень удачно выражает марксо-ленинское понимание задач борьбы с религией.

Фаворский же сводит борьбу с религией к голой пропаганде естественно-научных и социально-экономических знаний, не понимая того, что культурную борьбу нельзя отрывать от задач и успехов развития классовой борьбы пролетариата, «идущей на деле и воспитывающей массы больше и лучше всего» [3]). Из этого конечно вовсе не следует, что культурная работа в антирелигиозной пропаганде занимает или должна занимать ничтожное место. Наоборот. Привлечение науки к борьбе с религией имеет колоссальное значение, ибо всякая религия, будучи насквозь эксплоататорской по своей сущности и роли, в то же время «идет против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке» [4]). Не так однако думает проф. Фаворский. Он считает, что все зависит от того, в каком направлении переработать религию. Религия, не имеющая, по мнению Фаворского, сама по себе никакой эксплоататорской сущности, становится орудием эксплоататорских классов лишь благодаря «переработке». Благодаря «переработке» религия может стать орудием и трудящихся. «Изучение истории религии,—пишет он,—может показать, как господствующие классы создают или перерабатывают для своих классовых целей религиозные идеологии. С другой стороны, на целом ряде примеров мы можем проследить, как трудящиеся массы создают или перерабатывают религиозные верования, отражая в них экономику, в которой они живут, и свои социальные надежды» [5])

Оставим в стороне культурнические установки Фаворского; укажем лишь на либеральную, буржуазную сущность его понимания социально-классовой природы религии. По мысли проф. Фаворского религия нуждается в переработке господствующими классами, чтобы служить классовым эксплоататорским целям, с одной стороны, и с другой—ее часто перерабатывают угнетенные классы, и в не-

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, 1931 г., стр. 352
[2]) Мысли Ленина о религии, стр. 25.
[3]) Ленин, там же, стр. 27.
[4]) Сталин, Вопросы ленинизма, 1931 г., изд. 3-е, стр. 352
[5]) «Безвірник», № 24, 1930 г., стр. 13.

реработанном виде она отражает их классовые надежды, иначе говоря, становится революционной идеологией, полезной в жизненной практике рабочего класса.

Здесь проф. Фаворский выступает в трогательном единстве с буржуазно-либеральными теоретиками религии, а также и с контрреволюционным троцкизмом. Мистер Троцкий, как известно, считает, что «в религии выражаются поиски обобщенной ориентировки в окружающих условиях и в средствах борьбы за существование. В самой этой ориентировке имеются и практические целесообразные правила» [1]). Проф. Фаворский, как видим, протаскивает на страницах «Безвірника» троцкистскую контрабанду.

Касаясь украинского автокефального церковного движения, он конкретизировал свои утверждения о переработке эксплоататорскими классами религии для своих классовых целей в такой форме: «на 2-м этапе (период Октября, гражданской войны, нэпа и социалистического строительства) автокефальное движение превратилось в одно из выявлений буржуазно-кулацкой контрреволюции, направленной против диктатуры пролетариата, против социалистической революции» [2]). По утверждению проф. Фаворского автокефальное движение до этого превращения служило борьбе за новые, прогрессивные формы общественной жизни, т. е. было революционным. Это старая буржуазно-либеральная, поповская по своей сущности легенда.

Параллельно с этим нужно со всей решительностью категорически протестовать против извращения проф. Фаворским ленинских высказываний. В указанной статье, полемизируя со своими критиками, проф. Фаворский утверждал: «автокефальное движение зародилось в 1917 году и было выявлением буржуазной революции на Украине, направленной не против русского капитала, как думают наши авторы, а против «монархии, против помещиков, против средневековья (Ленин)» [3]). Приведенные здесь проф. Фаворским слова Ленина были сказаны совершенно по иному поводу, а именно, по вопросу об отношении к крестьянству в период буржуазно-демократической революции. Действительно, Ленин в полемике с Каутским говорил: «сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми, против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической» [4]).

Приставив слова «автокефальное движение» к цитате из Ленина, проф. Фаворский извратил ее суть для того, чтобы «убедить» неосведомленного читателя в том, что автокефальная церковь на Украине вела борьбу против монархии, против помещиков и средневековья. Это неслыханное в нашей антирелигиозной литературе прикрашивание идеализации и защита поповщины.

В самом деле, автокефальная церковь завела у себя некоторые «новшества», некоторую «демократизацию», но эти «новшества» имели единственной целью использование новых форм и методов работы для подчинения широких масс трудящихся именно средневековому гнету помещиков и буржуазии.

С тем пониманием религии, которое дает проф. Фаворский, согласится любой обновленческий поп. Фаворский фактически обосновывает поповское утверждение о том, что будто бы религия сама по себе хорошая вещь и только в переработке эксплоататорских классов она становится средством угнетения, и наоборот, трудящиеся массы могут в переработанном виде ее приспособить к своим интересам. Из такого понимания религии логически следует вывод о том, что перед нами стоит

---

[1]) Гурев, Антирелигиозная хрестоматия, изд. 1-е, стр. 17.
[2]) «Безвірник», № 13—14, 1931 г., стр. 34.
[3]) Там же (слова Ленина приведены здесь Фаворским. — Ч.).
[4]) Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3-е, стр. 391.

задача борьбы за чистую, еще не переработанную эксплоататорскими классами религию, которая-де отражает классовые надежды трудящихся. Здесь проф. Фаворский вольно или невольно смыкается с поповщиной. Происходит это вследствие полного непонимания им марксо-ленинского учения о религии.

Вместо того чтобы вскрыть подлинную социальную сущность религии и эксплоататорские функции служителей культов и религиозных организаций, вместо того чтобы показать, как «идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего безвыходного рабства)», как она «всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей», как на всех этапах общественного развития религиозную «идею поддерживает классовое господство и эта идея поддерживает ее» [1]), проф. Фаворский протаскивает замаскированную, подкрашенную поповскую басню о переработке эксплоататорскими классами религии и об отражении в религии классовых надежд трудящихся масс.

Буржуазно-культурнические, антиленинские установки проф. Фаворского особенно ясны, когда он говорит об истории борьбы с религией и развитии пролетарского атеизма в нашей стране. По его утверждению: «...только в реконструктивный период, когда проблема культурной революции стала перед нами во всю ширь, требуя разрешения, только с этого времени мы вплотную подошли к разработке марксо-ленинского атеизма, научно-последовательного марксистского отрицания религии» [2]). Здесь нет и намека на то, что ленинизм и воинствующий атеизм неразрывны, что ленинское учение о борьбе против эксплоататоров обязательно включает в себя на всех этапах развития и борьбу против религии как одну из форм классовой борьбы пролетариата. Проф. Фаворский явно извращает исторические действительные факты, утверждая, будто мы только со времени культурной революции подошли «к научному, последовательно марксистскому отрицанию религии», а до того проводили борьбу с религией как бы «вхолостую».

Что же, с точки зрения проф. Фаворского, мы имели на теоретическом антирелигиозном фронте до культурной революции?

«От предшествующего периода борьбы пролетариата за атеизм,—поучает проф. Фаворский,—который можно датировать от Октябрьской революции до периода социалистической реконструкции, мы получили (от кого?— Ч.) антирелигиозную теорию, еще неочищенную вполне от идеалистических (!?!) построений, теорию, находящуюся в ряде моментов под влиянием буржуазной философии и науки, в ряде моментов засоренную концепциями и методологией механистического материализма, получили в наследство антирелигиозную теорию, не закаленную в огне марксо-ленинской диалектики» [3]).

Проф. Фаворский не понимает в данном случае, что в нашей стране теоретическая работа Союза воинствующих безбожников, как и антирелигиозная работа в целом, шла в прошлом и идет в настоящее время под руководством партии, что генеральная линия партии является живым воплощением и дальнейшим развитием марксо-ленинской теории, в том числе—на антирелигиозном фронте—и теории пролетарского атеизма Маркса—Энгельса—Ленина.

Все, что было написано и издано по вопросам атеизма от Октября и до периода социалистической реконструкции, включая сюда решения партийных совещаний по антирелигиозным вопросам, а также с'ездов и пленумов СВБ,—все это по мысли проф. Фаворского является очевидно буржуазным хламом, который в большинстве случаев стоит «много ближе к реформизму Каутского и даже клерикализму идеолога протестантизма типа Гарнака, чем к мыслям основоположников марксизма ленинизма» [4]). Это лживое утверждение проф. Фаворский отно-

[1]) Мысли В. И. Ленина о религии, стр. 132.
[2]) «Безвірник», № 11—12, 1931 г., стр. 33.
[3]) «Безвірник», № 11—12, стр. 33.
[4]) Там же, стр. 33—34.

сит ко всем антирелигиозным произведениям и документам, за исключением своих собственных работ.

Защищая антирелигиозный фронт от голословных клеветнических обвинений, мы вовсе не хотим сказать, что здесь все обстоит благополучно. До настоящего времени недостаточно еще ведется борьба с идеологически вредной литературной продукцией, часто еще протаскивается в антирелигиозную литературу идеалистический и механистический хлам. Лучшим доказательством этого является рассматриваемая нами теоретическая продукция проф. Фаворского. Есть у нас также и такой крупнейший недостаток, как отставание антирелигиозной теории от успехов массового антирелигиозного движения. Но нельзя отождествлять развитие теории пролетарского атеизма в нашей стране — а дальнейшее развитие теории марксо-ленинского атеизма мы действительно имеем—с отдельными неверными, политически вредными работами и даже группами таких работ. В корне неверно поэтому утверждение проф. Фаворского о том, что наша задача на антирелигиозном фронте—«это задача коренной органической реконструкции антирелигиозной теории, идеологии атеизма»[1]). В этой безграмотной тарабарщине профессор Фаворский призывает нас не к борьбе с уклонами от марксо-ленинской теории пролетарского атеизма, не к изучению и дальнейшему развитию богатого ленинского наследства по этому вопросу, а на «коренную органическую реконструкцию антирелигиозной теории» в целом. Что этим хочет сказать Фаворский? Или он вообще отвергает марксистско-ленинскую теорию атеизма и не считает ленинское наследство и решения партсовещаний, партс'ездов по антирелигиозным вопросам за действительную теорию и тактику атеизма, или же он ленинскую теорию атеизма считает для данного времени устаревшей и нуждающейся в «коренной органической реконструкции»? Одно лишь ясно, что и в том и в другом случае призывает читателей «Безвірника» коренным образом реконструировать марксистско-ленинскую теорию атеизма, т. е. попросту отбросить ее и строить с помощью проф. Фаворского другую, очевидно немарксистскую, небольшевистскую, основанную на новой «переработанной методологии борьбы за атеизм».

В том, что мы не ошиблись, так поняв Фаворского, нас убеждает его метод «реконструкции» атеизма. Метод этот заключается в коренном «пересмотре антирелигиозного теоретического вооружения, коренной реконструкции истории религии и истории атеизма с позиций материалистической диалектики, новой переработке методологии борьбы за атеизм соответственно новым политическим задачам»[2]).

Итак, проф. Фаворский призывает нас пересмотреть все наше теоретическое вооружение не с целью критики и борьбы против всего антиленинского, что в нем имеется, а с целью замены его чем-то новым. Он ясно призывает нас выработать какую-то новую, еще неизвестную методологию, т. е. в форме «левацко»-оппортунистической фразы о «пересмотре антирелигиозного теоретического вооружения» он совершенно недвусмысленно призывает к пересмотру марксо-ленинской теории пролетарского атеизма. Ибо кто же не знает, что у большевиков нет и не было другого какого-то еще «антирелигиозного теоретического вооружения» помимо того, что дали нам Маркс—Энгельс—Ленин.

И вся эта с виду ученая, а по сути дела реакционная болтовня выдается за новые якобы задачи на теоретическом антирелигиозном фронте в связи с поворотом на философском фронте. И весь этот реакционный вздор, прикрытый громкой фразой, выставляется перед 48 тысячами читателей «Безвірника» как новая ориентировка на теоретическом антирелигиозном фронте в связи с новыми задачами, как последнее слово развития теоретической мысли на антирелигиозном фронте.

---

[1]) «Безвірник» № 11—12, стр. 33, Разрядка проф. Фаворского.
[2]) Там же, стр. 34.

Особое значение для антирелигиозной пропаганды Фаворский придает истории религии. С этой целью он написал и издал осенью 1931 г. книгу «Программа-конспект по истории религии». В этой «программе» в числе тем, рекомендованных для дальнейшей углубленной проработки, значится большой труд того же проф. Фаворского «Очерки по истории религии», т. I. Однако первого тома очерков проф. Фаворского еще нет на книжном рынке, поэтому можно лишь предполагать о всех открытиях и достижениях украинского Дюринга. По характеристике самого проф. Фаворского он в этом своем труде переворачивает вверх дном все старые традиционные представления об истории религии. Он говорит даже, что все написанное им до сего времени по этому вопросу представляет не больше, как детский лепет по сравнению с тем, что он дает в этом новом труде. Кстати заметим, что в числе рекомендованной литературы нет работ Маркса, Энгельса и Ленина о религии, зато указаны все статьи проф. Фаворского. Чем же проф. Фаворский хуже старого Дюринга по части отрицания авторитетов Маркса—Энгельса, когда он единственным авторитетом науки и реконструктором атеизма решил об'явить только самого себя!

Посмотрим, что же действительно «нового» дает новая книга проф. Фаворского. Хотя главный труд Фаворского еще не вышел из печати, но поскольку «программа-конспект» является его кратким изложением, мы вправе подвергнуть ее разбору.

Тут же необходимо подчеркнуть то действительно громадное значение, которое имеет марксистская история религии для антирелигиозной пропаганды. Наша борьба с религией исходит в противоположность борьбе просветителей из научного марксистского анализа классовой сущности и роли религии и религиозных организаций в классовом обществе. Научный подход при изучении всякого явления требует «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1]).

Перед историками религии в настоящее время стоит большая задача. Вскрывая классовую эксплоататорскую природу религиозной идеологии и причину ее возникновения, они должны показать причины развития разнообразных религиозных форм и путей уничтожения их как идеологических остатков капитализма в сознании людей в наше время. Последнее имеет особенное значение в настоящее время для более успешного изживания и уничтожения религиозных предрассудков как наиболее реакционных из всех предрассудков, доставшихся нам в наследство от старого общества. Без ясного и четкого понимания этих вопросов нельзя успешно вести борьбу с религией. Мы в своей антирелигиозной пропаганде действительно недостаточно освещали и изучали дальше, после основоположников марксизма, те главные этапы, которые проходила в своем развитии религия, и особенно ее эволюцию в настоящее время.

Конечно совершенно напрасно ожидать всего этого от проф. Фаворского. Вместо того чтобы изучать историю религии с точки зрения Маркса—Энгельса—Ленина, вместо того чтобы освещать ее с точки зрения движения угнетенных и эксплоатируемых классов к их конечной цели борьбы за социализм, он начал искать подтверждения и обоснования истории религии как науки в работах буржуазных, а то и просто поповских авторитетов. Так например в подразделе «Марксистская схема возникновения христианства» он ясно говорит, что «философские основы для разрешения этой проблемы дал в XVII столетии Спиноза» [2]). Он совершенно не понимает (или сознательно извращает), что марксизм — руководство к действию, что марксистская схема возникновения христианства должна служить

[1]) Ленин, Соч., т. XXIV. Лекция о государстве.
[2]) «Программа-конспект», изд. Пролетарий, 1931 г., стр. 25.

прежде всего делу борьбы с религией. Без действенности, воинственности нет ни марксистской теории возникновения христианства, ни марксистской истории религии в целом. Таким теоретическим обоснованием, которое закрепляет связь теории с практическими задачами классовой борьбы пролетариата, а следовательно и борьбы с религией при каждом повороте истории может быть только материалистическая диалектика Маркса—Энгельса—Ленина. «Политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами» (Ленин).

Литературными источниками, с точки зрения проф. Фаворского, должны служить в первую очередь при изучении этого вопроса не труды основоположников марксизма, а «труды» греческих, римских, первохристианских и древне-еврейских писателей и религиозных деятелей, а именно: Тацита, Плиния Младшего, Светония, Филона, Иосифа Флавия, книга IV Эздры, книга Эноха, Варуха и талмудические «источники» [1]). Эти «источники» были, по мысли проф. Фаворского, тем литературным материалом, из которого впоследствии выросла мифологическая школа. А эта мифологическая школа в процессе своего дальнейшего развития разделилась на такие направления: «рационалистическое, буржуазно-социологическое и марксистское» [2]). К мифологическому направлению наряду с Древсом, Робертсоном и др. Фаворский причисляет «Энгельса и современных историков воинствующих антирелигиозников». Это поистине рекордные открытия проф. Фаворского! Жаль, что «открытия» эти были приняты кое-кем за чистую монету и конспекты Фаворского были методическим сектором НКО Украины допущены для пользования в Комвышах.

Совершенно ничего не пишет проф. Фаворский о значении ленинского наследства в развитии пролетарского атеизма. Развитие пролетарского атеизма, по мнению Фаворского, идет от Энгельса через Плеханова к Ленину. Выходит, что Ленин является учеником Плеханова. Упоминая о Ленине, он между прочим говорит, что Ленин «четко разрешал вопрос о реакционности религии» [3]) и только. У читателя остается впечатление, что Ленин не только не дал ничего нового в теории атеизма, но вообще в борьбе с религией мог четко разрешить только вопрос о ее реакционности.

В разделе «История религии в классовом освещении» Фаворский договорился до утверждения о том, что «реформация—это первый шаг в критической оценке религии» [4]). Следующий шаг за реформацией, по мысли проф. Фаворского, сделали буржуазные материалисты XVII и XVIII столетий, а их дело продолжали Кант и Гегель и еще дальше Мюлер, Спенсер, Тэйлор и др. А после них всех учение о религии развивали дальше Маркс и Энгельс. Здесь проф. Фаворский воскрешает старую затасканную буржуазную теорию о постепенном развитии, о восхождении от низшего к высшему по прямому пути культурного развития, без резких граней и борьбы противоположных точек зрения борющихся классов.

Начатое реформацией дело «критической оценки религии» обосновал и развил дальше до уровня науки, по мысли проф. Фаворского, не кто иной, как Гегель. «Полезность мысли о закономерности развития религии впервые высказал и обосновал Гегель» [5]). Несомненно исторический, диалектический подход Гегеля к вопросу о развитии религии имеет большое значение. Несомненно однако, что идеализм Гегеля все это дело крайне затемнил. Только не Маркс и Энгельс впервые научно об'яснили развитие религиозной идеологии и не они открыли средства и пути уничтожения ее, а буржуазный идеалист Гегель. На самом же деле гегелевская идеалистическая философия является грандиозной попыткой обосновать существование бога. Проф. Фаворский не может понять, что «абсолютная идея» Гегеля собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства,

[1]) «Программа-конспект», стр. 25.
[2]) Там же, стр. 26.
[3]) Там же, стр. 5.
[4]) Там же, стр. 6.
[5]) Там же, стр. 7.

и потому Фейербаху, чтобы стать на материалистические позиции, нужно было универсально выкинуть вон «абсолютную идею». Теологическую выдумку идеалиста Гегеля проф. Фаворский об'явил подлинной наукой. Впрочем проф. Фаворский и в этом вопросе не оригинален. Он это просто списал у социал-фашиста Кунова.

Рассматривая вопросы о происхождении религии и религии первобытного общества, а также давая обзор разных точек зрения по этому вопросу в современной литературе, проф. Фаворский скатился на откровенно обновленческую точку зрения. Например в своей последней работе (конспекте) он даже пытался защищать «чистую» первоначальную религию.

«Религиозные идеологии,—пишет Фаворский,—созданные трудящимися массами, есть, как иные религии, тормоз массового революционного движения, они изменяют массы и становятся в конце концов вновь на пользу господствующих классов эксплоататоров» [1]). Здесь явно поповская установка. С точки зрения проф Фаворского, религия в начале своей истории как будто бы была полезной и ценной для трудящихся идеологией, а потом только, в классово развитых обществах, когда она изменяет массам трудящихся, религия становится средством эксплоатации.

Неслучайно он в своей программе даже не отвел места взглядам Маркса, Энгельса, Ленина на происхождение религии, аргументируя это тем, что Энгельс «не исследовал специально этого вопроса».

Зато в разделе «Марксистская разработка анимистической теории», в которой кстати отведено большое место взглядам Плеханова, он говорит об анимистической теории буржуазного ученого Тейлора буквально следующее: «ее автор использовал новый ценный материал (этнографический), научно разработал его. Эта теория отрицает вечность веры в бога, ведет к атеистическим выводам [2]).

К теории социал-фашиста Кунова проф. Фаворский относится столь же сочувственно, как и к Тейлору. Его он включает в число марксистов. Правда, он оговаривается, что работы Кунова имеют описательный характер, в них отсутствует глубокий марксистский анализ» [3]). Зубр социал-фашизма Кунов остается для него марксистом, разве только немножко худшего качества, чем, скажем, атеист Маркс. Для Фаворского социал-фашизм еще не по всей линии является противоположным марксизму, классово враждебным лагерем, а ручейком в марксизме, правда, небольшой глубины.

В подраздел «Развитие марксистской истории религии» проф. Фаворский включает работы Плеханова, Каутского, Степанова-Скворцова, Капелюша, Преображенского, Румянцева и Рожицына. С точки зрения проф. Фаворского, все, кто только что-либо писал о религии, вне зависимости от того, как трактовал этот вопрос тот или иной автор, все равно имеют право носить имя продолжателей учения Маркса. Совершенно некритически подходит Фаворский к теориям Скворцова-Степанова и уделяет Скворцову-Степанову судя по всему, больше внимания, чем Ленину. «Схема Степанова,—говорит Фаворский,—развивает мысли Энгельса о происхождении религии». Положительная сторона этой схемы, по мысли проф. Фаворского, в том, что она происхождение религии «выводит из определенного состояния техники, определенной ступени хозяйственного развития» [4]). Энгельс в интерпретации проф. Фаворского тоже становится механистом, иначе непонятно, как это Степанов развил дальше мысли Энгельса о происхождении религии. С точки зрения проф. Фаворского обойти производственные отношения и вывести происхождение религии непосредственно из определенного состояния техники не только не извращение марксизма, а наоборот, его дальнейшее развитие.

---

[1]) Программа-конспект, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 12.
[3]) Там же, стр. 14.
[4]) Там же, стр. 13.

Покончим на этом с экскурсами проф. Фаворского в область истории религии и посмотрим, как он в 1931 г., применяя «новую», переработанную им методологию, боролся против уклонов на антирелигиозном фронте, против механицизма и деборинской группы. Как понимает Фаворский «левый» и правый уклоны на антирелигиозном фронте? На это мы находим у него простой ответ. «Недооценка классовой сущности современной религиозной идеологии (правый уклон), недооценка религиозной формы («левый» уклон)» [1]).

Проф. Фаворский не понимает, что правый уклон наглядно проявляется прежде всего в отказе от активной борьбы с религией, в ликвидаторском отношении к антирелигиозной работе, в примиренческом по сути отношении к религии, что в свою очередь определяется непониманием со стороны правых классовой природы религии и функций служителей культа и религиозных организаций, а также непониманием значения массовой антирелигиозной работы. Правый уклон в безбожии, будучи проявлением кулацкого влияния на неустойчивую часть безбожников, является отходом от ленинского принципа активной борьбы с религией в сторону притупления и смягчения революционного характера этой борьбы.

Для «левых» уклонистов характерно то, что они вместо упорной, настойчивой и систематической работы по выкорчевыванию социальных корней религии и по социалистическому воспитанию трудящихся масс принимают административные методы борьбы с религией. Практика администрирования, желание одним ударом покончить с религией, как об этом мечтал еще Дюринг, определяется не недооценкою религиозных форм, как это утверждал проф. Фаворский, а т е м ж е н е п о н и м а н и е м с о ц и а л ь н ы х к о р н е й р е л и г и и. Таким образом правый и «левый» уклоны, будучи о д и н а к о в о проявлением буржуазного влияния на пролетариат, одинаково не понимая социальных корней религии, отличаются один от другого тем, что первые не понимают активной контрреволюционной роли религии и религиозных организаций, примиренчески, пассивно относятся к борьбе нашей партии с религией и носителями религии — реакционным духовенством, подменяют эту борьбу мелкобуржуазным мирным культурничеством, а «левые» хотят бороться с религией, но до-нельзя упрощенно понимают эту борьбу, подменяя ее голым администрированием, потому что не понимают необходимости подчинения задач антирелигиозной пропаганды политическим задачам рабочего класса, тактике классовой борьбы пролетариата. В силу неверных своих установок как те, так и другие не могут увязать свою борьбу против религии с практикой классового движения пролетариата, направленного к устранению социальных корней религии.

О деборинской группе и механистах на антирелигиозном фронте проф. Фаворский наговорил еще больше чепухи. Вместо того чтобы вскрыть классовую сущность философских установок меньшевиствующего идеализма, в силу которых деборинская группа не могла вести борьбу с религией, он ограничился пустой квалификацией деборинщины, «как формалистического левого уклона на философском антирелигиозном фронте».

Стоя на позициях буржуазной аполитичности, проф. Фаворский не может понять, что диалектический материализм нельзя отделить от воинствующего атеизма. Диалектический материализм своим острием направлен на борьбу против буржуазной идеологии во всех ее формах. Вне борьбы, вне действенности его нельзя представить. Религиозная же идеология является старейшей идеологической крепостью эксплоататорского строя. Вот почему диалектический материализм не может не включать в себя борьбы против религии. Безразличное отношение философа к задачам борьбы с религией «есть лакейство перед фидеизмом» (Ленин). Идеалистические установки деборинской группы приводили философов не только к левому уклону на антирелигиозном фронте, а и к лакейству перед фидеизмом. Иначе и быть не могло потому, что «идеализм в философии есть более или менее ухищ-

[1]) Программа-конспект, стр. 8.

ренная защита поповщины, учение, ставящее веру выше науки или рядом с наукой или вообще отводящее место вере» (Ленин). Деборинская группа по существу скатилась на гегельянские идеалистические позиции, потому данное положение Ленина применимо будет и к ней. Такую и только такую квалификацию нужно давать деборинской группе в ее отношении к антирелигиозной работе.

Не так однако думает Фаворский.

Проф. Фаворский и до сего времени считает философов деборинской группы последовательными диалектиками-материалистами. Он даже очень сожалеет, что они не дали развернутой критики механистов в их отношении к религии.

По мнению Фаворского, теоретический антирелигиозный фронт представлен у нас только механистами и деборинской группой, иной линии нет. Вот почему он утверждает, что «благодаря нейтралитету школы Деборина к вопросам религии, теоретические антирелигиозные вопросы по мере сил разрабатывали механисты»[1]). Отсюда Фаворский делает вполне последовательно вывод о том, что Степанов-Скворцов развил и углубил мысли Энгельса о религии. Проф. Фаворский не понимает, что дальнейшее развитие антирелигиозной теории у нас идет под руководством партии, на основе взглядов Маркса—Ленина по вопросу о религии, а не с механистических или идеалистических позиций. Теоретические работы механистов по антирелигиозным вопросам никак нельзя считать за работы, развивающие дальше теорию пролетарского атеизма. Наоборот, марксо-ленинская теория пролетарского атеизма развивалась и развивается в решительной борьбе с механистическими и идеалистическими теориями. По мнению Фаворского, борьба эта еще не ведется, ее еще только нужно начать. Пока же основой атеизма является у нас, по Фаворскому... механицизм.

По мысли проф. Фаворского, «показать непригодность механистического материализма как основы пролетарского атеизма в переходный период, когда мы подымаем атеизм на высшую ступень развития, на основе проработки всех вопросов атеизма, с точки зрения диалектического материализма и марксо-ленинской методологии—есть неотложная задача»[2]). Прежде всего нужно отметить здесь недопустимую неряшливость выражений, как например: «с точки зрения диалектического материализма и марксо-ленинской методологии» или «непригодность механистического материализма как основы пролетарского атеизма». Для каждого ясно, что методологической основой для развития пролетарского атеизма является диалектический материализм. Само собой понятно, что теоретической основой пролетарского атеизма механистический материализм быть не может. Для проф. Фаворского недоступны эти азбучные истины.

По утверждению проф. Фаворского выходит, что механистический материализм неспособен быть основой атеизма только в период, когда мы подымаем пролетарский атеизм на высший уровень развития, а до этого времени, выходит, можно было с позиций механистического материализма развивать теорию пролетарского атеизма!?

По утверждению Фаворского, наша борьба против механистов должна свестись к «критике механистического материализма в его отношении к атеизму и религии как правого уклона на теоретическом антирелигиозном фронте»[3]). Относительно подобных прямолинейных выводов Е. Ярославский очень удачно заметил, что «по сути дела такая постановка («раз ты механист, то этим самым ты и правый уклонист») есть карикатура на диалектический материализм, есть механицизм наизнанку»[4]). Механистический материализм является в основном методологической базой правого уклона. При известных условиях механистические установки могут служить методологическим обоснованием также и левых заскоков. Отсюда вовсе

---

[1]) «Безвірник» № 13—14, стр. 30.
[2]) Там же, № 13—14, 1931 г., стр. 31.
[3]) Там же, № 11—12, 1931 г., стр. 35.
[4]) За поворот на философском фронте, сб. статей, вып. 1-й, стр. 11.

еще не следует однако, что всякий механист является одновременно и правым и «левым».

Маркс и Ленин неоднократно говорили о том, что теоретической основой пролетарского атеизма может быть только диалектический материализм. Ленин, как будто предвидя спор с механистами, прямо сказал: «Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим» [1]). В этой же статье Ленин говорил. «Анти-Дюринг» Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изобличает материалиста и атеиста Дюринга в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек для религии и религиозной философии» [2]). Ленинские указания не оставляют сомнения в том, что только диалектический материализм способен служить теоретической основой для борьбы с религией. Резолюция ОВМД (апрель 1931 г.) также решительно подчеркивает, что теоретической основой пролетарского атеизма может быть только диалектический материализм. Больше того, она подчеркивает настоятельную необходимость «подвергнуть развернутой критике антирелигиозные недостатки метафизического (в том числе механистического) материализма» [3]).

Сделаем краткие выводы. Картина литературных выступлений проф. Фаворского ясна: во всех вопросах, которые он освещал уже после поворота на философском фронте, в частности в вопросе о сущности религии, об отношении деборинской группы и механистов к религии и атеизму, об истории религии, а также о перспективах и задачах на теоретическом антирелигиозном фронте, он везде протаскивал неверные по своему существу антиленинские идеалистические и механистические установки, ведущие также к неверным политическим установкам. Украинская организация СВБ должна быть в дальнейшем более бдительной и не допускать к печатанию произведений, подобных произведениям проф. Фаворского.

П. ЧЕРНЦОВ

[1]) Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 72.
[2]) Там же, стр. 68.
[3]) «Воинствующий атеизм» № 4, 1931 г., стр. 141.

ОПЕЧАТКИ

В № 3—4 вкрались следующие опечатки:
1) На стр. 147, абз. 6 напечатано: «Русская история в самом старом очерке»
Следует читать: «Русская история в самом сжатом очерке».
2) На стр. 255 напечатано: «В редакцию «Правда».
Следует читать: «В редакцию журнала «Под знаменем марксизма».

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, Комакадемия, ком. 315 и 313.
Тел. ком. 1-07-10, доб. 22 или 46.

Редакционная коллегия журнала „ПЗМ" | В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман, А. А. Максимов, М. Б. Митин, М. Н. Покровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин

Уполномоченный Главлита № В—30198. Набор сдан 22/VII, подписан к печати 1/IX
Зак. № 1440. Изд. № 605. Тираж 32.900.

Набрано в типографии газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.
Отпечатано в 18 тип. «Полиграфкнига», Москва, Варгунихина гора, 8. Зак. №. 1487.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1932 ГОД

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ **14-й ГОД ИЗДАНИЯ**

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1932 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического Интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год:

на 1 мес.—75 коп. | на 6 мес.—4 р. 50 к.
на 3 мес.—2 р. 25 к. | на 12 мес.—9 р.

Цена отдельного номера 30 коп.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при партячейках

Цена 3 руб.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 г.

НА ФИЛОСОФСКИЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

11-й год издания

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма, ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» будет вести неуклонную борьбу на два фронта: с механической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стэна и др.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалитической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, истории материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, истории социализма, вопросы литературы и искуства в материалистическом освещении психологии и марксизма, диалектика и естественные, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписи с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес. — 1 р. 25 к., на 3 мес. — 3 р. 75 к., на 6 мес. — 7 р. 50 к.
на 12 мес. — 15 р.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными партпечати при ячейках ВКП(б).